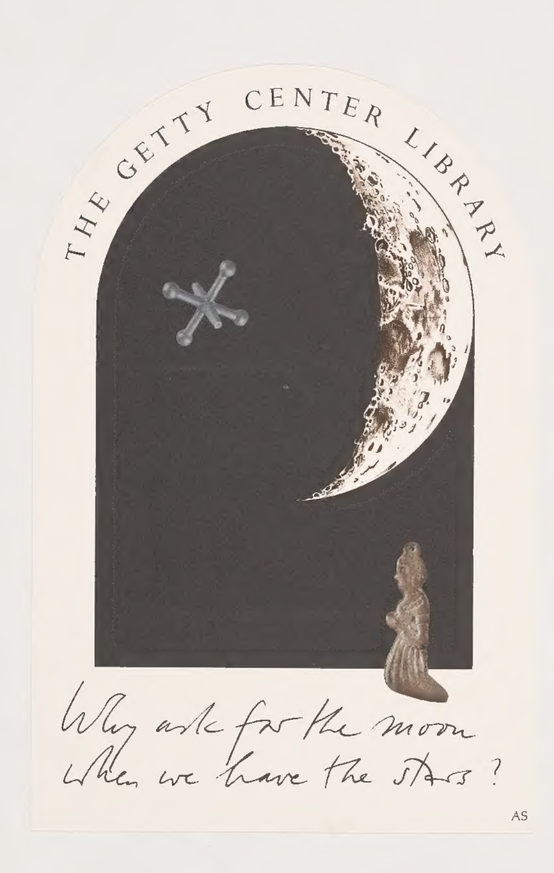

THE GETTY CENTER LIBRARY
Why ask for the moon
when we have the stars?
AS

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ
ИЗДАВАЕМЫЕ
ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.
№ 26.

ДРЕВНОСТИ КАМСКОЙ ЧУДИ

ПО

КОЛЛЕКЦІИ ТЕПЛОУХОВЫХЪ.

АТЛАСЪ РИСУНКОВЪ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Члена Императорской Археологической Коммиссіи
А. А. СПИЦЫНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Безобразова и К°. (Вас. Остр., 8 л., № 45).
1902.

Materiaux 26

ДРЕВНОСТИ КАМСКОЙ ЧУДИ

ПО

КОЛЛЕКЦІИ ТЕПЛОУХОВЫХЪ.

АТЛАСЪ РИСУНКОВЪ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Члена Императорской Археологической Коммиссіи

А. А. СПИЦЫНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Безобразова и К°. (Вас. Остр., 8 л., № 45).

1902.

Печатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Происхожденіе коллекціи Теплоуховыхъ соединено съ славнымъ именемъ графа С. Г. Строганова, питавшаго неослабное вниманіе къ древностямъ Перми, которая въ его время безъ колебанія признавалась наслѣдницею богатой Біарміи [1]). Онъ организовалъ въ своемъ обширномъ пермскомъ имѣніи собираніе случайныхъ находокъ археологическаго характера и, ожививъ интересъ къ древностямъ на мѣстѣ, тѣмъ самымъ содѣйствовалъ образованію здѣсь самостоятельныхъ собраній.

Ко времени вступленія графа С. Г. въ управленіе майоратомъ (1845 г.) находки цѣнныхъ предметовъ въ вотчинѣ примѣтно участились. Такъ, въ 1840 г. найденъ былъ кладъ изъ двухъ серебряныхъ чашъ и сассанидскихъ монетъ V—VI в. въ Зародятахъ на р. Туѣ; въ 1841 г. стало извѣстно о находкѣ тамъ же мѣднаго всадника; въ 1844 г. въ Петербургъ доставлено было 15 серебряныхъ шейныхъ гривенъ изъ починка Шатрова на р. Сепычѣ. Въ 1851 г. въ собраніе гр. Строганова поступилъ извѣстный Таманскій кладъ мелкихъ серебряныхъ вещей (см. Aspelin, Antiquités du nord finno-ougrien, № 724—734 и 750). По поводу послѣдней находки графъ С. Г. отправляетъ изъ Москвы управляющему имѣніемъ гр. Г. А. Строганова Ѳ. А. Волегову характерное письмо (пересланное послѣднимъ въ копіи «для вѣдома» въ село Ильинское къ В. А. Волегову), въ которомъ ярко выступаютъ и живой интересъ графа къ древностямъ и та организація, какую онъ придалъ собиранію въ имѣніи «старинныхъ вещей». Здѣсь графъ пишетъ между прочимъ слѣдующее: «Такъ какъ батюшка мой совсѣмъ не занимается археологіею и потому не имѣетъ въ такихъ вещахъ никакой нужды, я же страстный до нихъ охотникъ, то прошу васъ на будущее время извѣщать прямо меня о всѣхъ подобныхъ находкахъ, и не только о серебряныхъ, но и о мѣдныхъ вещахъ, въ особенности съ изображеніемъ чудскихъ боговъ: ибо и мѣдныя вещи, смотря по значенію ихъ, могутъ быть мною цѣнимы не ниже серебряныхъ. Также прошу васъ увѣдомлять о нахожденіи старинныхъ вещей и присылать рисунки оныхъ даже въ такихъ случаяхъ, если такія вещи будутъ открыты не въ имѣніи батюшки, а въ другихъ сосѣдственныхъ мѣстахъ и посторонними людьми, отъ коихъ я могъ бы оныя пріобрѣтать».

[1]) До самой кончины графъ С. Г. признавалъ изъ русскихъ древностей достойными вниманія лишь классическія, пермскія, да «хозарскія».

Это — просьба, обращенная въ другое Строгановское имѣніе, а въ майоратѣ соотвѣтственное распоряженіе дѣйствовало, повидимому, еще ранѣе, быть можетъ, уже съ 1845 г. По крайней мѣрѣ въ этомъ году для осмотра мѣста находки туйскаго всадника и ближайшихъ городищъ ѣздилъ учитель Добрянскаго завода Сюзевъ, что, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ перепиской, въ которую вступилъ графъ С. Г. съ управляющимъ этого завода по поводу туйскаго клада, и вообще съ распоряженіями его по части древностей. Подлиннаго предписанія по майорату о собираніи старинныхъ вещей мы пока не знаемъ, слѣдовательно, не имѣемъ точныхъ свѣдѣній и о подробностяхъ организаціи этого дѣла. Изъ сохранившейся переписки и по преданію извѣстно, что вещи поступали сперва къ такъ называемымъ сельскимъ приказчикамъ, которые препровождали ихъ въ Ильинское управленіе при донесеніяхъ о мѣстѣ и обстоятельствахъ находки; отсюда важнѣйшія изъ нихъ отправлялись въ Петербургъ, вѣроятно, съ караваномъ, а съ остальныхъ пересылались графу только рисунки, до особаго распоряженія. Вещи поступали очень медленно, въ небольшомъ количествѣ, но непрерывно. За долговременное управленіе имѣніемъ В. А. Волегова (1846 — 1864 г.) въ кабинетѣ гр. Строганова накопилась небольшая, но избранная коллекція доставленныхъ имъ предметовъ, въ количествѣ 60 — 70 номеровъ, съ составомъ которой мы хорошо знакомы по изданію ея въ атласѣ г. Аспелина (вып. II, 1877 г.). Лучшія вещи этой коллекціи происходятъ съ городища Гарамихи (образки, пронизки съ изображеніями животныхъ, разнообразныя бляшки, бусы), съ поля Беклемишева (золотая бляха, покрытая зернью, нефритовая подѣлка) и съ р. Косьвы [1]). Сколько нибудь значительныхъ вещей Волегову не посчастливилось собрать.

Какъ ни мала была добыча Волегова на нашъ современный взглядъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что онъ живо интересовался мѣстными древностями. Онъ началъ собирать археологическія находки очень рано и совершенно самостоятельно. Попавшій въ руки Волегова нѣсколько позднѣе туйскій кладъ вызвалъ переписку его съ графомъ С. Г. [2]) и руководство поѣздкою Сюзева на р. Туй; позднѣе личныя свиданія съ графомъ должны были непрерывно питать его любознательность и давать ей направленіе. У него же на рукахъ оставались и вещи, не попавшія въ Петербургъ. Заинтересовавшись древностями, Волеговъ сумѣлъ воспользоваться пребываніемъ въ с. Ильинскомъ отличнаго рисовальщика изъ строгановскихъ крѣпостныхъ, художника Г. К. Козьминыхъ, который составилъ ему прекрасный альбомъ нахо-

---

[1]) Г. Аспелинъ ошибочно относитъ къ числу пермскихъ находокъ нѣкоторыя вещи, совершенно случайно попавшія въ одну витрину съ несомнѣвно пермскими. Таковы №№ 304, 306, 313—315, 573, 576, 580, 666 — 669, 671 и др. Въ его изданіи большинство рисунковъ исполнено не съ натуры, а съ атласа, и не вполнѣ точно.

[2]) По всей вѣроятности, послѣ изданія всадника и другихъ вещей Волеговскаго собранія въ статьѣ Мельникова „Дорожныя записки на пути изъ Тамбовской губ. въ Сибирь“ (*Отеч. Зап.* 1841 г., т. XVIII, смѣсь), а можетъ быть, послѣ находки въ Зародятахъ чаши, или даже въ 1845 г. Мельниковъ насчиталъ въ коллекціи Волегова 55 вещей и сообщаетъ, что онѣ собраны между 1830 и 1839 г., изъ чего между прочимъ слѣдуетъ, что Волеговъ началъ собирать предметы древности независимо отъ графа и прежде, чѣмъ графъ къ нему обратился. Мельниковъ съ большимъ оживленіемъ описываетъ обширный кабинетъ Волегова съ разнообразными собраніями вещей и моделей, указывающими на разностороннюю любознательность его владѣльца.

докъ, съ успѣхомъ замѣняющій самыя вещи, а чрезъ своихъ подчиненныхъ онъ собралъ рядъ интересныхъ свѣдѣній объ обвинскихъ и косьвинскихъ городищахъ. Въ 1861 г. Волеговъ выступилъ въ «Пермскихъ Вѣдомостяхъ» со статьею о мѣстныхъ древностяхъ, впрочемъ лишенною для насъ значенія, такъ какъ она не заключаетъ свѣдѣній о самыхъ древностяхъ, а содержитъ лишь предположенія автора о заселявшихъ Пермь народностяхъ [1]. Позднѣе онъ на-

В. А. Волеговъ (1807 — 1864 г.).

писалъ статью «Краткое описаніе чудскихъ городищъ», которая съ чертежами и рисунками отправлена была чрезъ дирекцію училищъ попечителю Казанскаго учебнаго округа и теперь сохраняется въ архивѣ Казанскаго университета. По копіи съ этой статьи, имѣющейся въ бумагахъ А. Е. Теплоухова, видно, что она заключала въ себѣ краткія описанія городищъ и другихъ мѣстностей, гдѣ дѣлались находки (городища Лябовское, Гарамиха, Зародятское, Закаменское, Лаврятское, поле Беклемишева, Опутятское, Останинское костище). Повидимому, Волеговъ съ бо́льшимъ интересомъ занимался другой работой научнаго харак-

[1]) Волеговъ, Остатки древности въ Пермской губ. *Пермскія Губернскія Вѣдом.* 1861, 3. — Статья повторена въ томъ же изданіи за 1865 г., № 40.

тера — собираніемъ свѣдѣній по исторіи Пугачевскаго бунта, но несомнѣнно, что древности также не мало привлекали его вниманіе. Онъ даже пытался производить раскопки, хотя и безуспѣшно (Ильинское городище, веретья близъ с. Срѣтенскаго). Безъ сомнѣнія, Волеговъ задумывался и надъ назначеніемъ и смысломъ попадавшихся ему въ руки предметовъ древности; особенно его занимали изображенія птичекъ, въ которыхъ онъ видѣлъ баснословную Гай-птицу.

Василій Алексѣевичъ Волеговъ (1807—1864 г.) происходилъ изъ строгановскихъ крѣпостныхъ. Въ 1824 г. онъ вмѣстѣ съ 15 другими лучшими учениками Ильинскаго училища отправленъ былъ во вновь открытую въ Петербургѣ графинею С. В. Строгановою «Школу земледѣлія и горнозаводскихъ наукъ», окончилъ здѣсь курсъ, получилъ отпускную, и возвратился въ с. Ильинское, гдѣ и служилъ до самой смерти [1]).

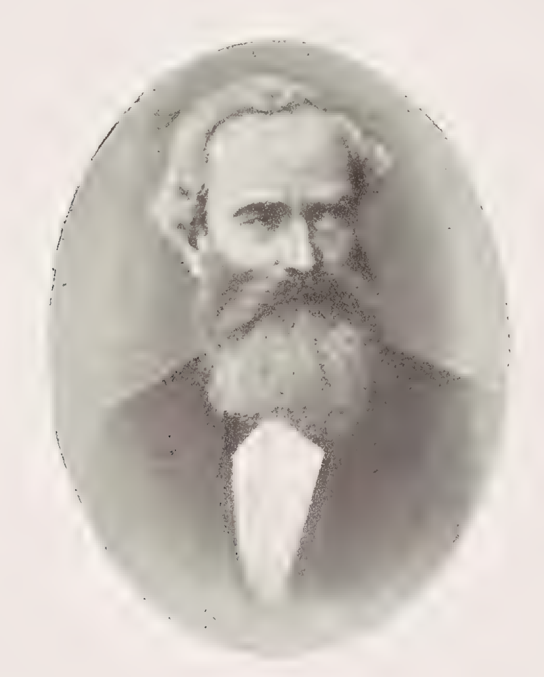
По смерти Волегова вся оставшаяся у него коллекція вещей и рукописные матеріалы попали, къ счастью, въ надежныя руки, проявившія несравненно болѣе энергіи въ дѣлѣ отысканія и изученія мѣстныхъ древностей, — къ главному лѣсничему имѣнія А. Е. Теплоухову.

Александръ Ефимовичъ Теплоуховъ (1811 — 1885 г.) родился въ с. Карагайскомъ Оханскаго уѣзда, въ семьѣ крѣпостного фельдшера, позднѣе исполнявшаго должность сельскаго приказчика. По окончаніи курса въ Ильинскомъ двухклассномъ училищѣ, а послѣ въ Петербургской Строгановской школѣ земледѣлія, онъ до 1833 г. оставался столоначальникомъ по столу текущихъ дѣлъ въ канцеляріи управлявшаго майоратомъ князя В. С. Голицына или, иначе говоря, — домашнимъ секретаремъ Строгановыхъ. Съ однимъ изъ нихъ, Сергіемъ Григорьевичемъ, будущимъ владѣльцемъ майората, А. Е. ѣздилъ въ 1831 году въ Ригу, въ качествѣ его личнаго секретаря. Послѣ того онъ, на средства майората, провелъ 5 лѣтъ (1833—1838 г.) за границей въ саксонскомъ Тарандтскомъ лѣсномъ институтѣ, гдѣ выказалъ такія дарованія и вызвалъ такое участіе къ своей судьбѣ, что профессора убѣждали его не возвращаться въ Россію и предлагали ему остаться въ институтѣ преподавателемъ. По возвращеніи въ Петербургъ А. Е. тотчасъ получилъ отпускную и назначенъ быть учителемъ лѣсоводства въ Строгановскую школу; одновременно, для практическихъ занятій съ учениками и для производства опытовъ примѣненія германскаго лѣсохозяйства къ мѣстнымъ условіямъ, ему поручено было управленіе лѣсами въ новгородскомъ имѣніи (с. Марьино), а нѣсколько позднѣе — завѣдываніе лѣснымъ отдѣленіемъ въ главной конторѣ имѣнія. Когда графъ С. Г., ставшій во главѣ майората, предположилъ совершенно закрыть школу земледѣлія, А. Е. убѣдилъ его оставить лѣсное отдѣленіе ея, для приготовленія ученыхъ лѣсничихъ въ интересахъ майората, и въ 1845 — 1847 гг. состоялъ директоромъ преобразованной въ этомъ направленіи школы.

---

[1]) Старшій братъ Волегова, Өедотъ Алексѣевичъ, историкъ дома Строгановыхъ, оставался долгое время на казенной службѣ въ Петербургѣ, а по выходѣ въ отставку служилъ въ имѣніяхъ Строгановыхъ, сперва у графини Софіи Вас., потомъ у Григорія Алекс., отца графа Сергія Григ. Онъ имѣетъ отношеніе къ Пермской археологіи сохраненіемъ Таманскаго клада 1851 г. Біографія его изложена г. Дмитріевымъ въ *Пермскомъ Краѣ*, т. III, стр. 122—143 (1896 г.).

Въ 1847 году А. Е. съ 20-ью изъ числа своихъ бывшихъ воспитанниковъ отправился въ пермское Строгановское имѣніе и приступилъ тамъ къ таксаціи лѣсовъ и вообще къ приведенію въ порядокъ тамошняго обширнѣйшаго лѣсного хозяйства. Съ этого времени А. Е. почти въ продолженіе 30 лѣтъ (1847—1875 гг.) состоялъ главнымъ лѣсничимъ имѣнія, исполняя также обязанности члена Главнаго Ильинскаго Управленія и въ теченіе нѣкотораго

А. Е. Теплоуховъ (1811 — 1885 г.).

времени должность главноуправляющаго (1852, 1864, 1869—1874 гг.); всего А. Е. состоялъ на службѣ у Строгановыхъ до 40 лѣтъ. Кромѣ того, А. Е. имѣлъ званіе домашняго учителя лѣсоводства (едва-ли не одинъ во всей Россіи) и въ теченіе 20 лѣтъ (1843—1863 г.) былъ преподавателемъ въ различныхъ петербургскихъ и пермскихъ домахъ, а въ 1855—59 гг. преподавалъ грамматику въ Ильинскомъ училищѣ [1]).

---

[1]) Біографіи А. Е. Теплоухова помѣщены: въ „Сборникѣ статей о Пермской губ.“ Смышляева (Пермь, 1891 г., стр. 285—292; тоже въ *Пермск. Вѣдом.* 1885 г., № 33), въ нѣмецкомъ лексиконѣ Брокгауза, въ книгѣ Ratzeburg, Forstwissenschaftliches Schriftsteller-Lexicon, Berl. 1874 г., стр. 476, въ *Illustrirte Zeitung*, 1885 г., № 2189 (некрологъ) и въ Archiv für Anthropologie т. XXIV, стр. 418 (Stieda, Th. Teplouchow's Arbeiten über tschudische Archeologie). А. Е. Теплоуховъ извѣстенъ своими спе-

Хотя составъ оставшейся послѣ Волегова и перешедшей въ собственность А. Е. Теплоухова коллекціи древностей въ точности не извѣстенъ, но несомнѣнно, что она была не велика и сама по себѣ не могла возбудить интереса къ мѣстнымъ древностямъ и развить его. Въ этомъ отношеніи несравненно большее значеніе долженъ былъ имѣть археологическій атласъ, исполненный Козьминыхъ и заключавшій изображеніе всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ Строгановской коллекціи за время Волегова. Вы и теперь съ большимъ вниманіемъ пересматриваете это собраніе великолѣпныхъ, чрезвычайно точно и нарядно исполненныхъ акварелей, изображающихъ серебряныя чаши съ неразгаданными письменами, рядъ загадочныхъ чудскихъ образковъ, любопытнаго мѣднаго всадника, прекрасныя бусы, разнообразныя подѣлки изъ золота, нефрита и пр., а въ ту пору эти рисунки были сущимъ кладомъ. До изданія Строгановской коллекціи г. Аспелиномъ только самъ Строгановъ да владѣлецъ Волеговскаго альбома могли имѣть понятіе о Пермскихъ древностяхъ и заинтересоваться ими. Конечно, значительная доля Строгановской коллекціи извѣстна была А. Е. въ натурѣ, и не менѣе того извѣстно было и то живое вниманіе, съ какимъ къ этой коллекціи относился ея высокоученый владѣлецъ, извѣстны были и тѣ надежды, какія графъ питалъ на будущія открытія въ Перми. Для насъ несомнѣнно, что жизненный, практическій интересъ къ собиранію мѣстныхъ древностей у А. Е. начинается съ того момента, когда онъ входитъ по этому вопросу въ непосредственное соприкосновеніе съ графомъ С. Г. Получивъ коллекцію Волегова въ 1864 г., А. Е. въ первые годы послѣ того ограничивается тѣмъ, что приводитъ въ порядокъ атласъ Козьминыхъ и заноситъ на его обложку разныя случайныя свѣдѣнія археологическаго характера. Но картина быстро измѣняется съ 1867 г. Въ этомъ и слѣдующемъ годахъ А. Е. посылаетъ гр. Строганову рядъ монетъ, лучшія вещи изъ числа оставшихся отъ Волегова и новыя интересныя находки, вступаетъ съ нимъ въ переписку, заводитъ спеціальный археологическій дневникъ, совершаетъ первыя археологическія поѣздки, организуетъ въ широкихъ размѣрахъ покупку древностей, — чувствуется, что новый археологъ, коллекціонеръ и изслѣдователь, уже готовъ. Чрезъ годъ-другой онъ совершенно эмансипируется отъ своего патрона, а чрезъ десятокъ лѣтъ с. Ильинское будетъ обладать болѣе цѣнною въ научномъ отношеніи коллекціею мелкихъ пермскихъ древностей, чѣмъ Петербургъ. Зато А. Е. доставитъ графу Строганову въ короткое время нѣсколько цѣнныхъ кладовъ, какихъ не получалось въ Петербургѣ послѣ извѣстной находки 1780 г.

Представляемъ нѣкоторыя подробности постепеннаго роста коллекціи А. Е., какъ онѣ выяснились намъ на мѣстѣ изъ документовъ, а отчасти изъ свѣдѣній, полученныхъ отъ его семьи.

Рѣшившись продолжать послѣ Волегова собираніе случайныхъ находокъ, А. Е. не могъ не усмотрѣть, что единственно возможными его сотрудниками въ этомъ дѣлѣ могутъ быть его подчиненные, именно лѣсные смотрителя, находящіеся въ непосредственномъ отно-

---

ціальными статьями и сочиненіями по лѣсоводству, изъ которыхъ важнѣйшее: „Устройство лѣсовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ“. Спб. 1848. Заслуги А. Е. въ спеціальной литературѣ ярко отмѣчены въ предложеніи Совѣта Лѣсного Общества при выборѣ его почетнымъ членомъ этого общества въ 1883 г. (*Лѣсной Журналъ*, XIII-й годъ, вып. 2, стр. 1).

шеніи къ мѣстному населенію. Къ ихъ любезности и добровольному содѣйствію онъ и прибѣгнулъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ источникъ оказался надежнымъ, хотя и не столь обильнымъ, какъ можно было-бы предполагать; все же въ продолженіе почти 20 лѣтъ онъ въ общемъ далъ значительное количество предметовъ. Въ первые годы вещи доставлялись довольно многими смотрителями (Агѣевъ, Крюковъ, Черновъ, Максимовъ, Малыхъ, Бушуевъ, Плюснинъ), но послѣ наступаетъ обычное охлажденіе, и только нѣкоторые изъ нихъ остаются неизмѣнными доброжелателями коллекціи; таковыми являются особенно К. Н. Черновъ, собиравшій вещи на Рождественскомъ городищѣ, Таракановъ, доставившій въ 1878 и 1880 гг. коллекціи находокъ изъ Гордъ-кушета, и И. Т. Костаревъ, доставившій въ 1884 г. Козьминскій кладъ вещей и находки каменнаго вѣка съ Иньвы. А. Е. просилъ своихъ сотрудниковъ пріобрѣтать даже самыя незначительныя находки, не исключая предметовъ новаго происхожденія. Любопытно, что лѣсные служащіе продолжали доставлять А. Е. вещи и послѣ его выхода въ отставку, даже болѣе—именно къ этому самому времени относятся ихъ особенно цѣнныя приношенія. Изъ другихъ лицъ наибольшее содѣйствіе къ пополненію коллекціи оказывали сыновья А. Е. и его дочь Екатерина Александровна, доставившая много вещей изъ с. Кудымкора. Одиночныя находки А. Е. получены были отъ мѣстныхъ крестьянъ, отъ нѣкоторыхъ служащихъ въ имѣніи по другимъ отраслямъ управленія и одного священника. Въ послѣдніе годы А. Е. началъ обращаться къ источнику, которымъ въ болѣе широкомъ объемѣ воспользовался его сынъ, — къ покупкѣ древностей чрезъ мѣстныхъ прасоловъ. Изъ нихъ Истоминъ привозилъ вещи съ Вакинскаго городища, Поспѣловъ съ Верхокамья. Раскопокъ А. Е. дѣлалъ мало, отчасти за недосугомъ, отчасти въ виду тѣхъ значительныхъ для частнаго лица тратъ, какія на это дѣло могли потребоваться. Однако съ 1871 г. по 1882 г. А. Е. выѣзжалъ на раскопки, можно сказать, ежегодно. Въ 1871, 1872 и 1874 гг. онъ раскапывалъ Гаревское костище, въ 1874 — 82 гг. Ильинское; въ 1879 г. небольшія раскопки произведены были по порученію А. Е. на Лаврятскомъ городищѣ его сыномъ Александромъ Александровичемъ. Какъ ни были скромны упомянутыя раскопки, все же онѣ дали прекрасную добычу. Главное вниманіе А. Е. навсегда приковано было къ мѣстности по рѣкамъ Гаревой, Ломоватовкѣ и Малому-Тую. Здѣсь найдены лучшія вещи Строгановской коллекціи времени Волегова, отсюда происходили наиболѣе древнія и изящныя вещи его собственнаго собранія, здѣсь же онъ нашелъ первое костище. А. Е. относился съ своего рода благоговѣніемъ къ этой мѣстности, наиболѣе посѣщалъ ее и называлъ классическою для пермскихъ древностей. Съ описанія Ломоватовскихъ находокъ начинается дневникъ А. Е.; первою ласточкою для А. Е. былъ крестьянинъ И. К. Зобачевъ съ Ломоватовки, принесшій мѣдный горшочекъ съ бактрійскими монетами и цѣлую кучу интересныхъ свѣдѣній, любопытный старикъ, съ которымъ послѣ онъ поддерживалъ постоянныя сношенія. Позднѣе открытъ былъ рядъ богатыхъ городищъ на р. Иньвѣ, очень расширившій районъ коллекціи и давшій массу вещей. Мѣстонахожденія съ р. Косьвы извѣстны были А. Е. также рано; о нихъ имѣлъ свѣдѣнія уже Волеговъ. Въ 1879 г. А. Е. здѣсь изслѣдовалъ остатки Останинскаго костища. Съ верховьевъ Камы, если не считать вещей изъ Гордъ-кушета, въ коллекціи А. Е., можно сказать, еще ничего

не было. Сравнительно успѣшное пополненіе коллекціи А. Е. его сынъ объясняетъ, между прочимъ, тѣмъ, что послѣ 1861 г. крестьяне всюду стали производить болѣе значительныя распашки, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. Въ коллекціи, оставленной А. Е., насчитывается 2702 номера различныхъ вещей и 1069 черепковъ, занесенныхъ въ дневникъ.

Вещи особенно цѣнныя и клады А. Е. предоставлялъ гр. Строганову. Такъ, въ 1868 г. онъ доставилъ ему упомянутый горшочекъ съ монетами, въ 1872 г. — Вереинскій кладъ изъ трехъ сассанидскихъ блюдъ, въ 1875 г. чашку изъ д. Ямскихъ, въ 1878 г. Калгановскій (Мальцевскій) кладъ изъ трехъ сассанидскихъ блюдъ и кувшина. Мелкія вещи А. Е. считалъ себя въ правѣ оставлять у себя, во-первыхъ, на томъ основаніи, что всѣ онѣ найдены были на свободныхъ крестьянскихъ земляхъ, а во-вторыхъ потому, что огромное большинство этихъ находокъ не могло составить интереса для коллекціи гр. Строганова, представляющей собраніе почти исключительно цѣнныхъ или избранныхъ предметовъ. Гр. Строганову онъ передалъ лишь изображеніе жабы (атласъ Аспелина, № 568) и бюстъ трехликаго существа (тамъ же № 643). Изъ цѣнныхъ вещей А. Е. оставилъ для себя только одну, составляющую нынѣ лучшее украшеніе его коллекціи, — сассанидскую чашку изъ д. Ямскихъ съ изображеніемъ; другую чашку изъ той же находки онъ отправилъ въ Петербургъ [1]).

Одновременно съ коллектированіемъ вещей А. Е. собиралъ свѣдѣнія о сдѣланныхъ когда-бы то ни было отдѣльныхъ находкахъ въ краѣ и о мѣстныхъ памятникахъ старины въ видѣ городищъ и могильниковъ. За 20 лѣтъ ему удалось занести въ свой дневникъ массу этого рода свѣдѣній, которыми однако не успѣли воспользоваться ни онъ, ни его наслѣдникъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи практикантовъ-съемщиковъ, А. Е. иногда пользовался ими для снятія плановъ съ городищъ и другихъ мѣстонахожденій. Правда, планы эти въ общемъ не вполнѣ надежны, и ихъ не особенно много, но все же они болѣе точны, чѣмъ глазомѣрные чертежи.

Съ самаго начала А. Е. относится къ своему собранію не только какъ коллекціонеръ, но и какъ ученый. Онъ непрерывно ищетъ объясненій изображеніямъ, отыскиваетъ аналогіи, обсуждаетъ вопросы о назначеніи находокъ, систематизируетъ отдѣльныя части коллекціи. Къ сожалѣнію, всѣ его усилія оказывались почти безрезультатными, такъ какъ и археологическая литература наша, и музеи наши въ его время находились лишь въ зачаточномъ состояніи. Изъ спеціальныхъ изданій онъ зналъ лишь книгу Бера о прибалтійскихъ древностяхъ, которою усердно пользовался, статьи Гревингка, Ешевскаго, нѣкоторые томы Zeitschrift für Ethnologie, исторію оружія Шпехта, въ послѣднее время атласъ Аспелина, изъ общихъ — нѣкоторыя русскія газеты, Illustrirte Zeitung, Bazar, отдѣльные годы Журнала Мин. Вн. Дѣлъ и Отечеств. Записокъ. Все это очень скудный матеріалъ. Историческаго музея, первой ступени для археологовъ нашихъ дней, тогда еще не было. Изъ русскихъ музеевъ и собраній

---

[1]) Въ 1867 г. графъ Строгановъ прислалъ въ имѣніе, для раздачи сельскимъ приказчикамъ, извѣстную брошюру Гатцука: „Старина русской земли“. Брошюра была разослана съ требованіемъ, чтобы ежемѣсячно приказчики увѣдомляли Главное Управленіе о новыхъ находкахъ, но „толку было мало; Дружининъ началъ рапортовать мнѣ ежемѣсячно, что онъ ничего не нашелъ и не слыхалъ“ (Дневникъ, стр. 40).

А. Е., можно сказать, ни одного не зналъ, кромѣ Строгановскаго; если гдѣ собранія и были, то почему-нибудь оказывались недоступными. Несравненно больше предметовъ древности А. Е. видѣлъ въ заграничныхъ музеяхъ, но они были почти безполезны для пониманія пермской старины. Удивительно ли, что аналогіи для вещей своей коллекціи пермскій археологъ находилъ чаще всего въ древностяхъ Америки, Индіи, Ассиріи, Египта, т. е. въ тѣхъ, о которыхъ попадались отрывочныя свѣдѣнія въ доходившихъ до него иностранныхъ и русскихъ изданіяхъ? Попытки добыть нужныя свѣдѣнія и указанія отъ спеціалистовъ и вообще отъ живыхъ людей также не имѣли большого результата. Графъ Уваровъ, видѣвшій рисунки коллекціи въ Москвѣ въ 1874 г., сдѣлалъ лишь общее замѣчаніе, что вещи сходны съ средне-русскими. Участіе въ Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ дало А. Е. пріятныя знакомства (изъ которыхъ онъ особенно вспоминалъ о Прохоровѣ, Аспелинѣ, Лихачевѣ и Готвальдѣ), но для уясненія коллекціи оно дало очень немного. Все время А. Е. могъ работать лишь въ тѣсныхъ предѣлахъ своего собранія, и труды его поневолѣ имѣли лишь описательный характеръ. Наилучшій, систематическій матеріалъ коллекція заключала по костищамъ; А. Е. ихъ старательно изучалъ и составилъ ихъ описаніе [1]). Въ рукописномъ дневникѣ имѣются составленныя имъ описанія костяныхъ стрѣлъ, кельтовъ, оселковъ, бусъ, подвѣсокъ-коробочекъ, игольниковъ, перстней, ножей (по примѣру одной нѣмецкой статьи) и рогалій (такъ А. Е. называлъ ральники). Въ 80-хъ гг. А. Е. интересовался черепками и вырабатывалъ терминологію выбитыхъ на нихъ узоровъ. Одна его работа въ этомъ направленіи напечатана, именно описаніе черепковъ, пересланныхъ имъ въ Уральское Общество [2]). До широкой механической систематизаціи коллекціи А. Е. не дошелъ, да, по всей вѣроятности, она, при случайности большинства находокъ, и не была бы въ ту пору возможна; о хронологіи онъ и не помышлялъ. Любопытна одна психологическая черта. А. Е. такъ сроднился съ своей коллекціей, въ столь опредѣленную форму вылились производимыя на него впечатлѣнія отъ каждаго входящаго въ ея составъ предмета, что онъ не видѣлъ въ ней многихъ подробностей. Ѳ. А. Теплоуховъ разсказываетъ, что А. Е. радовался, какъ ребенокъ, когда онъ удачно разложилъ на составныя части одинъ изъ сложныхъ чудскихъ образковъ, показавъ среднюю фигуру и двѣ крайнихъ, которыхъ А. Е. до той поры не замѣчалъ, хотя видѣлъ предметъ тысячи разъ.

Кромѣ ученическихъ лѣтъ, А. Е. былъ за границей дважды, въ 1873—1875 г.г., предъ выходомъ въ отставку, ближайшимъ образомъ съ лѣчебною цѣлью. Онъ побывалъ въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Цюрихѣ, Бернѣ, Туринѣ, Неаполѣ, Римѣ, Флоренціи, Болоньѣ, Пармѣ, Веронѣ, Миланѣ, Тарандтѣ, Фрейбургѣ, Килѣ, Шверинѣ. Всюду онъ осматривалъ археологическія собранія, знакомился съ археологическою литературою, покупалъ и промѣнивалъ

---

[1]) Teplouchoff, Ueber die prähistorische Opferstätten am Uralgebirge. *Archiv für Anthropologie*, т. XII (1879 г.). Русскій переводъ въ *Зап. Уральскаго Общ. Любит. Естеств.*, т. VI, в. 1 („О доисторическихъ жертвенныхъ мѣстахъ на Уральскихъ горахъ“) О. Е. Клера.

[2]) Теплоуховъ, Извѣстіе о Чудскомъ селищѣ близъ с. Кудымкорскаго. *Зап. Уральск. Общ.* т. VI в. 1, т. VII в. 4.—Теплоуховъ, Замѣчанія о глиняныхъ черепкахъ, найденныхъ на берегу Аятскаго озера и у д. Палкиной на берегу р. Исети. *Тамъ же*, т. VII в. 4.

вещи. Долѣе всего А. Е. прожилъ въ Швейцаріи, гдѣ пріобрѣлъ хорошихъ знакомыхъ и откуда вывезъ коллекцію предметовъ изъ свайныхъ построекъ. Весьма пріятно было для А. Е. пребываніе въ Килѣ, гдѣ онъ многое узналъ и увидѣлъ, благодаря исключительной любезности г-жи Месторфъ. Проф. Бергманъ въ Вѣнѣ опредѣлилъ ему восточныя монеты, проф. Фелленбергъ произвелъ анализъ одной трубочки съ Ломоватовки. Докторъ Обстъ такъ былъ любезенъ съ А. Е., что онъ оставилъ въ Лейпцигскомъ музеѣ на время почти всѣ свои вещи, которыя возилъ за границу (83 номера); уже только послѣ смерти его, въ 1888 г., его сыну удалось съ большимъ трудомъ и издержками получить ихъ обратно. Съ заграничными учеными и вообще съ заграничною наукою у А. Е. было болѣе связи, чѣмъ съ русскою. Въ его дневникѣ и печатныхъ статьяхъ вы найдете болѣе ссылокъ на нѣмецкія изданія, чѣмъ на русскія. Поэтому не удивительно, что лучшая археологическая работа А. Е. напечатана не въ Россіи; вообще, что въ печати извѣстно было въ свое время объ его коллекціи, почти все помѣщено въ заграничныхъ изданіяхъ [1]). Арабскія монеты, языкъ надписи на чашкѣ изъ д. Ямскихъ опредѣлены за границей, кости животныхъ съ костищъ опредѣлены и изучены тамъ же (Рютимейеръ).

Находя большое наслажденіе въ коллекціи и вложивъ въ нее не мало труда и издержекъ, А. Е. очень любилъ ее и дорожилъ ею; даже самыя незначительныя вещицы собранія были ему милы. Инстинктивная боязнь такъ или иначе потерять даже отдѣльныя части коллекціи развила въ А. Е. постоянную боязнь за нее и желаніе скрыть ее отъ стороннихъ взоровъ. Съ одной стороны А. Е. долженъ былъ оберегать коллекцію отъ гр. Строганова, который всегда могъ пожелать имѣть тѣ или другія вещи собранія, хотя и былъ человѣкомъ рыцарской души; во-вторыхъ, должно было беречь ее отъ правительственныхъ учрежденій, которыя въ сущности могли быть еще опаснѣе; наконецъ со стороны владѣльца коллекціи было естественнымъ желаніе имѣть право первымъ изучить и издать ее. Какъ бы то ни было, но легкаго доступа къ коллекціи никто не имѣлъ. Посѣтителямъ она показывалась не очень охотно и, кажется, не въ полномъ составѣ. Ни на одной археологической выставкѣ собраніе А. Е. не бывало. За границу онъ возилъ съ собою небольшое количество вещей (за то съ нимъ здѣсь былъ его обширный дневникъ съ рисунками всѣхъ предметовъ), на Казанскій съѣздъ 1877 г. — лишь немногія, наиболѣе портативныя вещи. Принятое А. Е. обыкновеніе печатать извѣстія о своихъ пріобрѣтеніяхъ за границей не объясняется ли также нѣкоторымъ разсчетомъ показать свою коллекцію въ средѣ относительно безопасной? Г. Аспелину въ 1872 г. А. Е. далъ разрѣшеніе воспользоваться для его изданія лишь немногими и незначительными предметами [2]); позднѣе, на Казанскомъ съѣздѣ, А. Е. разрѣшилъ ему издать еще рядъ предметовъ коллекціи (въ количествѣ 45 номеровъ) изъ числа тѣхъ, ко-

[1]) Archäologische Beiträge aus dem Osten Europa's. *Mittheil. der Anthrop. Gesellsch.* in Wien. B. VIII № 10—12 (1879). — *Verhandl. der Berl. Gesellsch.* 1877, стр. 37, 441. — *Illustr. Zeitung* 1867, № 1253, 1254, 1264, 1269, 1277, 1278; 1871, 1487; 1872, 1492.

[2]) Въ атласѣ Аспелина №№ 623, 630, 636, 656, 703, 705, 706, 708, 712, 714, 715. Изъ дневника А. Е. видно, что Аспелинъ получилъ для пользованія 22 номера предметовъ.

торые имъ привезены были въ Казань, но и это небольшое предпріятіе не осуществилось, правда, не по винѣ А. Е. Весьма характерное мѣсто находимъ въ дневникѣ А. Е. подъ 1877 г.: «Я старался растолковать Н. Ю. Зографу, что представленіе на выставку собраній и дорого, и неудобно, не обнадеживалъ въ посылкѣ вещей въ Москву, гдѣ, конечно, будетъ многое собрано изъ всей Россіи, упомянулъ о чашѣ Смышляева, которая перешла въ Эрмитажъ безъ его согласія, и о попыткѣ археологовъ срисовывать крадучись вещи чужія» (стр. 249). Судьба чаши Смышляева, съ которымъ А. Е. былъ хорошо знакомъ, вообще служила важнѣйшимъ реальнымъ основаніемъ опасеній его за коллекцію. Свою чашу онъ не выпускалъ изъ рукъ и завѣщалъ никуда ее не посылать. Мелкими вещами, особенно изъ дублетовъ, А. Е. время отъ времени понемногу поступался, преимущественно въ обмѣнъ на интересные для него предметы изъ другихъ коллекцій. Такимъ образомъ въ бытность за границей онъ передалъ небольшія собранія пермскихъ вещей, главнымъ образомъ костищенскихъ стрѣлокъ, въ музеи Цюрихскій, Пармскій и Берлинскій, въ 1877 г. нѣкоторыя вещи уступилъ А. Ѳ. Лихачеву и А. С. Измайлову въ Казани, въ 1878 г. Зографу, въ 1879 г. въ Казанское Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи [1]), въ 1880 г. М. В. Малахову, въ 1883 г. Уральскому Обществу. Въ Ильинскѣ А. Е. принималъ слѣдующихъ посѣтителей: въ 1872 г. Аспелина, въ 1878 г. Зографа, который составилъ небольшое описаніе коллекціи [2]), въ 1880 г. Малахова, въ 1883 г. А. А. Калантара и Миддендорфа.

А. Е. не оставилъ прямого распоряженія о принадлежащей ему коллекціи, но она не погибла, а со временемъ сильно пополнилась и сохраняется послѣ того въ прекрасномъ состояніи вотъ уже второе десятилѣтіе. Наслѣдники А. Е., его сыновья Ѳедоръ и Александръ Алекс. и дочь Екатерина Алекс., изъ уваженія къ памяти отца, живо сказывающагося и по настоящее время, постановили сохранять коллекцію въ цѣльномъ составѣ въ рукахъ того члена рода, который выкажетъ наибольшій интересъ къ древностямъ, и пополнять ее общими средствами [3]). Въ силу общаго соглашенія коллекція перешла въ пожизненное владѣніе старшаго сына, Ѳедора Алекс., который съ 1885 г. завѣдуетъ ею понынѣ.

Ѳ. А. Теплоуховъ (род. 1845 г.) по окончаніи курса въ Пермской гимназіи (въ 1863 г.), по примѣру отца, былъ направленъ на средства майората за границу, гдѣ провелъ 4 года въ томъ же Тарандтскомъ институтѣ, а затѣмъ, по возвращеніи въ Россію, поступилъ въ Петровскую академію. Въ годы пребыванія въ академіи Ѳ. А. получилъ большую золотую медаль за сочиненіе о короѣдахъ, принималъ участіе въ геологической экспедиціи на Алтай Котты, а также участвовалъ въ устройствѣ и организаціи лѣсного отдѣла на Политехнической выставкѣ 1872 г., сталъ лично извѣстенъ министру государственныхъ имуществъ Валуеву и могъ вполнѣ разсчитывать какъ на профессуру въ академіи, такъ и на

[1]) Теплоуховъ, Описаніе чудскихъ вещей, пожертвованныхъ въ Музей Древностей и Этнографіи. *Извѣстія* Общества т. II, стр. 176—179.

[2]) Антропологическая Выставка, т. II, стр. 159.

[3]) Домашній актъ гг. Теплоуховыхъ напечатанъ въ статьѣ графини Уваровой „Губернскіе и областные музеи“, помѣщенной въ *Трудахъ Ярославскаго Археологическаго Съѣзда*, т. II, стр. 273.

болѣе или менѣе видную карьеру на казенной службѣ. Валуевъ даже взялся переговорить о Ѳ. А. съ гр. Строгановымъ, но изъ этого ничего не вышло. Когда Ѳ. А. явился къ гр. С. Г., чтобы изъ чувства признательности предложить ему на службу свои силы, графъ принялъ это предложеніе, какъ ожидаемое, и немедленно назначилъ Ѳ. А. помощникомъ отца и окружнымъ лѣсничимъ (въ 1873 г.). Съ той поры Ѳ. А. почти въ продолженіе 30 лѣтъ проживаетъ въ с. Ильинскѣ, получивъ, послѣ выхода въ отставку отца, должность главнаго лѣсничаго. Въ началѣ 80-хъ годовъ Ѳ. А., по независящимъ отъ него причинамъ, началъ было думать о перемѣнѣ службы и вновь приблизился къ вопросу о профессурѣ, однако указанныя причины въ короткое время были устранены, и онъ предпочелъ навсегда остаться въ Ильинскѣ, гдѣ его удерживала мысль продолжать начатое отцомъ дѣло по устройству лѣсовъ въ имѣніи, а также традиціонно установившіяся въ имѣніи Строгановыхъ добрыя отношенія между владѣльцами имѣнія и ихъ служащими.

По спеціальности натуралистъ, по профессіи лѣсоводъ, Ѳ. А. въ началѣ взялъ на себя лишь обязанности оберегателя отцовской коллекціи. Правда, онъ уже съ очень ранняго времени помогаетъ отцу своими рисунками, послѣ находитъ для него спеціалиста-остеолога, позднѣе собираетъ вещи въ своемъ районѣ, дѣлаетъ небольшія поѣздки для осмотра интересныхъ въ археологическомъ отношеніи мѣстностей, но онъ никогда не предполагалъ, что со временемъ будетъ въ обширныхъ размѣрахъ продолжать собираніе древностей и станетъ спеціалистомъ-археологомъ. Однако мало по малу Ѳ. А. начинаетъ входить въ живой интересъ пріобрѣтенія вещей и ихъ научнаго изученія и въ концѣ концовъ уходитъ значительно далѣе отца какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи.

При новомъ владѣльцѣ для коллекціи настали совершенно другія времена. Во-первыхъ, со смертью гр. С. Г. Строганова (въ 1882 г.) прекратилось всякое обязательство по доставленію вещей въ Петербургъ, во-вторыхъ, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, оказалось неудобнымъ продолжать собираніе вещей при посредствѣ подчиненныхъ, въ-третьихъ, исчезла боязнь за сохранность коллекціи, и она неоднократно высылалась на выставки, въ четвертыхъ, явилась возможность научной обработки ея въ болѣе широкихъ размѣрахъ; наконецъ, желаніе оберечь собраніе отъ какого-либо несчастнаго случая вызываетъ его изданіе въ полномъ составѣ.

Ѳ. А. отказался отъ услугъ лѣсныхъ смотрителей по собиранію древностей въ виду того, что это налагало нѣкоторую тѣнь на служебныя отношенія. За то онъ съ удовольствіемъ пользуется любезными услугами окружнаго лѣсничаго И. Я. Кривощекова, личнаго своего знакомаго, который пріобрѣтаетъ для него много вещей и собираетъ прекрасныя свѣдѣнія о мѣстахъ находокъ и о городищахъ на верховьяхъ Камы и по р. Чусовой. Изъ другихъ мѣстъ предметы древности Ѳ. А. получаетъ отъ народныхъ учителей (напр. отъ Костарева изъ Вакиной, отъ Попова изъ Кудымкора), отъ секретаря Пермскаго Статистическаго Комитета А. И. Прозоровскаго, отъ купца И. В. Брагина, отъ миссіонера о. С. Луканина, отъ П. В. Сюзева, отъ судебнаго слѣдователя П. И. Попова и пр. Вещи съ р. Ломоватовки получаются отъ А. А. Теплоухова. Однако лучшія коллекціи получены отъ ильин-

скихъ прасоловъ, именно Важенина (верховья Камы, 1885—1888 г.), Пепеляева (Лологская дача, 1896 г.), Чижова (верховья Камы, 1887—1891 г.) и Истомина (р. Иньва 1889—1898 г.). Этотъ источникъ оказался въ одно время и обильнымъ, и неудобнымъ. Неудобства его состояли въ томъ, что вещи привозились въ мѣшкахъ и портились въ дорогѣ, мѣста нахожденія ихъ были не всегда извѣстны, наконецъ, за нихъ приходилось платить этимъ пере-

Ѳ. А. Теплоуховъ.

купщикамъ-археологамъ непомѣрно дорого. Нѣсколько разъ Ѳ. А. отказывался отъ услугъ «ильинцевъ», но стоило имъ вновь привезти вещи, и Ѳ. А. уплачиваетъ все, что они требуютъ, какъ бы ни была велика назначенная сумма, оправдываемая краснорѣчивыми, но далекими отъ дѣйствительности разсказами о страшныхъ цѣнахъ на древности на мѣстахъ. Чтобы скупщики имѣли понятіе о томъ, что нужно пріобрѣтать, Ѳ. А. иногда знакомилъ ихъ съ вещами своей коллекціи, настаивалъ, чтобы они тщательно записывали мѣста находки. Ильинцы и г. Кривощековъ открыли Ѳ. А. богатства въ археологическомъ отношеніи р. Иньвы и верховьевъ Камы, неизвѣстныя его отцу. Въ 1887 г. Ѳ. А. посчастливилось пріобрѣсти прекрасную коллекцію вещей изъ д. Плёса въ Верхокамьѣ прямо въ Ильинскѣ отъ лица, пріѣхавшаго въ мѣстную больницу, въ 1900 г. онъ получилъ въ Ильинскѣ же от-

личный кладъ вещей VIII—IX в. изъ с. Георгіевскаго, съ вятскаго теченія Камы. По наблюденію Θ. А., участившееся поступленіе въ коллекцію находокъ послѣдняго времени изъ истощенныхъ уже мѣстонахожденій ближе всего можетъ быть объяснено введеніемъ въ запашки, лѣтъ 15 тому назадъ, болѣе глубокихъ сохъ-курашимокъ. Въ 1890 г. Θ. А. произвелъ раскопку остатковъ усть-туйскаго костища, но вообще раскопки его въ интересахъ собственной коллекціи должны были прекратиться съ выходомъ въ 1889 г. извѣстнаго Высочайшаго повелѣнія. Θ. А. производилъ и другія раскопки, но уже по порученію Императорской Археологической Коммиссіи (въ 1895 г.). Θ. А., какъ и отецъ, избѣгаетъ ослаблять коллекцію уступкою изъ нея вещей. Кое-что въ 1887 г. имъ было передано графинѣ Уваровой и проф. Д. Н. Анучину, въ 1888 г. проф. Высоцкому; отъ послѣдняго онъ въ обмѣнъ получилъ нѣсколько вещей.

Желая сдѣлать коллекцію достояніемъ русской науки и не боясь за ея сохранность, Θ. А. неоднократно высылалъ ее на выставки. Такъ въ 1887 г. 14 таблицъ предметовъ коллекціи доставлено было на Ярославскій археологическій съѣздъ, первый со времени смерти А. Е. [1]), въ 1888 г. до 700 номеровъ предметовъ отправлено было на Екатеринбургскую выставку, въ 1890 г. большая коллекція, въ составѣ 71 таблицы, доставлена была на Московскій археологическій съѣздъ [2]), въ 1894 г. та же коллекція, въ нѣсколько усиленномъ видѣ, составила ядро археологической выставки, устроенной Пермскою Коммиссіею Уральскаго Общества въ Перми [3]). Каждый разъ коллекція была представляема въ прекрасномъ порядкѣ съ тщательно составленными описаніями. Намъ извѣстно, что подготовленіе собранія къ Московскому съѣзду заняло у Θ. А. не менѣе года усидчиваго труда. Въ Москвѣ, съ согласія Θ. А., коллекція была сфотографирована А. К. Гейкелемъ и вскорѣ послужила сравнительнымъ матеріаломъ для обработки матеріала въ двухъ большихъ изданіяхъ [4]).

Коллекція сдѣлалась доступнѣе для изученія и въ Ильинскомъ. Кромѣ мѣстныхъ археологовъ, ее въ 1887 г. осматривалъ Д. Н. Анучинъ, въ 1893 г. проф. И. Н. Смирновъ и А. К. Гейкель, въ 1896 г. баронъ де-Бай [5]), въ 1897 г. Эберкромби [6]).

Постепенно собраніе достигло той полноты въ разныхъ частяхъ, при которой у человѣка, освоившагося съ пріемами ученыхъ изслѣдованій, является потребность систематизаціи и изданія матеріала. Съ 1892 г. Θ. А. приступилъ къ постепенной обработкѣ для печати собранныхъ отцомъ и имъ въ теченіе почти 30 лѣтъ богатствъ, въ связи съ тѣми свѣдѣніями, какія можно было имѣть о другихъ пермскихъ древностяхъ. Въ этомъ году онъ вы-

---

[1]) Указатель Выставки при VII-мъ Археологическомъ Съѣздѣ. Ярославль 1887 г., стр. 33—43. — Коллекція занимала на выставкѣ особую витрину.

[2]) Указатель Выставки при VIII-мъ Археологическомъ Съѣздѣ. Москва, 1900 г. Зала 10-ая, стр. 85—160.

[3]) Каталогъ Выставки, стр. 1—68.

[4]) Ястребовъ, Лядинскій и Темниковскій могильники. Спб. 1893. — Бранденбургъ, Курганы южнаго Приладожья. Спб. 1895.

[5]) Bar. de Baye, Du Volga à l'Irtische. Paris 1896 (*Revue de geographie*).

[6]) Abercromby, The pre- and protohistoric Finns. London 1899, vol. I, p. 120.

пустилъ статьи: «Вещественные памятники каменнаго и бронзоваго вѣка въ западной части Пермской губ.» (*Труды Пермской ученой архивной коммиссіи*, вып. I, стр. 27—63) и «Земледѣльческія орудія Пермской чуди» (*Пермскій край*, т. I, стр. 59—93), въ слѣдующемъ — статью: «Древности пермской чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ» (*Пермскій край*, т. II, стр. 1—74). Въ 1894 г. Ѳ. А. выступаетъ въ Перми, во время археологической выставки, съ интереснымъ публичнымъ сообщеніемъ на тему: «Пермская чудь и ея культурная обстановка», въ которомъ впервые суммируетъ свои наблюденія надъ пермскими древностями. Въ сообщеніи этомъ Ѳ. А. отзывается на вопросы о существованіи древней Біарміи, которую онъ признаетъ страною легендарною и не имѣющею отношенія къ Перми, о границахъ распространенія чудскихъ древностей, о чудскихъ могильникахъ, о путяхъ торговли Перми съ востокомъ, о народности пермской чуди, дѣлаетъ попытку выдѣлить въ мѣстныхъ древностяхъ типы болѣе древніе и даетъ общую характеристику всѣхъ чудскихъ пермскихъ древностей по отдѣламъ [1]). Въ слѣдующемъ 1895 г. выходятъ три новыя работы Ѳ. А.: «Древности пермской чуди изъ серебра и золота и ея торговые пути» (*Пермскій край*, т. III, стр. 247—290), «Древности, найденныя въ Чаньвенской пещерѣ, Соликамскаго у.» (тамъ же, стр. 51—64) и «Нѣсколько словъ о костяхъ животныхъ, добытыхъ С. И. Сергѣевымъ при раскопкахъ въ Чаньвенской пещерѣ» (тамъ же, стр. 475—481). Перечисленныя статьи по богатству матеріала и по стройности выводовъ и изложенія представляютъ лучшія работы по пермскимъ древностямъ и ставятъ имя ихъ автора среди изслѣдователей этихъ древностей на первое мѣсто. Это прекрасно понималъ кружокъ археологовъ, организовавшійся въ Перми какъ разъ въ это время, съ Н. Н. Новокрещенныхъ во главѣ, и успѣвшій въ короткое время проявить цвѣтущую, хотя, къ сожалѣнію, непродолжительную дѣятельность. За это время, въ 1892—1898 гг., въ Пермь поступила масса новыхъ предметовъ древности, собранныхъ путемъ пріобрѣтеній и дѣятельныхъ раскопокъ, и всѣ эти предметы цѣликомъ препровождались въ с. Ильинское для изученія или для изданія. Каждый годъ Ѳ. А. получалъ что-нибудь новое и цѣнное. Въ 1892 году с. Ильинское посѣщаютъ гг. Новокрещенныхъ и Сергѣевъ и завязываютъ здѣсь съ Ѳ. А. оживленныя сношенія. Въ 1893 г. онъ получаетъ отъ г. Новокрещенныхъ для опредѣленія вещи г. Басова, въ 1894 г. — вещи изъ коллекціи лѣсничаго Зеликмана, въ томъ же году знакомится съ результатами моей поѣздки въ Чердынскій край, въ 1895 г. въ Ильинскѣ получаются вещи, добытыя тамъ же г. Сергѣевымъ, и вещи изъ Горбунятъ, въ 1896—1897 г.г. огромная коллекція съ Гляденовскаго костища, въ 1898 и 1900 г.г. большія коллекціи, моя и Н. Н. Новокрещенныхъ, изъ Бродовскаго могильника, въ 1901 г. въ распоряженіе Ѳ. А. поступаетъ моя коллекція изъ раскопокъ близъ Кунгура и въ окрестностяхъ с. Ильинскаго и коллекція, собранная В. Л. Борисовымъ въ Верхокамьѣ. За послѣднія 9 лѣтъ Ѳ. А. едва успѣваетъ осваиваться съ тѣмъ огромнымъ матеріаломъ, который добытъ на пермской почвѣ благодаря раскопкамъ Н. Н. Новокрещенныхъ, С. И. Сергѣева и Императорской Археологиче-

[1]) Пермская чудь и ея культурная обстановка. *Пермскія Вѣд* 1894, 101—103.

ской Коммиссіи. Этотъ матеріалъ заставляетъ вновь пересмотрѣть тѣ заключенія, которыя Ѳ. А. составилъ на основаніи своей коллекціи, что и было одною изъ причинъ, почему въ послѣднее время онъ не выступалъ съ новыми статьями.

Впрочемъ есть другая. болѣе важная причина того, что Ѳ. А. медлитъ съ дальнѣйшими изслѣдованіями, — большое дѣло изданія всей находящейся въ его распоряженіи коллекціи.

Исторія этого предпріятія начинается издавна. Въ 1893 г. въ Пермь для археологическихъ разысканій Императорскою Археологическою Коммиссіею командированъ былъ проф. И. Н. Смирновъ, который между прочимъ счелъ необходимымъ побывать въ с. Ильинскомъ, увлеченъ былъ интересомъ собранной здѣсь коллекціи и сталъ горячо настаивать на необходимости издать ее, чтобъ тѣмъ самымъ сохранить ее отъ пожара или другого несчастнаго случая. Такъ какъ это соображеніе уже давно озабочивало самого Ѳ. А., то онъ далъ свое согласіе возбудить вопросъ объ изданіи коллекціи въ Археологической Коммиссіи, которая отнеслась къ этому проекту весьма сочувственно, и вскорѣ дѣло стало на практическую почву. Мнѣ поручено было заняться систематизаціей коллекціи для изданія (что исполнено было мною въ три поѣздки въ с. Ильинское, въ 1894, 1898 и 1901 г.), а Ѳ. А. долженъ былъ озаботиться изготовленіемъ таблицъ и описательнаго текста, чѣмъ онъ немедленно занялся и продолжаетъ заниматься по настоящее время. Работа Ѳ. А. однако замедлилась отчасти вслѣдствіе независящихъ отъ него серьезныхъ причинъ, отчасти отъ недосуга, отчасти же отъ ощущаемой въ нѣкоторыхъ частяхъ коллекціи неполноты матеріала, затрудняющей ея обработку. Въ послѣднее время, имѣя въ виду сложность работы, Ѳ. А. далъ согласіе на предварительное изданіе атласа коллекціи, съ тою систематизаціею ея, какую мнѣ по настоящее время удалось установить. Съ чрезвычайною охотою принимаюсь я теперь за это дѣло.

Но прежде необходимо дать общее описаніе коллекціи гг. Теплоуховыхъ и соединеннаго съ нею рукописнаго матеріала.

Не считая черепковъ, коллекція заключаетъ въ себѣ 5930 номеровъ предметовъ [1]), а съ черепками, занесенными въ дневникъ, — болѣе 7000. Вещей цѣнныхъ въ художественномъ отношеніи въ ней почти нѣтъ; она состоитъ преимущественно изъ мелкихъ мѣдныхъ предметовъ украшенія и наряда и значеніе имѣетъ лишь въ научномъ отношеніи. За то здѣсь, при своей полнотѣ, собраніе Теплоуховыхъ является единственнымъ. Въ отдѣльныхъ частяхъ нѣкоторыя новыя коллекціи (напр. Гляденовская, Бродовская) превосходятъ его, но не существуетъ другого собранія, въ которомъ отразились бы въ такой мѣрѣ всѣ культурныя теченія, имѣвшія мѣсто на сѣверо-востокѣ Россіи съ первыхъ вѣковъ по Р. Х. до XIV в. Изданіе этого собранія, безъ сомнѣнія, послужитъ основой для дальнѣйшаго изученія древностей вятскихъ, пермскихъ, казанскихъ, вологодскихъ и отчасти сибирскихъ. Всего богаче въ немъ коллекціи вещей X—XIV в., хорошъ VIII—IX в., слабѣе отдѣлъ костищъ, невеликъ отдѣлъ самаго древняго періода и неуловимы древности переходнаго времени

---

[1]) Изъ нихъ 2702 номера принадлежатъ коллекціи А. Е., 2984 — Ѳ. А. и 244 — А. А.

отъ костищъ къ ломоватовскому періоду. Районъ коллекціи — западное теченіе р. Камы съ притоками въ предѣлахъ Пермской и отчасти Вятской губ., — мѣстность цѣльная въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Важнѣйшіе пункты этой мѣстности представлены въ собраніи довольно равномѣрно, что дѣлаетъ его еще болѣе цѣннымъ. Восточное теченіе р. Камы въ коллекціи, можно сказать, вовсе не представлено (изъ чего, конечно, отнюдь не слѣдуетъ заключать объ его бѣдности въ археологическомъ отношеніи, какъ уже и показали послѣднія находки въ Кунгурскомъ уѣздѣ).

Безъ сомнѣнія, значеніе коллекціи много умаляется тѣмъ обстоятельствомъ, что она собрана не помощью раскопокъ, а лишь путемъ покупки случайно находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ предметовъ. Такія собранія съ большимъ трудомъ приводятся въ систему, и назначеніе многихъ входящихъ въ ихъ составъ вещей остается непонятнымъ. Сторона практическихъ изслѣдованій въ пермскихъ древностяхъ до послѣднихъ раскопокъ была настолько слаба, что еще въ 1894 г. въ Пермской губ. не было извѣстно могильниковъ: о нихъ можно было только гадать. Если систематизація коллекціи Теплоуховыхъ все же сдѣлалась въ значительной мѣрѣ возможною, то это главнымъ образомъ благодаря прекрасному дневнику, составляющему ея неотъемлемую принадлежность.

Дневникъ этотъ очень оригиналенъ, и по своей цѣлесообразности заслуживаетъ обстоятельнаго описанія. Онъ заведенъ былъ А. Е. Теплоуховымъ еще въ 1867 г., по образцу «Лѣсохозяйственныхъ путевыхъ замѣтокъ», какія онъ велъ съ давняго времени и куда заносились на память самыя разнообразныя свѣдѣнія, собираемыя и систематически, и случайно во время странствованій по лѣсамъ. Въ указанномъ году для спеціально-археологическихъ замѣтокъ также была сшита особая тетрадь въ поллиста, въ которую и начали вноситься свѣдѣнія о древностяхъ и покупкахъ [1]). Сперва записи о находкахъ помѣщаются очень краткія, какъ бы для каталога. Со страницы 9-й дневнику дается названіе «Замѣчанія о городищахъ, мѣстахъ нахожденія древностей и находкахъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывается опредѣленный, широкій планъ его, который сохраняется на долгіе годы. Въ дневникъ вносится все, что А. Е. слышитъ о мѣстныхъ памятникахъ древности и бывшихъ въ разное время находкахъ, и притомъ съ возможными подробностями, такъ что вы изъ него между прочимъ знаете, отъ кого именно и когда получено то или другое свѣдѣніе; здѣсь подробно описывается каждая пріобрѣтенная вещь, съ точнымъ обозначеніемъ, на чьемъ полѣ она найдена, отъ кого пріобрѣтена и за какую сумму, и тутъ же дается рисунокъ почти каждаго предмета, а иногда и планъ мѣстности, гдѣ онъ найденъ, излагаются соображенія о назначеніи вещей, указываются аналогіи для нихъ; далѣе—въ дневникъ включается описаніе вещей другихъ коллекцій, подробныя описанія находокъ, отсылаемыхъ гр. Строганову, систематическія описанія отдѣльныхъ группъ предметовъ собранія, наконецъ — свѣдѣнія о совершенныхъ поѣздкахъ въ мѣста находокъ, въ разные города Россіи и за границу, о сношеніяхъ съ археологами и пр.,—словомъ, въ дневникъ, каждый разъ подъ извѣстнымъ чи-

[1]) Первое свѣдѣніе — замѣтка о Дойкорскомъ городищѣ, первая запись о предметѣ — помѣта о пріобрѣтеніи серебряной бляшки изъ Никулина на р. Косьвѣ.

сломъ, вносятся самыя разнообразныя свѣдѣнія археологическаго характера, взятыя изъ живой дѣйствительности (для выписокъ изъ книгъ и газетъ у А. Е. были особыя тетради). Изложенныя подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, свѣдѣнія эти навсегда сохранили особую свѣжесть, цѣнность которой возрастаетъ съ годами. А. Е. велъ дневникъ въ продолженіе 18 л. (1867—1885 г.г., стр. 1—475). Ѳ. А. Теплоуховъ ведетъ его уже 16-ый годъ (1885—1901 гг., стр. 476—680) въ томъ же духѣ, но съ нѣкоторыми измѣненіями. Именно, свѣдѣнія о памятникахъ древности онъ вноситъ въ особую тетрадь, а дневникъ назначилъ главнымъ образомъ для описанія поступающихъ въ его постоянное или временное распоряженіе вещей. Въ своемъ настоящемъ видѣ дневникъ коллекціи Теплоуховыхъ составилъ бы въ печати весьма изрядной толщины томъ. Дневникъ видимо былъ всегда въ большемъ употребленіи, особенно у А. Е., который вносилъ въ него массу дополнительныхъ мелкихъ замѣчаній. Для удобства справокъ, по доброму старому обычаю, на поляхъ рукописи отмѣчались темы замѣтокъ, и сюда же заносились краткія дополненія. Безъ дневника коллекція не имѣла бы и трети своего значенія. При моей работѣ надъ коллекціей онъ оказалъ большія услуги; самая исторія коллекціи возможна была только благодаря существованію дневника. Потеря его была бы невознаградима. Кромѣ дневника, къ коллекціи принадлежатъ планы важнѣйшихъ городищъ и рисунки части коллекціи, исполненные В. Г. Филимоновымъ († 1875 г.).

Коллекція гг. Теплоуховыхъ всегда сохранялась въ образцовомъ порядкѣ. Временами вещи нашивались на таблицы, но обыкновенно онѣ сохранялись въ коробкахъ. Каждая вещь имѣетъ ярлычокъ съ обозначеніемъ мѣста находки и страницы дневника, гдѣ она описана. Въ настоящее время собраніе разложено въ отдѣльныхъ коробкахъ, по мѣстонахожденіямъ, въ пяти большихъ ящикахъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ древности одного періода. Возможно меньшій объемъ и компактность приданы коллекціи изъ предосторожности на случай пожара.

Нѣсколько словъ о принятой въ настоящемъ изданіи хронологіи. Я приложилъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать ее достойною того цѣннаго собранія, которымъ заняться выпало на мою долю, но, безъ сомнѣнія, она еще далека отъ совершенства. Каждое хронологическое опредѣленіе должно быть принято какъ первая попытка установить дату того или другого предмета и съ оговоркою, что оно установлено лишь приблизительно. Впрочемъ сильныя и слабыя стороны моей датировки для читателя-спеціалиста будутъ ясны изъ дальнѣйшаго изложенія, такъ какъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ я привожу соображенія, на основаніи которыхъ останавливаюсь на той или другой датѣ.

Считаю себя обязаннымъ раскрыть технику работы моей надъ систематизаціей коллекціи Теплоуховыхъ. Когда содержаніе коллекціи въ общихъ чертахъ опредѣлилось, приложено было стараніе точно опредѣлить тѣ могильники и клады вещей, въ которыхъ наиболѣе характерно и чисто отразился каждый періодъ, при чемъ безразлично принимались во вниманіе какъ обширные могильники, такъ и малые. Затѣмъ въ каждомъ періодѣ опредѣлялись элементы болѣе старые и болѣе новые, и наконецъ для тѣхъ и другихъ отыскивались

аналогіи въ другихъ русскихъ древностяхъ, болѣе или менѣе точно датированныхъ, и тѣмъ выяснялась ихъ дата. Такимъ образомъ опредѣлена была главная масса предметовъ. Но оставалось еще значительное собраніе отдѣльныхъ вещей, разрозненныхъ и одинокихъ, къ опредѣленію которыхъ описанный пріемъ не могъ быть приложенъ. Эти датировались или путемъ отыскиванія имъ аналогій во всевозможныхъ русскихъ древностяхъ, или же опредѣленіемъ ихъ техники и украшенія. Когда же и эти пріемы не помогали, оставалось опредѣлять предметъ съ приближеніемъ по основному характеру того могильника, гдѣ онъ найденъ, а если и этого нельзя было сдѣлать, въ такомъ случаѣ вещи датировались гадательно, или же въ предѣлахъ нѣсколькихъ или многихъ столѣтій. Впрочемъ предметовъ, упорно не поддававшихся опредѣленію, въ коллекціи оказалось сравнительно небольшое количество. Точнѣе всего опредѣлены вещи IX, X, XI и XIII—XIV в., менѣе точно—предметы изъ костищъ и вещи XII в. Вещей VII в. не отмѣчено вовсе, хотя возможно, что онѣ въ собраніи имѣются.

Издаваемый атласъ, заключающій въ сорока таблицахъ почти 1000 изображеній, представляетъ коллекцію съ значительною полнотою; слабы лишь отдѣлы черепковъ и бусъ. Къ сожалѣнію, атласъ страдаетъ однимъ значительнымъ недостаткомъ—отсутствіемъ строгой системы въ расположеніи изображеній, такъ что почти каждая таблица содержитъ въ себѣ предметы разныхъ періодовъ, но надѣемся, что это внѣшнее неудобство не умалитъ его внутренняго значенія.

А. Спицынъ.

I. Древнѣйшій періодъ

Предметовъ каменнаго вѣка въ коллекціи не много. Типы ихъ обыкновенны, почему и не изображены въ настоящемъ изданіи; интереснѣе другихъ кремневый наконечникъ стрѣлы (табл. XL, 15). Костяныя остроги съ рядомъ шиповъ по одной сторонѣ (табл. XXV, 5) принято относить къ этому же періоду.

Далѣе въ коллекціи отразилась культура Ананьинскаго могильника, относящаяся, по нашему мнѣнію, къ I—III в. по Р. X. Къ подѣлкамъ этой культуры принадлежатъ: мѣдные кельты (табл. XXXV, 17, 24—27), мѣдные наконечники копій (табл. XXVII, 9; XXXV, 20) и прекрасный желѣзный кинжалъ съ изображеніемъ двухъ лежащихъ звѣрей на рукояти (табл. XXVII, 8).

Древнѣйшія костища края, примыкающія къ культурѣ Ананьинскаго могильника и одновременныя съ культурою Пьяноборскаго, долгое время были извѣстны только по коллекціи А. Е. Теплоухова и его статьямъ. Датировать ихъ болѣе или менѣе точно еще не удалось, и мы лишь предположительно относимъ ихъ къ III—VI в. Къ вещамъ костищенскаго періода принадлежатъ: костяные, мѣдные и желѣзные наконечники стрѣлъ (табл. I, 1—11, 29, 39—48; XXXVI, 18, 23; XXXVII, 38), разнообразныя пастовыя (табл. XXXVI, 7), сердоликовая инкрустированная (табл. I, 19), мѣдныя (табл. I, 27) и стекляныя бусы, преимущественно золоченыя и синія съ бѣлыми глазками (табл. I, 12—18, 20—25; XXIV, 40, 63; XXXIV, 34; XXXVII, 20, 21), подѣлки изъ полированной мѣди (табл. XXIII, 8; XXXVI, 6), фигурки змѣи (табл. XXXVI, 9; XXXVII, 9, 14, 16), всадника (табл. I, 28), людей (табл. XXXVII, 3, 6, 13), изображеніе загадочной сцены съ всадникомъ (табл. IV, 7 и XXXVI, 12), фигуры птичекъ (табл. XXXVII, 1, 2, 4, 7, 8, 10, 26), собакъ (табл. XXXVII, 11, 12, 19, 22, 25, 27), пчелъ (табл. XXXVII, 17, 18, 24, 28, 33), насѣкомаго (табл. XXXVII, 23), спиральная подвѣска (табл. XXXVII, 31), различныя бляшки, изъ которыхъ одна съ изображеніемъ головы медвѣдя (табл. XXXVII, 34, 37, 39), изображеніе неопредѣленнаго животнаго въ ободкѣ (табл. IV, 3), лунница (табл. XXXI, 23), ножички (табл. I, 38, 45, 49), глиняныя чашечки (табл. I, 30—37), оселокъ (табл. XXIII, 25), желѣзная иголка (табл. XXXVII, 29).

Можетъ быть, костищенскій періодъ примыкаетъ непосредственно къ слѣдующему, ломоватовскому, но изъ наличныхъ фактовъ этого не видно; между тѣмъ и другимъ ощущается пустота, которую пока нечѣмъ наполнить. По принятой нами хронологіи этотъ промежуточный періодъ безъ вещей въ пермскихъ древностяхъ совпадаетъ съ VII в. Вотъ перечень вещей костищенскихъ типовъ, найденныхъ вмѣстѣ съ предметами VIII—IX в.: птички съ изображеніями человѣческихъ головъ на груди, загадочная фигура въ видѣ всадниковъ (табл. IV, 4, Гарамиха), изображенія животныхъ въ ободкѣ, человѣческія фигуры, по одной и парами, бляшки съ изображеніемъ головы медвѣдя, бусы золоченыя, сердоликовыя съ инкрустаціей и пастовая (табл. XXXVII, 35).

II. Вещи VIII—IX в.

Составъ вещей этого періода опредѣляется довольно хорошо, благодаря нѣсколькимъ большимъ цѣльнымъ коллекціямъ какъ въ Ильинскомъ собраніи, такъ и внѣ его: кладомъ въ д. Плесо въ Верхокамьѣ, кладомъ изъ с. Георгіевскаго, находками на р. Ломоватовкѣ (д. Зобачева и Грудята) и вещами Бродовскаго и Горбунятскаго могильниковъ. Послѣднія могутъ быть опредѣленно отнесены къ IX в., такъ какъ нѣкоторыя изъ собранныхъ здѣсь предметовъ оказались и въ могильникахъ X в. (Ильинскій, Урьинскій и пр.), а Деминскій могильникъ, имѣющій не мало вещей типовъ Бродовскаго, явно принадлежитъ ко времени переходному между IX и X в. Видимо къ болѣе старому времени относятся вещи изъ находокъ близъ д. Грудята на р. Ломоватовкѣ, что особенно отражается на составѣ бусъ, но разница во времени если и есть, то все же небольшая. Такъ какъ вещи спеціально VIII в. пока выдѣлены быть не могутъ и такъ какъ типы IX в., особенно же религіозныя изображенія, несомнѣнно идутъ отъ болѣе ранняго времени, то мы изъ осторожности не отмѣчаемъ и вещей IX в., датируя всѣ вообще предметы этого періода двумя вѣками, VIII и IX в.

Данный періодъ самый интересный въ пермскихъ древностяхъ. Къ нему относятся лучшія и наиболѣе разнообразныя религіозныя изображенія, привозныя подѣлки изъ серебра, золота и нефрита, наиболѣе красивыя бусы, первыя, наиболѣе интересныя шумящія подвѣски, и къ этому же времени можетъ быть отнесено значительное количество восточныхъ блюдъ. Всѣ вообще подѣлки изящны и стильны; на нихъ чувствуется сильное вліяніе Востока. Изъ русскихъ древностей пермскія подѣлки VIII—IX в. тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ вещамъ могильниковъ сѣвернаго Кавказа, изъ чего впрочемъ не слѣдуетъ, что онѣ происходятъ съ Кавказа: здѣсь сходство означаетъ лишь общее происхожденіе изъ одного источника. Видимо мѣстное происхожденіе имѣетъ большинство религіозныхъ изображеній.

Въ составъ вещей VIII—IX в. входятъ:

1) *Полыя изображенія животныхъ*, съ трубочками и безъ нихъ. Нѣкоторыя изображенія сложныя, по всей вѣроятности, идущія отъ аналогичныхъ сценъ извѣстной сибирской коллекціи Петра Великаго, другія одиночныя (табл. IV, 8, 10, 13—15; VI, 8, 9, 14, 16, 17, 19, 20; XXII, 4, 5; XXXI, 11, 12, 29; XXXVI, 4, 13). На подѣлкахъ изображены орелъ, медвѣдь, соболь (?), утка, гусь и фантастическая кричащая птица. Бронза темная, или же наоборотъ, свѣтлая. Орнаменты: канты въ видѣ жемчужной полоски и въ видѣ

шнура, выемчатыя полоски; шнуровой кантъ иногда переходитъ въ полоску изъ квадратиковъ или даже въ зубчатый (табл. XXXI, 29). Изъ всѣхъ перечисленныхъ предметовъ нѣкотораго оправданія требуетъ датировка даннымъ временемъ фигуры гуся табл. VI, 19 и фигуры медвѣдя табл. VI, 17; дата первой опредѣляется кантомъ изъ кружковъ на шеѣ птицы, а дата второй—аналогіей по техникѣ съ фигурой соболя табл. VI, 21, которая, въ свою очередь, датируется аналогіей предмета съ подѣлкой табл. XX, 20. По назначенію, трубочки иногда замѣняются особыми звеньями съ изображеніями на нихъ фигуръ животныхъ; на одной такой подѣлкѣ (табл. XX, 20) изображенъ медвѣдь (надо смотрѣть наоборотъ), на другой—соболь или другое подобное животное (табл. VI, 21). Аналогій этимъ подѣлкамъ намъ неизвѣстно, но несомнѣнно, что онѣ относятся именно къ данному періоду.

2) *Чудскіе образки*: a) трехголовыя и одноголовыя птицы съ изображеніемъ на груди человѣческаго лица (табл. IV, 6, 9; V, 10); время одноголовой птицы опредѣляется мѣстонахожденіемъ, а трехголовыхъ—характеромъ орнамента и близостью къ старѣйшимъ композиціямъ этого типа. Безъ сомнѣнія, къ этому же типу относится серебряная головка птицы (табл. IV, 2 и XXXVI, 11), къ сожалѣнію, безъ туловища и крыльевъ.

b) Изображенія божества на ящерѣ, съ двумя геніями по сторонамъ (табл. IV, 5; V, 8; XXXVIII, 20). Геніи крылатые, туловище ихъ тонкое, обыкновенно изогнутое, концы ногъ раздвоенные. Изъ данныхъ экземпляровъ одинъ опредѣляется мѣстонахожденіемъ (табл. V, 8, д. Грудята), другой (табл. XXXVIII, 20)—общей датировкой клада, третій (табл. IV, 5) по нѣкоторой схематичности изображеній и по общему характеру найденныхъ въ той же мѣстности вещей можетъ быть относимъ къ IX—X в. Описанныя фигуры, повидимому, составляютъ дальнѣйшее развитіе болѣе древнихъ, изъ которыхъ важнѣйшая представлена на табл. XXII, 1: кругъ или щитокъ съ изображеніемъ человѣческаго лица, по сторонамъ змѣи. Тотъ же типъ имѣется въ очень многихъ экземплярахъ въ сокращенномъ видѣ головы, окруженной двумя змѣиными головками (табл. V, 12, 17, 19; XXXI, 1, 4; XXXVIII, 27, 28); здѣсь туловище змѣй представлено косыми витыми палочками, которыя постепенно обращаются въ украшеніе въ родѣ ожерелья, а затѣмъ и совершенно исчезаютъ. Глаза человѣческаго лица сперва дѣлаются совершенно круглыми, затѣмъ къ нимъ присоединяются глазные углы и наконецъ они принимаютъ характерный видъ полукруговъ съ точкою внутри, послѣ чего обращаются въ обыкновенные. Бляха съ изображеніемъ одного генія, безъ дракона (табл. XXXVII, 36), происходящая изъ д. Пѣшковой, можетъ быть относима къ этому же періоду.

c) Бляха съ изображеніемъ 7 головъ геніевъ и 7 головъ ящеровъ (табл. VI, 2). Бляху эту мы относимъ къ раннему времени потому, что подобныя уже имѣются въ Кондасскомъ кладѣ и позднѣе, повидимому, уже не встрѣчаются; кайма въ косой шнуръ, какъ и у многихъ другихъ подѣлокъ этого рода VIII—IX в.

d) Круглыя бляхи съ схематическими изображеніями свернувшихся звѣрей (табл. XXII, 22; XXXI, 21). Подобныя имѣются въ очень отчетливыхъ экземплярахъ въ кладахъ съ образками VIII—IX в. Изображенія слѣдуетъ относить къ нѣсколько болѣе позднему времени.

e) Бляшки въ видѣ головокъ медвѣдей (табл. VI, 1, 3; XXXI, 17; XXXVIII, 15). Сюда же относится великолѣпная бляха съ изображеніемъ передней части медвѣдя изъ Кына (табл. XVII, 12), датируемая техникой орнамента (кайма тонкаго шнурового узора) и близостью къ точно датированнымъ бляхамъ Томскаго могильника (Зап. Импер. Русск. Археол. Общ., т. XI, вып. 1 и 2, табл. I, 12).

f) Подвѣски—коньки (табл. VI, 11—13; XXXVII, 30, 33), иногда украшенные орнаментомъ изъ кружковъ съ точкою внутри, или же ямками.

g) Отдѣльныя фигурки ящера (табл. V, 16), коня (табл. IV, 3; XXXVI, 15), барса (табл. VI, 15) и маленькая фигурка изъ двухъ животныхъ (табл. V, 13). Изображенія барса и одного изъ коней отнесены къ данному періоду предположительно, по общему сходству съ другими подобными подѣлками.

h) Къ тому же періоду и къ тому же разряду древностей можно отнести бляхи съ изображеніемъ двухъ (табл. V, 6), трехъ (табл. XXII, 9) и одного человѣка (табл. V, 4). Изображеніе одного человѣка датируется мѣстонахожденіемъ (р. Ломоватовка) и близостью типа къ костищенскимъ фигурамъ, изображеніе пары имѣетъ полную аналогію въ кладѣ изъ Кишерти, а дата бляхи съ изображеніемъ трехъ фигуръ на драконѣ опредѣляется старымъ типомъ дракона, старымъ расположеніемъ рукъ и старою каймой.

i) Обломокъ серебряной бляхи съ изображеніемъ, быть можетъ, всадника (табл. XXXI, 18). Всѣ такія бляхи могутъ быть относимы къ VIII—IX в.

3) *Шейная гривна* (табл. II, 11), витая изъ толстыхъ проволокъ. Датируется аналогіей съ гривною клада близъ д. Ташки. Въ X в. будутъ гривны другого типа. Мѣдная плетеная шейная цѣпочка съ замкомъ, византійскаго типа (табл. XXXVIII, 31 и 32).

4) *Бусы*, многочисленныя, разнообразныя и очень красивыя (табл. I, 26; II, 2, 3; XXIV, 3, 4, 7, 27—29, 33, 35, 38, 39, 41—50, 55, 57, 58, 68—70, 72, 76, 78, 81; XXXIV, 8; XXXVIII, 11). Бусы эти преимущественно каменныя, а также цвѣтныя стекляныя съ глазками; особенно интересны сердоликовыя бусы съ разнообразными инкрустированными узорами (табл. XXIV, 41—50).

5) Большой сортиментъ *трубочекъ и пронизокъ*: гладкія (табл. III, 4; XXXVIII, 5, 14, 16, 18), гранчатая (табл. XXXVI, 22), съ прямою и косою нарѣзкою (табл. X, 16, 31; XXXVIII, 17, 22), короткія трубочки съ расширенною срединою (табл. III, 2; XXXVIII, 3, 13), короткія въ видѣ боченочковъ съ прорѣзями (табл. X, 20, 21; XXXVIII, 6), длинныя трубочки съ тремя расширеніями или шариками, иногда прорѣзными (табл. X, 22, 29; XXXVI, 19; XL, 5, 6). Всѣ эти типы датируются очень хорошо Георгіевскимъ кладомъ, находками на Ломоватовкѣ (въ д. Зобачевой) и Бродовскимъ могильникомъ.

6) *Привѣски*. Бусы и трубочки шли главнымъ образомъ на устройство длинныхъ цѣпочекъ, съ которыхъ свѣшивались разнообразныя привѣски, имѣвшія, по всей вѣроятности, значеніе амулетовъ. Ихъ типы:

a) Кольца съ 7 или 9 узловатыми расширеніями или горошинами (табл. III, 19; XXXVI, 17); къ концу періода эти подвѣски схематизируются, уменьшаются въ размѣрахъ,

и въ X в. обращаются въ пряжки (табл. XXXIII, 3). Сюда же гадательно могутъ быть отнесены такія же двойныя кольца съ перемычками (табл. IX, 4) и кольцо съ ажурнымъ косымъ крестомъ посрединѣ (табл. XXXII, 24). Въ Бродовскомъ могильникѣ найдены также привѣски колесовидныя и въ видѣ плоскаго кружка (табл. IX, 1, 2; XXXII, 18), чаще встрѣчающіяся въ древностяхъ X в.

b) Привѣски въ видѣ рожковъ и образовавшихся изъ нихъ конусовъ (табл. III, 8, 20; XXXV, 21; XXXVIII, 1, 7); имѣются коническія привѣски меньшихъ размѣровъ (табл. II, 14, 15).

c) Крупные бубенчики и полушарія—колокольчики (табл. III, 11 и 12).

d) Привѣски въ видѣ покрытыхъ насѣчкою колечекъ съ шумящими подвѣсками въ формѣ змѣиныхъ головокъ, кружка или гирьки (табл. III, 10; VII, 15; XIV, 5; XX, 23; XXXIV, 16, 23; XXXVIII, 30); къ числу подвѣсокъ старой поры можно относить еще подѣлки табл. IV, 12; XX, 24; XXXIV, 22; XL, 12. Подвѣска табл. XXXIV, 15, быть можетъ, также относится къ старымъ типамъ.

e) Коньковыя привѣски, съ подвѣсками въ видѣ змѣиныхъ головокъ и конусовъ (табл. XI, 6, 7; XXXIX, 16). Появляются къ концу періода и переходятъ въ X в.; ранѣе Бродовскаго могильника не попадаются. Вѣроятно, это не лошадиныя головки, а какихъ-нибудь другихъ животныхъ, изъ числа хищныхъ.

Многія изъ пронизокъ въ видѣ животныхъ, безъ сомнѣнія, также входили въ составъ цѣпочекъ.

7) *Мелкія привѣски*: мѣдная монета, съ дырочкой (табл. VII, 1, 8; туркестанская монета VI в.), подвѣска въ видѣ монеты съ изображеніемъ на одной сторонѣ всадника, на другой колесницы, съ ушкомъ (табл. VIII, 2), бляшка въ видѣ орнаментированнаго кружка съ 10-ю кружечками по краю (табл. VIII, 5) и подобная же другая бляшка (табл. VIII, 6).

8) *Фибулы*: серебряная въ видѣ креста съ камнями въ золотой филигранной оправѣ (табл. II, 6) и мѣдная окскаго типа, украшенная гнѣздами красной эмали и четырьмя подвѣсками на цѣпочкахъ (табл. IV, 1). Подвѣски мѣдной фибулы несомнѣнно придѣланы къ ней съ самаго начала; она можетъ происходить и съ Оки, и съ Кавказа.

9) *Аграфы*. Такъ я позволю себѣ назвать любопытныя мѣдныя подѣлки въ видѣ ажурныхъ бляхъ съ ушками позади (табл. III, 9; XXII, 21; XXXVIII, 25 и 26), дѣйствительное назначеніе которыхъ мнѣ еще не удалось разъяснить. Ушки имѣются въ самой срединѣ бляхъ и по нижнему краю ихъ.

10) Мѣдныя *удлиненныя пластинки*, почти гладкія, съ ушками позади и съ подвѣсками въ видѣ змѣиныхъ головокъ (табл. XIII, 15; XXXII, 23); датируются Бродовскими и другими находками.

11) *Бляшки*: a) круглыя конической формы (табл. XVII, 22), отнесенныя нами въ данный періодъ только потому, что онѣ древняго типа, а въ Елевѣ и Вакинѣ, откуда онѣ происходятъ, болѣе старыхъ древностей нѣтъ, b) бляшка ажурная крестовидная изъ д. Грудятъ (табл. XX, 19), c) круглая выпуклая бляшка съ орнаментомъ хорошаго

типа (табл. III, 14), имѣющая аналогію въ находкахъ на Чувашскомъ мысу, d) бляшка-подвѣска въ видѣ фигурнаго язычка (табл. XXXV, 3), которой аналогію можно сыскать въ Бродовскихъ древностяхъ и средній орнаментъ которой имѣетъ древнюю форму.

12) *Браслеты и перстень.* Браслеты круглые и пластинчатые съ головками животныхъ на концахъ (табл. XV, 23; XX, 16) и круглый серебряный, орнаментированный наколами, съ пластинчатыми концами, на которыхъ что-то было прикрѣплено (табл. XXXVIII, 29). Время послѣдняго браслета опредѣляется другими находками, происходящими изъ той же мѣстности (кладбище с. Майкоръ). Перстень массивный, съ головками животнаго по лицевой части (табл. III, 21); найденъ въ кладѣ съ другими вещами VIII—IX в. (Пуксибъ).

13) *Поясной наборъ.* Поясныя пряжки разнообразны (табл. II, 16; III, 3; XVI, 2, 3, 12, 15, 16; XVII, 20; XX, 22; XXXIII, 1; XXXVI, 10, 26); изъ нихъ съ приближеніемъ опредѣлены пряжки табл. XVI, 2, 16 и XXXIII, 1, остальныя же всѣ датируются или мѣстонахожденіями, или же раскопками В. Л. Борисова въ Харинскомъ могильникѣ. Наконечники поясовъ (табл. III, 16; XVII, 44; XXIII, 26, 28; XXXV, 2; XXXVIII, 19) большею частью гладкіе, нерѣдко прорѣзные; изъ нихъ наконечникъ табл. III, 16 датируется общимъ составомъ клада (хотя вообще производитъ впечатлѣніе болѣе поздняго), наконечникъ табл. XXXIV, 38 орнаментированъ въ духѣ Бродовскаго могильника, наконечники табл. XXIII, 26 и 28 опредѣляются предположительно, остальные имѣютъ аналогіи въ Бродовскомъ могильникѣ. Поясныя бляшки однообразны (табл. XVII, 13, 29; XXII, 10; XXXIII, 6, 21, 32, 33, 36, 37; XXXVIII, 8, 9); большею частью онѣ гладкія, нерѣдко прорѣзныя. Предположительно датируется бляшка табл. XXXIII, 37, остальныя же опредѣляются или мѣстонахожденіями, или Бродовскимъ могильникомъ. Бляшка табл. XVII, 36 опредѣляется орнаментомъ, двойная бляшка табл. XXXIV, 26 можетъ быть отнесена къ VIII—IX в. по техникѣ. Въ числѣ поясныхъ бляхъ могутъ быть поименованы бляшки-тройчатки (табл. XX, 9 и XXXIV, 4), датируемые Бродами, и гладкія посеребреныя пластинки табл. XXXVIII, 21 и 23. Тройныя бляшки на концѣ табл. XXXIV, 1 принадлежатъ къ убору обуви и датируются находками Харинскаго могильника. Обломокъ табл. XXXIX, 10 представляетъ собою часть большой фигурной пряжки типа, изображеннаго въ атласѣ Гейкеля табл. XXIII, 10.

14) *Подѣлки съ филигранью и зернью:* a) Золотая бляшка съ пятью гнѣздами, орнаментированная большими зерневыми городками и двойными проволочными веревочками по краямъ (табл. II, 5); датируется мѣстонахожденіемъ и аналогіями въ Кавказскихъ могильникахъ. b) Серебряная бляшка съ выпавшимъ гнѣздомъ, украшенная золоченою филигранью (табл. II, 4), той же техники, какъ дробницы фибулы табл. II, 6. c) Золотыя продолговатыя накладки на поясныхъ пряжкахъ, покрытыя зернью и филигранью (табл. XVI, 3). d) Отличная серебряная обоймица, вѣроятно, съ рукоятки или наконечника меча, украшенная филиграннымъ орнаментомъ въ видѣ якоря и крупною зернью (табл. III, 7). e) Обломокъ какой-то мѣдной подѣлки въ видѣ пластинки съ двумя поперечными ушками позади, орнаментированной также филигранью и зернью (табл. III, 6). Техника эта въ пермскихъ памятникахъ, повидимому, идетъ съ IX в., къ которому относятся лучшія подѣлки въ данномъ родѣ, и уходитъ глубоко въ X в.

15) *Подѣлки изъ нефрита, печатки.* Изъ нефрита имѣются двѣ подѣлки, обѣ неопредѣленнаго назначенія (табл. II, 1; III, 17). Печатка сердоликовая, съ изображеніемъ животнаго (табл. XVIII, 17), обычнаго сассанидскаго типа. Имѣется подражаніе подобной печаткѣ изъ стекла вишневаго цвѣта, на которомъ находится извѣстное въ сассанидскомъ искусствѣ изображеніе креста съ витою нижнею частью (табл. XXXVIII, 4).

16) Массивныя мѣдныя *рукоятки*, покрытыя шнуровымъ, зубчатымъ и кружковымъ орнаментами, характерными для издѣлій VIII—IX в. (табл. III, 18, 22; XXIII, 3, 27). На одной имѣется изображеніе медвѣдя, конецъ другой раздѣланъ въ видѣ пасти животнаго. Время этихъ интересныхъ подѣлокъ хорошо опредѣляется ихъ орнаментомъ.

17) Различныя *мелкія подѣлки:* a) нижняя часть серьги въ видѣ калачика съ тремя шариками въ нижней части, штампованная изъ серебряной пластинки (табл. XX, 2), датируется раскопками Харинскаго могильника; того же назначенія овальныя бляшки съ тремя кружками внизу, тисненыя изъ тонкаго мѣднаго листа на манеръ филиграни (табл. XXXVIII, 2), имѣющія аналогіи въ древностяхъ южной Россіи (Керчь). b) Мѣдный костылекъ съ ушкомъ въ нижней части (табл. XXXII, 20); датируется аналогіями въ Бродахъ и Кавказскихъ могильникахъ. c) Подѣлка въ видѣ трехъ плоскихъ круглыхъ бляхъ, насаженныхъ на одинъ стержень (табл. XXXVI, 24). Датируется гадательно; впрочемъ въ одномъ Тарскомъ курганѣ VIII—IX в. имѣется подобіе такой же подѣлки. d) Полоски изъ 5 и 10 колечекъ, быть можетъ, поперечныя проймы для какихъ-либо уборовъ изъ трубочекъ (табл. XXXII, 3; XXXVIII, 24), довольно обыкновенный предметъ въ находкахъ VIII—IX в. e) Обломки щипчиковъ для вытаскиванія волосъ (табл. XVIII, 27; XXIII, 5).

18) *Глиняные кружки*, типа пряслицъ (табл. XVIII, 19, 22, 23), на самомъ дѣлѣ какого-нибудь другого назначенія; подобные кружки изъ нефрита употреблялись въ качествѣ нагруднаго украшенія, въ связи съ бусами. Имѣется такой же кружокъ изъ янтаря (табл. XXIV, 30) и подобный же изъ кости (табл. XVIII, 18). Время всѣхъ ихъ опредѣляется мѣстонахожденіями, кромѣ кружка табл. XVIII, 22, который датируется по аналогіи.

19) *Желѣзныхъ подѣлокъ* времени VIII—IX в. въ коллекціи имѣется незначительное количество. Сюда относится наконечникъ копья (табл. XXVII, 14), наконечникъ стрѣлы (табл. III, 13), напоминающій по формѣ лезвіе ножа мѣднаго вѣка, другой наконечникъ стрѣлы (табл. III, 15), отнесенный въ данный періодъ только за свой исключительный типъ, и наконецъ топоръ (табл. XXXVI, 27), очень хорошей и старой формы, отнесенный въ VIII—IX в. лишь потому, что на мѣстѣ находки его, въ Кудымкорѣ, не было найдено болѣе древнихъ вещей.

20) *Черепки, камни, кость.* Орнаментъ черепковъ стиленъ и своеобразенъ (табл. XXIX, 1, 2, 5, 13). Оселокъ табл. XXV, 1 отнесенъ къ данному періоду по мѣстонахожденію (д. Гущата), а каменная подвѣска табл. XXV, 4—по старому характеру отверстія, разработаннаго широкою воронкою. Неопредѣленная костяная подѣлка въ видѣ поплавка (табл. XXXV, 23) отнесена къ VIII—IX в. лишь по мѣстонахожденію (р. Ломоватовка), а отчасти по хорошему матеріалу, хорошей работѣ и необычному виду.

21) *Восточныя издѣлія изъ серебра.* Сюда прежде всего относится серебряная чашка съ изображеніемъ на днѣ божества и пехлевійскою надписью (табл. II, 7), затѣмъ серебряная пластинка съ изображеніемъ человѣческой фигуры въ нимбѣ (табл. II, 8) и наконецъ—серебряная ручка отъ одного изъ сосудовъ пропавшаго клада изъ д. Пешнигортъ (табл. II, 17). Всѣ эти подѣлки могли попасть въ Пермь и ранѣе VIII—IX в.

Вмѣстѣ съ чашкою табл. II, 7 въ поч. Березовскомъ Пермскаго у. найдена была еще другая той же чеканки, съ надписью, но безъ изображенія; она сохраняется въ коллекціи графовъ Строгановыхъ, гдѣ имѣются еще двѣ подобныя чашки изъ поч. Зародятъ. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ имѣется такая же чашка, найденная близь д. Шахаровки Красноуфимскаго у., и въ Британскомъ музеѣ—той же формы и техники чашка, пріобрѣтенная изъ коллекціи кн. Гагарина. На одной изъ перечисленныхъ чашекъ помѣщено изображеніе всадника съ нимбомъ на головѣ, на другихъ представлены фигуры неизвѣстныхъ божествъ. Изображеніе на чашкѣ Теплоуховыхъ невольно напоминаетъ о существующемъ у нашихъ шаманистовъ почитаніи какого-то онгона козла. Перечисленныя шесть чашекъ въ серіи извѣстныхъ подѣлокъ сассанидскаго происхожденія составляютъ рѣзко обособленную группу.

III. Вещи X в.

Въ X в. составъ вещей существенно мѣняется. Старыми остаются лишь нѣкоторые виды образковъ, привѣски-амулеты, коньковыя привѣски и нѣкоторые другіе типы, очень немногіе. На смѣну сассанидскаго (ранне-арабскаго) вліянія выступаетъ другое, давшее и новые типы вещей, и новую технику. Вещи менѣе стильны, но все еще интересны, вслѣдствіе непосредственной близости къ культурному источнику.

Предметы X в. опредѣляются и датируются также очень хорошо, благодаря обилію богатыхъ и цѣльныхъ могильниковъ этой поры (Загарскій, Гордъ-кушетскій, Ильинскій) и кладами, изъ которыхъ особенно важны Козьминскій и Мальцевскій. Хронологія этого періода въ пермскихъ древностяхъ наиболѣе надежна, такъ какъ она опирается на хронологію другихъ могильниковъ и кургановъ, время которыхъ можно считать болѣе или менѣе установленнымъ (Лядинскій могильникъ, гнѣздовскіе и другіе русскіе курганы X в., вятскіе могильники), и на нѣкоторые клады, главнымъ образомъ мѣстные.

Въ составъ вещей X в. входятъ:

1) *Образки*, всѣ старыхъ типовъ: въ видѣ головы на ящерѣ, окруженной двумя драконьими головками (табл. V, 15), въ видѣ человѣческой фигуры на ящерѣ съ двумя геніями по сторонамъ (табл. V, 2; XXXIX, 1), въ видѣ трехъ фигуръ съ тѣми же аксессуарами (табл. V, 9) и въ видѣ птичекъ, безъ изображенія человѣческаго лица на груди (табл. V, 20; XXXIX, 6). Всѣ перечисленные образки относятся нами къ X в. предположительно, лишь потому, что темы ихъ близки къ подѣлкамъ этого рода VIII—IX в., а техника нѣсколько видоизмѣняется. Птички отнесены къ X в. частью по техникѣ, частью по положенію крыльевъ, полуопущенныхъ; быть можетъ, на птичкахъ X в. изображеній человѣческаго лица не помѣщалось вовсе. Изображеніе всадницы или всадника на конѣ, стоящемъ на змѣѣ, (табл. V, 14), также принадлежитъ къ старымъ типамъ. Пронизки въ видѣ животныхъ почти совершенно исчезаютъ и замѣняются подвѣсками въ видѣ уточекъ, мѣдныхъ и костяныхъ (табл. VI, 5; XXII, 18, 19); такія уточки впрочемъ не есть сокращеніе упомянутыхъ пронизокъ, а являются подѣлками совершенно самостоятельными, извѣстными въ этомъ видѣ, между прочимъ, въ казанскихъ могильникахъ VIII—IX в. (Айша). Новыми предметами религіознаго быта являются серебряныя маски, составляющія, повидимому, принадлежность погребальнаго обряда (табл. XX, 10; XXXI, 28).

2) *Привѣски-амулеты.* На длинныхъ низкахъ изъ стекляныхъ и мѣдныхъ бусъ свѣшивались: разнообразные ажурные кружки, большею частью въ видѣ колесковъ (табл. IX, 1—3, 5, 6; XXXII, 18), подѣлки флаконовидныя (табл. IX, 11, 14), ложечки (табл. X, 12), извѣстныя и въ древностяхъ VIII—IX в., крупные бубенчики (табл. VII, 25; XXXIX, 17, 18), полушарые колокольчики (табл. XXXI, 24; XXXIX, 12) и, быть можетъ, сюда же могутъ быть относимы подвѣски изъ медвѣжьихъ клыковъ (табл. XXIV, 1). Къ числу такихъ же привѣсокъ можно отнести медвѣжьи (?) когти, натуральные и вылитые изъ мѣди (табл. VII, 24; X, 8), а также рядъ малыхъ подвѣсокъ въ видѣ колокольчиковъ (табл. XXXIV, 7, 37; XXXV, 14; XXXIX, 5); повидимому, значеніе такой же подвѣски имѣла конусовидная подвѣска табл. XX, 17.

3) *Коньковыя и иныя привѣски:* a) коньковыя привѣски, снабженныя цѣпочками изъ колечекъ и конусовидными подвѣсками (табл. XI, 3, 8; XXII, 14; XXXIV, 2; XXXIX, 9); одна изъ такихъ привѣсокъ снабжена звеньями изъ изогнутой проволоки и подвѣсками-лапками. Эта привѣска имѣетъ головки скорѣе змѣиныя, какъ нѣкоторыя другія—головы драконьи и птичьи.

b) Полуовальныя привѣски, впервые появившіеся уже въ VIII—IX в. (Шестаковскій кладъ 1851 г.). Этотъ типъ несомнѣнно занесенъ въ Пермь извнѣ. Одна изъ такихъ заносныхъ подѣлокъ изображена на табл. XII, 4; эта привѣска состоитъ изъ пластинки, украшенной филигранью, зернью, янтарными гнѣздами и снабженной 6-ью цѣпочками. Другія подобныя подѣлки несомнѣнно украшались растительными разводами изъ филиграни. Мѣстныя подражанія такимъ подвѣскамъ многочисленны; подвѣски у нихъ также коническія на кольчатыхъ цѣпочкахъ, а въ нѣкоторыхъ экземплярахъ и лапчатыя на болѣе сложныхъ цѣпочкахъ (табл. XII, 5, 9; XIII, 7; XXXII, 1, 7; XXXVII, 5).

c) Привѣска въ видѣ низкаго колокольчика со стержнемъ и съ цѣпочками по всему краю (табл. XIV, 8); подвѣски въ видѣ гирьки.

d) Бляшки изъ спиралей, расположенныхъ другъ надъ другомъ и въ рядъ (табл. XII, 10; XIII, 10; XVII, 2; XXIII, 9; XL, 13); у первой архаичныя петли вмѣсто колечекъ. Относимъ къ X в. какъ по этому признаку, такъ и по сходству цѣпочекъ съ Гордъкушетскими, а также по нахожденію въ Ильинскомъ могильникѣ.

e) Болѣе мелкія привѣски: въ видѣ двойной спирали съ лапчатыми подвѣсками (табл. XIII, 6, датируется вятскими могильниками X в.), въ видѣ маленькой пластинки (табл. XIV, 9; XXXII, 10), въ видѣ горлышка (табл. XIV, 6). На привѣскѣ табл. XIV, 9 лапчатыя подвѣски древнѣйшаго типа, плоскіе, какъ въ IX в.

Для прикрѣпленія привѣсокъ съ цѣпочками служили разнаго вида костыльки и крючки (табл. XXXII, 4—6, 9, 11).

4) *Привѣски-коробки, флакончики и др.* Коробки круглыя, отмыкающіяся сбоку; къ нимъ прикрѣплены длинныя цѣпочки (табл. XIV, 1, 11; XXXII, 4; XXXVI, 3). На одной изъ коробокъ изображена сцена охоты, другія украшены кружками, какъ привѣска табл. XII, 4, и иными узорами. Флакончики состоятъ изъ полушарій, открывающихся какъ

современное церковное кадило (табл. XX, 26; XXXIV, 3). Привѣска конической формы, покрытая зернью, съ подвѣсками (табл. XL, 10).

5) *Серьги,* серебряныя, золотыя и мѣдныя, мѣстныя и завозныя: a) украшенныя гроздіями изъ шариковъ (табл. VII, 6—8, 11), b) калачиками, украшенныя кружками или зернью (табл. VII, 4, 9; XXXVI, 14), c) большія серебряныя съ колодкою, украшенною зернью и веревочкою (табл. VII, 3), d) съ крупнымъ шаромъ въ нижней части (табл. VII, 1, обломокъ), e) въ видѣ кольца съ гранчатою головкою на концѣ, какъ бы подражаніе извѣстнымъ серьгамъ съ цвѣтною инкрустаціей (табл. VII, 5).

6) *Украшенія шеи.* Серебряныя гривны съ мелкою косою нарѣзкою и гранчатыми колбочками (табл. II, 10 и 12); датируются вятскимъ юмскимъ могильникомъ. Бусы, другихъ типовъ и менѣе изящныя, чѣмъ въ VIII—IX в. (табл. VII, 16; XXIV, 11—13, 16, 17, 22, 23, 56). Мѣдныя крупныя бусы въ видѣ шарика и боченочка (табл. XXXIV, 27; XXXVI, 8; XL, 4) служили не столько украшеніями шеи, сколько въ качествѣ украшенія тѣхъ нитокъ, на которыхъ подвѣшивались амулеты. Подвѣски къ шейнымъ ожерельямъ въ видѣ кружка и лунницы (табл. VIII, 4, 10). Оба эти типа подвѣсокъ встрѣчаются уже въ древностяхъ VIII—IX в.; данные экземпляры украшены зернью и веревочною филигранью, какъ многія подѣлки X в. Къ составу шейныхъ ожерелій можно также относить пронизку съ лапчатыми подвѣсками типа Лядинскаго могильника (табл. XXXII 17), занесенную со стороны, пронизку, витую изъ веревочки (табл. XXXIII, 24), извѣстную также въ 1 экз., и мѣдное подражаніе монетѣ Хозроя II-го (табл. VII, 20).

7) *Браслеты и перстни.* Браслеты: a) пластинчатые съ насѣчкою прямою и въ косой крестъ (табл. XV, 20, 21; XXXVI, 25), b) изъ узкаго четыреугольнаго дрота съ высокими тупыми рыльцами (табл. XXXIV, 25), c) изъ тонкаго круглаго сплющеннаго дрота (табл. XV, 16), d) изъ гранчатаго дрота, слегка расширяющагося къ концамъ и украшеннаго однимъ или нѣсколькими рядами кружковъ (табл. XV, 22), e) витые изъ нѣсколькихъ проволокъ, слегка сплющенные, съ концами, обтянутыми листомъ—полная аналогія шейнымъ гривнамъ VIII—IX в. (табл. XV, 19), широкій пластинчатый браслетъ, украшенный кружками, подражаніе завозному серебряному (табл. XV, 15; аналогія въ Пыскорскомъ кладѣ). Сюда же по нѣкоторой аналогіи съ браслетомъ табл. XX, 16, наудачу относимъ пластинчатый браслетъ табл. XV, 18. Перстни: a) серебряные съ крупной стекляною наставкой, придерживаемой цапками (табл. XV, 7), привозные, b) съ круглымъ выпуклымъ щиткомъ изъ спирали (табл. XV, 9), c) съ гладкимъ ромбическимъ щиткомъ (табл. XV, 4), d) пластинчатый, спаянный изъ веревочекъ и усаженный зернью (табл. XV, 12), e) изъ круглой спиральной проволоки въ 7 оборотовъ (табл. XXXI, 19). Перстни послѣдняго типа, начинаясь въ X в., удерживаются въ русскихъ памятникахъ въ продолженіи очень долгаго времени; кажется, что они попадаются даже въ XV—XVI в. Великолѣпная серебряная выпуклая бляшка, украшенная гнѣздомъ съ камнемъ, зернью и веревочкою (табл. XII, 2) не представляетъ ли наставку отъ перстня? Перстни съ такими же щитками, но меньшей величины найдены въ Аниковскомъ могильникѣ.

8) *Поясной наборъ.* Нѣкоторыя изъ поясныхъ пряжекъ идутъ отъ типовъ IX в.: пряжка съ изображеніемъ медвѣжьей головы (табл. XVI 10), пряжка съ длинной орнаментированною пластиной (табл. XXXIII, 14), пряжка съ широкимъ разваломъ кольца и пластинчатою бляхой (табл. XXXIII, 5), пряжки съ пріемникомъ для обоймицы (табл. XXXIII, 7; XXXVI, 28). Пряжки типовъ собственно X в. въ коллекціи не характерны (табл. XXXIII, 9, 12, 15, 22); ихъ орнаментъ очень схематизированъ. Изъ поясныхъ бляшекъ нѣкоторыя идутъ также отъ типовъ VIII—IX в., именно гладкія бляшки съ прорѣзями (табл. XVII, 23; XXXI, 22; XXXIII, 27, 31). Новые типы: сердцевидныя съ орнаментомъ (табл. XXXIII, 39 и XXXVIII, 12; первая отнесена къ X в. предположительно), въ видѣ звѣриныхъ головокъ съ ушами (табл. XVII, 38; XXXVIII, 10), щитовидныя съ шариками по бокамъ (табл. XVII, 28 и XXXIII, 25, послѣдняя отнесена къ X в. по аналогіямъ въ Аниковскомъ могильникѣ), бляшки съ выступами въ видѣ лилій (табл. XXIII, 19, по аналогіямъ въ Аниковскомъ могильникѣ), наконецъ характерными для X в. являются круглыя и полукруглыя бляшки съ колечками въ нижней части (XVII, 16, 18; XXIII, 20). Къ составу поясного набора принадлежатъ узкія скобочки табл. XXXII, 21. Наконечниковъ поясовъ въ древностяхъ X в. мы не можемъ указать; быть можетъ, къ ихъ числу слѣдуетъ отнести ажурную серебряную бляху съ изображеніемъ растенія изъ Загарья (табл. XX, 18) и другую подобную изъ Кудымкора (табл. XXXIII, 26); послѣдняя впрочемъ скорѣе представляетъ бляшку съ средины пояса. Здѣсь же отмѣтимъ любопытный наборъ изъ тонкихъ серебряныхъ бляшекъ разнообразной формы и величины, быть можетъ, отъ меча, или же портупеи (табл. XX, 3—6; XXXIX, 14). Въ числѣ пряжекъ слѣдуетъ назвать еще круглое рубчатое колечко (табл. XXXIII, 3), относящееся къ типамъ IX в., которое позднѣе, повидимому, снабжалось желѣзнымъ язычкомъ и въ этомъ видѣ служило пряжкой. Среди находокъ X в. любопытно отмѣтить плетеную пряжку съ подвѣсками (табл. XVI, 5). Этотъ типъ будетъ повторяться и послѣ XII в. Лапчатыя подвѣски на длинныхъ цѣпочкахъ изъ перевитой проволоки несомнѣнно свойственны X вѣку, но онѣ въ это время чаще попадаются въ вятскихъ древностяхъ, чѣмъ въ пермскихъ; на Обвѣ и Иньвѣ этотъ типъ подвѣсокъ усваивается, видимо, позднѣе.

9) *Огнива.* Изъ нихъ два типа — съ изображеніемъ человѣческой фигуры по сторонамъ фантастическихъ птицъ (табл. XXII, 3) и съ изображеніемъ козла (табл. XVIII, 2)— по техникѣ могутъ быть относимы даже къ IX в.; сюда же можно причислить огниво табл. XXXIX, 7, плохо сохранившееся. Къ X в. должны быть отнесены огнива, представляющія въ прототипѣ, быть можетъ, свернувшихся звѣрей, а въ данное время двѣ головы съ раскрытыми пастями, на длинныхъ шеяхъ (табл. XVIII, 3; XXXIX, 25), и огниво, соединенное съ наигольникомъ (табл. XVIII, 5). Есть еще типъ огнивъ—съ изображеніемъ двухъ всадниковъ, обернувшихся другъ къ другу спинами (табл. XVIII, 1; XXXIX, 22). Мы склонны были относить ихъ также къ данному періоду, но въ виду того, что орнаментъ на нихъ совершенно другой, кажется, не свойственный X в., именно въ видѣ углубленныхъ зубчиковъ, и въ виду того, что въ послѣднее время найдены огнива съ изображеніями въ древностяхъ XIV в. (Муранскій могильникъ), эту дату приходится оставить подъ сомнѣніемъ.

10) Различные *отдѣльные предметы:* a) ушко, прикрѣпляемое ремешкомъ къ поясу или вообще къ кожѣ, для приторачиванія какихъ-нибудь подвѣсокъ (табл. XX, 25), b) головка неопредѣленнаго желѣзнаго стержня, въ видѣ треугольника на цилиндрѣ (табл. XX, 14), c) длинная трубочка типа IX в. (табл. X, 30) и подобная изъ спирали (табл. X, 17), d) оловянная (?) бляшка изъ столбиковъ (табл. XXXIX, 2), e) бляшка въ видѣ звѣзды, съ выпуклою срединою, покрытая подражаніемъ зерни (табл. XVII, 9), f) ажурная круглая бляшка для трехъ ремней (табл. XX, 30), украшенная орнаментомъ въ видѣ неопредѣленнаго цвѣтка или какой-то головки, g) копоушки съ пластинчатымъ стеблемъ, украшеннымъ зернью и веревочкой (табл. XVIII, 16; XXXIV, 11), h) известковое пряслице (табл. XVIII, 20), i) отличные вѣски типа X в., въ коробочкѣ, и гирьки (табл. XIX, 3—5); датируются, между прочимъ, Гнѣздовскимъ могильникомъ; j) серебряная бляха со сценою охоты, быть можетъ, съ днища чашки (табл. II, 9), относимая нами къ данному періоду лишь потому, что такія изображенія явились, повидимому, уже въ сравнительно позднее время k) мѣдная пластинка съ зернью X в. (табл. XXXIV, 32).

11) *Подѣлки изъ кости:* a) подвѣски-уточки (табл. XXII, 18), b) наконечники стрѣлъ, трехгранные, съ широкимъ срѣзомъ въ нижней части (табл. XXVI, 11, 27; XXVII, 17), c) копоушка, формы мѣдныхъ подѣлокъ этого рода (табл. XVIII, 14). Къ этому же періоду предположительно относимъ костяной наконечникъ стрѣлы (табл. XXXVI, 20), найденный на жертвенномъ мѣстѣ, съ вещами IX в. и съ монетами X в.

12) *Издѣлія изъ желѣза:* сабли (табл. XXVII, 5, 11, къ нимъ части перекрестья табл. XXIII, 24 и XXVII, 15), наконечникъ копья (табл. XXVII, 10), наконечникъ дротика (табл. XXVII, 6), наконечники стрѣлъ (табл. XXVI, 10, 18), удила (табл. XXV, 11, 14, 17, 18), стремена (табл. XXV, 20), желѣзные кельты (табл. XXVII, 19), топоры (табл. XXVII, 1, 2, 4, 20, изъ нихъ по аналогіи датированъ № 2) и скребки (табл. XXVIII, 25), извѣстные и въ Тарскихъ курганахъ VIII в., и въ Лядинскомъ могильникѣ. Съ большимъ приближеніемъ заносимъ въ X в. желѣзные наконечники стрѣлъ табл. XXVI, 3, 10, 18—20, 24, 25, 28. Для нихъ мы нашли нѣкоторыя, впрочемъ недостаточныя, аналогіи въ древностяхъ этой поры и сдѣлали общее наблюденіе, что стрѣлы поздняго времени, напр. XIII—XIV в., не имѣютъ низко опущенныхъ плечиковъ, а болѣе или менѣе поднятыя въ верхнюю часть пластины. Несмотря на эти соображенія, мы все же не отстаиваемъ своей датировки.

13) *Подѣлки изъ глины:* чашечка, украшенная шнуровымъ и зубчатымъ орнаментомъ (табл. XXIX, 12), и льячки (табл. XXVIII, 5 и 11). Для второго льячка имѣется аналогія въ Лядинскомъ могильникѣ, первый же совершенно другого типа и, судя по мѣстонахожденію, можетъ относиться или къ IX—X в., или къ XIII—XIV в.

IV. Вещи XI-го вѣка.

Составъ вещей XI в. въ коллекціи опредѣляется съ большимъ трудомъ, такъ какъ для этого времени не открыто ни кладовъ съ предметами, ни цѣльныхъ могильниковъ; въ то же время аналогіи съ общерусскими древностями опредѣляютъ лишь небольшое количество типовъ. Для выясненія состава вещей XI—XII в. остается прибѣгнуть къ двумъ пріемамъ: во-первыхъ — къ исключенію изъ коллекціи болѣе опредѣленныхъ частей ея, т. е. вещей X и XIII—XIV в., послѣ чего въ результатѣ долженъ получиться списокъ вещей промежуточнаго времени, во-вторыхъ — къ изученію техники тѣхъ вещей, которыя по типамъ приближаются къ предметамъ X в., но отличаются отъ нихъ отдѣлкою и деталями.

Замѣчанія о техникѣ подѣлокъ XI в. мы изложимъ теперь же.

Коньковыя привѣски, столь распространенныя въ X в., имѣютъ широкое распространеніе и въ XI в.; разница между привѣсками того и другого періода та, что въ подѣлкахъ этого типа XI в. подвѣски коническія замѣняются характерными плоскими лапчатыми, а цѣпочки ихъ, не измѣняя типа, дѣлаются грубыми и тяжеловѣсными (табл. XI, 1). Всѣ предметы съ такими же лапками и съ такими же цѣпочками или колечками могутъ быть относимы къ XI в. Коньковая привѣска табл. XI, 5 даетъ другой типъ цѣпочки для XI в.—изъ проволочныхъ спиральныхъ колечекъ, типъ очень рѣдкій въ пермскихъ древностяхъ и весьма частый для прибалтійскихъ могильниковъ и петербургскихъ кургановъ.

Наблюдаемая въ концѣ X в. манера изготовлять нѣкоторыя подѣлки изъ двухъ проволочныхъ веревочекъ, сложенныхъ въ елочку, перенятая съ завозныхъ серебряныхъ издѣлій, идетъ также въ XI в., гдѣ она вскорѣ осложняется прибавленіемъ къ веревочкамъ прямой проволочной линіи, помѣщаемой или посрединѣ веревочекъ, или по сторонамъ ихъ, или же одновременно и посрединѣ, и по сторонамъ. Техника эта имѣетъ свой расцвѣтъ, очевидно, въ подѣлкахъ XI в., а затѣмъ почти исчезаетъ, замѣняясь другою, болѣе массивною и грубою. Въ привѣскѣ табл. III, 5 техника эта соединяется съ пріемомъ заполненія поля тонкою проволокою въ косую клѣтку, извѣстнымъ въ подѣлкахъ XI в. изъ другихъ мѣстностей Россіи, въ перстнѣ табл. XV, 3—съ подвѣсками лапками, обмотанными въ верхней части проволокою, и съ цѣпочкою, звенья которой украшены также обмотанною проволокой, въ привѣскѣ табл. III, 5—съ манерою украшать внѣшній край плоскихъ подѣлокъ колечками, въ конусовидной привѣскѣ табл. XIV, 7—съ простѣйшими горбоватыми цѣпочками, начало которыхъ, такимъ образомъ, можетъ быть относимо къ XI в., и съ измѣненнымъ типомъ коническихъ подвѣсокъ.

Современемъ, напримѣръ къ концу XI в. или въ началѣ XII в., въ подѣлки вмѣсто веревочки начинаетъ входить почти въ исключительное употребленіе проволока, перевитая проволокою же. Эта техника перевитой проволоки въ бляшкѣ табл. XIV, 3 соединяется съ манерою украшать внѣшній край круглыхъ подѣлокъ зерневыми пирамидками; принадлежность послѣдней техники въ XI в. опредѣляется и бляшкою табл. XVII, 2.

Привѣска табл. XIV, 12, имѣющая прототипъ въ вещахъ X в., должна быть отнесена къ XI в. вслѣдствіе того, что входящія въ ея составъ спирали пріобрѣли коническую форму. Если это такъ, то привѣска эта даетъ намъ третій типъ подвѣсокъ для подѣлокъ XI в.—бубенчикъ (первые два—подвѣски коническія и лапками).

Сравнительно съ предыдущими и послѣдующимъ періодами, составъ вещей XI в. въ коллекціи можно назвать бѣднымъ. Въ это время видимо прекращается притокъ въ Пермь восточныхъ подѣлокъ художественнаго достоинства, и взамѣнъ ихъ открывается легкій доступъ готовымъ издѣліямъ съ Запада, главнымъ образомъ изъ Новгородской области, чрезъ Болгары, или же непосредственно. Мѣстные новые типы почти не возникаютъ, за то самая техника издѣлій, повидимому, пріобрѣтаетъ болѣе мѣстный колоритъ, чего въ издѣліяхъ VIII—X в., можно сказать, не замѣчается.

Въ составъ вещей XI в. входятъ:

1) *Чудскіе образки.* Между ними наиболѣе характерные—птички. Онѣ имѣютъ широко раскрытыя крылья и на груди изображенія цѣлыхъ человѣческихъ фигуръ, птицъ и какихъ-то другихъ животныхъ (табл. V, 1, 3, 7, 11, 18; XXXI, 26), и украшены напаянною проволокою, почти всегда покрытою насѣчкой, какъ лапчатыя подвѣски. Опущенныя крылья имѣетъ только изображеніе ласточки. Всѣ перечисленныя птички отнесены нами къ XI в. скорѣе предположительно, чѣмъ на основаніи надежныхъ признаковъ. Самое сильное основаніе въ пользу этого предположенія даетъ обрывокъ цѣпочки у птицы табл. V, 18; но такія цѣпочки, повидимому, столько же свойственны X в., сколько XI в. Если принять нашу датировку, то все же образки-птички табл. V, 7 и 11 по ихъ особой и грубой техникѣ слѣдуетъ отнести къ концу періода, или даже въ XII в. Съ еще бо́льшимъ приближеніемъ зачисляются нами въ XI в. образки въ видѣ человѣческихъ фигуръ и геніевъ на ящерѣ (табл. XXXI, 2, 5; XXXVI, 2). Къ этому времени мы относимъ тѣ образки даннаго типа, у которыхъ геніи изображены не полными фигурами, а столбиками, хотя должны сознаться, что этотъ признакъ весьма ненадеженъ; техника подѣлокъ говоритъ скорѣе за X в.

2) *Амулеты.* Въ XI в. исчезаютъ всѣ типы прежнихъ амулетовъ (кромѣ флаконовидныхъ подвѣсокъ табл. IX, 13) и водворяются взамѣнъ ихъ новые, привозные, въ видѣ уточекъ (табл. VI, 7, 10, 18; X, 4; XI, 4; XX, 27; XXII, 6; XXXII, 14), извѣстные, между прочимъ, изъ русскихъ кургановъ того же времени. Изъ нихъ подѣлка табл. X, 4—видимо мѣстной работы. Центръ издѣлія такихъ амулетовъ намъ неизвѣстенъ. Флаконовидная подвѣска относится нами къ XI в. по ея измѣнившейся техникѣ сравнительно съ болѣе ранними подѣлками этого рода.

3) *Коньковыя подвѣски* (табл. XI, 1 и 5), характеризующіяся, кромѣ изложенныхъ выше признаковъ, прибавленіемъ наверху человѣческой головы и сравнительно широкимъ среднимъ пролетомъ между конями.

4) Оригинальныя *скобочки*, носимыя, очевидно, на груди, обыкновенно съ подвѣсками (табл. VIII, 14; XX, 29; XXXIII, 4), какъ бы своего рода металлическіе вороты. Относятся нами въ XI в. по техникѣ цѣпочекъ первой изъ этихъ подѣлокъ. Къ тому же типу привѣсокъ относится небольшая продолговатая пластинка съ подвѣсками на цѣпочкѣ (табл. XIV, 4), показывающая, между прочимъ, какъ подобныя подѣлки носились.

5) *Бусы, подвѣски къ ожерелью и трубочки.* Бусы (табл. XXIV, 10, 14, 15, 25, 26, 32, 51) датируются многочисленными аналогіями въ русскихъ курганахъ XI в. и въ другихъ памятникахъ. Подвѣски къ ожерелью: круглыя бляшки съ косымъ переплетомъ, монеты (одна — варварское подражаніе саманидской монетѣ, другая — расклепанный диргемъ 358 г.), выпуклая бляшка съ перекрестьемъ изъ шариковъ и кресты (табл. VII, 17, 21, 23; VIII, 8, 11; IX, 7, 10), бубенчики (табл. XIII, 5; XVIII, 10, 12); всѣ эти предметы одинаковы съ находимыми въ русскихъ курганахъ XI в. Трубочки двухъ типовъ: большія съ прорѣзными яблоками, цѣлыя и половинчатыя (табл. X, 28; XXXIX, 3), найденныя между прочимъ въ Аниковскомъ могильникѣ и, слѣдовательно, относящіяся болѣе къ X в., чѣмъ къ XI в., и пронизки изъ двухъ или трехъ гладкихъ шариковъ, разъединенныхъ гладкою выемкой (табл. X, 19) или нарѣзкой, какъ табл. X, 26, но болѣе аккуратной и отчетливой работы. Пронизки второго типа также относятся болѣе къ X в., чѣмъ къ XI в., какъ показываетъ обильное нахожденіе ихъ въ томъ же Аниковскомъ могильникѣ. Въ перечнѣ пронизокъ XI в. отмѣтимъ спиральныя трубочки изъ тонкой проволоки (табл. X, 15 и 18), которыя, судя по другимъ памятникамъ, усваиваются въ это время и идутъ по крайней мѣрѣ до XVI в

6) Другія *нагрудныя привѣски съ подвѣсками:* a) полуовальныя и соотвѣтственныя ромбической формы (табл. III, 1, 5; XIII, 11; XXXII, 16, 25), b) круглыя выпуклыя бляшки (табл. XVII, 1), c) бляшки изъ двойной спирали, на ушкѣ (табл. XII, 11; XVII, 4, 5), d) бляшка съ подвѣсками въ видѣ кольца, съ гроздьями по краю (табл. XIV, 3), e) неопредѣленная привѣска въ видѣ квадратной пряжки (табл. XIII, 1), f) привѣски изъ небольшихъ выпуклыхъ бляшекъ, группами въ три и шесть (табл. XIV, 12; XXXII, 19), g) ложечки и копоушки (табл. X, 13; XVIII, 13), h) привѣска въ видѣ угла (табл. XXXII, 2).

Для прикрѣпленія подвѣсокъ служатъ костыльки, нѣсколько иной формы, чѣмъ въ X в., изогнутые (табл. XIX, 9; XXIII, 23), якоревидныя зацѣпки (табл. XIII, 14; XXXIV, 33; XXXV, 9; XXXIX, 11) и ажурныя пластины типа прибалтійскихъ и петербургскихъ (табл. XXXII, 26).

Къ составу нагрудныхъ украшеній могутъ быть еще отнесены: a) коническая привѣска съ подвѣсками (табл. XIV, 7) и другая подобная же, поломанная (табл. XIV, 10), b) отрывки длинной цѣпочки изъ проволочныхъ звеньевъ (табл. XX, 12), подобной

извѣстнымъ изъ петербургскихъ кургановъ XI в. (курганы Ивановскаго, табл. VI, 4), c) подѣлка въ видѣ широкаго плоскаго кольца съ сквознымъ отверстіемъ (табл. VII, 22; такая же найдена въ Костромскихъ курганахъ XI—XII в.), d) пуговки (табл. XVIII, 9), время появленія которыхъ мы не могли установить сколько-нибудь точно, e) нагрудныя пряжки, всѣ безъ исключенія типовъ прибалтійскихъ древностей (табл. XV, 13; XVI, 17; XX, 21; XXXIII, 23; изъ нихъ вторая—плохой отливки мѣстное подражаніе).

Всѣ перечисленныя выше подѣлки отнесены нами къ XI в. главнымъ образомъ на основаніи ихъ техники. Датировка нѣкоторыхъ предметовъ требуетъ дополнительныхъ замѣчаній. Для треугольныхъ подвѣсокъ табл. XIV, 12 и XXXII, 19 полная аналогія имѣется на цѣпочкахъ великолѣпной Елевской подвѣски табл. VIII, 14. Копоушка табл. XVIII, 13 по типу подходитъ къ издѣліямъ X в.; по лапкамъ она относится къ XI в., а по средней подвѣскѣ—къ концу XI в., или же къ началу XII в. Подвѣска табл. XXXII, 25 могла бы быть отнесена по типу къ X в., но верхнее ушко по техникѣ относится къ XI в., какъ у подобной подвѣски табл. III, 5.

Присоединяемъ замѣчаніе о лапчатыхъ подвѣскахъ. Изученіе коллекціи намъ показало, что эти подвѣски, явившись въ привозныхъ подѣлкахъ X в., получили въ Перми обширное примѣненіе въ XI в., къ которому и относится ихъ расцвѣтъ. Мы даже склонны были бы высказать предположеніе, что въ XII в. лапчатыя подвѣски совершенно исчезаютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ должны признать, что совершенно такія же подвѣски, правда оловянныя, встрѣчаются и въ XIII—XIV в., вслѣдствіе чего вопросъ о времени ихъ существованія пока не можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно. Поэтому мы не знаемъ, къ какимъ вѣкамъ относятся лапчатыя подвѣски позднихъ типовъ, изображенныхъ на табл. XXXIV, 14, 18—21 и 24; подвѣски рис. 17 и 19 могутъ быть отнесены къ XI в., а рис. 15 представляетъ подвѣску, можетъ быть, и ранняго періода, напр. IX в. Подвѣски табл. XL, 16 — завознаго, окскаго типа.

7) *Перстни.* Завозный экземпляръ перстня XI в. съ широкою переднею частью изображенъ на табл. XV, 2; перстни табл. XV, 3 и табл. XXIII, 18 составляютъ, можно думать, мѣстныя подражанія такимъ завознымъ подѣлкамъ. Къ XI в. эти перстни отнесены по техникѣ ихъ. Витыя кольца табл. XV, 6 и XXXI, 16 извѣстны въ древностяхъ XI в. изъ многихъ мѣстностей. Перстень съ высокою круглою наставкою, подражающею камню (табл. XV, 8), отнесенъ къ XI в., какъ подражаніе подѣлкамъ этого рода X в., но можетъ быть онъ и болѣе ранняго времени.

8) *Поясной наборъ.* Поясныя пряжки табл. XVI, 9; XXXIII, 20; XXXIX, 19—завознаго происхожденія и несомнѣнно относятся къ XI в. Въ пряжкѣ табл. XVI, 13, украшенной проволочнымъ орнаментомъ, какъ птички типа табл. VI, 10, можно видѣть мѣстное подражаніе этимъ же завознымъ формамъ, какъ и въ пряжкѣ табл. XXXIII, 16, которая отнесена нами къ XI в. по техникѣ (насѣчка на плющеной проволокѣ). Пряжечка табл. XXXIII, 11 отнесена къ XI в. также по техникѣ (перевитая проволока), но такъ какъ техника эта имѣетъ расцвѣтъ собственно позднѣе, то и подѣлка можетъ быть относима къ

другому времени; особенность ея техники составляетъ то, что кайма подѣлки состоитъ не изъ гладкой проволоки, а изъ свитой въ веревочку.

Бляшекъ для поясного набора для XI в. мы почти вовсе не рѣшаемся указать, такъ какъ не имѣемъ для того точекъ опоры. Съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ къ этому времени могутъ быть относимы бляшки табл. XVII, 30; XXXIII, 38; XXXIV, 6, такъ какъ подобныя найдены въ Аниковскомъ могильникѣ, и, можетъ быть, бляшки табл. XXXIII, 2.

9) Различныя *другія подѣлки:* a) интересная бляшка въ видѣ двухъ соединенныхъ другъ съ другомъ ажурныхъ лапокъ, неизвѣстнаго времени (табл. XIII, 12), b) круглая бляшка съ отверстіемъ посрединѣ и съ узоромъ на одной сторонѣ изъ концентрическихъ круговъ, а на другой изъ угловъ (табл. VII, 19), относимая нами къ XI в. лишь по преобладанію подѣлокъ этого времени въ данной мѣстности (д. Базуева), c) совершенно гладкая головка или кнопка конической формы (табл. XXXV, 15), относимая къ XI в. на томъ же основаніи, d) какое-то ушко изъ витой проволоки, быть можетъ, отъ пряжки (табл. XXXIII, 10), техники XI в., e) круглое кольцо съ косымъ перекрестьемъ посрединѣ, типа обычнаго для русскихъ кургановъ XI в. (табл. IX, 9), f) желѣзная гладкая подковка (табл. XXV, 24), которой приблизительную аналогію можно сыскать въ тѣхъ же курганахъ, но которая можетъ относиться и къ болѣе позднему времени, g) огниво (табл. XXXV, 8) типа X в., отнесенное нами къ XI в. вслѣдствіе крайней схематичности изображеній.

V. Вещи XII-го вѣка.

Предметы XII в. въ коллекціи могутъ быть выдѣлены съ большимъ затрудненіемъ и лишь гадательно. Мы рѣшаемся отнести къ этому времени лишь тѣ подѣлки, которыя, при близости къ типамъ XI в., отличаются отъ нихъ техническими пріемами работы. Характерною особенностью въ техникѣ вещей XII в. принимаемъ изготовленіе цѣпочекъ для привѣсокъ изъ короткихъ и широкихъ звеньевъ, обвернутыхъ проволокою въ 5 оборотовъ одинаковой ширины и насѣченныхъ въ нижней части; такія цѣпочки имѣютъ грузный, неуклюжій видъ. Онѣ оканчиваются исключительно бубенчиками, тоже грузными, обтянутыми въ верхней части проволокою, обыкновенно также насѣченною; внизу лицевая часть бубенчиковъ тоже украшена насѣченною проволокою. Прорѣзей у бубенчиковъ или двѣ съ боковъ, или же одна позади. Всѣ предметы коллекцій, обтянутые въ какихъ-либо частяхъ проволокою съ насѣчкой, мы причисляемъ къ XII в.

Если наше наблюденіе считать близкимъ къ дѣйствительности, то въ составъ вещей XII в. могутъ быть занесены слѣдующіе предметы коллекціи:

1) Разнаго рода *привѣски типовъ XI в.*: полуовальныя (табл. XII, 6), продолговатыя четыреугольныя (табл. XXXVI, 21), въ видѣ скобочки (табл. XIII, 2), малыя треугольныя изъ спиральныхъ кружковъ (табл. XIV, 2), привѣски-птички (табл. XIII, 9). Кажется, къ XII в. можно отнести и якорьковыя подвѣски, имѣющія позднѣе столь обширное распространеніе, одинарныя и двойныя (табл. XIII, 8; XXXII, 8 и 15); первыя образовались изъ якоревидныхъ застежекъ прежняго времени, а вторыя — изъ пары такихъ подвѣсокъ (предположеніе Ѳ. А. Теплоухова). Быть можетъ, къ XII в. относятся привѣски въ видѣ гуся и пѣтушка (табл. V, 5 и XXXI, 27), другихъ типовъ, чѣмъ подобныя подѣлки XI в.

2) *Пряжки*, круглыя и продолговатыя, съ подвѣсками (табл. XVI, 7; XVI, 6). Послѣдняя, по типу цѣпочекъ и бубенчиковъ, можетъ быть отнесена къ началу XII в.

3) Разные *другіе предметы*: a) обрывки цѣпочекъ изъ большихъ плоскихъ звеньевъ (табл. XXIII, 10), заноснаго типа, b) круглая выпуклая бляшка съ лапчатыми подвѣсками (табл. XVII, 3), относимая нами къ XII в. по типу лапокъ и по насѣчкѣ на спирали, изъ которой образована бляшка, c) подвѣски въ видѣ крупныхъ конусовъ или колокольчиковъ, обтянутыхъ въ нижней части проволокою, отчасти насѣченною (табл. X, 10; XXXIV, 41), d) пронизки-трубочки съ прорѣзными шариками (табл. X, 11; XXXIX, 15), относимыя

сюда на томъ же основаніи, хотя обѣ онѣ, особенно первая, имѣютъ въ общемъ очень хорошую, старую технику, e) большая мѣдная шейная гривна (табл. XXXIV, 12), относимая нами къ древностямъ XI—XII в. по аналогіи съ древностями прибалтійскими и окскими, f) часть серебряной монетной гривны, по типу подходящей, хотя и не вполнѣ, къ кіевскимъ (табл. XXVIII, 13), относимой къ данному періоду предположительно, g) плетеная изъ проволоки копоушка (табл. XL, 15).

Никакихъ другихъ подѣлокъ XII в. въ коллекціи мы не можемъ указать, хотя такія, безъ сомнѣнія, имѣются въ числѣ относимыхъ нами къ XI и къ XIII в.

Ни могильниковъ XII в., ни кладовъ вещей этого времени въ пермскихъ древностяхъ пока неизвѣстно. Данный періодъ почти неуловимъ и въ другихъ русскихъ древностяхъ, что, повидимому, находится въ связи съ ослабленіемъ старыхъ культурныхъ теченій. Новые типы вещей, новую технику всюду наблюдаемъ съ XIII—XIV в., съ появленіемъ въ степяхъ монголовъ, принесшихъ съ собою богатую для этого времени культуру средней Азіи.

VI. Вещи XIII—XIV-го вѣковъ.

Древности XIII—XIV в. въ коллекціи могутъ быть оттѣнены съ большею точностью, чѣмъ вещи XI—XII в. Хотя извѣстенъ пока только одинъ могильникъ этой поры, да и то незначительный (Шабановскій близъ с. Ильинскаго), но зато есть нѣсколько мѣстонахожденій, въ которыхъ древности даннаго времени представлены въ довольно цѣльномъ видѣ (Майкоръ, Мартынова, Ожегова, Полютово, Рачева, Сюзвяки); лучшими же пособіями для опредѣленія состава древностей XIII—XIV в. служатъ техника подѣлокъ и аналогіи съ вещами этого времени въ Поволжьѣ, особенно же въ Болгарахъ и Билярскѣ. Впрочемъ, какъ бы благопріятнымъ ни казалось положеніе наше въ опредѣленіи вещей даннаго періода, нельзя не сознаться, что и здѣсь мы стоимъ на шаткихъ основаніяхъ. Мы еще не можемъ отличить отдѣльно вещей XIII в. и вещей XIV в., смѣшиваемъ вещи XII и XIII в. и, кромѣ того, доводя чудскую культуру только до XIV в., дѣлаемъ это совершенно произвольно: никакъ нельзя ручаться, что въ коллекціи нѣтъ и предметовъ XV—XVI в., которыхъ мы однако не отличаемъ. Точную хронологію здѣсь могутъ дать только раскопки могильниковъ.

Въ техникѣ подѣлокъ XIII—XIV в. замѣчается прежде всего особенная тяжеловѣсность, грузность ихъ. Подвѣски спаяны изъ сочетаній перевитой проволоки съ веревочкою, рѣдко съ прямою проволочною линіей. Звенья цѣпочекъ всегда насѣчены, и непремѣнно лишь въ средней части, которая въ самыхъ позднихъ подѣлкахъ имѣетъ, кромѣ того, характерный перехватъ. Подвѣски—преимущественно бубенчики, искаженные перехватами и насѣчкою въ такой степени, что скорѣе напоминаютъ коническія подвѣски; вырѣзъ всегда на обратной сторонѣ, одинъ. Въ позднихъ подѣлкахъ подвѣски подражаютъ подвѣскамъ издѣлій изъ серебра, составленнымъ изъ двухъ шариковъ (табл. XXIII, 2). Появляются два новые типа подвѣсокъ—одинъ въ видѣ шарика, растянутаго въ нижней части до конуса (взятъ съ серебряныхъ завозныхъ подѣлокъ), другой—въ видѣ бубенчиковъ, нерѣдко съ вскрытою заднею частью, такъ что въ общемъ такая подвѣска скорѣе напоминаетъ ложечку (табл. X, 7). Трубочки, какъ и подвѣски, обтянуты проволокою, покрытою насѣчкой; въ болѣе позднихъ памятникахъ насѣчка эта весьма характерна,—она имѣетъ видъ бубенчиковъ или фестоновъ (табл. XIV, 13). Нѣкоторыя мелкія подѣлки покрыты широкою тонкою насѣчкою (табл. XXXII, 13).

Новыхъ типовъ въ подѣлкахъ XIII—XIV в. нѣтъ, кромѣ предметовъ завозныхъ и подражаній имъ. Все остальное—наслѣдіе XI—XII в.

Въ составъ издѣлій XIII—XIV в. въ коллекціи входятъ:

1) *Образки*: a) птички, представленныя сверху, съ припайными головками (табл. VI, 4 и 6); вторая отнесена къ позднему періоду главнымъ образомъ по техникѣ насѣчки (какъ на привѣскѣ табл. XXXII, 13), а первая, кромѣ сходства въ техникѣ со второю, также по мѣстонахожденію; b) птички съ изображеніями человѣческой фигуры и всадника (табл. XXII, 7; XXXI, 13, 14); отнесены къ позднему періоду по нахожденію съ поздними вещами (с. Кудымкоръ, юсьвенская вол. съ вещами XIII—XIV в.) и по грубости техники. Конечно, всѣ эти подѣлки могутъ быть относимы и къ XII в., только не къ XI в.; птичка табл. XXXI, 14 по композиціи, особенно же по рукамъ человѣческой фигуры, могла бы быть отнесена даже къ X в., если не къ болѣе раннему времени, но техника ея очень груба. Вылитая изъ чугуна птичка табл. V, 19 или очень поздняя, или же поддѣльная; c) изображеніе отдѣльной человѣческой фигуры (табл. XXXI, 3), относимое нами къ XIII—XIV в. совершенно гадательно, лишь потому, что болѣе раннія изображенія этого типа неизвѣстны, и потому, что техника подѣлки груба.

2) *Амулеты*: a) птички, всѣ съ подвѣсками на цѣпочкахъ (табл. X, 1—3; XXII, 8); привѣшены на системѣ трубочекъ, или же на цѣпочкахъ. Отнесены къ XIII—XIV в. по техникѣ; птички типа табл. X, 3, быть можетъ, относятся даже къ XII в.; b) птица—пронизка (табл. VI, 22; c) подвѣски флаконовидныя (табл. IX, 12; XIX, 6; XXIII, 1); изъ нихъ первая и вторая, быть можетъ, принадлежатъ XII—XIII в., послѣдняя—къ XIV в.

3) *Привѣски*: a) якорьковыя двойныя и одинарныя (табл. XIII, 3; XXIII, 2; XXXII, 13; XXXIV, 31; XL, 1—3, 17), позднихъ тяжелыхъ формъ и поздней техники; въ серебряныхъ подѣлкахъ этого типа якоревидные выступы замѣняются двумя кружками; b) полуовальныя, обратившіяся почти въ полукруглыя, многія съ наставками изъ стекла (табл. XII, 12, 13; XXXIV, 39; XXXVI, 1, 5; XL, 8, 14, 18, 19); большинство составляетъ прямое подражаніе завознымъ издѣліямъ этого рода; c) въ видѣ продолговатой пластинки, плетеной изъ проволоки (табл. XIII, 13); d) въ видѣ узкаго конуса или горлышка (табл. X, 7).

4) *Трубочки-пронизки* (табл. X, 23—27; XXXIX, 21) позднихъ тяжелыхъ формъ. Изъ нихъ трубочки типа табл. X, 26 встрѣчены въ Селянинскомъ могильникѣ, но всѣ эти пронизки, безъ сомнѣнія, могли существовать и въ XII в. Трубочка табл. XXXIX, 21, видимо, очень поздняя, трубочка табл. XXXII, 22 отнесена къ позднему времени лишь предположительно, по ея новой формѣ. Кажется, большая часть трубочекъ XIII—XIV в. снабжена подвѣсками (табл. X, 6, 9; XIV, 13; XXXII, 12 и отмѣченныя прежде; отдѣльно подвѣски табл. XII, 7 и 8). Цѣпочки нѣкоторыхъ скомпонованы изъ перегнутыхъ кольчатыхъ звеньевъ простой формы (табл. XXXII, 12); звенья подвѣсокъ съ бантомъ (табл. XXXIX, 8) относимъ къ позднему времени въ предположеніи, что они составляютъ развитіе болѣе простыхъ звеньевъ того же общаго типа поздняго времени (табл. XII, 7). Пронизка въ видѣ одного шарика съ ушками и съ скромной насѣчкой (табл. IV, 11) приво-

дитъ насъ въ смущеніе своимъ одиночествомъ въ коллекціи и своею малоопредѣленною техникою; мы относимъ ее къ XIII—XIV в. лишь потому, что, кажется, болѣе раннихъ пронизокъ съ ушками нѣтъ. Если же таковыя оказались бы, въ такомъ случаѣ эта подѣлка имѣетъ значеніе прототипа.

5) *Нагрудныя пряжки*, плетеныя изъ проволоки, круглыя, съ подвѣсками (табл. XXXIII, 17). Сюда же причислимъ круглую бляшку въ видѣ плоскаго кольца, съ колечками по окружности, непонятнаго назначенія, плетеную чрезвычайно грубо изъ проволоки (табл. XVI, 14). Къ позднему времени заставляетъ ее отнести грубость работы и отсутствіе въ подѣлкѣ прямыхъ проволокъ, но серьезнаго основанія считать эту подѣлку поздней нѣтъ.

6) *Завозныя подѣлки изъ серебра и мѣстныя подражанія имъ.* Въ поздній періодъ, послѣ значительнаго перерыва, снова выступаютъ подѣлки изъ серебра, украшенныя зернью и филигранью. Характерною особенностью издѣлій этого рода позднѣйшей поры являются позолоченныя гладкія пластинки, вкладываемыя, по краямъ и по срединѣ издѣлій, между сканью. Къ подѣлкамъ этого рода относятся: серьги (табл. VII, 2; XXXI, 7, 9), лунницы (табл. XII, 1), круглыя бляшки, иногда двойныя (табл. XII, 3; XXXI, 6; XL, 7), наставки (табл. XXXIX, 27), пронизки въ видѣ бусъ (табл. XXXI, 8), подвѣски въ формѣ бубенчика (табл. XIII, 4). Нѣкоторыя завозныя серебряныя подѣлки состоятъ изъ крупной скани, крупной насѣченной филиграни и снабжены наставкою (табл. XXXI, 10); это другой типъ завозныхъ издѣлій. Нѣтъ серьезныхъ основаній относить перечисленныя издѣлія непремѣнно къ XIII—XIV в., такъ какъ съ монетами и датированными предметами они пока не были находимы. Мы даже охотнѣе отнесли бы ихъ къ XII—XIII в. Единственная точка опоры для хронологіи позднихъ подѣлокъ съ зернью—Осокинскій кладъ 1894 г., въ которомъ вмѣстѣ съ такими подѣлками были найдены поздніе подвѣски-птички и трубочки.

Мѣстныя подражанія: лунницы (табл. VIII, 1; XXII, 23; XXXIX, 20, 24), круглыя бляшки (табл. VIII, 12), пронизки-бусы (табл. X, 5), подвѣски-бубенчики. Еще завозныя издѣлія изъ серебра: широкое пластинчатое запястье кіевскаго типа, покрытое чернью (табл. XV, 17), и пухлый проволочный браслетъ казанскаго типа (табл. XV, 14).

7) *Серьги*: подражаніе серьгѣ въ видѣ кольца съ напущенною бусою (табл. VII, 12) и въ видѣ вопросительнаго знака, съ напущенными въ нижней части бусами (табл. VII, 10, 14); для этихъ типовъ имѣются аналогіи въ древностяхъ XIII—XIV в., хотя они встрѣчаются и много позднѣе, какъ и серьга табл. VII, 13 съ широкимъ кольцомъ въ нижней части. Серьга табл. XXXI, 25 отнесена нами къ данному періоду только потому, что не найдено для нея аналогій въ болѣе раннихъ древностяхъ.

8) *Ожерелья.* Разнообразный наборъ крупныхъ и мелкихъ, стеклянныхъ и каменныхъ бусъ (табл. XXIV, 6, 8, 18—21, 31, 34, 36, 37, 52—54, 59, 60—62, 65—67, 71, 73—75, 77, 79, 80; XXXIV, 9, 10); граненая буса табл. XXIV, 31 относится, надо думать, къ поздней порѣ, близкой къ нашей. Для всѣхъ перечисленныхъ бусъ имѣются многочисленныя аналогіи въ памятникахъ XIII—XIV в. Къ числу бусъ этого времени есть основанія отнести мѣдную бусу, покрытую проволочными кружками (табл. XXXIV, 28), рыбьи

позвонки (табл. XXIV, 2) и пронизки изъ глины (табл. XXIX, 9—11). Подвѣски къ ожерельямъ: лунницы, круглая бляшка съ изображеніемъ сканью охоты (табл. VIII, 3), относимая нами къ позднимъ подѣлкамъ по аналогіи съ лунницей табл. XXXIX, 24, круглая бляшка, украшенная выпуклымъ орнаментомъ (табл. VIII, 7), относимая къ позднему времени вполнѣ гадательно, по нѣкоторому сходству съ серебряными подѣлками табл. XII, 3 и по отверстію, выбитому тамъ же, гдѣ и у бляшки табл. VIII, 12, вѣроятно, также служившей подвѣскою къ ожерелью, далѣе—обыкновенная подвѣска изъ ляписъ-лазули (табл. XXIV, 5), раковинки каури (табл. XXIV, 24), впрочемъ весьма распространенныя и въ памятникахъ XII в. (владимірскіе могильники), пронизки и подвѣски изъ зубовъ и костей животныхъ (табл. XXI, 5, 6; XXIV, 9) и другія перечисляемыя ниже.

9) *Перстни* (табл. XV, 1, 5, 10, 11; XXIII, 11; XXXI, 15); почти всѣ перечисленные типы найдены также въ мордовскихъ могильникахъ XIV в. Перстни табл. XV, 10 и XXIII, 11, покрытые зернью, не отнесены нами къ XI в. потому, что на нихъ наложена не скань, а насѣченныя ленточки.

10) *Поясной наборъ*: пряжки (табл. XVI, 1, 4; XXXIII, 8, 13, 19), наконечники (табл. XVII, 7, 8, 11, 41—43, 45—47), бляшки (табл. XVII, 6, 7, 10, 13—15, 19, 24—26, 29—32, 34, 35, 37, 39, 40; XXII, 11, 12, 16, 17; XXIII, 13, 16, 17; XXXIII, 29, 30, 34, 38; XXXV, 7; XXXVI, 16). Въ прежнее время мы были склонны всѣ эти подѣлки, какъ близкія къ типамъ X в., относить къ сравнительно раннему времени, напр. къ XI в., теперь же, присмотрѣвшись къ матеріалу ихъ (преимущественно бѣлая бронза или булатъ) и къ орнаменту, въ которомъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ древнѣйшихъ восточныхъ элементовъ, считаемъ необходимымъ относить ихъ къ болѣе позднему времени, преимущественно къ XIII—XIV в. Одна изъ бляшекъ, именно наконечникъ табл. XVII, 45, нами уже была найдена въ могильникѣ этого времени; всѣ онѣ въ массахъ попадаются какъ разъ въ мѣстонахожденіяхъ поздняго времени. Въ частности замѣтимъ, что пряжка табл. XXXIII, 13 отнесена къ позднему періоду по мѣстонахожденію (Мартыново городище), бляшки табл. XXII, 17 и XXXVI, 16—монгольскаго типа, и время ихъ опредѣляется съ большимъ приближеніемъ, бляха типа табл. XXXIII, 38 найдена въ Таманскомъ кладѣ XIII—XIV в., бляшка табл. XXIII, 16 имѣетъ аналогіи въ татарскихъ и мордовскихъ древностяхъ XIV в., бляшки табл. XVII, 6 и 37 инкрустированы. Поясная пряжка табл. XXXIX, 29 относится, по всей вѣроятности, къ XII—XIII в., пряжки табл. XXXIX, 13 и 28—не раньше XIV в. и попадаются въ болгарскихъ древностяхъ, желѣзная пряжка табл. XXXIII, 19, лишенная своей бляхи, по аналогіямъ въ могильникѣ при д. Селянинѣ-озерѣ, можетъ быть отнесена къ XIII—XIV в.

Здѣсь же перечислимъ рядъ маленькихъ круглыхъ бляшекъ, литыхъ изъ булата или спаянныхъ изъ проволоки, выпуклыхъ (табл. XVII, 21; XXII, 2, 20; XXIII, 7, 15). Мы относимъ ихъ къ XIII—XIV в. частью по матеріалу, частью по орнаменту (зубчатыя насѣчки, горошинки). Бляшки тѣхъ же типовъ табл. XVII, 33 и XXXIII, 28 относятся, быть можетъ, и къ болѣе раннему времени. Наконечникъ табл. XXXIX, 23, видимо, поздній; мы не находимъ ему аналогій даже въ древностяхъ XIV в.

11) Различныя *мелкія металлическія подѣлки:* a) треугольная пластинчатая подвѣска (табл. XXXIV, 13), схематизированная лапка; въ тобольскихъ древностяхъ такія подвѣски попадаются всегда съ поздними вещами. Быть можетъ, вещь завозная изъ-за Урала; b) небольшія тонкія застежки въ видѣ раковинки или схематизированной человѣческой фигуры (табл. X, 14; XVII, 17, 27), завозныя изъ Болгаръ; c) крючки съ колечками и безъ нихъ (табл. XX, 8, 15; XXIII, 21), относимые нами къ позднему времени по ихъ техникѣ. Типъ табл. XX, 8 встрѣчается и въ XI в. Крючокъ, совершенно подобный табл. XXIII, 21, найденъ въ Билярскѣ; на концѣ его ясно выступаетъ змѣиная головка; d) подвѣска конической формы, круглая внизу (табл. XXXV, 11), извѣстная изъ болгарскихъ древностей; e) обломокъ булатнаго зеркала, обычной для XIII—XIV в. формы (табл. XXXI, 20); f) мѣдная короткая булавка съ колечкомъ въ верхней части (табл. XVIII, 26); подобныя подѣлки встрѣчаются уже въ X в., но данная отнесена нами къ позднему времени по мѣстонахожденію и по аналогіи въ болгарскихъ древностяхъ (Билярскъ); g) бляшки отъ сбруи съ тремя отверстіями для ремней (табл. XXXII, 27), аналогичныя съ болгарскими; h) неопредѣленная спираль изъ желѣза (табл. XVIII, 28); i) мѣдныя и желѣзныя полыя короткія рукояти въ формѣ птичьихъ головокъ (табл. XX, 1 и 7); подобныя извѣстны во многихъ экземплярахъ изъ восточной и южной Россіи, гдѣ онѣ попадаются всегда съ поздними древностями; быть можетъ, это рукоять плети; k) высокая подвѣска конической формы табл. XL, 9, какъ бы сочетаніе обыкновенной конической подвѣски съ трубочкой; l) подвѣска конической формы (табл. XL, 9).

12) *Отдѣльныя вещи* предположительно XIII—XIV в. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить завозныя мѣдныя вилки (табл. XXXV, 19), наигольники (табл. XVIII, 7 и 8), рукояти (табл. XIX, 2) изъ свѣтлой мѣди. Вещи эти попадаются въ болгарскихъ древностяхъ и въ Сибири. Мы рѣшились отнести ихъ къ данному періоду въ виду того, что всѣ эти предметы найдены въ мѣстонахожденіяхъ именно этой поры (Вакина, Кудымкоръ, Полютово, Трапезникова, Рождественское, Орлова, Кыжъ, Данилова, Зелва). Можетъ быть, къ тѣмъ же древностямъ относится тонкая мѣдная ложка (табл. XXXV, 18), а также изготовленные изъ той же мѣди гребешки и бляшка-подвѣска (табл. XXXIX, 30); подѣлки послѣднихъ двухъ типовъ покрыты характернымъ для болгарскихъ древностей орнаментомъ изъ кружковъ съ точкою посрединѣ. Ажурная бляшка-тройчатка табл. XX, 11 по своему орнаменту также можетъ быть отнесена къ данному періоду, если только не принадлежитъ несравненно болѣе раннему времени, именно VIII—IX в., по аналогіи орнамента съ украшеніемъ подвѣски-конька табл. VI, 11. Быть можетъ, къ данному же времени принадлежатъ: ажурная подвѣска въ видѣ звѣзды въ кругу (табл. IX, 8), двѣ круглыя плоскія бляшки съ ушками позади, изъ которыхъ одна покрыта орнаментомъ, а другая украшена изображеніемъ геральдическаго льва (табл. XVIII, 24, 25), бляшка бóльшихъ размѣровъ, покрытая выпуклыми растительными разводами (табл. XX, 28), овальная выпуклая бляшка съ орнаментомъ, съ верхней части рукояти ножа, какъ въ болгарскихъ древностяхъ (табл. XXIII, 12), и мѣдная рукоять ножа съ геральдическимъ изображеніемъ льва (табл. XL, 11).

13) *Подѣлки изъ олова:* лапчатыя подвѣски (табл. XXXIX, 26), привѣска-лунница (табл. XXIII, 6), привѣска изъ четырехъ и одного кружковъ (табл. VIII, 9; XXIII, 14), фигурныя пуговки въ формѣ бубенчиковъ (табл. XVIII, 11), бляшка въ видѣ розетки (табл. VIII, 13), бляшка въ видѣ кольца съ перемычкою (табл. XVI, 8), мелкія рубчатыя бусы (табл. XXXIX, 4). Найденныя въ разныхъ мѣстахъ литейныя формочки видимо относятся къ подѣлкамъ изъ олова (табл. XXVIII, 2—4, 21), кромѣ, можетъ быть, формочки табл. XXVIII, 1. Литье, повидимому, не процвѣтало у пермской чуди, которая предпочитала спаивать вещи изъ отдѣльныхъ частей.

14) *Подѣлки изъ кости и рога* многочисленны и разнообразны, чѣмъ весьма ярко отличается и болгарская культура. Не умѣя отличать въ костяныхъ издѣліяхъ старыя отъ новыхъ, мы перечисляемъ въ позднемъ періодѣ всѣ этого рода подѣлки, тѣмъ болѣе, что аналогіи почти всѣмъ такимъ подѣлкамъ не трудно отыскать въ древностяхъ Болгаръ и Билярска. Къ болѣе раннимъ издѣліямъ изъ кости, время которыхъ мы не беремся опредѣлить, относятся: костыльки (табл. XXXV, 6 и 10), рукоятка съ отверстіями въ верхней части (табл. XXI, 4), копоушки (табл. XVIII, 15 и XXXIV, 5); для всѣхъ этихъ подѣлокъ имѣются аналогіи въ древностяхъ X и XI в. (табл. XVIII, 16; XIX, 9; XX, 14). Можетъ быть, къ раннимъ издѣліямъ относятся также костяная буса (табл. XXXV, 22) и ложка съ изображеніемъ на стеблѣ лисьей головы (табл. XXII, 13), какъ на подѣлкахъ скандинавскаго типа X в.; подѣлка изъ рога въ видѣ псалія (табл. XXI, 9) не относится ли къ еще болѣе раннему времени? Къ издѣліямъ XIII—XIV в. могутъ быть отнесены: a) костяныя ложки (табл. XXI, 17 и 19); b) пластинки, изъ которыхъ одна покрыта изображеніемъ дракона (табл. XXI, 12), другая —извѣстнымъ орнаментомъ изъ ячеекъ (табл. XXI, 18); c) подвѣска-амулетъ квадратной формы съ кружковымъ орнаментомъ (табл. XXI, 14); d) костылекъ (табл. XXXV, 4) съ нарѣзкою; e) гребни (табл. XXI, 10, 11; XXXV, 5); f) фигурныя пластинки съ отверстіями (табл. XXI, 3, 7, 13); g) различныя рукояти (табл. XXI, 20, 22); h) булавка (табл. XXI, 8) и вязальныя иглы (табл. XXI, 1; XXXIV, 30); i) наконечники стрѣлъ (табл. XXVI, 7, 12, 14, 15, 30; XXVII, 16; XXVIII, 6, 7, 9; XXXIV, 40), изъ которыхъ болѣе или менѣе надежно могли быть опредѣлены по аналогіямъ въ болгарскихъ древностяхъ стрѣлки табл. XXVI, 12, 15 и XXXIV, 40; j) пищикъ (табл. XXV, 7); k) большія источенныя кости (табл. XXI, 23); l) разнаго рода другія подѣлки: костылекъ (табл. XXI, 15), баранья лодыжка (табл. XXI, 2), стержни разнаго вида (табл. XXI, 16, 21; XXXV, 1), пластинка (табл. XXXIV, 36).

15) *Издѣлія изъ глины и камня:* a) такъ называемое пряслице (табл. XVIII, 21; XXV, 12; XXXV, 13; послѣднее покрыто тонкою зеленою поливою); b) черепки отъ посуды съ разнообразнымъ орнаментомъ (табл. XXIX, 3, 4, 6—8, 14—21, 26, 27), между ними черепки такъ называемой болгарской красной и сѣрой лакированной посуды (табл. XXIX, 22, 23—25); c) ушки отъ чашекъ (табл. XXIX, 28), одинаковыя съ найденными въ Шабановскомъ могильникѣ; d) каменный кругъ съ отверстіемъ въ срединѣ (табл. XXX, 10), быть можетъ, жерновъ.

16) Различныя *издѣлія домашняго и сельскаго быта* изъ мѣди и желѣза: a) желѣзныя иглы (табл. XXXIV, 29, 35); b) огнива (табл. XVIII, 4), аналогичныя съ найденными при Селянинѣ озерѣ; c) большія и малыя мѣдныя и желѣзныя удочки (табл. XXV, 2, 3, 6, 9), относимыя нами къ позднему времени по мѣстонахожденіямъ и по аналогіи съ болгарскими древностями; d) мѣдные котелки съ разными приспособленіями (табл. XXVIII, 15—20, 23, 27, 28, 38; XXXV, 16), найденные въ позднихъ пермскихъ погребеніяхъ (раскопки г. Борисова въ Верхокамьѣ, случайныя раскопки на Вишерѣ); e) желѣзныя заклепки и клинья (табл. XXVIII, 14, 24, 36); f) желѣзная подкова (табл. XXV, 21), подобная найденной въ Билярскѣ; g) разнообразные желѣзные замки и ключи (табл. XIX, 10—12, 14—19), аналогичные съ находимыми въ болгарскихъ городахъ; къ этимъ подѣлкамъ причисляемъ по типу и замокъ въ видѣ конька (табл. XIX, 13), который по техникѣ можетъ относиться и къ новѣйшимъ временамъ; h) неопредѣленные желѣзные наконечники (табл. XXV, 19, 22), извѣстные и въ болгарскихъ древностяхъ, и еще какая-то подѣлка (табл. XXVII, 18).

17) *Земледѣльческія орудія.* Время многочисленныхъ въ коллекціи сошниковъ (табл. XXX, 7—9, 11—21) мы не рѣшаемся опредѣлить, тѣмъ болѣе, что съ датировкой ихъ тѣсно связанъ вопросъ о началѣ въ пермскомъ краѣ земледѣлія. Такъ какъ ральники найдены на Рождественскомъ городищѣ и почти исключительно въ мѣстностяхъ, извѣстныхъ находками поздней поры (Данилова, Харина, Чажегова, Федорова), то вѣроятно, что они принадлежатъ уже поздней болгарской культурѣ, хотя съ увѣренностью утверждать это нельзя. Имѣющіяся въ коллекціи желѣзныя косы (табл. XXX, 6) сходны съ найденными въ Ефаевскомъ могильникѣ XIII в. и въ Кубанскихъ курганахъ XIV в. Кажется, что въ XI в. въ ходу были только серпы.

18) *Топоры.* Топоры съ вырѣзомъ (табл. XXX, 2) принадлежатъ, повидимому, къ болѣе раннему времени, напр. къ XI—XII в., такъ какъ въ мордовскихъ могильникахъ XIII—XIV в. ихъ не встрѣчено; въ позднихъ топорахъ нижняя линія или совсѣмъ гладкая (табл. XXX, 3), или же съ отдѣльною бородавкой (табл. XXX, 1). Послѣдніе типы имѣютъ многочисленныя аналогіи въ могильникахъ даннаго періода. Къ тому же времени, по всей вѣроятности, относится и топоръ съ горизонтальнымъ лезвіемъ (табл. XXX, 4 и 5). Длинный узкій топоръ въ видѣ кирки (табл. XXVII, 3) сходенъ съ подобными же орудіями изъ позднихъ мордовскихъ могильниковъ.

19) *Оружіе.* Хронологически опредѣлить многочисленные типы и разновидности желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ X—XIV в. мы пока не были въ состояніи. Исходя изъ наблюденія, что наибольшее разнообразіе въ ихъ формахъ падаетъ на XIII—XIV в., мы именно въ этомъ періодѣ даемъ перечень всѣхъ типовъ, не пріуроченныхъ къ болѣе раннему времени, хотя не можемъ не сознавать, что среди нихъ имѣются типы другого времени, и болѣе ранніе, и—вѣроятно—болѣе поздніе. Итакъ, къ XIII—XIV в. въ коллекціи принадлежатъ или могутъ принадлежать наконечники стрѣлъ формы треугольной (табл. XXVII, 12, 13; XXVIII, 32), ромбической (табл. XXVI, 13, 16, 22, 34, 35; XXVIII, 10, 29, 30), съ жалами (табл. XXVI, 5, 17, 23, 26, 33; XXVIII, 26, 37), гранчатые (табл.

XXVI, 2, 4, 6, 8, 9; XXVIII, 31, 33—35), съ тупымъ верхомъ (табл. XXVI, 1, 29), развилкой (табл. XXVI, 32; XXVIII, 8, 22), въ видѣ листа (табл. XXVI, 13), однобокіе типа острогъ (табл. XXV, 8, 10; XXVI, 21; XXVIII, 12). Аналогіи въ древностяхъ XIII—XIV в. найдены для слѣдующихъ типовъ: табл. XXVI, 1, 4, 6, 13, 16, 22, 23, 29, 32, 33; XXVII, 13; XXVIII, 8, 22, 31—33, 35.

Къ XIII—XIV в. не можетъ ли быть отнесенъ наконечникъ копья съ яблокомъ на втулкѣ (табл. XXVII, 7)? Подобный найденъ въ Билярскѣ, но безъ шиповъ и безъ отверстій на лезвіѣ.

VII. Вещи позднѣйшаго времени.

На таблицахъ настоящаго изданія помѣщены рисунки нѣкоторыхъ предметовъ коллекціи позднѣйшаго происхожденія:

1) Подѣлки съ финифтью XVII и XVIII в.: рукоятка ножа (табл. XIX, 7), широкое кольцо (табл. XXIII, 22), наигольникъ (табл. XVIII, 6), пуговка (табл. XXIV, 64) и часть аграфа (табл. XXII, 15).

2) Мѣдный футляръ для перьевъ XVII—XVIII в. (табл. XX, 13).

3) Желѣзная кольчуга XVI—XVII в. (табл. XXV, 15 и 16).

4) Красивая стальная рукоять отъ французской шпаги XVIII в. (табл. XIX, 1).

5) Вещи совершенно новыя: короткая цѣпочка (табл. XXV, 23), два звена желѣзной цѣпочки, обтянутыя тонкою проволокой (табл. XXIII, 4), стеклянная наставка отъ булавки или кольца съ изображеніемъ дамы (табл. XVIII, 29). Всѣ эти вещи найдены на Кудымкорскомъ городищѣ и въ Патракахъ. Сюда же, повидимому, могутъ быть отнесены: бляшка отъ сбруи (табл. XXXIII, 18), подобіе пряжки (табл. XVI, 11; подѣлка эта, впрочемъ, можетъ быть относится и къ числу старыхъ, начиная съ XIV в.), желѣзныя удила (табл. XXV, 13); къ предметамъ недавняго же происхожденія должны быть причислены крупныя мѣдныя трубочки конической формы (табл. XIX, 8; XXXV, 12), сохраняющіяся у инородцевъ, кажется, по настоящее время; одна изъ нихъ, повидимому, была приспособлена къ безмѣну.

Алфавитный указатель мѣстонахожденій.

Аннинская волость. По р. Веслянѣ, впадающей въ Каму въ сѣверо-западномъ углу Пермской г.
Антоновцы д. На верховьяхъ р. Малого Туя (притока Камы) Пермскаго уѣзда.
Архангельская вол. При впаденіи р. Велвы въ Иньву.
Базуева д. Гаинской вол. Чердынскаго уѣзда.
Баландина д. На р. Иньвѣ близь впаденія Велвы.
Беклемишева поле (Транды). Между р. Гаревой и Полуденной, Филатовской вол. Пермскаго у.
Богоявленское с. (Сёрнъ). Соликамскій у., въ бассейнѣ р. Обвы.
Бѣлоева д. На р. Кувѣ, притокѣ р. Иньвы, близъ д. Мальцевой.
Бѣлошейка д. Близъ с. Филатова на р. Гаревой.
Вакина д. На р. Исылѣ, впадающей въ Иньву въ ея нижнемъ теченіи.
Вашъ-Пальникъ д. Въ верховьяхъ р. Велвы.
Велва р. Впадаетъ въ р. Иньву въ ея среднемъ теченіи.
Верхне-Березовскій поч. близъ д. Ямскихъ.
Верхняя-Вочь д. На рч. Вочь, въ Вологодской губ.
Верхъ-Иньвенская вол. На верховьяхъ р. Иньвы.
Верхъ-Язвинское с. Въ верховьяхъ р. Обвы.
Висимъ р. Впадаетъ въ Каму ниже устья Обвы. По ней Висимская дача.
Гаинская вол. Въ верховьяхъ Камы.
Галкина д. На устьѣ р. Чусовой.
Гарамиха городище. Близъ д. Коневой у мельницы Опалихи на р. Гаревой.
Гаревское костище. Близъ устья р. Гаревой, впадающей въ Каму ниже Обвы.
Георгіевское с. Въ верховьяхъ Камы въ Вятской губ.
Гляденова д. На р. Камѣ ниже г. Перми.
Горбунята д. Въ окрестностяхъ Кунгура на р. Сыльвѣ.
Гордъ-Кушетъ д. Въ верховьяхъ Камы въ Вятской губ.
Грудята д. На р. Ломоватовкѣ въ окрестностяхъ с. Слудки.
Гущата д. Усть-Гаревской вол., въ низовьяхъ р. Малаго Туя.
Данилова д. Гаинской волости.
Дёмина д. Близъ с. Ильинскаго въ Соликамскомъ уѣздѣ.
Дмитріевская вол. Соликамскій у., на р. Обвѣ.
Дубленова д. На р. Иньвѣ, въ среднемъ теченіи.
Егвинское с. На рч. Егвѣ, впадающей въ р. Обву.
Елева д. Гаинской вол. Чердынскаго уѣзда.
Загарье д. Купросской вол. на р. Иньвѣ.
Зароденка поле. Близъ д. Ковиной на устьѣ р. Малаго Туя.
Златина д. Гаинской волости.
Зобачева д. На р. Ломоватовкѣ.

Иванчина д. Гаинской вол., въ Верхокамьѣ.
Идогова д. На р. Егвѣ, впадающей въ Обву.
Ильинское с. На р. Обвѣ, Пермскаго уѣзда.
Калгановка д. На р. Кувѣ, впадающей въ Иньву.
Калино с. На р. Чусовой, при устьѣ р. Лысьвы.
Калинята д. Тиминской вол. Соликамскаго у., въ бассейнѣ р. Иньвы. Городище.
Катаева д. Близъ д. Полуденной на р. Полуденной, впадающей въ Гаревую.
Кемоль р. Впадаетъ въ Обву въ ея нижнемъ теченіи.
Кипрушева д. Въ верховьяхъ р. Кувы.
Козьмина д. Близъ с. Купросъ на р. Иньвѣ.
Кокорята д. Между с. Филатовскимъ и д. Полуденною.
Коновалята д. На р. Малый Туй.
Корчея д. Юксеевской вол., по р. Лологу, въ Верхокамьѣ.
Косылъ р. Притокъ р. Иньвы.
Косьва р. Впадаетъ въ Каму выше Чусовой.
Коча д. На рч. Ошевой, впадающей въ р. Косу, въ Верхокамьѣ.
Красильникова д. Гаинской вол., въ Верхокамьѣ.
Кудымкоръ с. При впаденіи р. Кувы въ Иньву.
Купросъ с. Въ среднемъ теченіи р. Иньвы.
Кыласово городище. На р. Иньвѣ, близъ ея устья.
Кыжъ д. На рч. Кыжъ, притокѣ р. Косьвы.
Кынъ р. Впадаетъ въ Чусовую въ среднемъ ея теченіи.
Кырдымское городище. На рч. Кырдымѣ, впадающей въ Иньву близъ с. Купроса.
Лаврятское городище. При впаденіи р. Вильвы въ р. Косьву.
Логинова д. Аннинской вол., въ Верхокамьѣ, близь д. Плесо.
Ломоватовка р. Впадаетъ въ старицу р. Камы ниже Обвы.
Лупья рч. Впадаетъ въ Каму ниже р. Весляны, въ Верхокамьѣ. Лупья д. тамъ же.
Мазунина д. Гаинской вол. Чердынскаго уѣзда.
Майкоръ с. На р. Иньвѣ, въ ея низовьѣ.
Мальцева д. На р. Кувѣ, притокѣ Иньвы.
Манаки д. Въ Соликамскомъ у. за р. Обвой.
Маркова д. На р. Ломоватовкѣ близъ д. Зобачевой.
Мартынова д. Недалеко отъ д. Вакиной, по р. Иньвѣ.
Медвѣдица городище. То же, что Бѣлошейка.
Михалева д. Гаинской вол. Чердынскаго уѣзда.
Модоробъ д. Тамъ же.
Морочата д. Недалеко отъ с. Филатова, въ бассейнѣ рч. Полуденной.
Мочелята д. Близъ с. Никулинскаго на р. Косьвѣ.
Мысы д. Гаинской вол., въ Верхокамьѣ.
Назарова д. На р. Обвѣ близъ устья рч. Кемоль.
Новоселова д. На р. Велвѣ, въ Соликамскомъ уѣздѣ.
Носкова д. На вятскомъ теченіи р. Камы.
Ожегова д. Близъ с. Богородскаго на р. Чолвѣ, впадающей въ Обву у с. Ильинскаго.
Онское городище. На р. Чермозѣ, впадающей въ Каму выше Обвы.
Опутина д. Дмитріевской вол. Соликамскаго у., по Обвѣ.
Опутята д. При устьѣ р. Малаго Туя.
Орлова д. На р. Нытвѣ, впадающей въ Каму выше Оханска.
Осипова д. На р. Велвѣ, впадающей въ р. Иньву.
Останина д. Въ низовьяхъ р. Косьвы.
Ошибъ д. На р. Велвѣ, притокѣ Иньвы.
Панкраши д. Въ верховьяхъ рч. Малаго Туя.
Патраки д. По среднему теченію той же рѣчки.

Першина д. Близъ с. Таборъ Оханскаго у., на Камѣ.
Пешнигортъ д. На р. Иньвѣ выше впаденія Кувы.
Плесо (Плесъ) д. Въ Верхокамьѣ, на Камѣ.
Подбобыка д. На р. Вишерѣ, въ ея нижнемъ теченіи.
Полуденная д. На р. Полуденной, притокѣ р. Гаревой.
Полютово городище. На р. Иньвѣ ниже с. Купроса.
Пуксибъ д. На р. Косѣ выше с. Косы.
Пыскоръ с. На Камѣ выше г. Дедюхина.
Пыштайнъ д. Гаинской вол., въ Верхокамьѣ.
Пѣшкова д. При впаденіи р. Кондасъ въ Каму.
Рачева д. Близъ с. Воскресенскаго на р. Нердвѣ, притокѣ Обвы.
Редикоръ с. На р. Камѣ ниже впаденія Колвы.
Рождественское с. На р. Обвѣ выше впаденія Нердвы.
Рыжкова д. Близъ с. Богородскаго на р. Чолвѣ.
Семина д. Близъ с. Ильинскаго.
Слудская вол. и с. Слудка на устьѣ р. Обвы.
Старица д. Гаинской вол., въ Верхокамьѣ.
Сыпучинская вол. На р. Вишерѣ, противъ рч. Писанки.
Сѣчище д. Верхъ-Нердвинской вол., въ бассейнѣ Обвы.
Сюзвяки д. По Обвѣ близъ с. Богоявленскаго.
Тиминская вол. По р. Иньвѣ.
Трапезникова д. Майкорской вол. на р. Иньвѣ.
Тренина д. На нижнемъ теченіи р. Косьвы.
Трошата д. На Обвѣ близъ с. Кривецъ.
Трубенскій пог. Близъ устья рч. Гаревой.
Тывашеръ рч. Гаинской вол.
Урья д. На рч. Ошевѣ, притокѣ Косы.
Усть-Вочь д. На р. Вочь, притокѣ сѣверной Кельтмы, Вологодской губ.
Усть-Нердва с. На р. Нердвѣ, притокѣ р. Обвы.
Федорова д. Гаинской вол.
Федоровщина д. Рядомъ съ с. Майкоръ на Иньвѣ.
Фекленки (Феклята) д. Близъ с Филатова Пермскаго уѣзда.
Филатово с. На р. Гаревой, Пермскаго уѣзда.
Харина д. Гаинской вол.
Чажегова д. Гаинской вол.
Чазева д. На р. Лологѣ Чердынскаго уѣзда.
Чаньва р. Притокъ р. Яйвы, впадающей въ Каму у Орла-городка.
Черновая д. Въ Оханскомъ у. близъ границъ съ Пермскимъ уѣздомъ.
Шатровъ поч. На р. Камѣ, въ вятскомъ теченіи.
Щеткина д. Въ Соликамскомъ у. въ окрестностяхъ с. Ильинскаго.
Юксеево с. На р. Лологѣ.
Юрята д. На Обвѣ, въ нижнемъ теченіи.
Юсьва с. На р. Юсьвѣ, притокѣ Иньвы.
Ямскихъ д. По р. Малому Тую.

Указатель къ таблицамъ.

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
I, 1	д. Останина	21	III—VI	I, 26	д. Грудята	25	VIII—IX
2	д. Останина	21	III—VI	27	с. Ильинское	21	III—VI
3	с. Ильинское	21	III—VI	28	с. Ильинское	21	III—VI
4	с. Ильинское	21	III—VI	29	с. Ильинское	21	III—VI
5	с. Ильинское	21	III—VI	30	Гаревское кост. . .	21	III—VI
6	с. Ильинское	21	III—VI	31	Гаревское кост. . .	21	III—VI
7	с. Ильинское	21	III—VI	32	с. Ильинское	21	III—VI
8	с. Ильинское	21	III—VI	33	Гаревское кост. . .	21	III—VI
9	с. Ильинское	21	III—VI	34	Гаревское кост. . .	21	III—VI
10	д. Останина.	21	III—VI	35	Гаревское кост. . .	21	III—VI
11	Гаревское костище.	21	III—VI	36	Гаревское кост. . .	21	III—VI
12	Гаревское кост. . .	21	III—VI	37	Гаревское кост. . .	21	III—VI
13	Гаревское кост. . .	21	III—VI	38	с. Ильинское	21	III—VI
14	с. Ильинское	21	III—VI	39	с. Ильинское	21	III—VI
15	Гаревское кост. . .	21	III—VI	40	с. Ильинское	21	III—VI
16	Гаревское кост. . .	21	III—VI	41	с. Ильинское	21	III—VI
17	Гаревское кост. . .	21	III—VI	42	с. Ильинское	21	III—VI
18	Гаревское кост. . .	21	III—VI	43	с. Ильинское	21	III—VI
19	Гаревское кост. . .	21	III—VI	44	с. Ильинское	21	III—VI
20	Гаревское кост. . .	21	III—VI	45	с. Ильинское	21	III—VI
21	Гаревское кост. . .	21	III—VI	46	с. Ильинское	21	III—VI
22	Гаревское кост. . .	21	III—VI	47	с. Ильинское	21	III—VI
23	Гаревское кост. . .	21	III—VI	48	Гаревское кост. . .	21	III—VI
24	д. Останина.	21	III—VI	49	с. Ильинское	21	III—VI
25	Гаревское кост. . .	21	III—VI	II, 1	поле Беклемишева .	28	VIII—IX?

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
II, 2	поле Беклемишева .	25	VIII—IX	III, 15	д. Кипрушева. . . .	28	VIII—IX?
3	поле Беклемишева .	25	VIII—IX	16	д. Пуксибъ	27	VIII—IX?
4	пог. Трубенскій. . .	27	VIII—IX	17	д. Маркова (?) . . .	28	VIII—IX?
5	поле Беклемишева .	27	VIII—IX	18	д. Чазева	28	VIII—IX
6	поч. Верхне-Березовскій	26	VIII—IX?	19	д. Корчея	25	VIII—IX
				20	д. Плесъ.	26	VIII—IX
7	поч. Верхне-Березовскій	29	VI—VIII?	21	д. Пуксибъ	27	VIII—IX
8	Сыпучинская вол. .	29	VIII—IX?	22	д. Плесъ	28	VIII—IX
9	д. Сѣчище.	34	X?	IV, 1	д. Плесъ.	26	VIII—IX
10	д. Мальцева.	32	X	2	д. Чазева	24	VIII—IX
11	поле Беклемишева.	25	VIII—IX	3	д. Фекленки.	21	III—VI
12	поч. Шатровъ	32	X	4	город. Гарамиха . .	22	III—VI
13 (17)	д. Пешнигортъ . . .	29	VIII—X?	5	д. Тренина	24	IX—X
14	поле Беклемишева .	26	VIII—IX	6	д. Корчея	24	IX?
15	поле Беклемишева .	26	VIII—IX	7	д. Черновая.	21	III—VI
16	поле Беклемишева .	27	VIII—IX	8	д. Опутята.	23	VIII—IX
III, 1	д. Логинова	37	XI	9	Гаинская вол. . . .	24	IX?
2	д. Грудята	25	VIII—IX	10	д. Плесъ.	23	VIII—IX
3	город. Гарамиха . .	27	VIII—IX	11	д. Антоновцы	43	XII—XIV
4	город. Гарамиха . .	25	VIII—IX	12	д. Грудята	26	VIII—IX?
5	д. Кипрушева. . . .	37	XI	13	д. Плесъ.	23	VIII—IX
6	д. Плесо.	27	VIII—IX	14	д. Плесъ.	23	VIII—IX
7	д. Зобачева	27	IX—X	15	д. Антоновцы	23	VIII—IX
8	д. Зобачева	26	VIII—IX	V, 1	д. Галюкова.	36	XI
9	д. Пуксибъ	26	VIII—IX	2	д. Федотова	30	IX—X
10	Аннинская вол. . .	26	VIII—IX	3	д. Базуева.	36	XI
11	д. Грудята	26	VIII—IX	4	д. Грудята	25	VIII—IX
12	д. Зобачева	26	VIII—IX	5	с. Рождественское .	40	XII?
13	д. Антоновцы	28	VIII—IX?	6	д. Манаки.	25	VIII—IX
14	д. Гущата.	27	VIII—IX	7	д. Данилова.	36	XI—XII

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
V, 8	д. Грудята......	24	IX?	VI, 18	д. Иванчина	36	XI
9	д. Вакина......	30	IX—X	19	д. Елева.......	23	VIII—IX
10	д. Грудята......	24	VIII—IX	20	д. Пуксибъ.....	23	VIII—IX
11	с. Усть-Вочь.....	36	XI—XII	21	Калинское город. .	24	VIII—IX
12	д. Маркова.....	24	VIII—IX	22	д. Чажегова.....	43	XIII—XIV
13	д. Грудята	25	VIII—IX	VII, 1	д. Загарье......	32	X
14	д. Загарье......	30	X	2	д. Вакина......	44	XIII—XIV
15	д. Златина......	30	IX—X	3	с. Рождественское .	32	X?
16	д. Зобачева.....	25	VIII—IX	4	д. Михалева	32	X
17	Калинское город. .	24	IX—X?	5	д. Гордъ-Кушетъ. .	32	X
18	д. Михалева.....	36	X—IX	6	д. Мальцева.....	32	X
19	с. Ильинское	43	?	7	д. Гордъ-Кушетъ. .	32	X
20	д. Михалева.....	30	X	8	д. Загарье......	32	X
VI, 1	р. Гаревая	25	VIII—IX	9	с. Рождественское .	32	X
2	д. Михалева.....	24	VIII—IX	10	с. Кудымкоръ....	44	XIV
3	д. Михалева.....	25	VIII—IX	11	д. Мальцева.....	32	X
4	д. Харина......	43	XIII—XIV	12	д. Вакина......	44	XII—XIV
5	д. Мальцева.....	30	X	13	д. Данилова.....	44	XIV—XVI?
6	гор. Мартыново. . .	43	XIII—XIV	14	с. Кудымкоръ....	44	XIV—XVI?
7	д. Михалева.....	36	XI	15	Аннинская вол. . .	26	VIII—IX
8	д. Маркова.....	23	VIII—IX	16	д. Загарье......	32	X
9	д. Михалева.....	23	VIII—IX	17	д. Вакина......	37	X—XI
10	д. Елева.......	36	XI	18	д. Грудята	26	VIII—IX
11	с. Кудымкоръ....	25	VIII—IX	19	д. Базуева......	39	X—XI?
12	д. Грудята......	25	VIII—IX	20	д. Харина......	32	VIII—X
13	д. Грудята......	25	VIII—IX	21	д. Михалева.....	37	XI
14	д. Плесъ.......	23	VIII—IX	22	д. Базуева......	38	XI
15	д. Вакина......	25	VIII—IX?	23	с. Рождественское .	37	X
16	д. Грудята......	23	VIII—IX	24	д. Загарье......	31	X
17	д. Федорова.....	23	VIII—IX	25	Чердынскій у. ...	31	X

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
VIII, 1	д. Рыжкова	44	XIII—XIV	X, 3	д. Данилова.	43	XII—XIII
2	д. Вакина	26	VIII—IX?	4	д. Михалева.	36	XI—XII
3	с. Кудымкоръ. . . .	45	XIII—XIV	5	Гаинская вол. . . .	44	XIII—XIV
4	д. Вакина	32	X?	6	д. Вакина	43	XIV
5	д. Модоробъ	26	VIII—IX	7	с. Рождественское .	43	XII—XIII
6	д. Харина.	26	VIII—IX?	8	д. Загарье.	31	X
7	д. Харина.	45	XIII—XIV?	9	д. Мартынова. . . .	43	XIV
8	д. Старица	37	XI	10	д. Харина.	40	XII?
9	д. Федорова.	47	XIII—XIV	11	д. Чажегова.	40	XII?
10	р. Косылъ.	32	X?	12	д. Загарье.	31	X
11	д. Михалева.	37	XI	13	с. Кудымкоръ. . . .	37	XI—XII
12	с. Кудымкоръ. . . .	44	XIII—XIV	14	с. Рождественское .	46	XIV
13	с. Рождественское .	47	XIII—XIV	15	д. Елева.	37	XI?
14	д. Елева.	37	XI	16	Аннинская вол. . . .	25	VIII—IX
IX, 1	с. Кудымкоръ. . . .	26, 31	IX—X	17	д. Гордъ-Кушетъ. .	34	X
2	с. Ильинское	26, 31	IX—X	18	д. Елева.	37	XI?
3	д. Михалева.	31	IX—X	19	с. Рождественское .	37	X—XI
4	д. Харина.	26	VIII—IX?	20	д. Михалева.	25	VIII—IX
5	д. Красильникова. .	31	IX—X	21	д. Харина.	25	VIII—IX
6	д. Загарье.	31	IX—X	22	д. Харина.	25	VIII—IX
7	д. Модоробъ.	37	XI	23	д. Федоровщина . .	43	XII—XIV
8	д. Елева.	46	XIV?	24	д. Вакина	43	XIII—XIV
9	Туманское городище	39	XI	25	д. Вакина	43	XIII—XIV
10	д. Михалева.	37	XI	26	с. Рождественское .	43	XII—XIV
11	д. Загарье.	31	X	27	с. Рождественское .	43	XIII—XIV
12	д. Трошата	43	XII—XIII	28	д. Харина.	37	X—XI
13	д. Вакина	36	XI?	29	д. Харина.	25	IX—X
14	д. Мальцева.	31	X	30	д. Загарье.	34	X
X, 1	с. Кудымкоръ. . . .	43	XIII—XIV	31	д. Елева.	25	IX
2	д. Юрята	43	XII—XIV	XI, 1	д. Михалева.	37	XI

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
XI, 2	д. Харина.	37	X—XI	XIII, 11	д. Щеткина	37	XI
3	д. Мальцева.	31	X	12	д. Михалева.	39	IX—XI
4	с. Кудымкоръ. . . .	36	XI	13	д. Михалева.	43	XIII—XIV
5	д. Елева.	37	XI	14	д. Михалева.	37	XI
6	д. Урья	26	IX—X	15	д. Харина.	26	VIII—IX
7	д. Харина.	26	IX—X	XIV, 1	Рождественск. город.	31	X
8	р. Идогова	31	X?	2	д. Модоробъ	40	XII
XII, 1	д. Мазунина.	44	XIII—XIV	3	с. Рождественское .	37	XI
2	с. Пыскоръ	32	X?	4	д. Михалева.	37	XI—XII
3	Кырдымское город. .	44	XIII—XIV	5	Аннинская вол. . .	26	VIII—IX
4	с. Пыскоръ	31	X?	6	д. Загарье.	31	X
5	д. Гордъ-Кушетъ . .	31	X	7	д. Верхняя-Вочь . .	37	XI
6	д. Михалева.	40	XII	8	с. Ильинское	31	X
7	д. Мартынова. . . .	43	XIII—XIV	9	с. Купросъ.	31	X
8	д. Данилова.	43	XIV	10	с. Рождественское .	37	XI
9	д. Мальцева.	31	X	11	с. Ильинское	31	X
10	д. Михалева.	31	X	12	с. Рождественское .	37	XI
11	д. Харина.	37	XI	13	д. Михалева.	43	XIV?
12	д. Модоробъ.	43	XIV	XV, 1	д. Елева.	45	XIII—XIV
13	д. Михалева.	43	XIII—XIV	2	д. Старица.	38	XI
XIII, 1	д. Елева.	37	XI—XII	3	д. Модоробъ.	38	XI
2	д. Вочь	40	XII	4	д. Гордъ-Кушетъ. .	32	X
3	д. Ожегова	43	XIV	5	д. Модоробъ.	45	XIII—XVI
4	д. Вакина	44	XIII—XIV	6	д. Елева.	38	XI
5	д. Михалева.	37	XI	7	д. Загорье.	32	X
6	с. Кудымкоръ. . . .	31	X	8	с. Кудымкоръ. . . .	38	XI?
7	д. Гордъ-Кушетъ. .	31	X	9	д. Гордъ-Кушетъ . .	32	X
8	д. Михалева.	40	XII?	10	с. Рождественское .	45	XIII—XIV
9	д. Модоробъ	40	XII—XIII	11	д. Златина.	45	XIII—XIV
10	д. Михалева.	31	XI	12	д. Гордъ-Кушетъ . .	32	X

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
XV, 13	Гаинская вол. . . .	38	X—XI	XVII, 3	д. Златина	40	XII?
14	с. Верхъ-Язва. . . .	44	XIV	4	д. Михалева.	37	XI
15	с. Рождественское .	32	X	5	д. Федорова.	37	XI
16	д. Гордъ-Кушетъ . .	32	X	6	д. Харина.	45	XIII—XIV
17	Кырдымское город.	44	XIII?	7	Чердынскій у. . . .	45	XI—XIV
18	с. Кудымкоръ. . . .	32	IX—X?	8	д. Михалева.	45	XIII—XIV
19	д. Загарье.	32	X	9	д. Загарье.	34	X
20	д. Загарье.	32	X	10	д. Харина.	45	XIII—XIV?
21	д. Загарье.	32	X	11	с. Рождественское .	45	XIII—XIV
22	д. Коча	32	X	12	р. Кынъ.	25	VIII—IX
23	д. Опутята	27	VIII—IX	13	д. Данилова.	27	VIII—IX
XVI, 1	с. Рождественское .	45	XIII—XIV?	14	д. Вакина	45	XIII—XIV
2	д. Данилова.	27	VIII—IX?	15	д. Елева.	45	XIII—XIV
3	Юксѣевская вол. .	27	VIII—IX	16	д. Мальцева.	33	X
4	с. Рождественское .	45	XIII—XIV	17	д. Рачева	46	XIV
5	д. Гордъ-Кушетъ . .	33	X	18	д. Елева.	33	X
6	д. Старица	40	XII	19	с. Рождественское .	45	XIII—XIV
7	д. Харина.	40	XII	20	д. Урья	27	VIII—IX
8	д. Вакина.	47	XIII—XIV	21	д. Рачева	45	XIV
9	д. Федорова.	38	XI	22	д. Елева.	26	VIII—IX?
10	д. Загарье.	33	X	23	д. Загорье.	33	X
11	д. Вакина	49	?	24	д. Михалева.	45	XIII—XIV?
12	Аннинская вол. . .	27	VIII—IX	25	с. Рождественское .	45	XI—XIV
13	д. Вакина.	38	XI?	26	д. Михалева.	45	XIII—XIV
14	Дмитріевская вол. .	44	XI—XIV	27	Онское город. . . .	46	XIV
15	д. Коча	27	VIII—IX	28	д. Мальцева.	33	X
16	д. Вакина.	27	VIII—IX?	29	д. Харина.	27, 45	XIII—XIV
17	д. Осипова	38	XI?	30	д. Федорова.	39, 45	X—XI
XVII, 1	с. Рождественское .	37	XI	31	с. Рождественское .	45	XIII—XIV
2	д. Харина.	31	X	32	с. Рождественское .	45	XIII—XIV

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
XVII, 33	с. Рождественское .	45	XI—XIV	XVIII, 16	р. Иньва.	34	X
34	с. Рождественское .	45	XIII—XIV	17	д. Морочата.	28	VI—VIII?
35	Гаинская вол. . . .	45	XIII—XIV	18	д. Антоновцы. . . .	28	VIII—IX
36	Гаинская вол. . . .	27	VIII—IX	19	город. Гарамиха . .	28	VIII—IX
37	с. Рождественское .	45	XIII—XIV	20	д. Гордъ-Кушетъ. .	34	X
38	с. Рождественское .	33	XI—XIV	21	с. Рождественское .	47	XIII—XIV
39	с. Рождественское .	45	XIII—XIV	22	с. Кудымкоръ. . . .	28	VIII—IX
40	с. Рождественское .	45	XI—XIV	23	д. Патраки	28	VIII—IX
41	с. Рождественское .	45	XIII—XIV	24	с. Ильинское	46	XIII—XIV?
42	д. Данилова.	45	XIII—XIV	25	с. Богоявленское . .	46	XIII—XIV?
43	с. Рождественское .	45	XIII—XIV	26	с. Кудымкоръ. . . .	46	XI—XIV
44	д. Урья	27	VIII—VIX	27	город. Гарамиха . .	28	VIII—IX
45	с. Рождественское .	45	XIII—XIV	28	с. Кудымкоръ. . . .	46	XIII—XIV?
46	с. Рождественское .	45	XIII—XIV	29	д. Патраки	49	XIX
47	д. Модоробъ.	45	XI—XIV	XIX, 1	д. Зародята.	49	XVIII
XVIII, 1	Кудымкорская вол.	33	X?	2	д. Рагозники	46	XIII—XIV?
2	д. Харина.	33	X	3	д. Коча	34	X
3	д. Загарье.	33	X	4	д. Коча	34	X
4	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV	5	д. Коча	34	X
5	д. Загарье.	33	X	6	д. Трапезникова . .	43	XIII—XIV
6	с. Рождественское .	49	XVII	7	с. Юксѣево	49	XVII
7	д. Кыжъ.	46	XIII—XIV?	8	д. Полютова.	49	?
8	р. Ломоватовка . . .	46	XIII—XIV?	9	д. Елева.	37	XI?
9	с. Рождественское .	38	XI—XIV	10	д. Михалева.	48	XII—XIV
10	Гаинская вол. . . .	37	XI	11	д. Вакина.	48	XII—XIV
11	д. Федоровщина . .	47	XIV?	12	д. Данилова.	48	XIII—XIV
12	с. Рождественское .	37	XI	13	д. Данилова.	48	XIV?
13	с. Рождественское .	37	XI	14	д. Харина.	48	XIII—XIV
14	д. Гордъ-Кушетъ. .	34	X	15	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV
15	с. Кудымкоръ. . . .	47	XI—XIV	16	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
XIX, 17	д. Модоробъ.	48	XIII—XIV	XX, 28	с. Кудымкоръ. . . .	46	XIV—XVI?
18	д. Данилова.	48	XII—XIV	29	д. Михалева.	37	XI?
19	д. Харина.	48	XII—XIV	30	д. Загарье.	34	X
XX, 1	д. Михалева.	46	XIII—XIV	XXI, 1	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
2	с. Евгинское	28	VIII—IX	2	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
3	д. Загарье.	33	X	3	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
4	д. Загарье.	33	X	4	с. Кудымкоръ. . . .	47	XI—XIV
5	д. Загарье.	33	X	5	с. Кудымкоръ. . . .	45	XIII—XIV
6	д. Загарье.	33	X	6	с. Кудымкоръ. . . .	45	XIII—XIV
7	с. Кудымкоръ. . . .	46	XIII—XIV	7	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
8	д. Вакина.	46	XII—XIV	8	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV?
9	д. Михалева.	27	VIII—IX	9	с. Рождественское .	47	?
10	с. Рождественское .	30	X	10	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
11	с. Кудымкоръ. . . .	46	IX, XIV?	11	д. Вакина.	47	XIII—XIV
12	д. Михалева.	37	XI	12	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
13	д. Чажегова.	49	XVII?	13	с. Рождественское .	47	XIII—XIV
14	д. Загарье.	34	X	14	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
15	д. Вакина.	46	XIII—XIV	15	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
16	д. Плесъ.	27, 32	IX—X?	16	д. Вакина.	47	XIII—XIV
17	д. Загарье.	31	X	17	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
18	д. Загарье.	33	X	18	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
19	д. Грудята	26	VIII—IX	19	д. Вакина.	47	XIII—XIV
20	д. Старица	24	VIII—IX	20	д. Вакина.	47	XIII—XIV
21	д. Чажегова	38	XI?	21	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
22	д. Плесъ.	27	VIII—IX	22	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
23	Чердынскій у. . . .	26	VIII—IX	23	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
24	д. Модоробъ.	26	VIII—IX	XXII, 1	д. Модоробъ	24	VIII—IX
25	д. Загарье.	34	X	2	с. Кудымкоръ. . . .	45	XIII—XIV
26	д. Загарье.	32	X	3	с. Редикоръ.	33	IX—X
27	д. Данилова.	36	XI	4	д. Вашъ-Пальыкъ.	23	VIII—IX

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	В ѣ к а.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	В ѣ к а.
XXII, 5	д. Златина.	23	VIII—IX	XXIII, 12	д. Харина.	46	XIII—XIV
6	д. Мазунина	36	XI	13	с. Рождественское .	45	XIII—XIV?
7	с. Кудымкоръ. . . .	43	XII—XIV	14	д. Михалева.	47	XIV
8	Чердынскій у. . . .	43	XIII?	15	д. Вакина.	45	XIII—XIV
9	д. Чазева	25	IX?	16	д. Данилова.	45	XIV
10	д. Плесъ.	27	VIII—IX	17	с. Рождественское .	45	XIII—XIV
11	с. Рождественское .	45	XIII—XIV	18	Чердынскій у. . . .	38	XI
12	с. Рождественское .	45	XIII—XIV	19	с. Рождественское .	33	X—XI
13	д. Вакина.	47	XI—XIV	20	д. Гордъ-Кушетъ. .	33	X
14	д. Харина.	31	X?	21	д. Елева.	46	XIII—XIV
15	д. Патраки	49	XVIII	22	с. Кудымкоръ. . . .	49	XVII
16	с. Рождественское .	45	XIII—XIV	23	д. Данилова.	37	XI?
17	с. Рождественское .	45	XII—XIV	24	д. Загарье.	34	X
18	д. Гордъ-Кушетъ. .	34	X	25	Гаревское кост. . .	21	III—VI
19	д. Харина.	30	X	26	с. Рождественское .	27	VIII—IX?
20	с. Кудымкоръ. . . .	45	XIII—XIV	27	Кырдымское город.	28	VIII—IX
21	д. Плесъ.	26,33	VIII—IX	28	с. Кудымкоръ. . . .	27	VIII—IX?
22	д. Вакина.	24	IX—X?	XXIV, 1	с. Кудымкоръ. . . .	31	X?
23	д. Харина.	44	XIV	2	с. Кудымкоръ. . . .	45	XIV
XXIII, 1	с. Калино	43	XIV	3	д. Грудята	25	VIII—IX
2	д. Вакина.	43	XIV	4	с. Рождественское .	25	VIII—IX
3	д. Харина.	28	VIII—IX	5	с. Рождественское .	45	XIII—XIV
4	с. Кудымкоръ. . . .	49	?	6	с. Рождественское .	44	XIII—XIV
5	д. Зобачева	28	VIII—IX	7	гор. Гарамиха. . . .	25	VIII—IX
6	д. Вакина.	47	XIII—XIV	8	с. Кудымкоръ. . . .	44	XIII—XIV
7	д. Харина.	45	XIV	9	с. Кудымкоръ. . . .	45	XIII—XIV?
8	Гаревское кост. . .	21	III—VI	10	с. Кудымкоръ. . . .	37	XI?
9	д. Михалева.	31	X	11	д. Загарье.	32	X
10	д. Коча	40	XII	12	д. Мальцева.	32	X
11	с. Рождественское .	45	XIII—XIV?	13	д. Козьмина.	32	X

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
XXIV, 14	д. Златина.	37	XI	XXIV, 44	д. Грудята.	25	VIII—IX
15	д. Кача	37	XI	45	д. Грудята.	25	VIII—IX
16	д. Загарье.	32	X	46	д. Грудята.	25	VIII—IX
17	д. Данилова.	32	X—XI	47	д. Опутята	25	VIII—IX
18	с. Рождественское .	44	XIII—XIV	48	д. Грудята.	25	VIII—IX
19	с. Рождественское .	44	XIII—XIV	49	д. Грудята.	25	VIII—IX
20	с. Рождественское .	44	XIII—XIV	50	д. Грудята.	25	VIII—IX
21	с. Рождественское .	44	XIII—XIV	51	с. Рождественское .	37	XI
22	д. Козьмина.	32	X	52	Чердынскій у. . . .	44	XIII—XIV
23	д. Загарье.	32	X	53	д. Харина.	44	XIII—XIV?
24	с. Кудымкоръ. . . .	45	XIII—XIV	54	д. Харина.	44	XIV
25	д. Коча	37	XI	55	р. Иньва.	25	VIII—IX
26	д. Мартынова. . . .	37	XI	56	с. Рождественское .	32	X—XI
27	город. Полютово . .	25	VIII—IX	57	д. Патраки	25	VIII—IX
28	город. Гарамиха . .	25	VIII—IX	58	д. Грудята (?) . . .	25	VIII—IX
29	город. Медвѣдица .	25	VIII—IX	59	с. Рождественское .	44	XII—XIV
30	город. Гарамиха . .	28	VIII—IX	60	д. Вакина.	44	XII—XIV
31	с. Кудымкоръ. . . .	44	?	61	д. Вакина.	44	XIII—XIV?
32	с. Кудымкоръ. . . .	37	XI	62	с. Рождественское .	44	XIII—XIV?
33	д. Коча	25	VIII—IX	63	д. Останина.	21	III—VI
34	д. Мартынова. . . .	44	XIII—XIV	64	Кырдымское город.	49	XVII
35	д. Антоновцы. . . .	25	VIII—IX	65	д. Мартынова. . . .	44	XIV
36	д. Ожегова	44	XIII—XIV	66	с. Кудымкоръ. . . .	44	XIV
37	с. Рождественское .	44	XII—XIV	67	с. Кудымкоръ. . . .	44	XIII—XIV
38	д. Коча	25	VIII—IX	68	д. Грудята	25	VIII—IX
39	д. Антоновцы. . . .	25	VIII—IX	69	д. Вакина.	25	VIII—IV
40	д. Павкраши	21	III—VI	70	д. Зобачева.	25	VIII—IX
41	д. Опутята	25	VIII—IX	71	д. Пыштайнъ	44	XIV
42	д. Грудята.	25	VIII—IX	72	д. Зобачева	25	VIII—IX
43	д. Грудята.	25	VIII—IX	73	с. Кудымкоръ. . . .	44	XIII—XIV

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
XXIV, 74	гор. Кыласовское. .	44	XIII—XIV	XXV, 24	д. Коча	39	XI—XIV
75	д. Вакина.	44	XIII—XIV	XXVI, 1	с. Кудымкоръ. . . .	49	XIII—XIV
76	д. Грудята	25	VIII—IX	2	с. Рождественское .	49	XI—XIV
77	д. Вакина.	44	XIII—XIV	3	д. Вакина.	34	X—XI?
78	д. Грудята	25	VIII—IX	4	д. Вакина.	49	XIII—XIV
79	с. Кудымкоръ. . . .	44	XIII—XIV	5	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV
80	д. Вакина.	44	XIII—XIV	6	Лаврятское город. .	49	XIII—XIV
81	д. Кокорята.	25	VIII—IX	7	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV?
XXV, 1	д. Гущата.	28	VIII—IX?	8	с. Кудымкоръ. . . .	49	XI—XIV
2	Гаревское оз.	48	XIII—XIV	9	с. Кудымкоръ. . . .	49	XIII—XIV
3	с. Рождественское .	48	XIII—XIV?	10	д. Козьмина.	34	X
4	с. Вакина.	28	VIII—IX?	11	д. Гордъ-Кушетъ . .	34	X
5	с. Ильинское	21	?	12	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
6	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV?	13	д. Вакина.	48	XIII—XIV
7	Лаврятское город. .	47	XIII—XIV	14	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV?
8	д. Данилова.	49	?	15	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
9	Полютово город. . .	44	XIII—XIV	16	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV
10	с. Кудымкоръ. . . .	49	XIII—XIV	17	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV
11	д. Загарье.	34	X	18	с. Ильинское	34	X?
12	Лаврятское город. .	47	XIII—XIV	19	с. Кудымкоръ. . . .	34	X?
13	д. Катаева	49	?	20	Лаврятское город. .	34	X?
14	с. Ильинское	34	X	21	с. Кудымкоръ. . . .	49	XIII—XIV
15	Чердынскій у. . . .	49	XVII?	22	д. Вакина.	48	XIII—XIV
16	Чердынскій у. . . .	49	XVI—XVII	23	д. Харина.	48	XIII—XIV
17	д. Загарье.	34	X	24	д. Лупья.	34	X—XI?
18	д. Загарье.	34	X	25	д. Михалева.	34	X—XI?
19	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV	26	д. Стар. Гаревая. .	48	XIII—XIV?
20	д. Загарье.	34	X	27	д. Гордъ-Кушетъ. .	34	X
21	д. Бѣлошейка. . . .	48	XIII—XIV?	28	д. Вакина.	34	X—XIV
22	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV	29	с. Кудымкоръ. . . .	49	XIII—XIV
23	с. Кудымкоръ. . . .	49	XIX	30	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV?

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
XXVI, 31	с. Рождественское .	49	XIII—XIV	XXVIII, 6	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
32	д. Вакина.	49	XIII—XIV	7	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
33	с. Рождественское .	48	XIII—XIV	8	с. Кудымкоръ. . . .	49	XIII—XIV
34	д. Вакина.	48	XIII—XIV?	9	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
35	д. Вакина.	48	XIII—XIV	10	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV
XXVII, 1	д. Загарье.	34	X	11	с. Кудымкоръ. . . .	34	X
2	д. Вакина.	34	X	12	д. Вакина.	49	XIII—XIV
3	Онское город. . . .	48	XIII—XIV	13	д. Плесо.	41	XII—XIII
4	д. Загарье.	34	X	14	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV
5	д. Загарье.	34	X	15	с. Рождественское .	48	XIII—XIV
6	д. Загарье.	34	X	16	с. Рождественское .	48	XIII—XIV
7	д. Вакина.	49	XIV?	17	с. Рождественское .	48	XIII—XIV
8	Висимская дача . .	21	I—III	18	с. Рождественское .	48	XIII—XIV
9	Висимская дача . .	21	I—III	19	д. Харина.	48	XIII—XIV
10	д. Загарье.	34	X	20	с. Рождественское .	48	XIII—XIV
11	с. Ильинское	34	X	21	с. Рождественское .	47	XIII—XIV
12	д. Ошибъ	48	XIII—XIV	22	с. Кудымкоръ. . . .	49	XIII—XIV?
13	д. Базуева.	48	XIII—XIV	23	с. Рождественское .	48	XIII—XIV
14	д. Антоновцы	28	VIII—IX?	24	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV
15	д. Модоробъ.	34	X?	25	с. Кудымкоръ. . . .	34	VIII—X
16	с. Кочево	47	XIII—XIV?	26	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV
17	д. Тренина	34	X	27	с. Рождественское .	48	XIII—XIV
18	с. Рождественское .	48	XIII—XIV?	28	д. Михалева.	48	XIII—XIV
19	д. Загарье.	34	X	29	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV
20	д. Загарье.	34	X	30	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV
XXVIII, 1	с. Юсьвинское. . . .	47	XIII—XIV?	31	Чердынскій у. . . .	49	XIII—XIV
2	с. Рождественское .	47	XIII—XIV?	32	с. Рождественское .	48	XI—XIV
3	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV?	33	с. Кудымкоръ. . . .	49	XIII—XIV
4	с. Рождественское .	47	XIII—XIV	34	с. Кудымкоръ. . . .	49	XI—XIV
5	Лаврятское город. .	34	IX—X?	35	д. Вакина.	49	XIII—XIV

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	В ѣ к а.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	В ѣ к а.
XXVIII, 36	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV	XXIX, 28	с. Рождественское .	47	XIII—XIV
37	д. Кипрушева. . . .	48	XIII—XIV	XXX, 1	с. Рождественское .	48	XIII—XIV
38	с. Усть-Вочь.	48	XIII—XIV	2	д. Вакина.	48	XII—XIV
XXIX, 1	город. Гарамиха . .	28	VIII—IX	3	Гаинская вол. . . .	48	XIII—XIV
2	город. Медвѣдица .	28	VIII—IX	4	д. Харина.	48	XIII—XIV
3	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	5	Гаинская вол. . . .	48	XIII—XIV
4	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	6	Верхъ-инвенск. вол.	48	XIII—XIV?
5	д. Коновалята. . . .	28	VIII—IX	7	с. Рождественское .	48	XIII—XIV?
6	с. Кудымкоръ . . .	47	XIII—XIV	8	д. Харина.	48	XIII—XIV?
7	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	9	Верхъ-инвенск. вол.	48	XIII—XIV?
8	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	10	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV?
9	с. Кудымкоръ. . . .	45	XIII—XIV	11	Верхъ-инвенск. вол.	48	XIII—XIV?
10	с. Кудымкоръ. . . .	45	XIII—XIV	12	д. Чазева	48	XIII—XIV?
11	с. Кудымкоръ. . . .	45	XIII—XIV	13	д. Данилова.	48	XIII—XIV?
12	д. Загарье.	34	X	14	д. Модоробъ	48	XIII—XIV?
13	д. Морочата.	28	VIII—IX	15	Купросская вол. . .	48	XIII—XIV?
14	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	16	Купросская вол. . .	48	XIII—XIV?
15	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	17	с. Гаинское	48	XIII—XIV?
16	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	18	д. Федорова.	48	XIII—XIV?
17	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	19	д. Мальцева.	48	XIII—XIV?
18	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	20	д. Иванчина.	48	XIII—XIV?
19	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	21	д. Чажегова.	48	XIII—XIV?
20	д. Вакина	47	XIII—XIV	XXXI, 1	д. Плотникова . . .	24	IX—X?
21	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	2	Онское город. . . .	36	X—XI
22	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	3	д. Вакина.	43	XIII XIV?
23	с. Рождественское .	47	XIII—XIV	4	д. Грудята	24	IX
24	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	5	д. Семина	36	X—XI
25	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	6	д. Данилова.	44	XIII—XIV
26	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	7	с. Кудымкоръ. . . .	44	XIII—XIV
27	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	8	Кырдымское город.	44	XIII—XIV

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	В ѣ к а.
XXXI, 9	д. Елева.	44	XIII—XIV
10	д. Харина.	44	XIII—X(V
11	д. Плесъ.	23	VIII—IX
12	д. Плесъ.	23	VIII—IX
13	д. Данина.	43	XIII—XIV
14	д. Красильникова ?	43	X -XIV
15	д. Вакина.	45	XIII—XIV
16	д. Дубленова	38	XI
17	д. Плесъ.	25	VIII—IX
18	д. Харина.	25	VIII—IX
19	д. Дубленова	32	X—XI
20	с. Кудымкоръ. . . .	46	XIII—XIV
21	д. Харина.	24	IX—X?
22	д. Красильникова. .	32	X
23	Гаревское кост. . .	21	III—VI
24	Чердынскій у. . . .	31	X
25	с. Кудымкоръ. . . .	44	XIV?
26	д. Михалева.	36	XI
27	с. Рождественское .	40	XII?
28	д. Загарье.	30	X
29	д. Вакина	23	IX—X
XXXII, 1	р. Кемоль	31	X
2	д. Вакина	37	XI
3	д. Плесъ.	25	VIII—IX
4	д. Козьмина.	31	X
5	д. Елева.	31	X—XI
6	с. Рождественское .	31	X
7	д. Назарова	31	X
8	д. Вакина	40	XII—XIII
9	д. Загарье.	31	X
XXXII, 10	д. Загарье.	31	X
11	д. Козьмина.	31	X
12	д. Вакина	43	XIV
13	с. Усть-Нердва . . .	43	XIII—XIV
14	Кыласово город. . .	36	XI
15	д. Елева.	40	XII
16	с. Рождественское .	37	XI
17	с. Рождественское .	32	X
18	д. Данилова.	26, 31	IX—X
19	с. Рождественское .	37	XI
20	д. Плесъ.	28	VIII—XIV
21	д. Загарье.	33	X
22	с. Рождественское .	43	XIII XIV?
23	д. Михалева.	26	VIII—IX
24	с. Рождественское .	26	VIII—IX?
25	с. Юксѣево	37	X—XI
26	д. Михалева.	37	XI?
27	с. Рождественское .	46	XIII—XIV
XXXIII, 1	д. Базуева.	27	XI?
2	с. Рождественское .	39	XI?
3	д. Гордъ-Кушетъ. .	26, 3.	IX—X
4	д. Елова.	37	XI?
5	д. Загарье.	33	X
6	д. Урья	27	VIII—IX
7	д. Мальцева.	33	X
8	с. Рождественское .	45	XIII—XIV?
9	д. Гордъ-Кушетъ . .	33	X
10	д. Харина.	39	XI?
11	д. Вакина	38	XI?
12	д. Загарье.	33	X

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
XXXIII, 13	Мартыновское город.	45	XIII—XIV	XXXIV, 4	д. Горбунята	27	VIII—IX
14	д. Загарье.	33	X	5	с. Кудымкоръ. . . .	47	XI—XIV
15	д. Харина.	33	X?	6	с. Рождественское .	39	X—XI
16	с. Усть-Вочь.	38	XI	7	д. Загарье.	31	X
17	д. Михалева.	44	XIII—XIV	8	д. Грудята	25	VIII—IX
18	с. Усть-Вочь.	49	XIX?	9	с. Кудымкоръ. . . .	44	XIII—XIV
19	д. Харина.	45	XIII—XIV?	10	с. Кудымкоръ. . . .	44	XIII—XIV
20	д. Данилова.	38	XI	11	д. Козьмина.	34	X
21	д. Михалева.	27	VIII—IX	12	д. Данилова.	41	XI—XII
22	д. Загарье.	33	X	13	д. Вакина.	46	XIII—XIV
23	д. Михалева.	38	X—XI	14	д. Харина.	38	XII?
24	д. Красильникова ?	32	X?	15	д. Елева.	26	VIII—IX?
25	с. Рождественское .	33	X—XI	16	Гаинская вол. . . .	26	VIII—IX
26	с. Кудымкоръ. . . .	33	X	17	с. Рождественское .	38	XI—XII
27	д. Загарье.	33	X	18	с. Рождественское .	38	XI?
28	с. Рождественское .	45	XI—XIV	19	с. Рождественское .	38	XI
29	д. Михалева.	45	XII—XIV	20	с. Рождественское .	38	XII?
30	с. Рождественское .	45	XIII—XIV	21	с. Рождественское .	38	XII?
31	д. Загарье.	33	X	22	с. Кудымкоръ. . . .	26	VIII—IX?
32	Аннинская вол. . .	27	VIII—IX	23	д. Данилова.	26	VIII—IX
33	д. Горбунята	27	VIII—IX	24	д. Елева.	38	XII?
34	д. Вакина	45	XII—XIV	25	д. Гордъ-Кушетъ . .	32	X
35	д. Михалева (= 38)	39	X—XI	26	Чердынскій у. . . .	27	VIII—IX?
36	д. Горбунята	27	VIII—IX	27	с. Рождественское .	32	X
37	с. Рождественское .	27	VIII—IX	28	с. Рождественское .	44	XIII—XIV
38	д. Вакина	45	XII—XIII	29	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV?
39	Чердынскій у. . . .	33	X—XI	30	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV
XXXIV, 1	д. Коча	27	VIII—IX	31	д. Харина.	43	XII—XIV
2	д. Михалева.	31	X?	32	Мартыново город. .	34	X—XI
3	д. Федоровщина . .	32	X	33	с. Рождественское .	37	XI—XIV

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
XXXIV, 34	Пермскій у. . . .	21	III—VI	XXXV, 23	Слудская вол. . . .	28	?
35	с. Кудымкоръ. . . .	48	XIII—XIV?	24	д. Першина.	21	I—II
36	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV?	25	д. Галкина	21	I—II
37	д. Елева.	31	X	26	д. Першина.	21	I—II
38	с. Рождественское .	27	VIII—IX	27	д. Орлова.	21	I—II
39	д. Сюзвяки	43	XIV	XXXVI, 1	с. Купросъ	43	XIV
40	с. Рождественское .	47	XIII—XIV	2	д. Подбобыка. . . .	36	X—XI
41	с. Рождественское .	40	XII?	3	д. Харина.	31	X
XXXV, 1	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV?	4	д. Морочата.	23	VIII—IX
2	Чердынскій у. . . .	27	VIII—IX	5	д. Усть-Гаревая . .	43	XIV
3	д. Коча	27	VIII—IX?	6	д. Коновалята. . . .	21	III—VI
4	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	7	д. Феклята	21	III—VI
5	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	8	д. Данилова.	32	X
6	с. Кудымкоръ. . . .	47	XIII—XIV	9	с. Ильинское	21	III—VI
7	д. Харина.	45	XIII—XIV?	10	д. Модоробъ.	27	VIII—IX
8	д. Мысы.	39	X—XI	11	д. Чазева	24	VIII—IX
9	д. Харина.	37	XI—XIV	12	д. Черновая.	21	III—VI
10	с. Кудымкоръ. . . .	47	XI—XIV	13	д. Плесо.	23	VIII—IX
11	с. Кудымкоръ. . . .	46	XIV	14	д. Загарье.	32	X
12	д. Бѣлоева	49	XVIII?	15	р. Иньва.	25	IX—XI?
13	с. Рождественское .	47	XIII—XIV	16	с. Рождественское .	45	XIII—XIV?
14	д. Мазунина.	31	X	17	д. Зародята.	25	VIII—IX
15	д. Дубленова	39	XI?	18	д. Панкраши	21	III—VI
16	с. Кудымкоръ. . . .	48	XII—XIV	19	д. Зобачева	25	VIII—IX
17	д. Полуденная . . .	21	I—II	20	р. Чаньва.	34	IX—XI
18	д. Вакина.	46	?	21	д. Мысы.	40	XII
19	д. Вакина.	46	XIII—XIV?	22	Чердынскій у. . . .	25	VIII—IX
20	д. Першина.	21	I—II	23	д. Останина.	21	III—VI
21	д. Плесо	26	VIII—IX	24	д. Федоровщина . .	28	VIII—IX?
22	с. Кудымкоръ. . . .	47	XI—XIV	25	д. Гордъ-Кушетъ. .	32	X

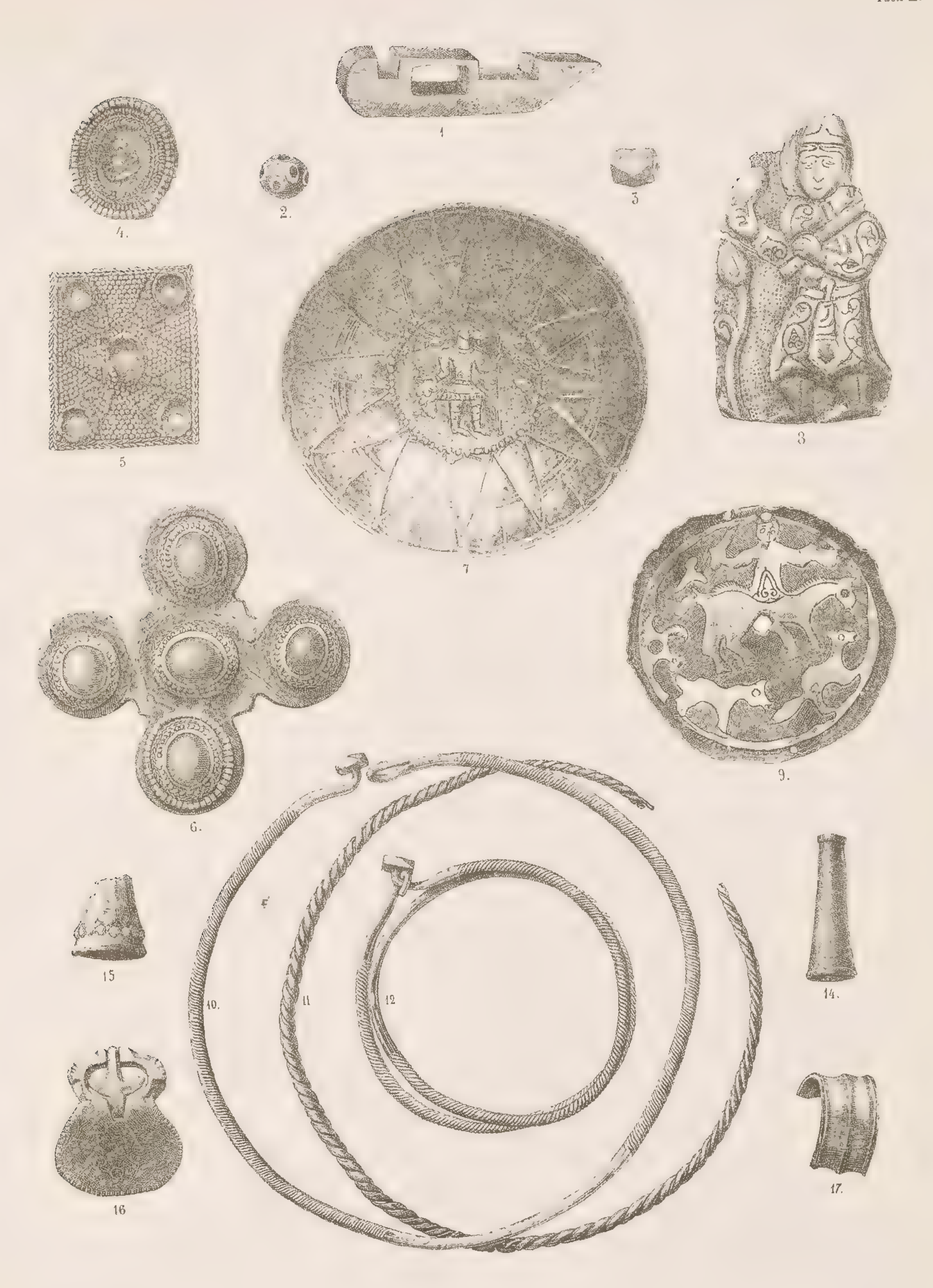
Таблицы	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
XXXVI, 26	с. Филатово.	27	VIII—IX	XXXVIII, 11	с. Георгіевское . . .	25	VIII—IX
27	с. Кудымкоръ. . . .	28	VIII—IX?	12	д. Носкова.	33	X
28	д. Загарье.	33	X	13—18	с. Георгіевское . . .	25	VIII—IX
XXXVII, 1	Гляденово.	21	III—VI	19	д. Плесъ.	27	VIII—IX
2	Гляденово.	21	III—VI	20	д. Пѣшкова.	24	VIII—IX
3	Гляденово.	21	III—VI	21—26	с. Георгіевское . . .	25-28	VIII—IX
4	Гляденово.	21	III—VI	27	д. Плесъ.	24	VIII—IX
5	д. Урья	31	X	28	д. Опутята.	24	VIII—IX
6—14	Гляденово.	21	III—VI	29	с. Майкоръ	27	VIII—IX
15	д. Новоселова. . . .	21	?	30	с. Георгіевское . . .	26	VIII—IX
16—29	Гляденово.	21	III VI	31	с. Георгіевское . . .	25	VIII—IX
30	Аннинская вол. . .	25	VIII—IX	32	с. Георгіевское . . .	25	VIII—IX
31	Гляденово.	21	III—VI	XXXIX, 1	д. Грудята	30	X—XI
32	Гляденово.	21	III—VI	2	д. Загарье.	34	X
33	д. Елева.	25	VIII IX	3	д. Данилова.	37	XI?
34	Гляденово.	21	III—VI	4	с. Рождественское .	47	XIII—XIV
35	д. Грудята	21	?	5	д. Вакина.	31	X
36	д. Пѣшкова.	24	VIII—IX	6	д. Загарье.	30	X
37—39	Гляденово.	21	III—VI	7	с. Рождественское .	33	IX—X
40	д. Мочелята.	—	VIII—IX	8	с. Рождественское .	43	XIII—XIV
XXXVIII, 1	с. Георгіевское . . .	26	VIII—IX	9	с. Ильинское	31	X
2	с. Георгіевское . . .	28	VIII—IX	10	д. Вакина.	27	VIII—IX
3	с. Георгіевское . . .	25	VIII—IX	11	с. Архангельское . .	37	XI?
4	д. Грудята	28	VIII—IX	12	д. Демина.	34	X
5	с. Георгіевское . . .	25	VIII—IX?	13	с. Кудымкоръ. . . .	45	XIV
6	д. Елева.	25	VIII—IX	14	д. Загарье.	33	X
7	с. Георгіевское . . .	26	VIII—IX	15	д. Вакина.	40	XII?
8	д. Баландина. . . .	27	VIII—IX	16	с. Купросъ	26	IX
9	д. Носкова.	27	IX—X	17	д. Загарье.	31	X
10	д. Носкова.	33	X	18	д. Загарье.	31	X

Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.	Таблицы.	МѢСТО НАХОДКИ.	Стр.	Вѣка.
XXXIX, 19	д. Федорова.	38	XI	XL, 5	д. Зобачева	25	VIII—IX
20	д. Чажегова.	44	XIII—XIV	6	д. Зобачева	25	VIII—IX
21	д. Михалева.	43	XIV	7	д. Елева.	44	XII—XIV
22	с. Рождественское .	33	X?	8	д. Чажегова.	43	XIII - XIV
23	с. Рождественское .	45	?	9	д. Вакина.	46	XIII—XIV?
24	д. Федорова.	44	XIII—XIV	10	д. Мальцева.	32	X
25	д. Федоровщина . .	33	X	11	д. Вакина.	46	XIII—XIV?
26	с. Рождественское .	47	XIII - XIV	12	д. Елева.	26	VIII—IX
27	Чердынскій у. . . .	44	XIII—XIV	13	с. Ильинское	31	X?
28	Чердынскій у. . . .	45	XIV	14	д. Михалева.	43	XII—XIII
29	с. Кудымкоръ. . . .	45	XII—XIII	15	с. Рождественское .	41	XII?
30	д. Логинова.	46	XIII—XIV?	16	с. Рождественское .	38	XI
XL. 1	д. Мазунина.	43	XII—XIV	17	д. Вакина.	43	XIII—XIV
2	д. Куча	43	XIV	18	д. Федорова.	43	XIII—XIV
3	с. Рождественское .	43	XIV	19	с. Кудымкоръ. . . .	43	XIV
4	д. Мальцева.	32	X				

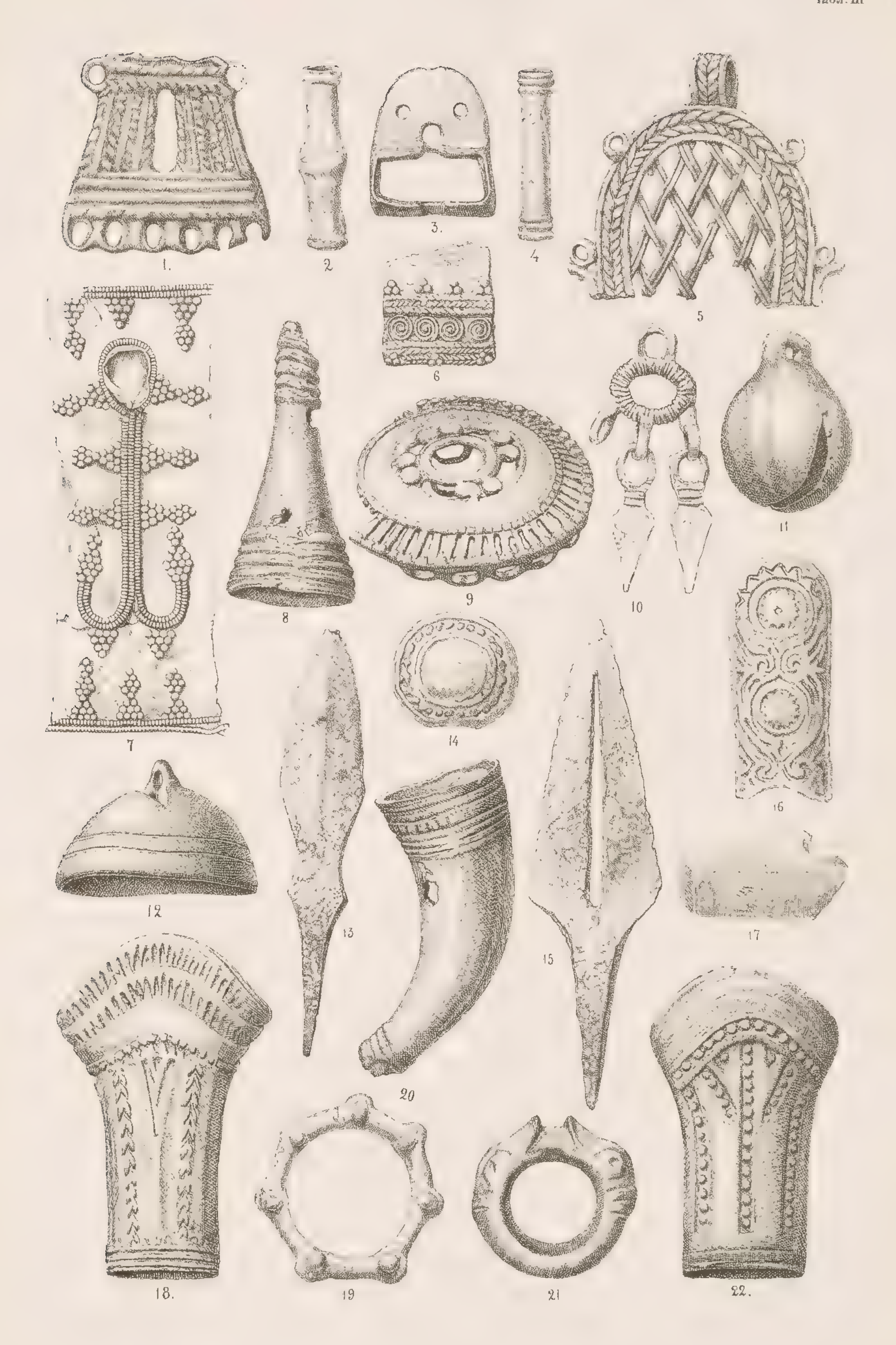
NN 1 11 и 38–49 въ ¾ натур. вел.; NN 12–29 въ [illegible] вел. NN 30 37 въ ½ натур. [illegible]

Лит. К. де Кастелли В.О. 11 л. № 22 С.П.Б

№№ 2–6, 8 и 9, 14–16 въ натур вел. №№ 1й и 7й въ ⅔ натур. вел. №№ 10–12 въ ½ натур. вел.

Лит. К де Кастелли В. О. 11 лин. № 22 СПБ.

Всѣ предметы въ натуральную величину.

Лит. Кл. Костеля 12 С.П.Б.

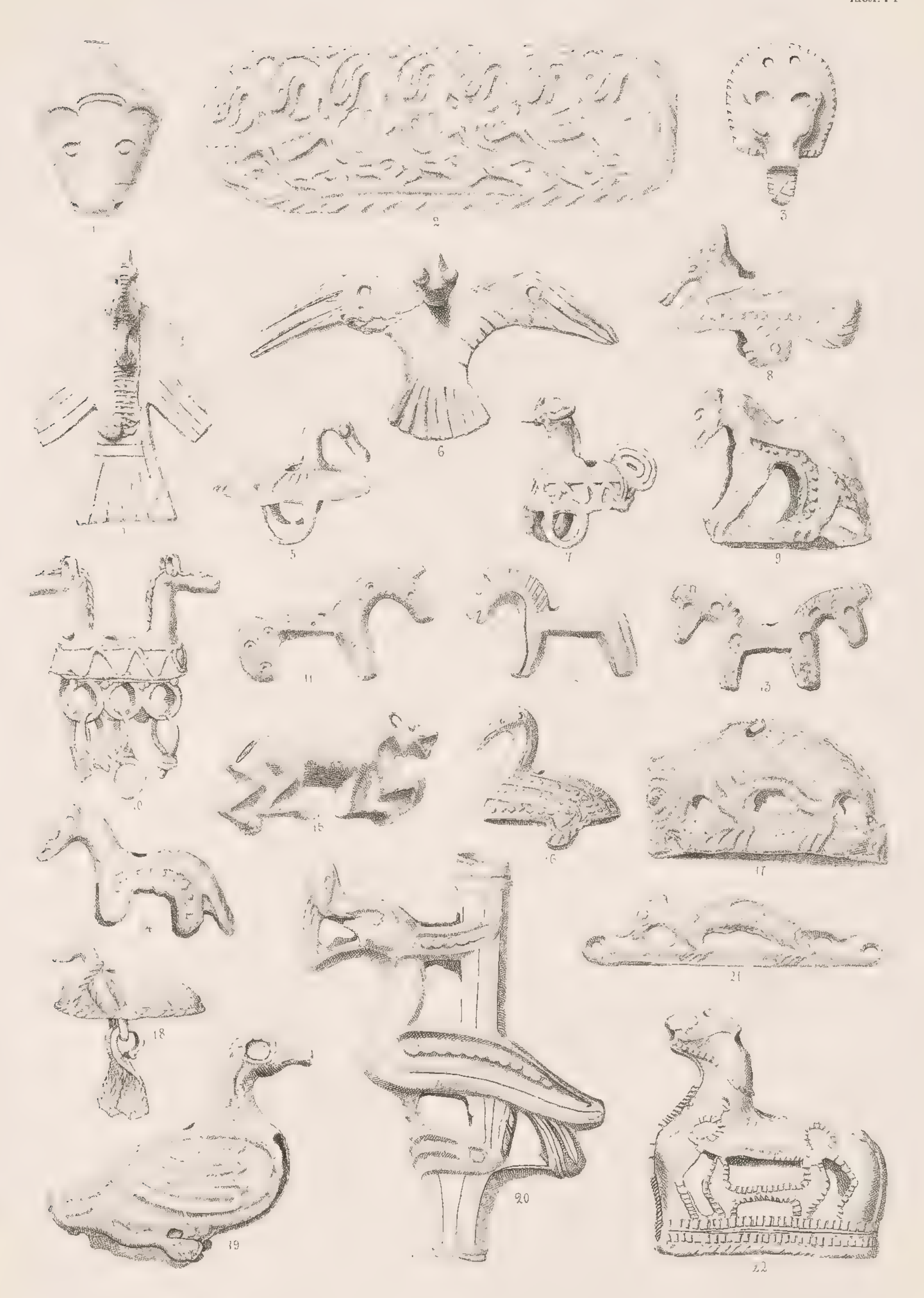
Всѣ предметы въ натуральную величину.

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. № 22 С.П.Б.

Табл. V.

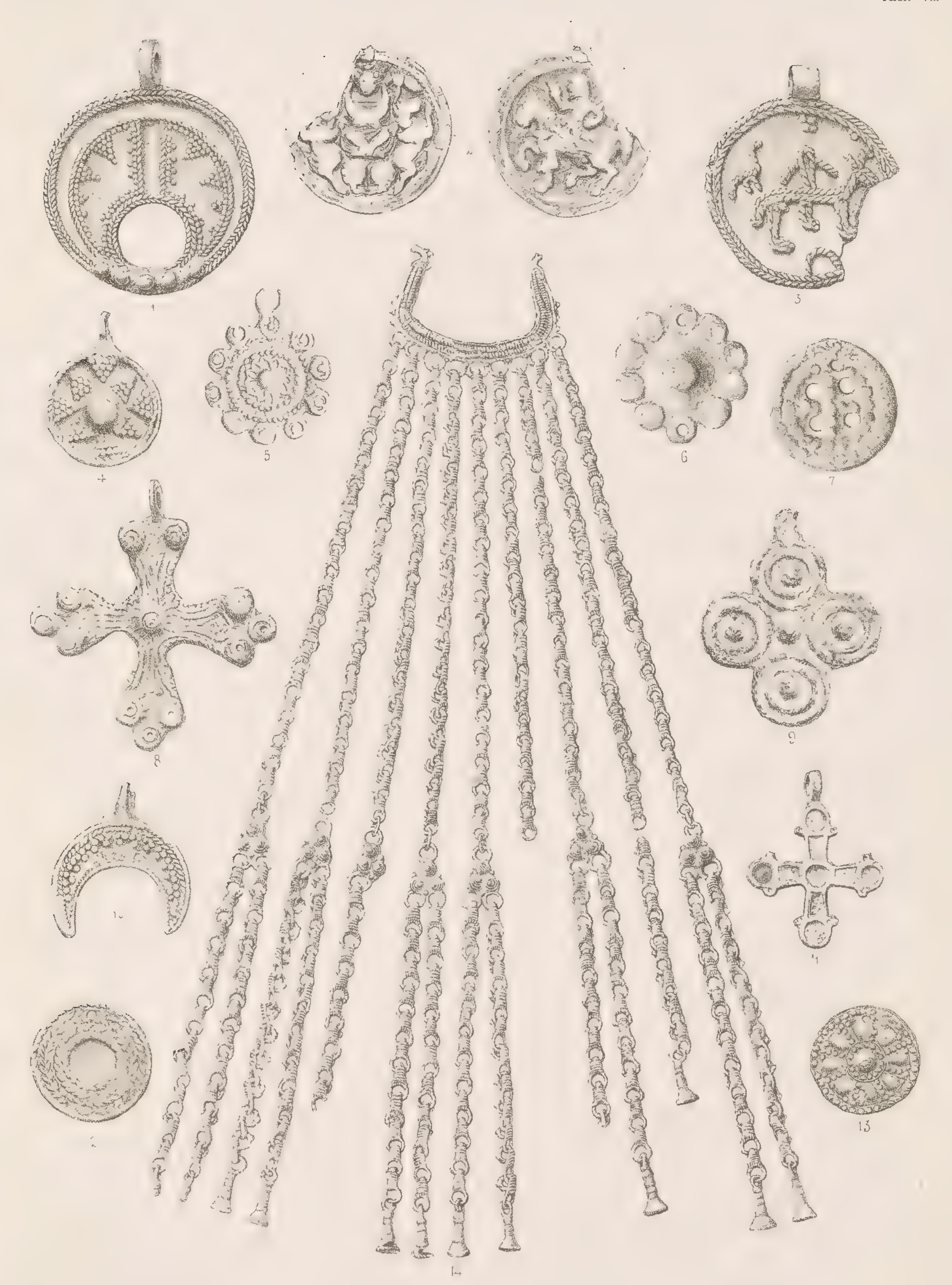

Всѣ предметы въ натуральную величину

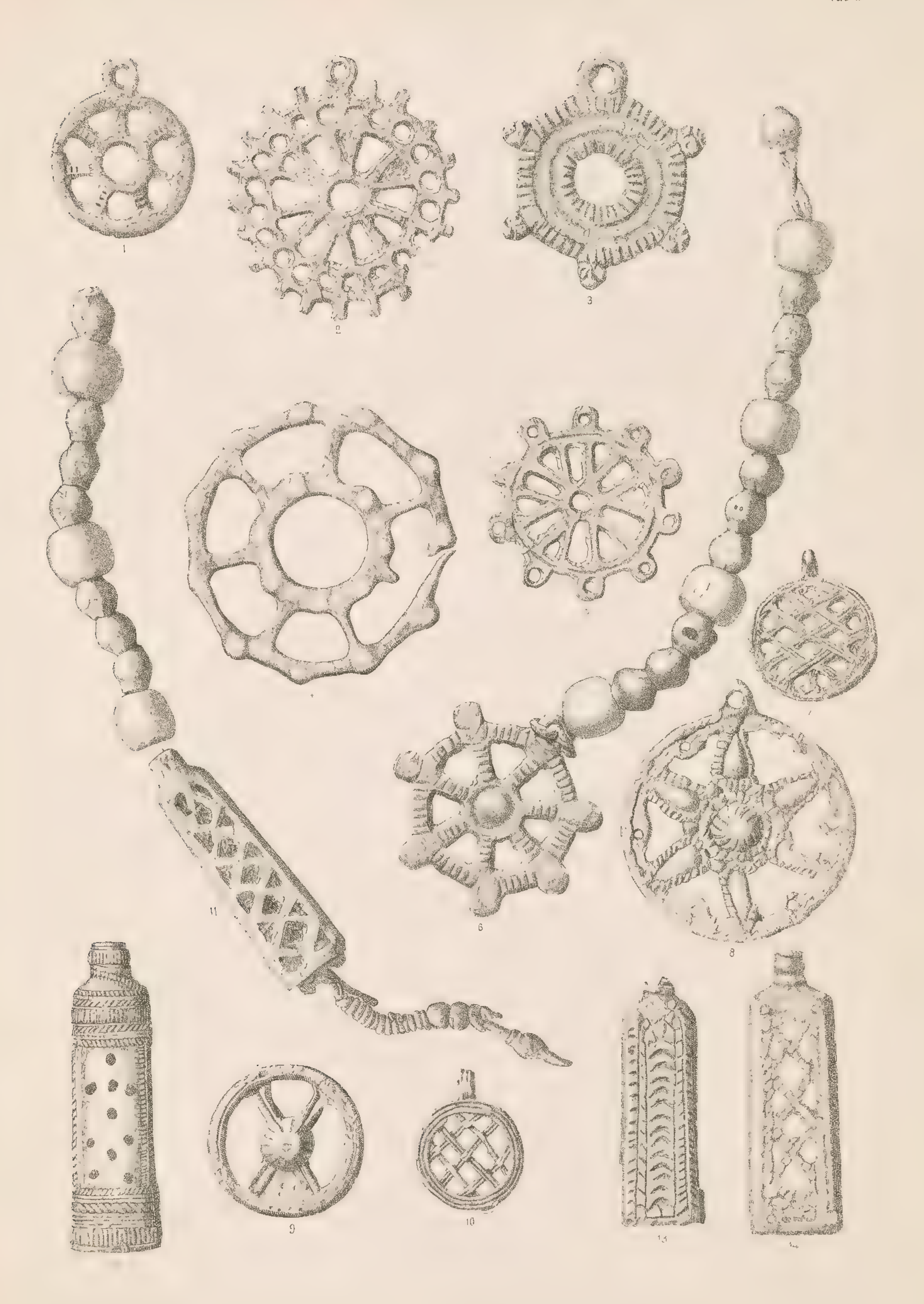

Всѣ предметы въ натуральную величину

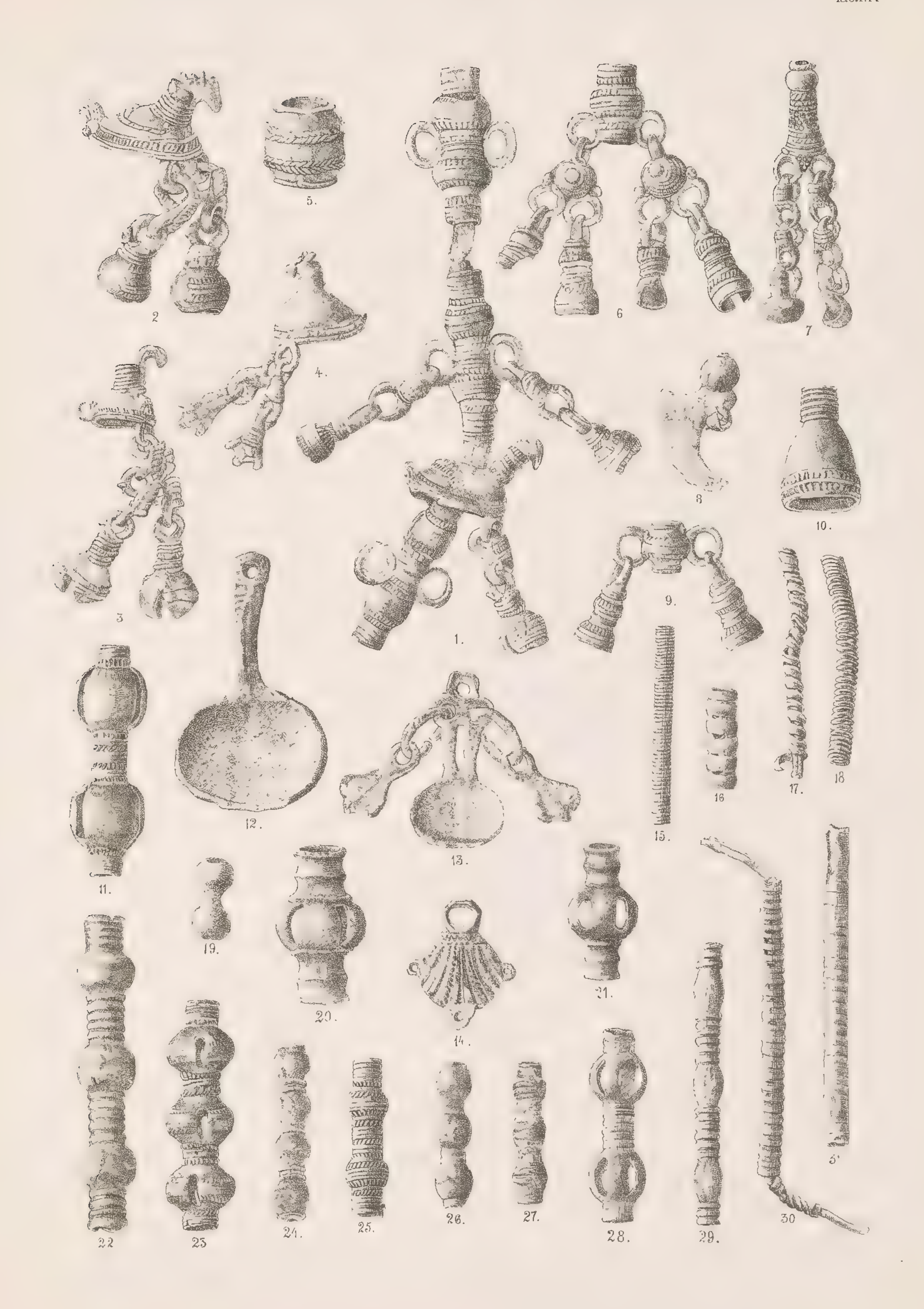

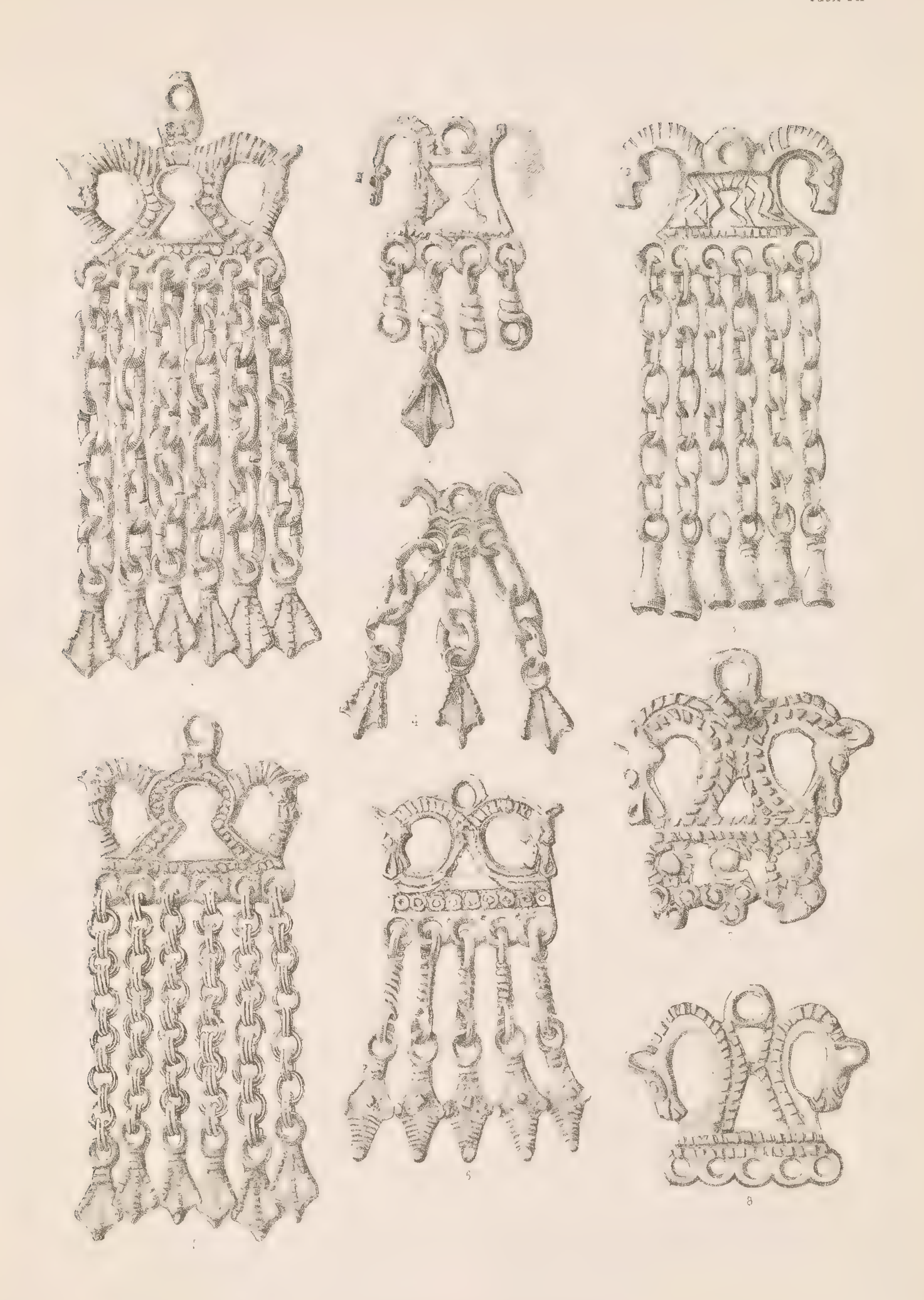
№№ 1—13 въ натуральную величину, № 14 въ ½ нат вел

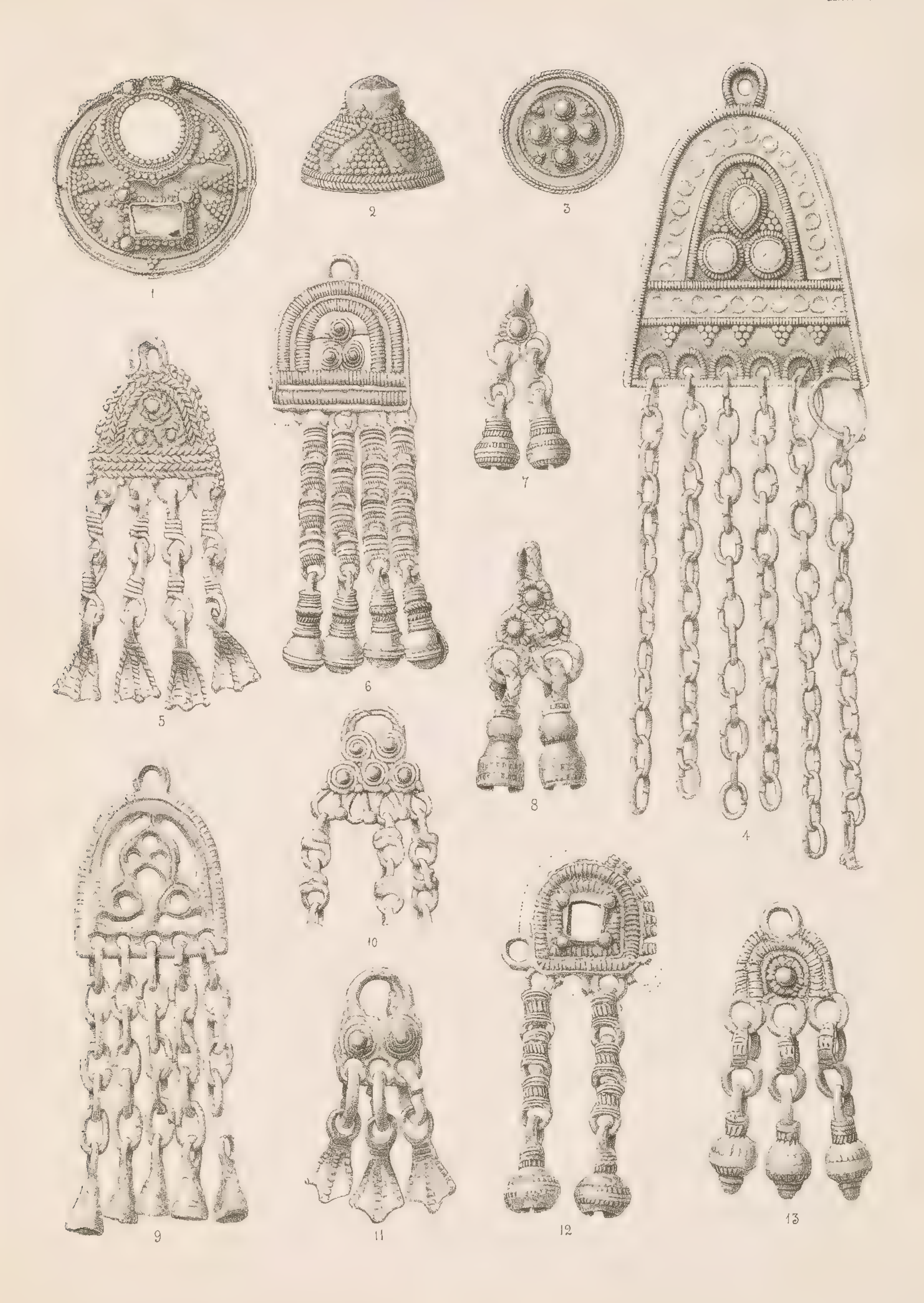

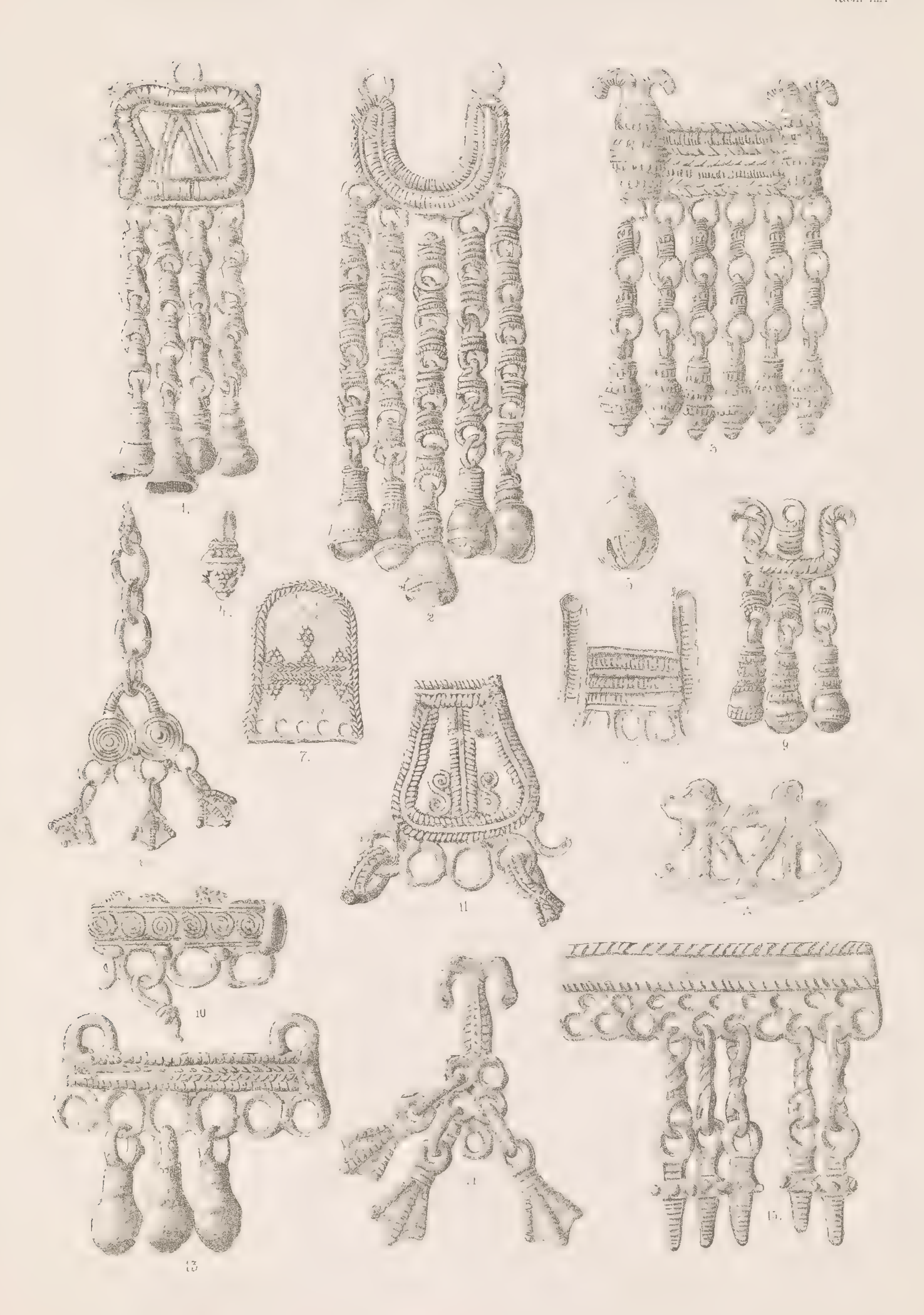
Лит К. де Кастелли В.О. 11 л. № 22 С.П.Б.

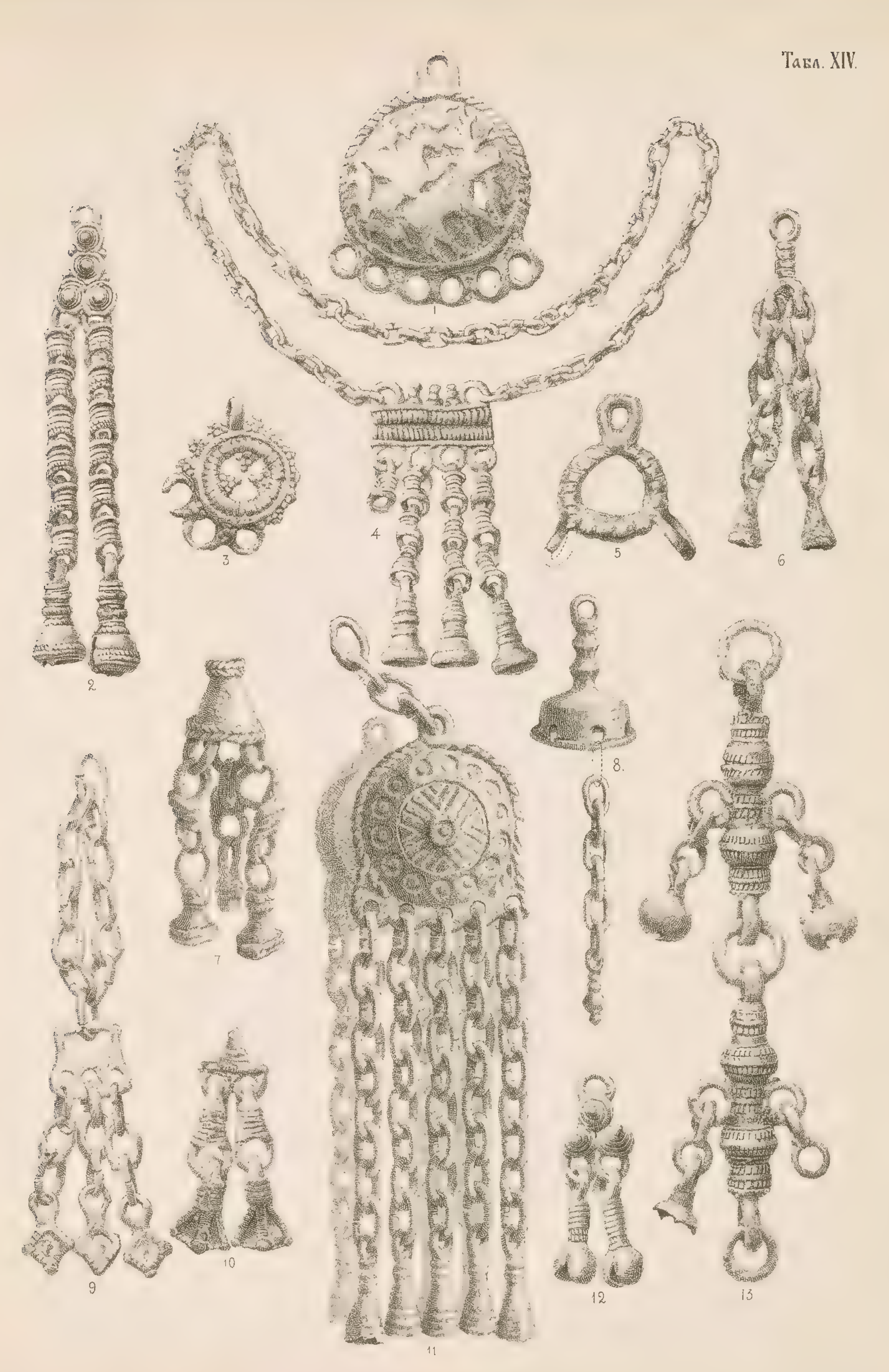

Лит К. де Кастелли В.О. 11 л. № 22 С.П.Б.

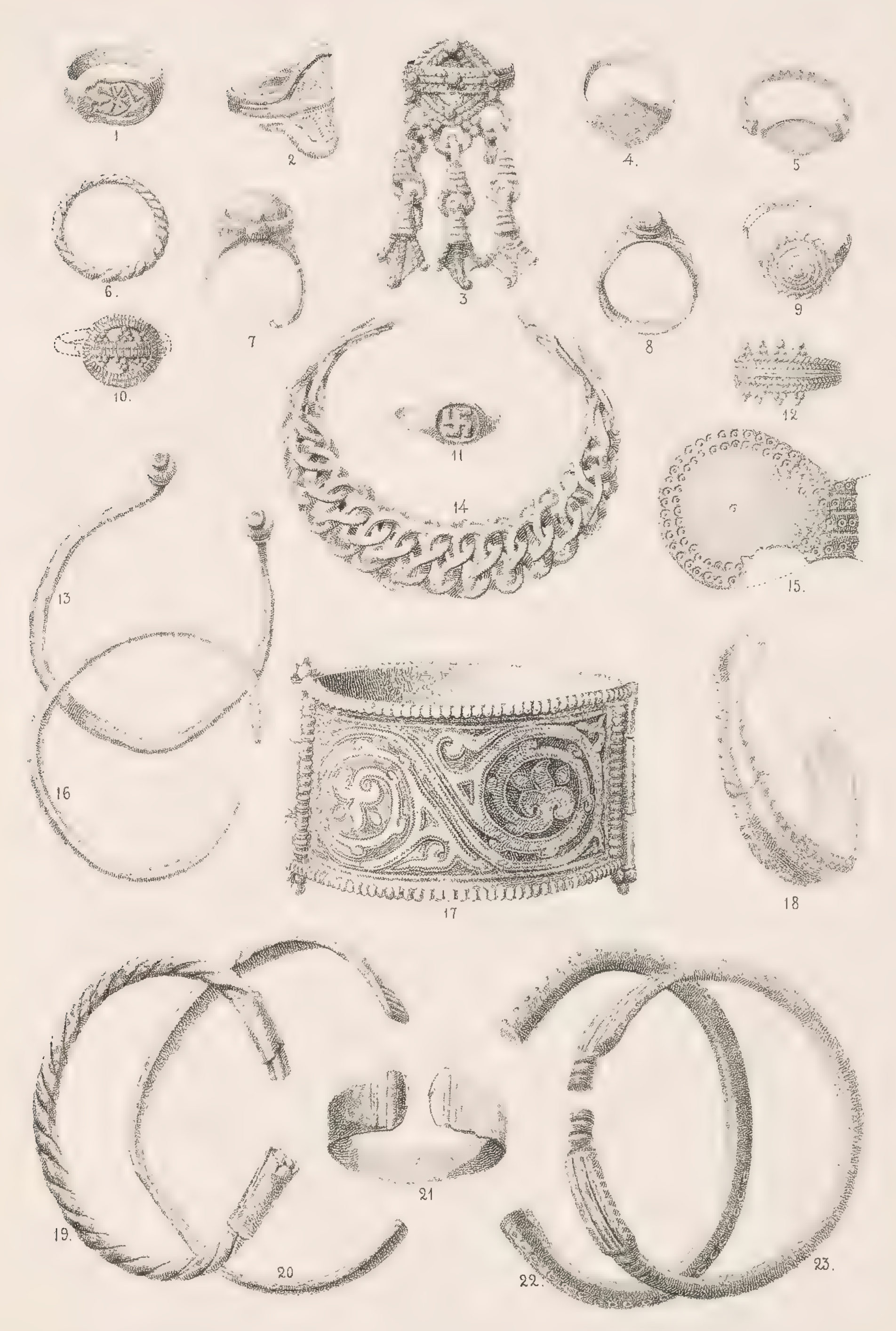

4
5
8

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13

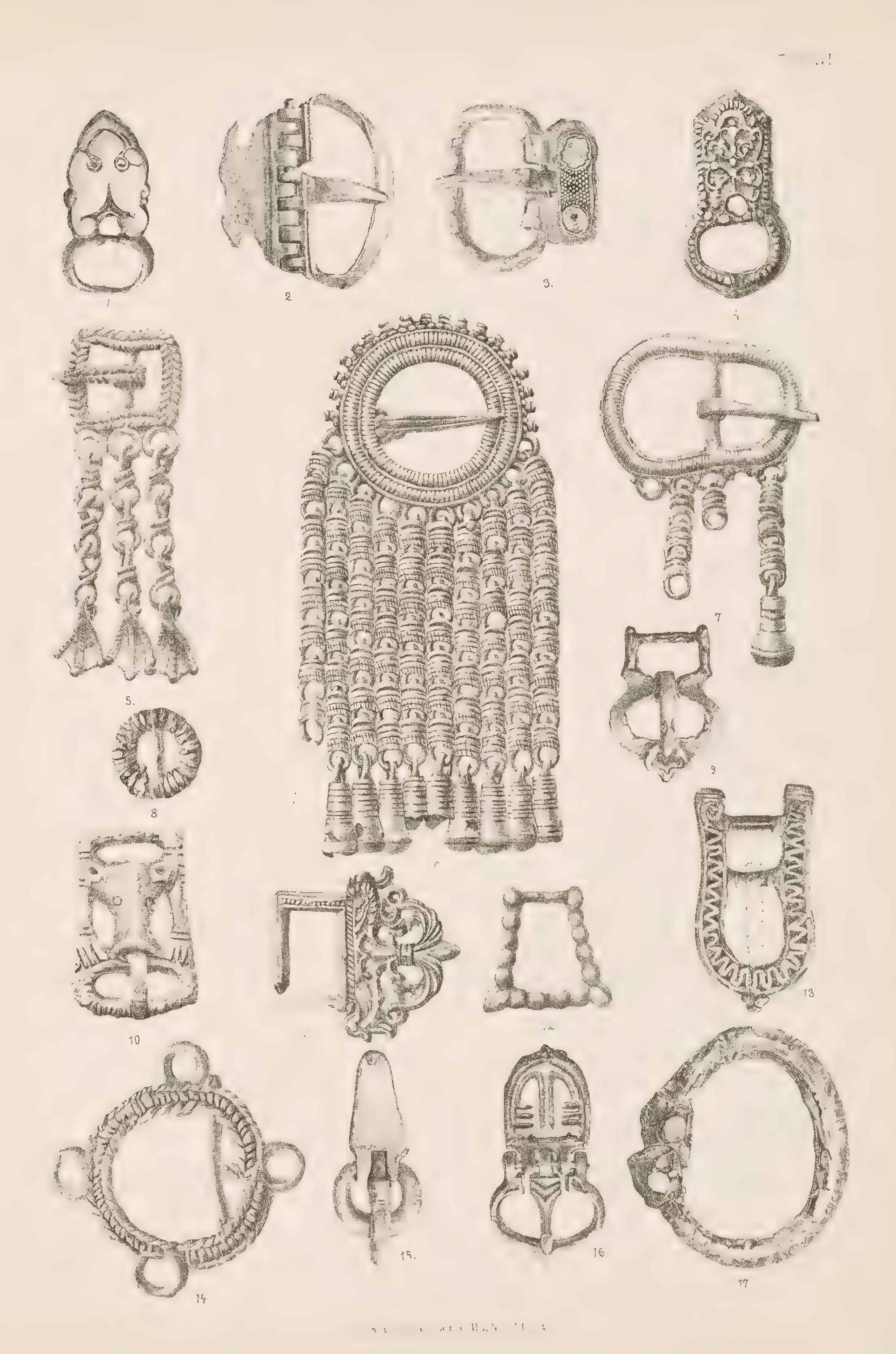

Всѣ предметы въ натуральную величину

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. № 22 С.П.Б.

1
2
3.
4
5.
7
8
9
10
13
14
15.
16
17

лит К. Де[illegible] № 22 СПБ

Всѣ предметы въ натуральную величину.

Лит. К. де Кастелли. С.Пб. 80 11 №22

1
2
3а
3б
3.
3с
4.
5а
5в
6.
7.
8
9
10
11
12
2/3
13
14
2/3
15
16
17
18.
3/4
19

[illegible]

№ 10 въ ½ всѣ предметы въ натуральную величину

Лит. К. де Кастелли СПБ ВО 11 л. № 22

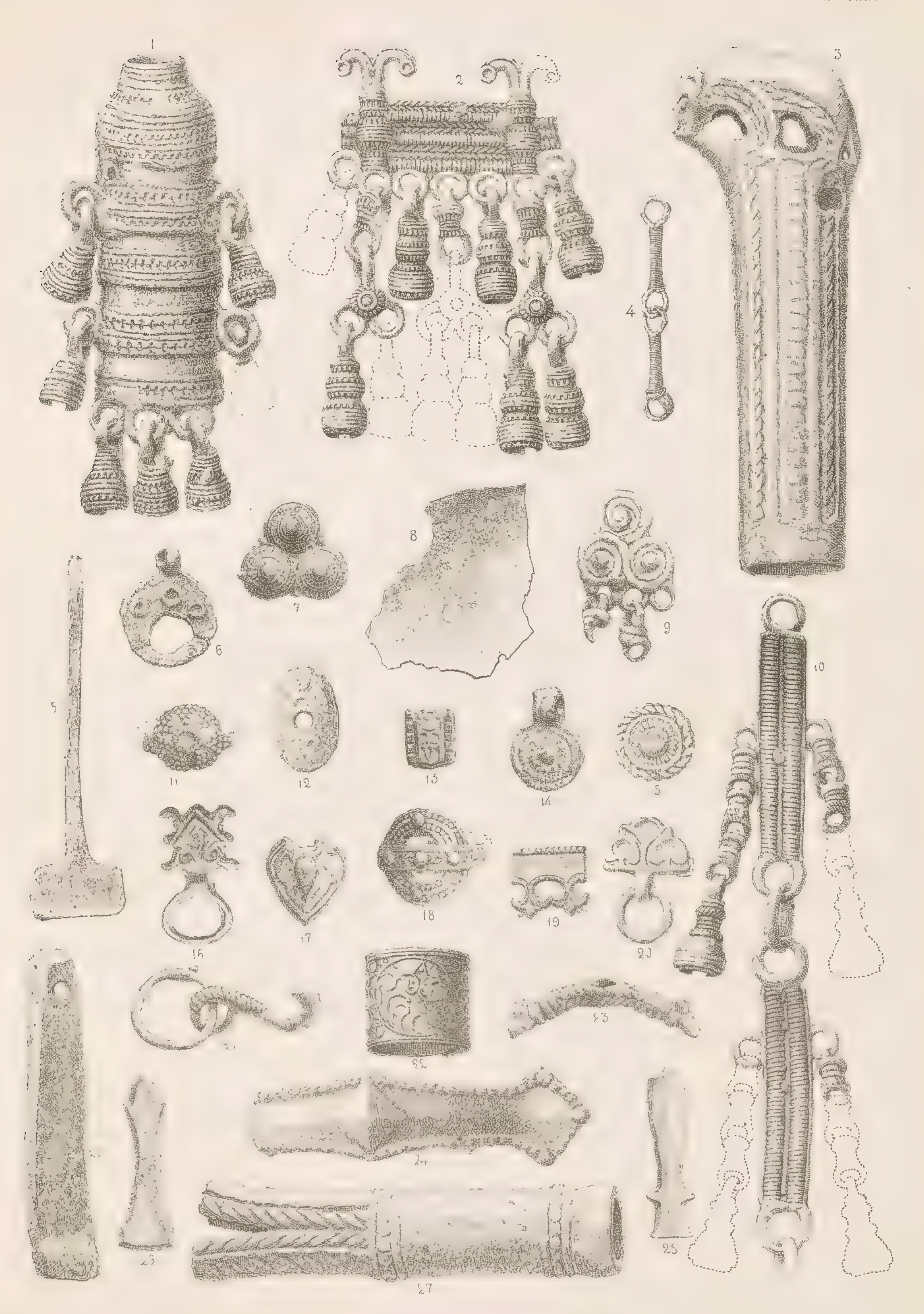
№№ 9 и 23 въ 2/3 нат вел; всѣ прочіе въ натур. вел

Лит К де Кастелли, ВО 11 № 22. СПБ

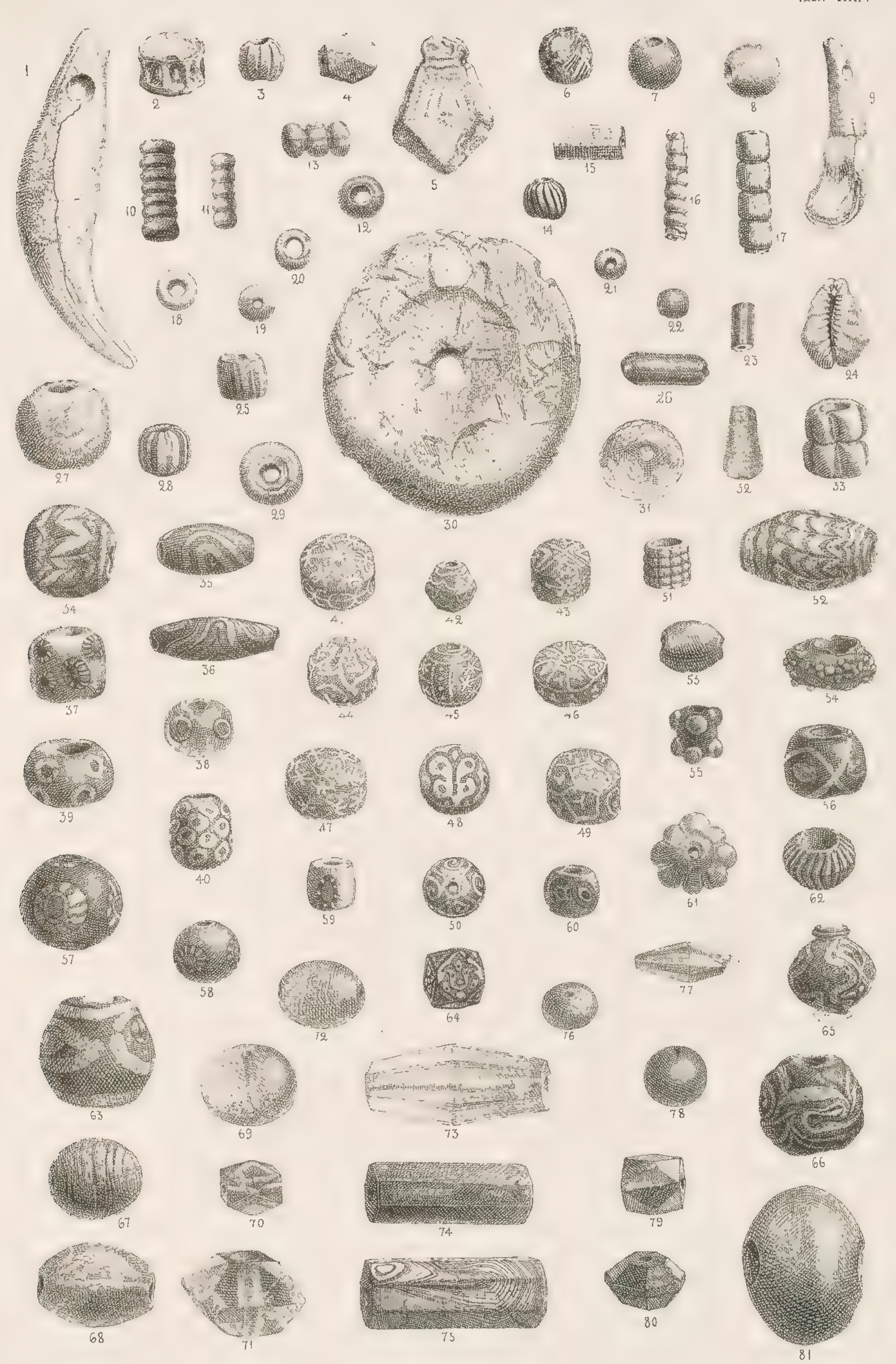
Всѣ предметы въ натуральную величину.

Лит К де Кастелли В.О 11 л № 22 С.П.Б

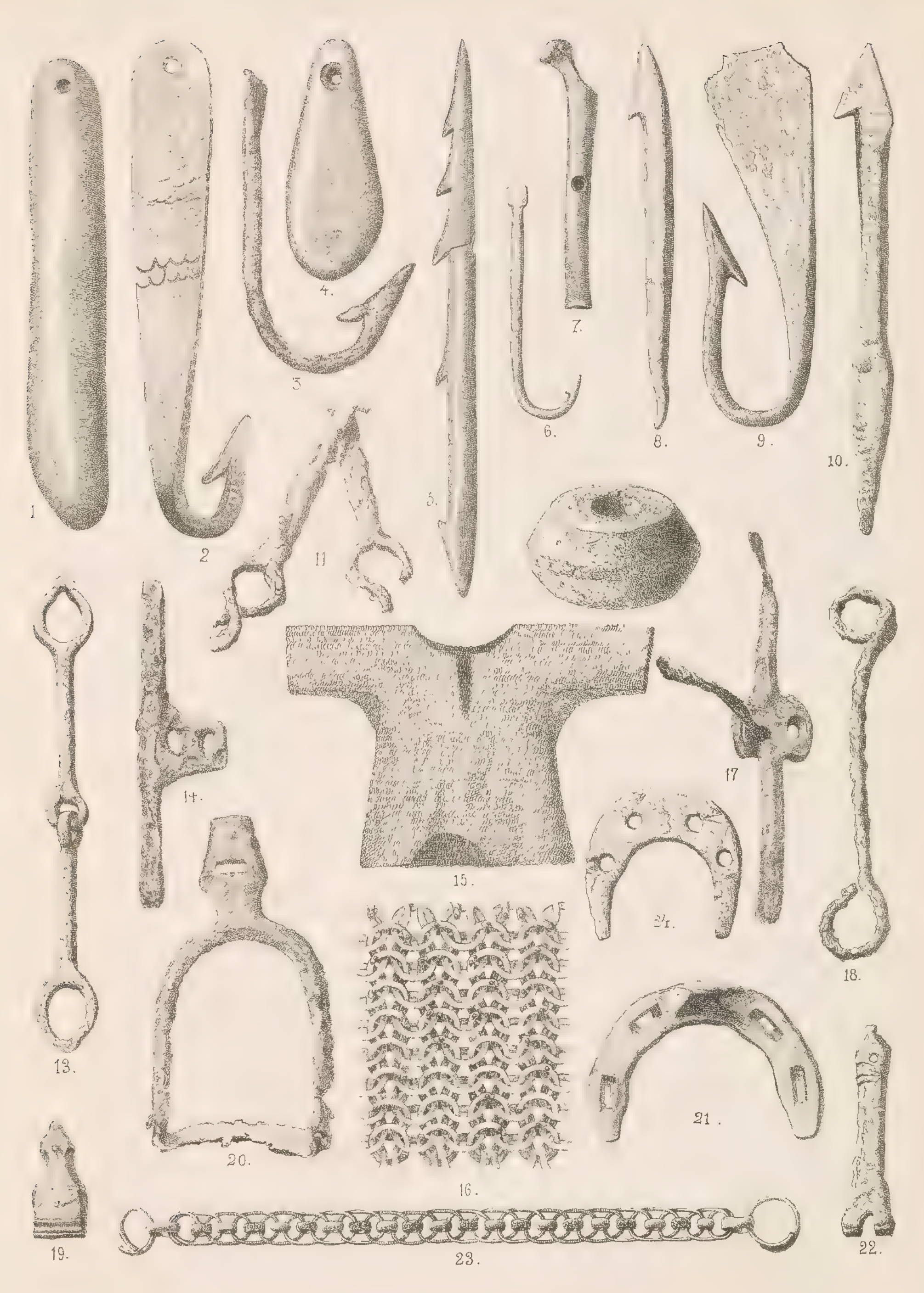
Всѣ предметы въ натуральную величину

Л. - К де Кастелли В О 11 л. д № 22 СПБ

Всѣ предметы въ натуральную величину.

Лит. К де Кастелли В.О. 11 № 22. СПБ

№ 15 въ 1/12, № 20 въ 1/3, №№ 11, 13, 14, 17, 18, 21 въ 1/2.

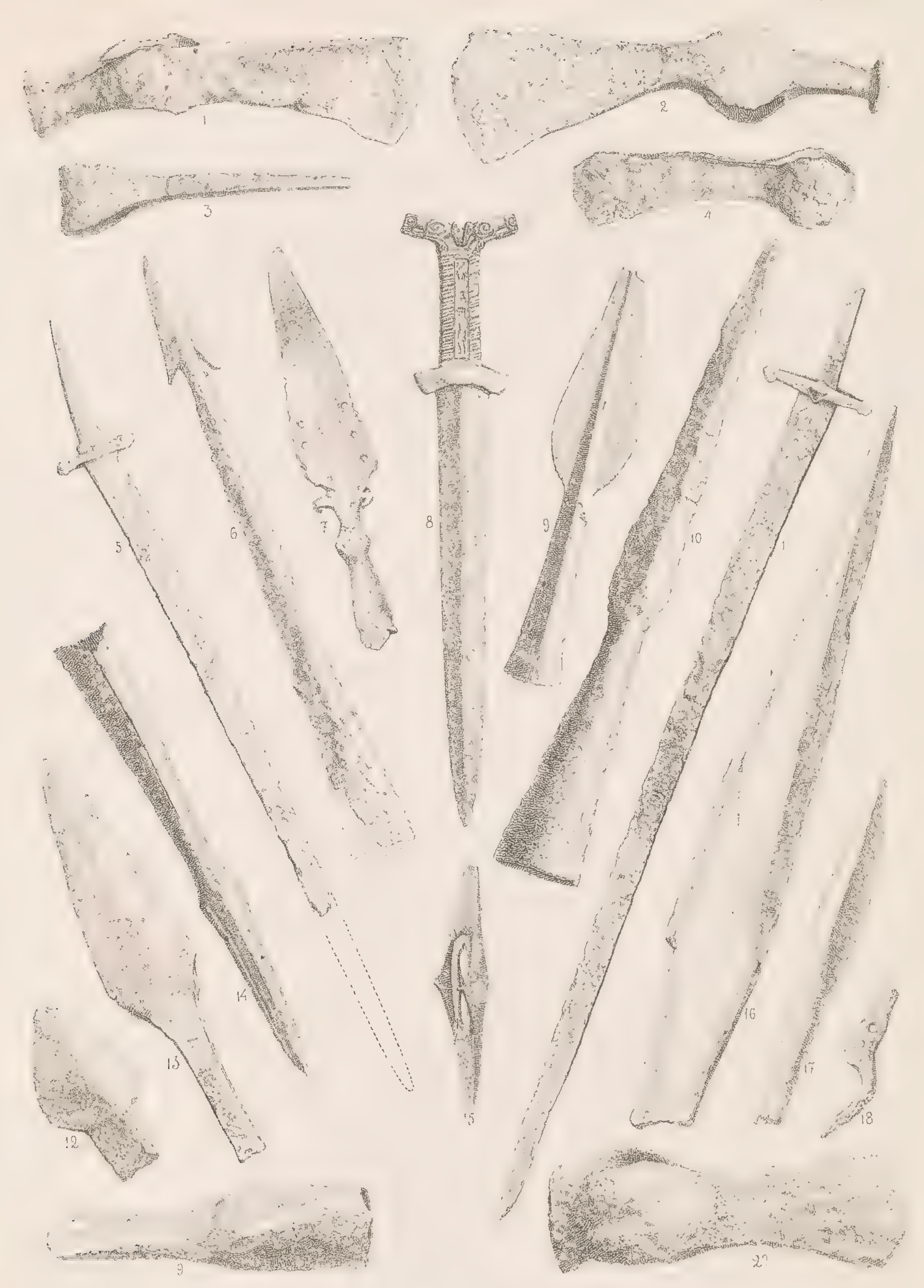
№№ 1, 2 5, 12, 19, 22—24 въ 2/3, прочіе въ натур. вел.

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 лин. 22. С.П.Б.

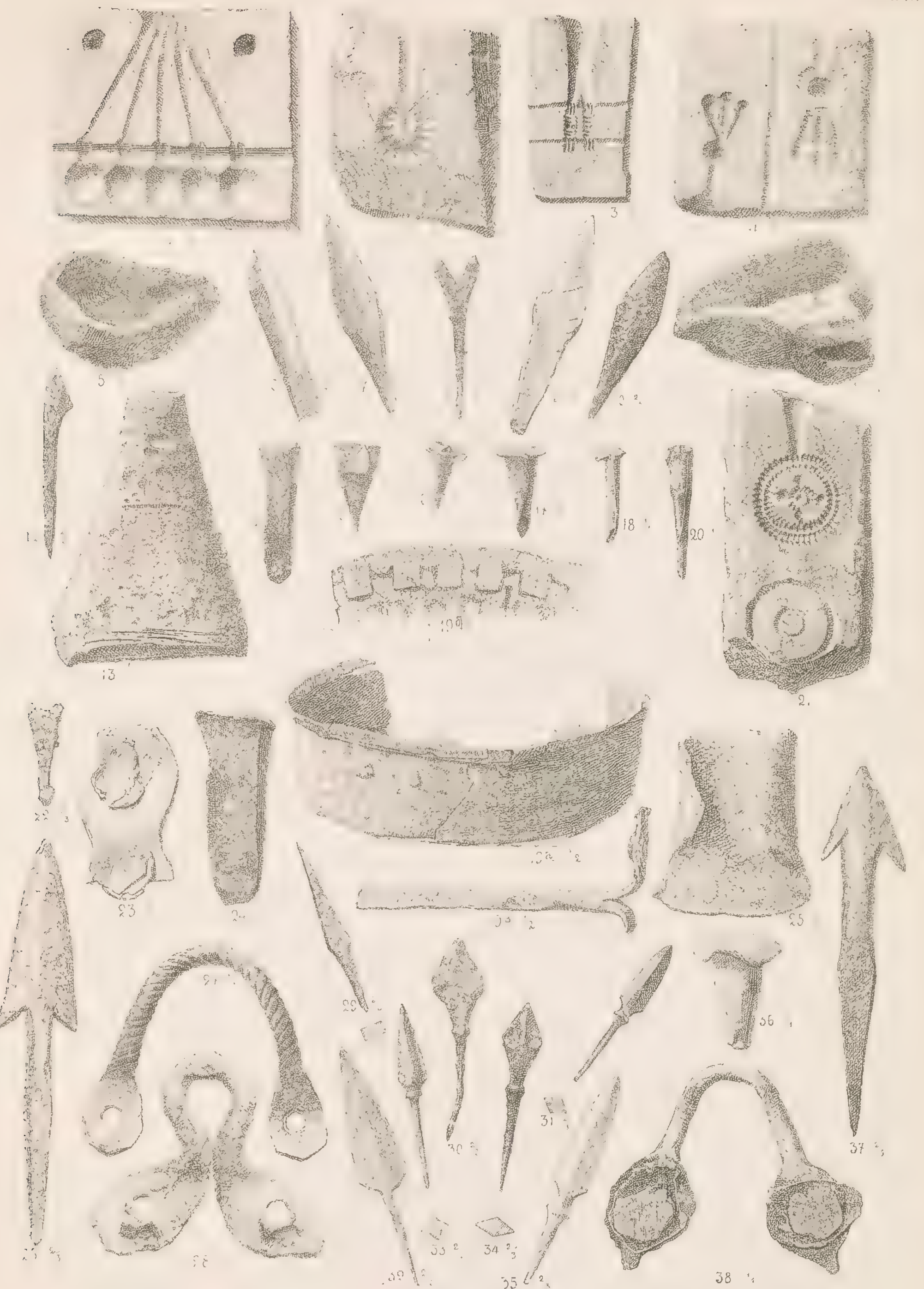
⅔ натуральной величины.

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. д. 22 СПБ.

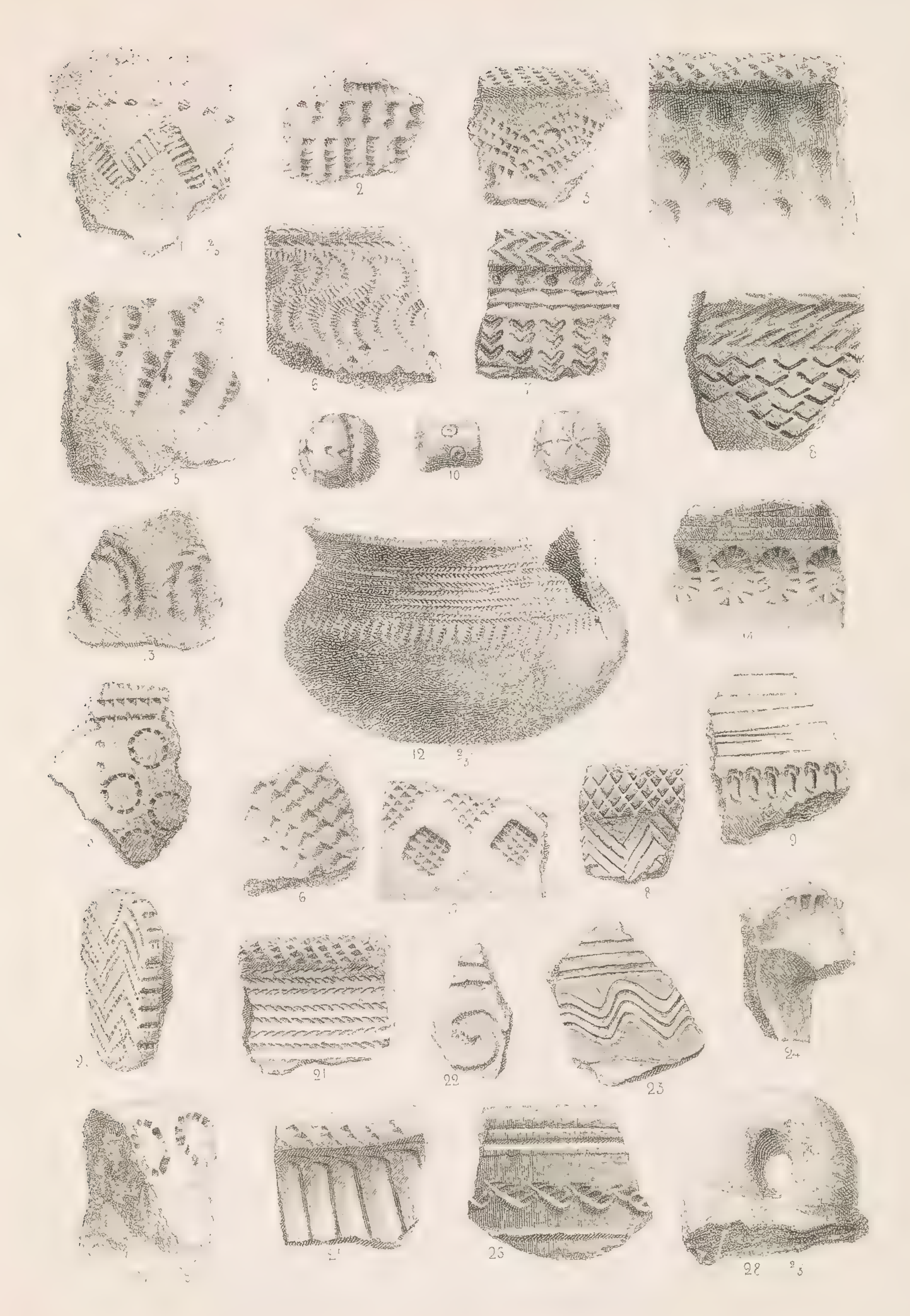

№№ 13 и 16 въ $\frac{2}{3}$, 8 и 9 въ $\frac{1}{3}$, 5 и 11 въ $\frac{1}{4}$ и
всѣ прочіе въ $\frac{1}{2}$ натур. велич.

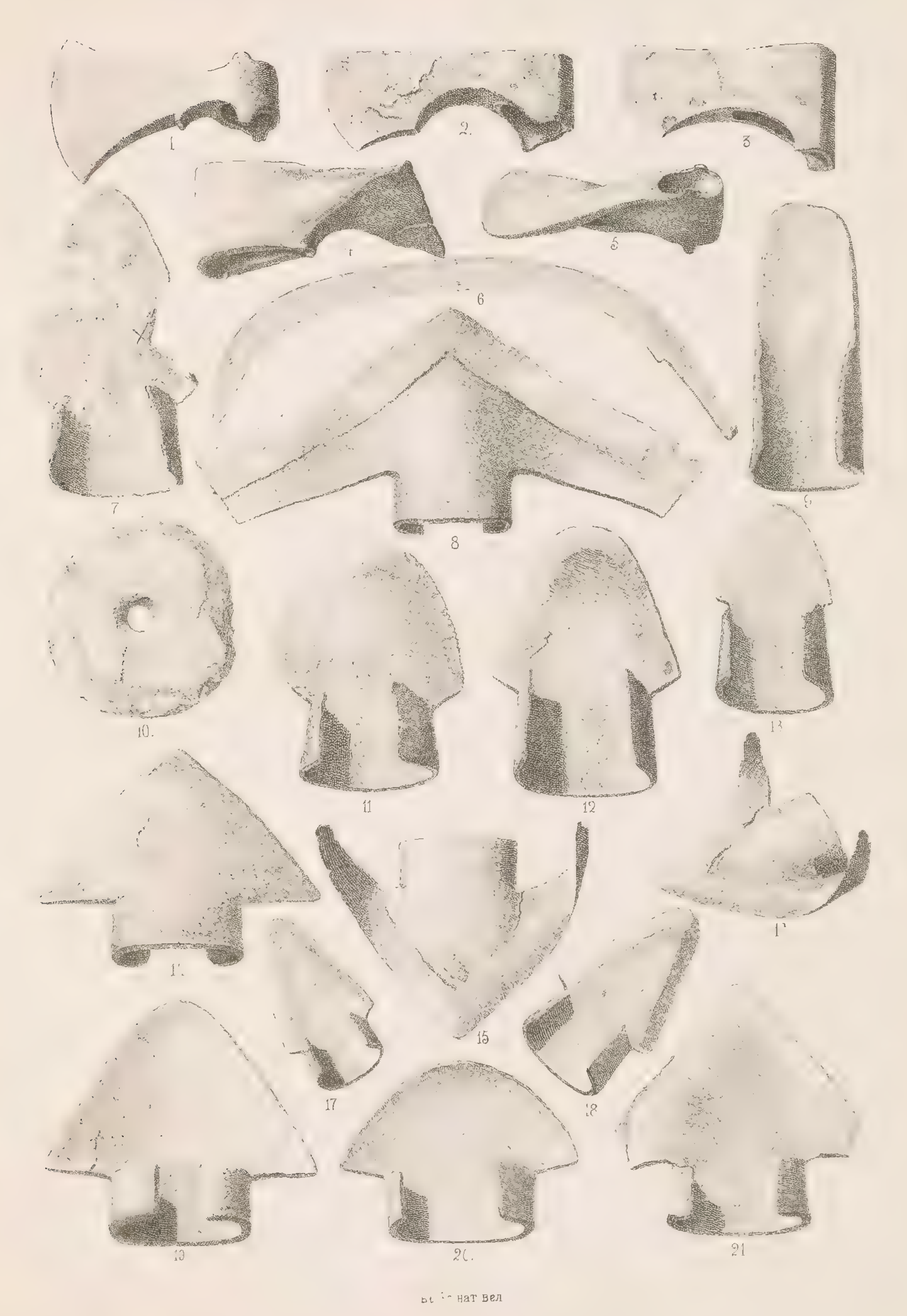
Taf. XXVI

22 СПБ

де Кастелли, В О 11, №22 СПБ

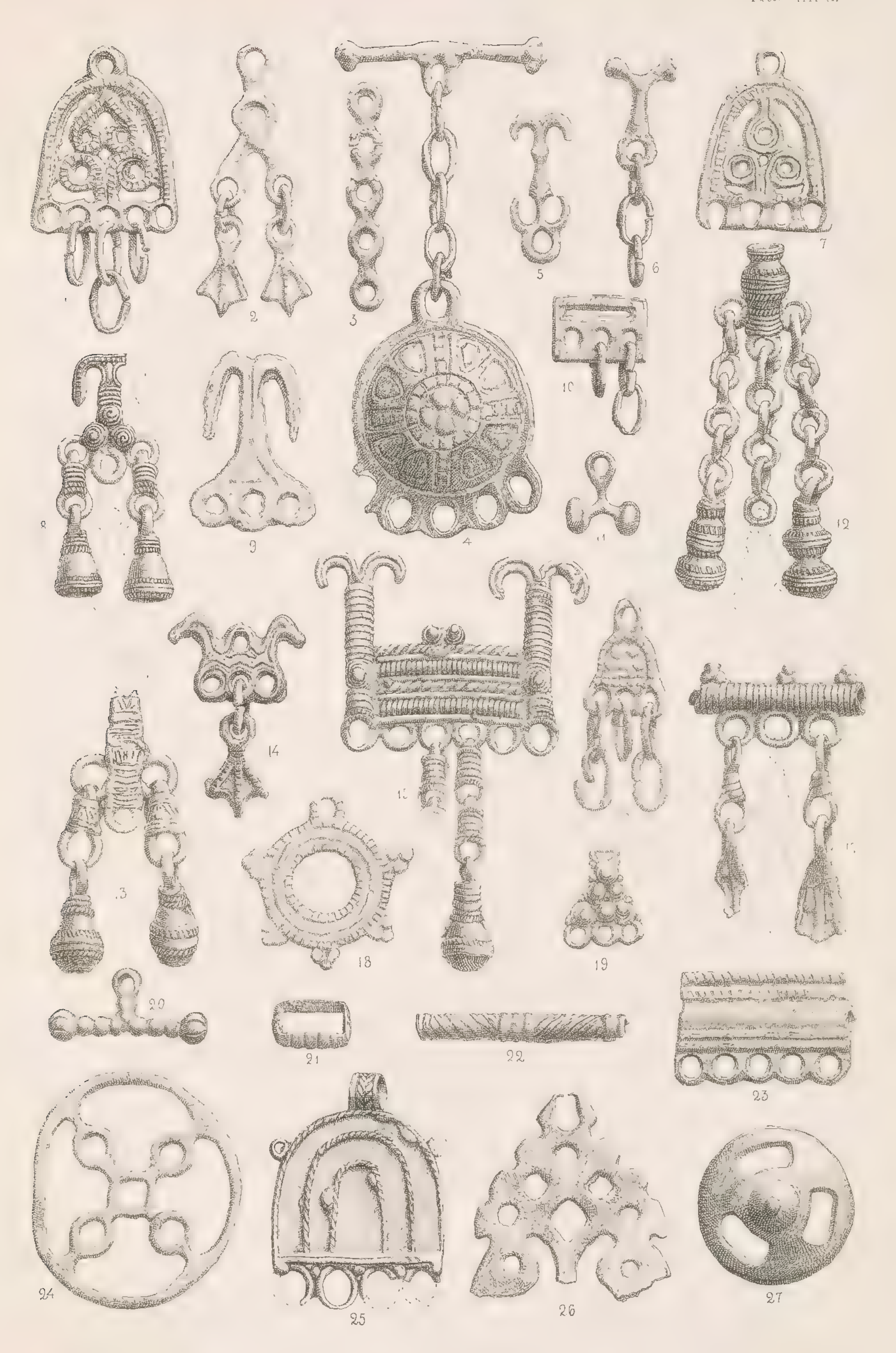
[illegible] нат вел

Лит К. де Кастелли В.О. 11 лин 22 С.П.Б

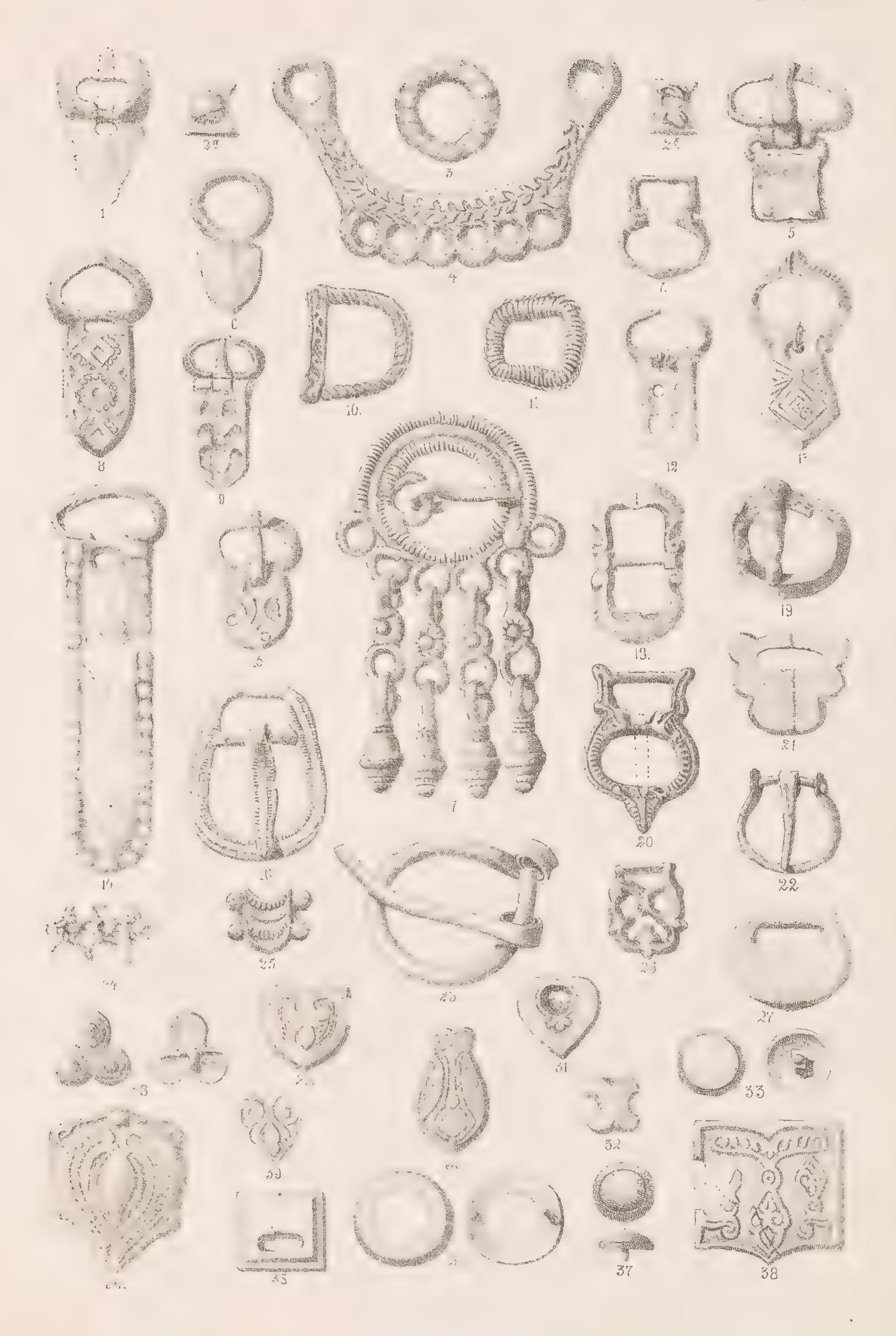
№ 28 въ $^2/_3$, прочіе въ натуральную величину

Лит К де Кастелли В О 11 л № 22 СПБ

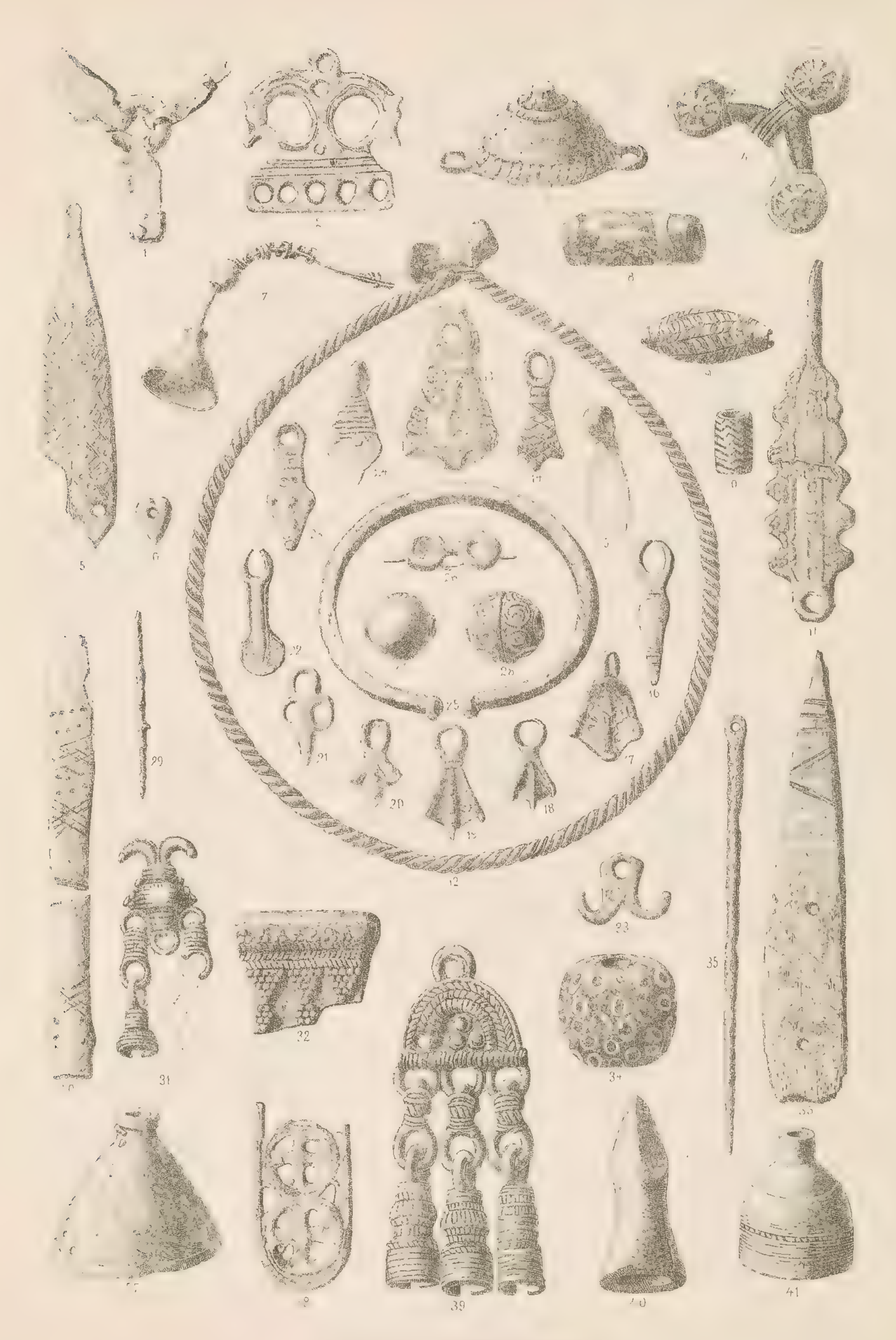

Всѣ предметы въ натуральную величину.

Лит. У. де Кастелли В. О. … 22 СПБ

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. № 22 С.П.Б.

NN №№ 37 и 36 въ 2/3, остальные въ натур. величину

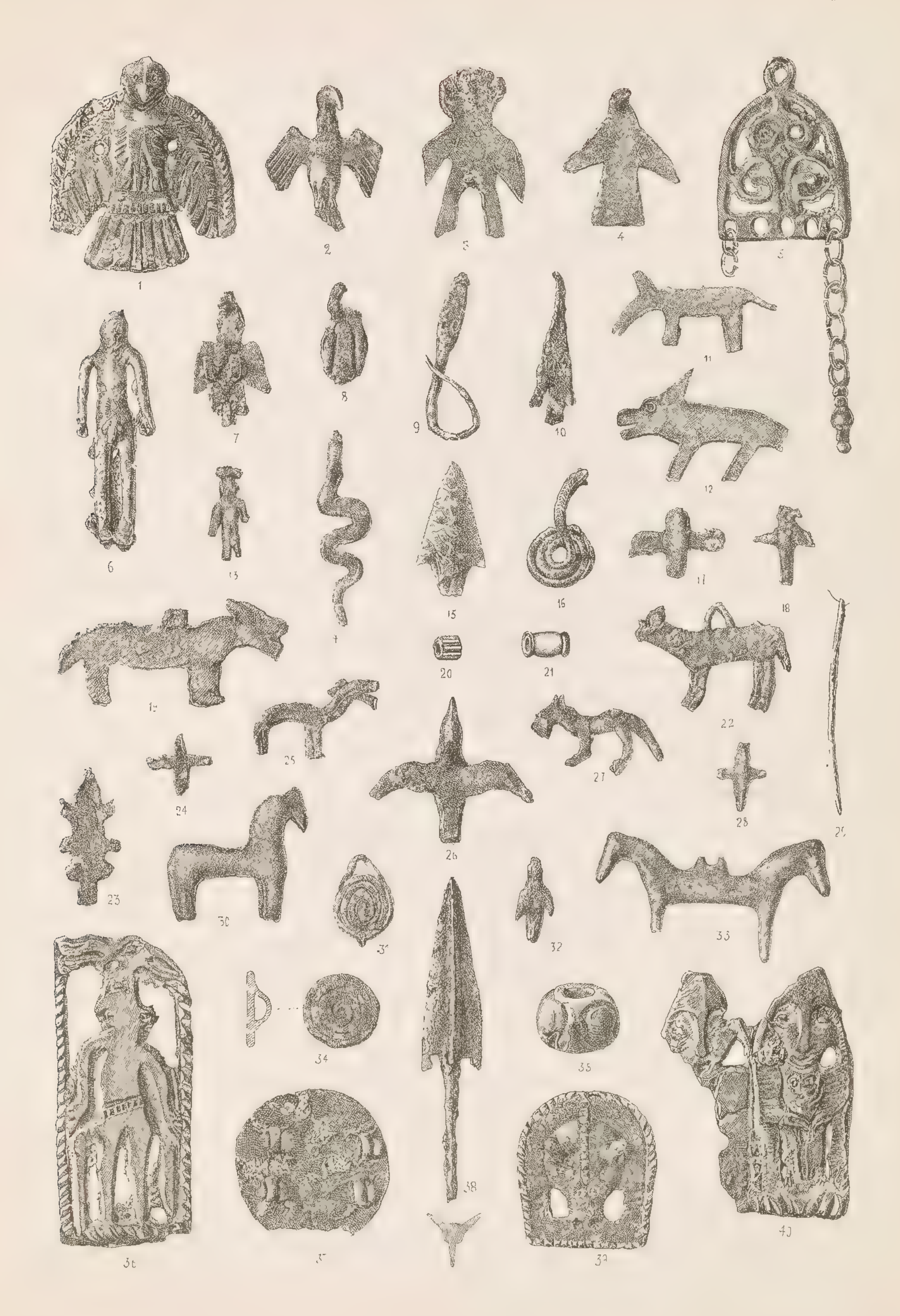
№№ 1 и 18 въ ½, №№ 17, 19 и 24 – 27 въ ⅔, прочіе въ натуральную величину

Лит. К. де Кастелли В.О. 11 л. №22. СПБ

№ 27 изображенъ въ 1/2, №№ 18, 20 и 23 въ 2/3, всѣ остальные предметы въ натуральную величину.

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. № 22 С.П.Б.

Въ натуральную величину

Лит. К. де Кастелли В. О. л. № 37 СПб.

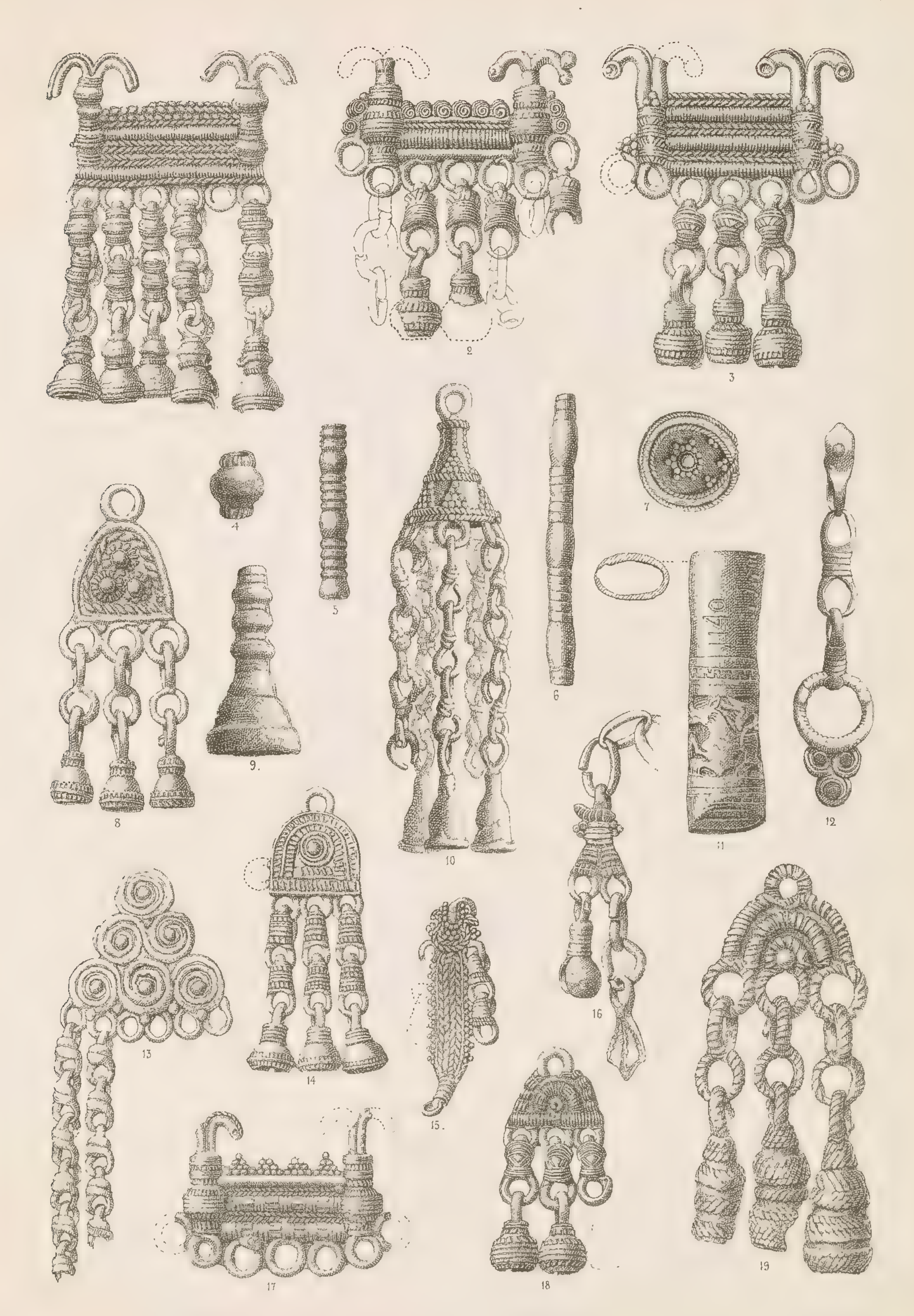
Въ натуральную величину

Лит. К. де Кастелли. В.О. 6 л. № 37, С.П.Б.

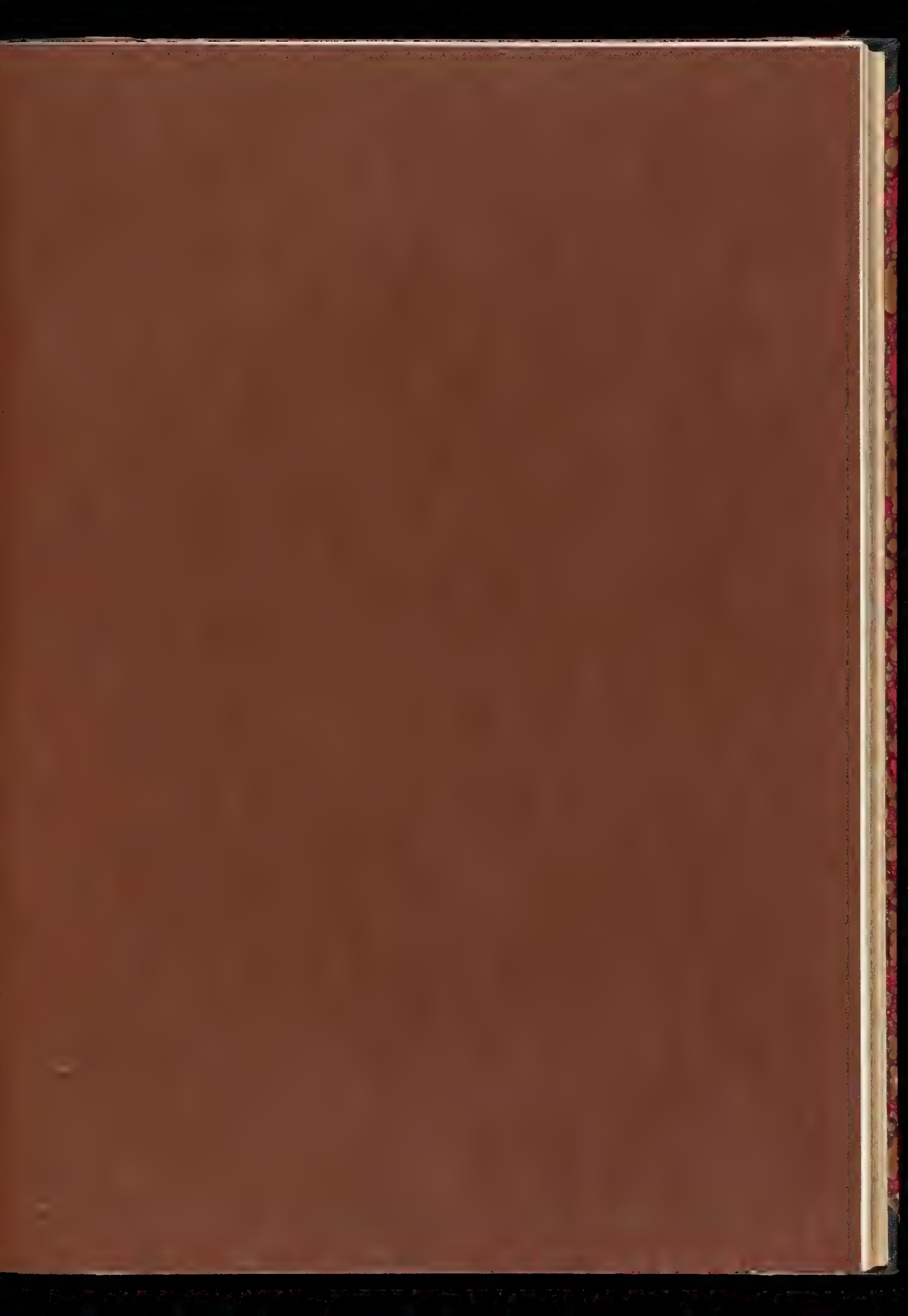

Въ натуральную величину.

Лит К де Кастелли.

Въ натуральную величину

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.

№ 27.

СИБИРСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Академика **В. В. Радлова.**

Томъ II, вып. 1.

Съ 6-ю таблицами и 11-ю рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40)
1902.

СИБИРСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Академика **В. В. Радлова.**

Томъ II, вып. 1.

Съ 6-ю таблицами и 11-ю рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40).
1902.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Таблица I.

Фиг. **1**, **2** и **3**—форма для отливки наконечниковъ топоровъ. Форма эта, изъ красной мѣди, повидимому, употреблялась для изготовленія наконечниковъ болѣе простого типа и чаще отливаемыхъ. Фиг. 1 и 2 даютъ намъ представленіе объ обѣихъ половинкахъ формы съ внутренней стороны; фиг. 3—съ внѣшней стороны, почти одинаковой на обѣихъ половинкахъ. По наружной сторонѣ мы можемъ заключить, что форма эта была отлита по глиняной матицѣ, сдѣланной уже по готовому топору; это заключеніе мы дѣлаемъ на томъ основаніи, что на формѣ видны ясные слѣды давленія пальцевъ при формовкѣ; кромѣ того, на нижнемъ концѣ обѣихъ половинокъ видно возвышеніе, происходящее, по всей вѣроятности, отъ тонкаго ремня или прута, вставлявшагося въ матицу для неизвѣстной цѣли. По срединѣ внѣшнихъ сторонъ находятся ушки. Края на внутреннихъ сторонахъ по бокамъ и внизу плоски и возвышенны. Внутри на одной половинѣ (фиг. 1) по бокамъ идутъ по 3 выпуклости: вверху—круглыя, въ срединѣ и внизу—продолговатыя. Этимъ выпуклостямъ на другой половинѣ (фиг. 2) соотвѣтствуютъ углубленія (пазы) той-же формы. Плоскіе края обѣихъ половинокъ не шлифованы и потому не прилегаютъ плотно другъ къ другу, вслѣдствіе чего при отливкѣ образовавшіяся щели должны были замазываться какимъ-либо составомъ. Длина формы—20 сант.; ширина вверху—9, а внизу—7 сант.; въ самомъ широкомъ мѣстѣ ширина доходитъ до 12 сант. Вѣсъ формы—6 ф. 21 л. $1^1/_2$ зол. Вѣсъ № 1—3 ф. 7 л. 2 зол. Вѣсъ № 2—3 ф. 11 л. $2^1/_2$ зол. Длина топора, отлитаго по этой формѣ,—16 сант.; ширина его вверху, считая ушки,—7 сант., а внизу—4,5 сант.; толщина на верхнемъ концѣ—5 сант. Форма длиннѣе топора вверху на 2 сант. и образуетъ тамъ шейку для вставки клина, служившаго для образованія полости (пустого углубленія) въ топорѣ. При сложеніи обѣихъ половинокъ шейка представляется намъ прямоугольнымъ отверстіемъ съ закругленными углами. Діаметръ продольнаго сѣченія шейки вверху $5^1/_2$, а внизу—5 сант.; діаметръ же поперечнаго сѣченія шейки вверху $4^1/_2$, а внизу—4 сант. Въ эту шейку

Фиг. 3 (1/2).

вставлялся мѣдный клинъ, державшійся при помощи трехъ выпуклостей: одной на шейкѣ фиг. 1 и двухъ на шейкѣ фиг. 2. Клинъ этотъ, какъ видно изъ суженія шейки къ низу, былъ длиною въ 10 сант.; въ срединѣ верхняго конца широкихъ его сторонъ были желобки, приходившіеся какъ разъ противъ такихъ же желобковъ на внутреннихъ сторонахъ формы. Такимъ образомъ, послѣ вставленія клина и сложенія обѣихъ половинокъ формы, благодаря этимъ же лобкамъ, образовались два канала чрезъ которые и вливался въ форму расплавленный металлъ. Форма эта найдена въ Минусинскомъ округѣ и доставлена г. Мартьяновымъ. Въ Минусинскомъ музеѣ находятся еще нѣсколько экземпляровъ подобныхъ формъ; одна изъ нихъ, похожая на описанную нами, изображена въ атласѣ г. Мартина.

Фиг. **3**[a]. Въ коллекціи г. Лопатина (безъ №) имѣется еще половинка маленькой мѣдной формы для отливки топоровъ безъ ушковъ, т. е топоровъ типа № 9 табл. I-й и табл. II-й. По своимъ украшеніямъ топоръ, отлитый изъ этой формы, долженъ отличаться отъ всѣхъ другихъ, ранѣе встрѣчавшихся намъ. Немного ниже верхняго края идетъ лента съ параллельными углубленіями въ видѣ небольшихъ косыхъ канавокъ (на топорѣ эти украшенія выходятъ выпуклыми). Бока закруглены. Длина формы—11 сант. Длина топора, отлитаго по этой формѣ,—9 сант.; ширина его вверху у украшенія—около 4, внизу—около 5 сант. Вѣсъ формы—55 зол. Форма складывалась такъ же, какъ и 1-я; на верхнемъ краю два углубленія, указывающія на вставку клина. Каналъ, чрезъ который вливался расплавленный металлъ, виденъ довольно ясно. На другой сторонѣ,—не изображенной на рисункѣ,—ушко для разборки формы. Найдена около с. Мочанскаго на р. Березовкѣ, Красноярскаго округа, Енисейской губерніи.

Фиг. 3[a] (2/3).

Фиг. **4**. Наконечникъ топорика, самаго простого типа мѣдныхъ топоровъ. Это, собственно говоря,—только наконечникъ деревяннаго инструмента, имѣющаго форму согнутаго колѣна, на подобіе всѣхъ рукоятокъ каменныхъ топоровъ, употребляющихся жителями Океаніи. Наконечникъ этотъ отлитъ довольно тщательно изъ золотистой бронзы и отшлифованъ снаружи; покрытъ онъ хорошей темнозеленой патиной, которая по нахожденіи была частью по краямъ отбита. По внѣшнему виду онъ представляетъ собою трапецію высотою въ 5 сант., шир. вверху—6, внизу—5 сант. Полое отверстіе, куда вставлялся клинообразный конецъ деревянной рукоятки, вверху шириною около 2 сант., а глубиною—3 сант. На обѣихъ широкихъ сторонахъ, на разстояніи 1 сант. отъ верхняго края, находится по одному круглому отверстію, которыя расположены одно противъ другого; сквозь нихъ проходилъ мѣдный гвоздь для закрѣпленія въ рукояткѣ. Эти отверстія—совершенно круглыя, съ гладкими наружными краями; съ внутренней стороны около нихъ въ стѣнкахъ имѣются углубленія, доказывающія, что въ этихъ мѣстахъ на клинѣ, вставлявшемся въ форму, находились возвышенія (см. фиг. 1 и 2). Вѣсъ наконечника—5 л. 2 1/2 зол. Найденъ при паханіи земли около села Солонцы, близъ г. Красноярска. Въ коллекціи г. Лопатина числится подъ № 109.

Наконечники одного типа съ № 4 табл. I имѣются еще въ коллекціи г. Лопатина подъ №№:

1) **88**—длиною въ 5,5, шириной вверху и внизу—5 сант. Вѣсъ—25½ зол. Золотистой бронзы. Найденъ на пашнѣ около с. Кантерева, Минусинскаго округа.

2) **90** —изъ красноватой бронзы, длиною—5, шириной вверху и внизу—5,5 сант. Вѣсъ—22 зол. На одномъ клинообразномъ боку отверстіе. Найденъ въ Новоселовской волости Минусинскаго округа.

3) **114**—длина—4, ширина вверху—6, внизу—5 сант. Вѣсъ—21½ зол. Полое отверстіе для вставки черенка—четыреугольное. Найденъ на пашнѣ около д. Закупики, Новоселовской волости, Минусинскаго округа.

4) **121**—длина и ширина—5 сант. Вѣсъ—24½ зол. Золотистой бронзы. Найденъ близъ д. Яновой, Минусинскаго округа.

5) **95**—длина и ширина 5,5 сант. По верхнему краю кайма. Лезвіе иззубрено. Вѣсъ—32½ зол. Золотистой бронзы. Найденъ близъ с. Лигавскаго, на правомъ берегу р. Енисея, Шушинской волости, Минусинскаго округа.

6) **113**—длина и ширина—5 сант. Бока нѣсколько вогнуты въ серединѣ, такъ что лезвіе расширяется. Золотистой бронзы, вѣсомъ—22½ зол. Найденъ около с. Бородина, Минусинскаго округа.

7) **127**—красноватой бронзы, длина—4,5, ширина вверху и внизу—4 сант. Вѣсъ—17 зол. Бока нѣсколько вогнуты. Покрытъ какимъ-то составомъ, давшимъ черную ржавчину. Найденъ на пашнѣ въ 15 верстахъ отъ д. Яновой, Минусинскаго округа.

Фиг. **5**. Наконечникъ изъ красноватой бронзы довольно тщательной работы, послѣ отливки отшлифованъ. На лезвіи его видны ясные слѣды отточки. Верхній край сильно поврежденъ и вполнѣ цѣлъ лишь на лѣвомъ боку. Ширина наконечника вверху—6, внизу—4 сант., длина—7 сант. Полое отверстіе для вставки рукоятки глубиною въ 4,5 сант. Стѣнки вверху толще, нежели въ наконечникѣ фиг. 4. Въ 2 сант. отъ верхняго края находятся на обѣихъ широкихъ сторонахъ по 2 круглыхъ отверстія, одно противъ другого, для пропуска гвоздей съ цѣлью закрѣпленія въ рукояткѣ. Края этихъ отверстій снаружи гладки, а съ внутренней стороны отверстія лежатъ въ углубленіяхъ, происходящихъ отъ бывшихъ на клинѣ возвышеній съ цѣлью утонченія стѣнокъ въ этихъ мѣстахъ для легкости ихъ пробитія. Вѣсъ наконечника—7 л. 2 зол. Найденъ при паханіи земли около села Юдина въ южной части Минусинскаго округа. Въ коллекціи г. Лопатина № 85.

Наконечники топоровъ, по типу сходные съ табл. I № 5, имѣются въ коллекціи г. Лопатина подъ №№:

1) **46**—золотистой бронзы, хорошо отлитый, длина—5, ширина вверху и внизу—5,5 сант. Вѣсъ 23½ зол. Найденъ около с. Березова, Красноярскаго уѣзда.

2) **48**—красноватой бронзы; длина—6,5, ширина вверху—5,5, внизу—4,5 сант. Вѣсъ—29 золотн. Найденъ около с. Березова, Красноярскаго уѣзда.

3) **98**—золотистой бронзы; длина 5, ширина вверху—6, внизу—5,5 сант. Вѣсъ—30 зол. Найденъ въ Шушинской волости, Минусинскаго округа.

4) **115**—золотистой бронзы, длина—5, ширина вверху и внизу—5,5 сант. Вѣсъ—19½ зол.

Хорошая патина удалена. Найденъ около с. Пойлова на правомъ берегу рѣки Тубы, Тесинской волости, Красноярскаго округа.

5) **119**—золотистой бронзы, съ утолщеніемъ въ верхнемъ краѣ. Длина—5, ширина вверху—5,5, внизу—5 сант. Найденъ около Новоселовской волости, Минусинскаго округа.

6) **126**—красноватой бронзы; длина—7, ширина вверху—5,5, внизу—5 сант. Вѣсъ—30 зол. Верхній край съ небольшой выемкой. Найденъ около с. Солонцы, Красноярскаго округа.

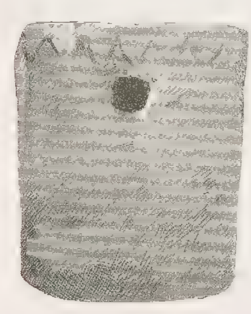
Примѣчаніе. Всѣ эти 6 наконечниковъ имѣютъ по два отверстія для проведенія гвоздя.

Фиг. **6**. Наконечникъ изъ красной мѣди, почти одинаковый съ № 5, довольно тщательно отлитый и отшлифованный. Ширина вверху—около 6, внизу—5 сант.; длина—7,5 сант. Клинообразные бока его не образуютъ прямой плоскости, такъ какъ внизу наконечникъ, вѣрнѣе лезвіе его, немного расширяется. Лезвіе вылито очень старательно и хорошо отшлифовано. Верхній край наконечника отлитъ очень неправильно, очевидно, вслѣдствіе того, что въ формѣ было не совсѣмъ достаточное количество расплавленнаго металла; впослѣдствіи недостатокъ этотъ исправленъ отчасти шлифовкой. Полое отверстіе для вставки рукоятки глубиною немного болѣе 4 сант. Отверстія для проведенія гвоздя на обѣихъ сторонахъ очень малы и неправильны: на одной сторонѣ—кругловатое, на другой—четыреугольное. Оба отверстія пробиты какимъ-то острымъ инструментомъ, ибо внутри края ихъ выступаютъ. Вѣсъ наконечника—14 л. ½ зол. Найденъ на пашнѣ близъ г. Минусинска, около р. Енисея. Въ коллекціи г. Лопатина—№ 79.

Наконечники одинаковаго типа съ табл. I № 6 имѣются въ коллекціи г. Лопатина подъ №№:

1) **47**—золотистой бронзы; длина 6, ширина вверху—5, а внизу немного менѣе 5 сант. Вѣсъ—24 зол. Хорошо отлитъ, верхній край съ небольшой выемкой. Найденъ близъ г. Минусинска.

2) **72**—красноватой бронзы, съ возвышенной каймой на верхнемъ краѣ, длина—7, ширина вверху—6, внизу—5 сант. Вѣсъ—39 золотн. Найденъ близъ д. Тесинской, Минусинскаго округа.

Фиг. 6a (нат. в.).

3) **80**—красноватой бронзы, съ четыреугольнымъ отверстіемъ для черенка. Длина—7, ширина вверху—5, внизу—4 сант. Вѣсъ—36½ золотн. Хорошо отлитъ. Найденъ въ 2 верстахъ отъ д. Бередниковой, Минусинскаго округа.

4) **120**—прекрасной золотистой бронзы. Былъ покрытъ бѣлымъ составомъ, ржавчина черная. Отверстіе для вставки черенка четыреугольное съ острыми краями (ширина отверстія—3,8 и 1,5 сант.). Длина наконечника 5,5, ширина 4 и 4,5 сант. Вѣсъ—29½ зол. Хорошо отлитъ. Найденъ около д. Свѣтлолобовой, Ачинскаго округа.

Фиг. **6ª**. Маленькій топорикъ изъ красной мѣди, совершенно очищенный отъ патины. Форма, отличающаяся отъ всѣхъ другихъ.

На верхнемъ краѣ на изображенной на рисункѣ сторонѣ 7 выдающихся зубцовъ, въ родѣ фестоновъ, другая сторона—гладкая. Длина—6, ширина—4,2 сант. Отверстіе для вставки клина четыреугольное, глубиной 3,5 сант. Отверстія для гвоздя кругловатыя, повидимому расширены по нахожденіи. Вѣсъ—28 зол. Найденъ около села Бѣльска, Минусинскаго округа. Въ коллекціи г. Лопатина № не помѣченъ.

Примѣчаніе. Всѣ эти три наконечника (фиг. 4, 5 и 6) употреблялись, какъ видно, въ качествѣ инструментовъ при тонкихъ работахъ, въ родѣ выдѣлки посуды и т. д.

Фиг. **7**. Наконечникъ этотъ, прекрасно отлитый, находится въ Минусинскомъ музеѣ. Помѣщенъ нами на этой таблицѣ по той причинѣ, что онъ является наиболѣе изящно отлитымъ и наилучше сохранившимся изъ наконечниковъ вышеописаннаго типа (фиг. 4, 5 и 6). Верхній край по серединѣ вогнутъ; по всей вѣроятности наконечники №№ 5 и 6 были такой же формы, только въ фиг. 5 поврежденъ верхній край, а въ № **6**—плохо отлитъ. По верхнему краю наконечника идетъ тонкая выступающая кайма, каковой на вышеописанныхъ наконечникахъ мы не встрѣчали. Бока наконечника по срединѣ немного вогнуты. Отверстія для проведенія гвоздя—совершенно правильной круглой формы и замѣчательно симметрично расположены. Мѣдные предметы такой изящной формы и работы отливаются только, какъ мы знаемъ по опыту, изъ золотистой бронзы.

Фиг. **8**. Наконечникъ изъ красной мѣди; довольно грубо отлитъ и шлифованъ не тщательно. Нижній конецъ его (лезвіе)—неправильной формы, что указываетъ на частое употребленіе. Вверху наконечникъ еще неправильнѣе, чѣмъ № 6, и недостатки его вовсе не исправлены. Ширина вверху—7, внизу—5 сант., длина около 11 сант. Кайма въ 2 сант., идущая по верхнему краю, образуетъ утолщеніе стѣнокъ. Это утолщеніе, впрочемъ, выступаетъ довольно неясно и не всюду одинаково. Полое отверстіе для вставки рукоятки вверху шириною въ 2,5, глубиною—7 сант. Низъ полаго отверстія представляетъ собою площадку въ $^1/_4$ сант. ширины. Внутри на широкихъ стѣнкахъ виднѣются двѣ выступающія линіи (два рубчика) перпендикулярно къ верхнему краю; линіи эти не лежатъ одна противъ другой; происхожденіе ихъ объясняется тѣмъ, что клинъ, вставлявшійся въ форму для отливки, состоялъ изъ двухъ половинокъ, слагавшихся по косой линіи. Отверстіе для проведенія гвоздя съ цѣлью закрѣпленія наконечника въ топорищѣ отстоитъ отъ верхняго края на $2^3/_4$ сант.; на одной сторонѣ оно круглое, на другой—четыреугольное, быть можетъ, для заклепанія. Края отверстій снаружи гладки, внутри лежатъ въ углубленіяхъ довольно большого размѣра, происходящихъ, какъ нами было раньше указано, отъ возвышеній, бывшихъ на клинѣ для утонченія стѣнокъ. Отверстія эти были пробиты послѣ снаружи, на что указываетъ то обстоятельство, что края отверстій внутри нѣсколько выдаются. Вѣсъ наконечника — 30 л. $2^1/_2$ зол. Найденъ при паханіи земли около селенія Базаита въ 6 верстахъ отъ г. Красноярска на правомъ берегу р. Енисея. Въ коллекціи г. Лопатина—№ 54.

Наконечники одного типа съ табл. I № 8 находятся въ коллекціи г. Лопатина подъ №№:

1) **61**—длиной 10, шириной вверху 5, внизу—4,5 сант. Отверстіе для вставки края четыреугольное. Вѣсъ—82 зол. Найденъ на берегу рѣки Кана, близъ г. Канска.

2) **94**—сильно поврежденъ въ нижней части. Найденъ на пашнѣ близъ д. Шунарской, Минусинскаго округа.

3) **107**—длиной 9, шириной вверху—4, внизу—4,5 сант. Лезвіе круглое и расширенное. Вѣсъ—41 зол. Найденъ на пашнѣ близъ д. Закупиной, Минусинскаго округа.

Фиг. **9**. Наконечникъ этотъ по своей формѣ и размѣрамъ нѣсколько разнится отъ предыдущихъ. Широкія его стѣнки—почти правильной прямоугольной формы, такъ какъ ширина лезвія всего на 0,5 сант. меньше ширины вверху. Эта разница, главнымъ образомъ, зависитъ отъ каймы на верхнемъ краю, шириной въ 1 сант. Бока образуютъ клинъ, вверху шириною въ 2 сант., съ ясно выдающимся рубцомъ въ мѣстахъ сложенія обѣихъ половинокъ формы, т. е. по срединѣ. Длина наконечника въ настоящее время—10 сант., но такъ какъ лезвіе его сильно сточено, то можно предположить, что раньше наконечникъ былъ длиннѣе, по крайней мѣрѣ, на 1,5 сант. Очевидно, что наконечникъ этотъ долгое время былъ въ употребленіи. Украшенія его на обѣихъ широкихъ стѣнкахъ одинаковы и представляютъ слѣдующія формы: на 0,6 сант. ниже каймы находится параллельная каймѣ линія, а ниже ея еще двѣ параллельныя ей линіи, отстоящія одна отъ другой на 0,4 сант. Эти выступающія линіи ясно видны на широкихъ стѣнкахъ, на бокахъ же—лишь мѣстами, что указываетъ намъ, что въ формѣ линіи эти окаймляли весь наконечникъ, но при отливкѣ не удались. Третья, нижняя параллельная линія окаймляла не весь наконечникъ, а выступаетъ лишь на 4 сант. въ длину на каждой изъ широкихъ стѣнокъ; перпендикулярно къ ней обрисовываются еще 3 линіи по 4 сант. длиною; одна изъ нихъ посрединѣ, двѣ же другія идутъ, постепенно закругляясь, къ бокамъ. Полое отверстіе для вставки рукоятки—глубиною въ 8 сант. Отверстій для закрѣпленія въ топорищѣ гвоздемъ нѣтъ. Наконечникъ этотъ вылитъ изъ красноватой бронзы, но не особенно изящно, хотя тщательно отшлифованъ; онъ былъ покрытъ довольно хорошей патиной, но она по нахожденіи мѣстами соскоблена. Вѣсъ наконечника 20 л. 1 зол. Найденъ въ окрестностяхъ села Кускина, Красноярскаго округа. Въ коллекціи г. Лопатина безъ №.

Сходные наконечники встрѣчаются въ коллекціи г. Лопатина подъ №№:

1) **53**—длиною въ 10, шириной вверху—5, внизу—4,5 сант. Лезвіе расширенное. Украшенія неясны. Вѣсъ—78 зол. Найденъ на пашнѣ около д. Бѣлозерской, Красноярскаго окр.

2) **35**—изъ красноватой бронзы, длина—10, ширина—6 и 5 сант. Вѣсъ—82 зол. Отверстіе для черенка четыреугольное. Найденъ около с. Тангва, Красноярскаго округа.

Фиг. **10**. Наконечникъ однородный съ предыдущими, но бóльшаго размѣра; судя по вѣсу и величинѣ, могъ служить лезвіемъ для топора. Длина его—15 сант., ширина вверху—9, а внизу—8 сант. Глубина полаго отверстія для вставки рукоятки—11 сант., продольный діаметръ сѣченія вверху—8, поперечный—3 сант. Бока его, шириной въ 1,5 сант., образуютъ клинъ, состоящій изъ двухъ острыхъ треугольниковъ, не лежащихъ въ одной плоскости. Верхній край наконечника отлитъ очень неудачно; на одной сторонѣ послѣ отлитія мѣста съ дефектами подверглись шлифованію. На наконечникѣ цѣлый рядъ украшеній: вверху на широкихъ стѣнкахъ должны были быть по 3 пуговицеобразныхъ круглыхъ возвышенія, но изъ нихъ на сторонѣ, изображенной на таблицѣ, сохранилось только 2, а на задней стѣнкѣ—одно. На 1 сант. ниже ихъ идутъ двѣ параллельныя возвышенныя линіи, на разстояніи одна отъ другой около 0,8 сант. Онѣ параллельны лишь на широкихъ стѣнкахъ, по бокамъ же сходятся вмѣстѣ и образуютъ на линіи соединенія треугольниковъ выдающійся бугорокъ, вродѣ узла. Посреди ихъ и параллельно имъ отъ края идутъ по двѣ короткихъ линіи, на подобіе булавокъ,

длиною въ 3 сант. каждая. Немного ниже параллельныхъ линій по срединѣ широкихъ стѣнокъ перпендикулярно идутъ по одной выступающія линіи, имѣющія также видъ булавокъ, головка которыхъ отстоитъ отъ нижней параллельной линіи на 1 сант. съ небольшимъ. Пазы на бокахъ, повидимому, намѣренно выдаются и образуютъ сильно выступающія ребра, на которыхъ на 3 сант. ниже бугорковъ идутъ по 3 ломанныхъ линіи, параллельно одна другой, образующія острые углы съ вершинами, обращенными къ лезвію; вершины этихъ угловъ отстоятъ другъ отъ друга на 1 сант., стороны ихъ длиною по 1,2 сант. каждая. Наконечникъ этотъ отлитъ изъ красноватой бронзы и плохо шлифованъ. Вѣсъ его—1 ф. 24 л. $2^1/_2$ зол. На одной сторонѣ лезвія видны слѣды отточки. Отверстій для гвоздя съ цѣлью укрѣпленія въ топорищѣ не имѣется; бугорки по бокамъ указываютъ на то, что наконечникъ этотъ прикрѣплялся къ древку посредствомъ привязыванія ремнемъ. Найденъ на пашнѣ около дер. Кривой, Минусинскаго округа. Въ коллекціи г. Лопатина—№ 18.

Фиг. **10**^{a}. Самый простой по украшенію топорикъ, подходящій по типу къ фиг. 10 табл. I. Изъ красной мѣди, съ толстыми стѣнками. Верхній край на одной сторонѣ гладкій, на другой—неправильно отлитъ. Длина—10, ширина—6 сант. По верхнему краю широкая полоса (возвышенная), переходящая постепенно въ плоскость, шириною въ 0,5 сант.; изъ нея выходятъ 3 рубца по 6 сант. длиной. Бока правильные равнобедренные треугольники съ основаніемъ въ 3 сант. По срединѣ этихъ треугольниковъ—рубецъ отъ сложенія обѣихъ половинокъ формы. На изображенной сторонѣ видно неудавшееся четыреугольное отверстіе. Стороны повреждены ударами, задняя стѣнка треснула. Отверстіе для клина закругленное, тщательно вычищено внутри; діаметръ поперечнаго сѣченія—4, продольный—5 сант., глубина—6. Вѣсъ—1 ф. 51 зол. Найденъ при рытьѣ земли, въ слоѣ глины, около дер. Новой Заледеевой, Красноярскаго округа Енисейской губ. Въ коллекціи г. Лопатина—№ 49.

Фиг. 10^a (н. в.).

Фиг. **10**^{b} (см. стр. 8). Топоръ такого-же рода, тщательно отлитъ изъ золотистой бронзы. Длина—6 сант. Украшенія на верхнемъ краѣ тѣ же, что и въ 10^a. Рубцы тщательно отшлифованы. Лезвіе расширяется до 6 сант., тогда какъ вверху ширина наконечника всего лишь 4 сант. На лезвіи замѣтны слѣды отточки и отбивки. Отверстіе для вставки черенка—четыреугольное, глубиной въ 3,5 сант. Вѣсъ—27,5 зол. Покрытъ прекрасной зеленой патиной. Найденъ около г. Каптарова, Минусинскаго окр. Въ коллекціи г. Лопатина—№ 44.

Общій обзоръ таблицы I.

На этой таблицѣ въ началѣ помѣщено изображеніе формы для отливки топоровъ, довольно сложнаго типа. Оно помѣщено здѣсь въ самомъ началѣ потому, что даетъ намъ нѣкоторое понятіе объ отливкѣ наконечниковъ (металлическихъ) вообще; разсматривая ее, мы видимъ, что для этой цѣли было недостаточно только половинокъ формы, но еще нуженъ былъ клинъ для образованія полаго отверстія, и кромѣ того мы ясно представляемъ себѣ способъ его вставки. Остальные рисунки на таблицѣ (фиг. 4 — 10) представляютъ собою самые простые типы наконечниковъ топоровъ въ видѣ простого клина съ полымъ отверстіемъ для вставки рукоятки. Способъ укрѣпленія наконечника на топорищѣ—различный: посредствомъ одного гвоздя, проходящаго чрезъ отверстіе, приспособленное для этой цѣли (фиг. 4, 6 и 8), двухъ гвоздей (фиг. 5 и 7); наиболѣе простой способъ — посредствомъ привязки (фиг. 9 и 10, гдѣ нѣтъ отверстій; впрочемъ на наконечникѣ № 10-й находятся два бугорка для той же цѣли). Эти клинообразные наконечники были, вѣроятно, самыми древними, такъ какъ форма для ихъ отливки очень не сложна (фиг. 8), но всетаки наконечники подобной формы сохранились и впослѣдствіи (фиг. 4, 6 и 7) и отливались очень тщательно изъ хорошей золотистой бронзы. Маленькіе наконечники (фиг. 4—9) служили, вѣроятно, инструментами для мелкихъ работъ, производившихся одной рукой. Наконечникъ 10-й слишкомъ тяжелъ для работы одной рукой и служилъ, конечно, уже въ качествѣ топора. Украшенія очень просты: возвышенныя каймы по краямъ (фиг. 7, 8, 9), выдающіяся линіи, опоясывающія верхъ наконечника (фиг. 9, 10), продольныя линіи (фиг. 9 и 10) и круглыя возвышенія (фиг. 10).

Фиг. 10ᵉ (н. в.).

Таблица II.

Фиг. **1** изображаетъ наконечникъ мѣднаго инструмента, грубо и плохо отлитый изъ хорошей золотистой бронзы. Верхній край его очень неровенъ вслѣдствіе того, что онъ не долитъ, такъ какъ расплавленнаго металла было влито въ форму недостаточное количество. Кайма по верхнему краю также неровна, на правой сторонѣ шире чѣмъ на лѣвой; ширина ея колеблется около 3-хъ сант. Отъ этой каймы внизъ идутъ на каждой широкой стѣнкѣ по два треугольника и по срединѣ ихъ еще одна возвышенная линія. Всѣ эти возвышенныя линіи, служащія украшеніемъ, очень неправильны. Длина наконечника—9,5 сант., ширина вверху и внизу—около 5 сант. Вѣсъ его 17 л. 2 зол. Полое отверстіе для вставки рукоятки шириною въ 2,5 сант., а глубиною—6,5 сант. Бока клинообразны, посрединѣ виденъ рубецъ отъ сложенія половинокъ формы. Продолженіе каймы видно только на одномъ боку. Углы на клинообразныхъ бокахъ не равны, отчего и стороны по величинѣ не одинаковы; одна изъ широкихъ стѣнокъ нѣсколько выпукла, другая вогнута. Верхомъ наконечника служила выпуклая сторона. На разстояніи 5 сант. сверху на широкихъ стѣнкахъ находятся отверстія для проведенія гвоздя, не сохранившія своей первоначальной формы и впослѣдствіи испорченныя, такъ что отверстіе на одной сторонѣ болѣе другаго почти въ три раза. Наконечникъ этотъ найденъ при паханіи земли въ окрестностяхъ села Чадобецъ, Пинчужской волости Енисейскаго окр. (Коллекція Лопатина, № 89).

Сходный съ № 1 табл. II имѣется въ колл. г. Лопатина подъ №:

40 — золотистой бронзы, прекрасно отлитый, немного отбитый на обѣихъ сторонахъ; отверстіе для вставки черенка—четыреугольное. Украшенія состоятъ изъ четырехъ треугольныхъ зубцовъ. Длина—8, ширина вверху—5, внизу—4,5 сант. Вѣсъ—36 золотн. Найденъ близъ г. Красноярска.

Фиг. **2**. Наконечникъ изъ очень хорошей золотистой бронзы, тщательной шлифовки, изящно отлитый. Длина его—7,5 сант., ширина вверху и внизу—4,5 сант. На широкихъ стѣнкахъ правильная возвышенная кайма шириной 1,2 сант.; отъ нижняго края ея идутъ 3 остроугольныхъ треугольника съ основаніемъ въ 1 сант. и высотой въ 2 сант. Средній треугольникъ лежитъ внутри другого съ основаніемъ въ 2 сант. и высотой около 4 сант. Стороны этихъ треугольниковъ правильны и очень рельефно выступаютъ. Клинообразные бока составлены двумя одинаковыми правильными треугольниками, посреди которыхъ виденъ рубецъ отъ сложенія половинокъ формы. Полое отверстіе для вставки рукоятки—шириною въ 2 сант., глубиной въ

6 сант. Верхній край вычищенъ и какъ-бы срѣзанъ рѣзцомъ, но не шлифованъ. Вверху на широкихъ стѣнкахъ не совсѣмъ другъ противъ друга замѣтны двѣ возвышенности, образовавшіяся въ мѣстахъ влитія металла въ форму. На лезвіи замѣтны слѣды отбивки и отточки. Покрытъ хорошей темнозеленой патиной. Отверстій для проведенія гвоздя нѣтъ. Вѣсъ наконечника—15 л. Колл. Лопатина, № 14.

Фиг. **3**. Прекрасно вылитый, шлифованный наконечникъ изъ золотистой бронзы. Длина его—9 сант., ширина вверху и внизу—5 сант. Одна изъ широкихъ сторонъ выпукла, другая вогнута, какъ въ № 1. Клинообразные бока образованы треугольниками изъ искривленныхъ линій. Ширина полаго отверстія для вставки рукоятки—3 сант., глубина его—6 сант. Лезвіе нѣсколько закругленное и слѣдовъ отточки не видно. Украшенія состоятъ изъ возвышенныхъ линій. По самому верху идетъ одна возвышенная линія, нѣсколько ниже ея другая, параллельная ей, изъ которой восходятъ на широкихъ стѣнкахъ 3 зубца, имѣющіе форму равнобедренныхъ треугольниковъ; высота боковыхъ зубцовъ—1,5 сант., а среднихъ—2 сант. Въ этихъ зубцахъ лежатъ вторые меньшіе зубцы. Отверстій для проведенія гвоздя нѣтъ. Наконечникъ покрытъ хорошей, темнозеленой, неровнаго впрочемъ цвѣта, патиной, которая послѣ нахожденія мѣстами поцарапана. Вѣсъ его—20 л. $^1/_2$ з. Найденъ при пахаціи земли около с. Чисто - Островокъ на лѣвомъ берегу р. Енисея, на 37 верстъ ниже г. Красноярска. (Коллекція Лопатина, № 68).

Фиг. **4**. Наконечникъ изъ красноватой бронзы, шлифованный, отлитый по прекрасной формѣ. Длина его—10 сант., ширина—5 сант. Широкія его стѣнки—ровныя, плоскія; бока образованы правильными треугольниками. Украшенія состоятъ изъ двухъ параллельныхъ линій, окаймляющихъ верхній край (отъ верхняго края на 1 сант.); изъ этихъ линій къ низу выходятъ на каждой широкой стѣнкѣ по три треугольныхъ зубца: средній, состоящій изъ трехъ треугольниковъ съ общимъ основаніемъ, лежащихъ одинъ въ другомъ, и два боковые—двойные. Высота средняго зубца — 3 сант., боковыхъ — 2 сант. Полое отверстіе для вставки рукоятки—шириной въ 2,5 сант., глубиною—6 сант. Отверстіе для проведенія гвоздя на одной сторонѣ довольно широкое, на другой—едва замѣтное; края ихъ совершенно не тронуты, какъ-бы прямо изъ формы. Линіи, составляющія украшенія, до того правильны, что можно предположить, что наконечникъ этотъ никогда не былъ въ употребленіи. Отверстія для гвоздя съ наружныхъ сторонъ кажутся какъ-бы случайными дефектами, съ внутренней же стороны они лежатъ въ довольно большихъ углубленіяхъ, происходящихъ отъ возвышеній, бывшихъ на клинѣ, вставлявшемся въ форму съ цѣлью утонченія стѣнокъ для болѣе легкаго ихъ пробитія или сверленія. Возвышенія эти дѣлались, очевидно, изъ какого-либо состава или массы, которая по отлитіи могла быть легко снимаема съ клина и никоимъ образомъ не могла помѣшать изъятію клина изъ готоваго уже наконечника. Наконечникъ этотъ былъ покрытъ зеленой патиной, удаленной въ нижней части. Вѣсъ наконечника — 23 л. $2^1/_2$ зол. Найденъ въ 1871 году подъ корнемъ березы около села Есаульскаго, Чистоостровской волости, Красноярскаго округа. (Коллекція Лопатина, № 62).

Наконечники, подобные по типу № 4 табл. II, имѣются въ коллекціи г. Лопатина подъ №№:

1) **133**—красной бронзы, хорошей работы; длиной—8,5, шириной вверху—5, внизу—4,5 сант. Вѣсъ—61 золотн. Ярлычекъ потерянъ.

2) **134**—золотистой бронзы; длина—9, ширина вверху—5, внизу—4 сант. Вѣсъ—68 зол. Полое отверстіе для вставки черенка—четыреугольное. Ярлычекъ потерянъ.

3) **60**—длина 8, ширина вверху и внизу—5 сант. Вѣсъ—50 золотн. Довольно сильно испорченъ. Лезвіе закругленное. Полое отверстіе для вставки черенка—овальной формы и внутри находятся два шипа. Найденъ около д. Терскина, въ 35 верстахъ къ сѣверу отъ г. Красноярска.

4) **69**—изъ красной мѣди, очень грубой работы, длиной—9,5, шириной вверху и внизу—4,5 сант. Вѣсъ—74 зол. Полое отверстіе — четыреугольное съ двумя глубокими каналами. Найденъ на пашнѣ около с. Коркина, на лѣвомъ берегу р. Енисея, въ 13 верстахъ отъ Красноярска.

5) **57**—изъ золотистой бронзы, прекрасно отлитый. Длина—8,5, ширина вверху—5, внизу—4,5 сант. Полое отверстіе—четыреугольное, правильной формы. Патина счищена. Вѣсъ—58 зол. Найденъ въ 20 верстахъ отъ Красноярска, около д. Кудаковой на лѣвомъ берегу Енисея.

6) **70**—изъ золотистой бронзы, прекрасно отлитъ по хорошей формѣ. Длина—9, ширина вверху—5, внизу—4,5 сант. Полое отверстіе—четыреугольное. Вѣсъ—61 зол. Найденъ около с. Злобина на р. Березовкѣ, въ 17 верстахъ отъ Красноярска.

7) **37**—изъ золотистой бронзы, хорошо отлитый. Длина—10, ширина вверху—5, внизу—4,5 сант. Вѣсъ—59 зол. Отверстіе для вставки черенка—четыреугольное. Найденъ около с. Зыкова, Красноярскаго округа.

Фиг. **5**. Наконечникъ топора изъ красной мѣди, отлитый по довольно хорошей формѣ, но небрежно; плохо шлифованъ. Длина его — 10 сант., ширина вверху и внизу—около 6 сант. Лезвіе дугообразное съ расширяющимися краями, отчего и ширина наконечника въ срединѣ нѣсколько ỳже. Одна изъ широкихъ стѣнокъ слегка выпукла, другая—едва замѣтно вогнута. Бока представляютъ собой поэтому почти правильные треугольники; рубецъ на бокахъ, происходящій отъ сложенія половинокъ формы, почти совсѣмъ зашлифованъ. Украшенія состоятъ изъ двухъ возвышенныхъ параллельныхъ линій, изъ которыхъ одна идетъ по самому краю, а другая на 0,4 сант. ниже ея. Зубцы такіе же, какъ въ № 4, только между ними проходятъ перпендикулярно линіямъ къ низу двѣ возвышенныя заостренныя линіи, длиною по 3 сант. Полое отверстіе для вставки черенка—шириною 3 сант. и глубиною 6 сант. Низъ углубленія образуетъ площадку въ 0,6 сант. ширины. Отверстій для гвоздя нѣтъ,—вмѣсто нихъ мы встрѣчаемъ совершенно иной способъ закрѣпленія, а именно: внутри на каждой широкой стѣнкѣ находятся по 4 возвышенія, въ родѣ штифтиковъ, изъ которыхъ одинъ лежитъ на 1,5 сант. ниже верхняго края, другіе три—на 1 сант.; они произошли, очевидно, отъ углубленій, сдѣланныхъ на клинкѣ. На лезвіѣ замѣтны слѣды отточки. Былъ покрытъ зеленой патиной, впослѣдствіи удаленной. Вѣсъ его—21 л. 2 з. Найденъ около дер. Верхне-Токайской (Суковской) Устьянской волости, Канскаго округа, въ лѣсу. (Коллекція Лопатина, № 132).

Фиг. **6**. Наконечникъ топора изъ темной золотистой бронзы, прекрасно отлитый и шлифованный. Длина его—10 сант., ширина—около 6 сант. Лезвіе слегка искривлено и носитъ

на себѣ слѣды отбивки и отточки. Украшенія состоятъ изъ каймы на верхнемъ краѣ шириной въ 2 сант.; параллельно каймѣ идутъ еще двѣ линіи. На широкихъ стѣнкахъ отъ каймы идутъ по 4 тройныхъ треугольныхъ зубца и, кромѣ того, еще виднѣются начала 5-го и 6-го зубцовъ, такъ что можно было ожидать, что продолженіе ихъ будетъ на бокахъ, но таковыхъ не оказывается и тамъ видны только параллельныя каймѣ линіи и сильно выступающій рубецъ. Посрединѣ между зубцами книзу идетъ возвышенная линія длиною въ 4 сант., а сбоку—еще двѣ линіи искривленныя, идущія по бокамъ, но не доходящія до нихъ. Полое отверстіе для вставки черенка—шириною 2,5 сант., глубиною болѣе 7 сант. Отверстій для гвоздя, а также описанныхъ при фиг. 5-й штифтиковъ нѣтъ. Верхній край очень хорошо отлитъ и потому мало шлифованъ; на обѣихъ широкихъ сторонахъ на верху—возвышенія отъ затвердѣвшаго металла въ мѣстахъ влитія его въ форму. Покрытъ хорошей зеленой патиной, удаленной только на нѣкоторыхъ мѣстахъ. Вѣсъ наконечника—25 л. 1½ зол. Найденъ въ окрестностяхъ г. Канска или въ одной изъ ближайшихъ къ нему деревень. (Коллекція Лопатина, № 38).

Сходный съ № 6 табл. II имѣется въ колекціи г. Лопатина наконечникъ подъ № **38** — изъ золотистой бронзы, прекрасно отлитый. Длина—8, ширина вверху—6, внизу—5,5 сант. Вѣсъ—47 зол. Найденъ около с. Чисто-Островскъ Красноярскаго округа.

Фиг. **7**. Наконечникъ, схожій по украшеніямъ съ № 5, прекрасно отлитый изъ золотистой бронзы. Длина его—11 сант., ширина—5,5 сант. Широкая стѣнка, изображенная на рисункѣ, едва замѣтно выпукла, другая совершенно ровная. Полое отверстіе для вставки рукоятки—шириною въ 2,5 сант., глуб. въ 8 сант. Верхній край задней стѣнки плохо отлитъ и впослѣдствіи искривленъ. По украшеніямъ отличается отъ № 5 тѣмъ, что параллельныя линіи, идущія по верхнему краю и образующія кайму, отступаютъ отъ верха на 1,5 сант.; кромѣ того на разстояніи 1 сант. на каждой сторонѣ находятся 7 едва замѣтныхъ перпендикулярныхъ линій, на равномъ разстояніи одна отъ другой. Рубцы на бокахъ очень замѣтны; треугольныя боковыя плоскости сходятся подъ угломъ, образуя скатъ къ широкимъ сторонамъ. Стѣнки внутри вовсе гладки. Отверстій для гвоздя совершенно нѣтъ. Слѣды отточки едва замѣтны на лезвіи, что заставляетъ предполагать, что наконечникъ мало былъ въ употребленіи. Покрытъ довольно хорошей темной патиной. Вѣсъ его—1 ф. 1 л. 2 з. Купленъ у колокольнаго мастера въ г. Красноярскѣ среди мѣди, пріобрѣтенной имъ для сплава въ Канскомъ округѣ. (Коллекція Лопатина, № 33).

Фиг. **8**. Наконечникъ топора, схожій по украшеніямъ съ предыдущимъ, отлитъ изъ золотистой броны, очень хорошей работы, шлифованъ. Верхній край плохо отлитъ и впослѣдствіи одинъ кусокъ края выбитъ. Возвышенныя параллельныя линіи, окаймляющія верхъ, отстоятъ отъ края на 1 сант. и близки одна къ другой. Средній зубецъ—3 сант. высотою, двѣ перпендикулярныя линіи одинаковы по длинѣ съ высотой зубца; кромѣ этихъ линій по краямъ широкихъ стѣнокъ идутъ двѣ перпендикулярныя линіи, на одной сторонѣ ясныя, на другой едва замѣтныя. Длина наконечника—около 9 сант., ширина его немного болѣе 5 сант. Длина наконечника не настоящая, такъ какъ онъ часто употреблялся въ работѣ и сначала былъ длиннѣе по крайней мѣрѣ на 2,5 сант. Полое отверстіе для вставки черенка глубиною

въ 8 сант. Способовъ употребленія на рукояткѣ не видно ни внутри, ни снаружи. Покрытъ хорошей патиной. Вѣсъ его—17 лот. Найденъ при пахaніи земли около селенія Солонцы въ 6 верстахъ отъ г. Красноярска. (Коллекція Лопатина, № 68).

Фиг. **9**. Наконечникъ топора изъ золотистой бронзы, прекрасной работы, отлитый по очень правильной формѣ. Длина его—8,5 сант.; слѣды болѣе поздней шлифовки очень замѣтны, такъ что первоначальная его длина была на 0,5 или 1 сант. больше; ширина—4,5 сант. Украшенія отличаются отъ прежде встрѣчавшихся. Верхняя кайма очень рельефна, шир. въ 1,8 сант.; ниже ея идутъ на каждой широкой стѣнкѣ по три параллельныхъ возвышенныхъ линіи; промежутки между ними образуютъ рѣзкіе каналы; отъ нижней линіи идутъ 13 перпендикулярныхъ линій, изъ которыхъ крайнія двѣ очень малы (1/3 сант.), 3-я и 11-я искривляются въ сторону клинообразныхъ боковъ и доходятъ до реберъ; длина каждой—3,5 сант.; средняя линія (7-я) перпендикулярна, въ 3,5 сант. длины; остальныя линіи 4, 5, 6, 8, 9 и 10—незначительны. Клинообразные бока правильны; окаймляющія параллельныя линіи на бокахъ не сходятся, вслѣдствіе ошибки въ формѣ. Полое отверстіе для вставки черенка шириною въ 2,5 сант., глубина его—больше 6 сант. Вѣсъ—20 л. 1 зол. Верхній край хорошо отлитъ и тщательно шлифованъ, чего раньше еще не встрѣчалось. Благодаря шлифовкѣ ясно видны каналы для влитія расплавленнаго металла. Былъ покрытъ патиной, теперь удаленной. Найденъ близъ д. Яновой, Минус. окр. (Колл. Лопатина, № 128).

Фиг. **10**. Наконечникъ изъ красной мѣди, плохо отлитый и не шлифованный, отличающійся по формѣ отъ раньше описанныхъ. Значительно поврежденъ впослѣдствіи. Ширина широкихъ сторонъ—около 4 3/4 сант.; бока на верху болѣе 3 сант. ширины. Длина наконечника, считая отъ сохранившагося края,—7 сант. Ширина наконечника сначала всюду одинаковая, но затѣмъ на 10,5 сант. отъ верхняго края лезвіе достигаетъ ширины болѣе 6 сант.; въ виду того, что край поврежденъ, можно предположить, что настоящая ширина лезвія была около 7 сант. Низъ сильно поврежденъ; верхній край на сторонѣ, не изображенной на рисункѣ, отломанъ вплоть до отверстія для вставки гвоздя. Бока совершенно плоски, рубецъ едва замѣтенъ. Полое отверстіе для вставки рукоятки—въ 8,5 сант. глубиною. Украшенія состоятъ изъ 3-хъ возвышенныхъ линій на широкихъ стѣнкахъ: одна нѣсколько ниже края, вторая ниже ея на 1 сант. и третья на 1 сант. еще ниже. Изъ послѣдней линіи выходятъ перпендикулярно еще три линіи по 6 сант. длиною и между ними два двойныхъ треугольника. Посрединѣ нижней параллельной линіи находятся на обѣихъ сторонахъ два круглыя большія отверстія для проведенія толстаго гвоздя. Вѣсъ—1 ф. 2 л. Найденъ въ селѣ Заледѣевскомъ Енисейской губ. въ слоѣ чернозема при пахотѣ. (Коллекція Лопатина, № 50).

Фиг. **11**. Наконечникъ довольно большого размѣра, изъ красноватой бронзы. Длина его на выпуклой стѣнкѣ 13 сант., на другой, нѣсколько вогнутой—12,5 сант. Отлитъ хорошо, но затѣмъ такъ сильно поврежденъ, что нельзя точно судить объ его обработкѣ, хотя можно предположить, что онъ былъ шлифованъ. Ширина вверху и внизу—немного болѣе 5 сант. Полое отверстіе для вставки рукоятки шириной въ 2,7 сант., глубиной болѣе 9 сант. На широкихъ стѣнкахъ посрединѣ идетъ перпендикулярно краю возвышенная линія въ 8 сант. длины.

Три параллельныя линіи на 1,5 сант. сверху окаймляютъ весь верхъ наконечника, на разстояніи 0,5 сант. одна отъ другой. Боковыя перпендикулярныя линіи начинаются съ 3-й параллельной линіи, длиною въ 5 сант. Между этими линіями два двойныхъ треугольника. Отверстія для проведенія гвоздя сильно повреждены на обѣихъ сторонахъ; первоначальную ихъ форму поэтому точно опредѣлить нельзя. На слегка закругленномъ лезвіи замѣтны слѣды отточки. На наконечникѣ по его нахожденіи на всѣхъ краяхъ сдѣлана масса зазубринъ, видимыхъ даже на рубцѣ. Вѣсъ наконечника—1 ф. 4 л. 2 з. Купленъ у колокольнаго мастера, по словамъ котораго найденъ въ Красноярскомъ округѣ. (Коллекція Лопатина, № 29).

Фиг. **12**. Наконечникъ, находящійся въ Минусинскомъ музеѣ. Помѣщенъ здѣсь изъ-за сходства формы. Верхній край у̇же лезвія и представляетъ собою въ разрѣзѣ, повидимому, овалъ. Между двумя параллельными линіями, идущими по верхнему краю,—цѣлый рядъ перпендикулярныхъ линій, образующихъ клѣточки. Отъ параллельной линіи идутъ три треугольныхъ зубца съ линіей въ срединѣ, параллельной одной сторонѣ треугольника. Къ вершинѣ средняго зубца прикасаются 2 ромба съ двумя параллельными линіями внутри.

Общій обзоръ II-й таблицы.

Таблица эта состоитъ изъ образцовъ наконечниковъ топоровъ, одного типа съ № 9 табл. I, съ различными украшеніями. Древко рукоятки вставлялось въ эти наконечники большей частью безъ всякаго укрѣпленія, за исключеніемъ фиг. 1, 10 и 11, закрѣплявшихся въ рукояткѣ посредствомъ гвоздя, проходившаго чрезъ сдѣланныя для этой цѣли отверстія, и фиг. 5, укрѣплявшагося выдающимися внутри штифтиками. Украшенія всѣ прямолинейныя, кромѣ №№ 6 и 9, гдѣ мы встрѣчаемъ и кривыя линіи; эти украшенія состоятъ изъ выдающейся каймы на верхнемъ краѣ (фиг. 1, 2, 6, 9 и 11); изъ параллельныхъ линій, опоясывающихъ верхній край (фиг. 3, 4, 5, 7 и 8); изъ примыкающихъ къ нимъ зубцовъ изъ одного треугольника (фиг. 1), двойныхъ зубцовъ (фиг. 2 и 3) и тройныхъ (фиг. 4, 5 и 7); изъ прямыхъ перпендикулярныхъ линій (фиг. 1, 2, 7 и 8). По большей части ширина наконечниковъ вверху и внизу одинакова, только въ трехъ наконечникахъ (фиг. 3, 5 и 6) мы замѣчаемъ расширеніе внизу. Фиг. 10 рѣзко разнится отъ другихъ тѣмъ, что лезвіе почти въ 2 раза шире верхняго края. Большинство топоровъ—средняго размѣра (фиг. 6, 7 и 11). № 12-й совсѣмъ отличается отъ другихъ по своей круглой формѣ. Широкія стѣнки прямы и ровны за исключеніемъ фиг. 1, 3, 5 и 7, гдѣ одна широкая стѣнка вопукла, а другая выгнута, вслѣдствіе чего и клинообразные бока—неправильной формы и имѣютъ видъ птичьяго клюва, что̀ даетъ намъ ясное представленіе о томъ, какой стороной наконечникъ укрѣплялся наверху.

Таблица III.

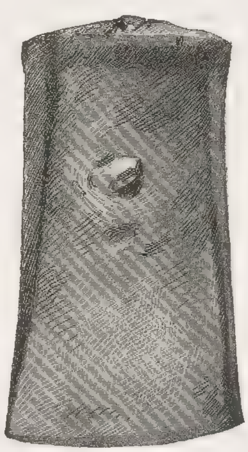
Фиг. 1. Наконечникъ небольшого орудія изъ красной мѣди; по общей формѣ это клинъ съ одинаковой вверху и внизу шириной (4 сант.); длина его—8 сант. Вѣсъ—44,5 зол. Вверху, въ средней части, толщина стѣнки—3 сант. Бока нѣсколько закругленные, лезвіе прямое. По верхнему краю идетъ возвышенная кайма въ 1 сант. Полое отверстіе для вставки рукоятки нѣсколько закруглено по краямъ; продольный діаметръ его—3 сант.; поперечный—2,5 сант. Глубина—5,5 сант. Внизу—небольшая площадка. На внутреннихъ широкихъ стѣнкахъ видны по 2 параллельныхъ линіи, расположенныхъ не симметрично, изъ чего можно заключить, что клинъ состоялъ изъ трехъ частей. Снаружи на одной только широкой стѣнкѣ по срединѣ отъ верхняго края идетъ ушко, наружный діаметръ котораго—2 сант.; чрезъ него проходилъ ремень, которымъ и прикрѣплялся наконечникъ къ топорищу. На лезвіи замѣтны слѣды отточки и отбивки. Бока клинообразны и шлифованы. Покрытъ довольно плохой патиной. Найденъ въ окрестностяхъ села Елань, недалеко отъ г. Красноярска. (Колл. Лопатина, № 82).

Въ коллекціи г. Лопатина находятся такого же типа наконечники: 1) изъ красноватой бронзы длиною—8,5, шириною вверху—4, внизу—4,5 сант. Найденъ на пашнѣ около д. Кривой, Минусинскаго округа. Вѣсъ—49,5 зол. (№ 110).

2) Изъ красноватой мѣди, длиною — 8,5, шириной вверху и внизу—4 сант. Вѣсъ его—40 зол. Найденъ близъ деревни Сорокиной, Минус. окр. (№ 104).

3) Изъ красной мѣди, длиною—8, шириною вверху—4, внизу—4,5 сант. Вѣсъ его—62 зол. Лезвіе сильно отшлифовано. Найденъ около дер. Яновой, Новосельской вол. Минус. окр. (№ 73).

4) Красноватой бронзы, длиною—7,5, шириной вверху—4, внизу—4,5 сант., плохо отлитый. Вѣсъ его — 35,5 зол. Найденъ около с. Подсопки, Сухобузимской вол. (№ 87).

Фиг. 1^a^ (н. в.).

Фиг. 1^a^. Топоръ такой же формы изъ красной мѣди, грубой работы, съ толстыми стѣнками. Длина его—8, ширина вверху—4, внизу—5 сант. Верхній край утолщенъ. Бока

состоятъ изъ двухъ треугольныхъ клиновъ, сходящихся по угламъ. Отверстіе для вставки черенка—овальное, съ двумя параллельными рубцами на широкихъ стѣнкахъ, указывающими на составленіе клина изъ трехъ частей. Отверстіе для гвоздя нѣсколько сбоку,—на сторонѣ, изображенной на рисункѣ,—на 2,5 сант. ниже верхняго края, на другой же—съ ушкомъ, на 2 сант. ниже. Въ настоящее время чрезъ нихъ проходитъ желѣзный гвоздь, вставленный и заклепанный уже по нахожденіи. Глубина отверстія для вставки черенка—4,5 сант. На верхнемъ краѣ два бугорка въ мѣстахъ влитія расплавленнаго металла. Вѣсъ его—52 золотн. Найденъ близъ г. Красноярска на берегу р. Енисея. Патины нѣтъ, благодаря шлифовкѣ. (Колл. Лопатина, № 103).

Фиг. **2**. Наконечникъ очень схожій съ предыдущимъ по формѣ, только лезвіе его немного расширяется. Длина его—7 сант., ширина вверху — 3,5 сант., внизу — 4 сант. Лезвіе сильно отточено и поэтому, конечно, немного укорочено; по всей вѣроятности оно было гораздо шире. Широкая стѣнка безъ ушка едва замѣтно вогнута, другая же, съ ушкомъ—выпукла: это указываетъ на то, что сторона съ ушкомъ служила верхомъ топора. Вѣсъ—32 зол. Полое отверстіе для вставки черенка—четырехугольное съ закругленными краями; поперечный діаметръ—1,5 сант.; продольный—5 сант. Внутри по двѣ параллельныхъ возвышенныхъ линіи, указывающихъ на то, что клинъ состоялъ изъ трехъ частей. Между этими линіями внутри на сторонѣ съ ушкомъ замѣтно четырехугольное углубленіе (на 2,5 сант. сверху), приходящееся какъ разъ въ конецъ ушка. Очевидно, клинъ былъ вставленъ въ форму не той стороной, такъ какъ отверстіе въ подобнаго рода топорахъ бываетъ на сторонѣ, противоположной сторонѣ съ ушкомъ. Возвышенная кайма по верхнему краю широкихъ сторонъ шириною въ 0,8 сант., на шлифованныхъ бокахъ не замѣтна. Найденъ на пашнѣ около с. Ишимскаго, Красноярскаго окр. (Колл. Лопатина, № 102).

Такого же типа наконечники находятся въ коллекціи Лопатина:

1) Изъ красной бронзы, 8, 4, 4. Вѣсъ—32½ з. Найденъ около д. Карымской, Чистоостровской волости Красноярск. окр. (№ 93).

2) Изъ красной мѣди, 7½, 4½, 4½. Вѣсъ—32½ з. Найд. около с. Батой, Красноярскаго окр. (№ 84).

3) Изъ красноватой бронзы, 6½, 4, 4. Вѣсъ 30½ з. Найд. въ Канскомъ окр. (№ 117).

4) Изъ красной мѣди, 6½, 3½, 4, сильно поврежденъ. Найд. на пашнѣ около д. Изыкгуль Минус. окр. Вѣсъ—26½ з. (№ 116).

Фиг. **3**. Наконечникъ топора, одинаковый по формѣ съ предыдущимъ, но болѣе изящной работы. Лезвіе его почти вдвое шире верхняго края, бока закругленные. Находится въ Минусинскомъ музеѣ.

Этого же типа наконечники въ коллекціи Лопатина:

1) Красной мѣди, 9, 4, 5½. Вѣсъ 49 з. Около с. Ишимскаго, Красноярск. окр. (№ 43).

2) Красной мѣди 8, 4, 5. Вѣсъ 44½ з. Около д. Солдатовой, Елавской волости Красноярскаго окр. (№ 97).

Фиг. **3**^{a}. Топоръ изъ красной мѣди, длиною—9, шириной вверху—4, внизу—6 сант. Верхній край значительно утолщенъ. Широкія стороны плоски, бока—ровные. Отверстіе для

вставки черенка—глубиной 5 сант., діаметры сѣченія—1,5 и 4 сант. На изображенной сторонѣ на 1,5 сант. ниже верхняго края—небольшое кругловатое отверстіе. На другой сторонѣ ушко и около него маленькое отверстіе отъ недостаточнаго количества металла. Лезвіе отточено. Покрытъ темной патиной, мѣстами удаленной. Вѣсъ—47,5 зол. Найденъ около с. Абаканскаго, Минусинскаго окр. (Колл. Лопатина, № 41).

Фиг. 3^a (н. в.).

Фиг. **4**. Наконечникъ изъ прекрасной золотистой бронзы, хорошо отлитый. Ширина его вверху и внизу—4 сант. Длина по сторонѣ, изображенной на рис.,—7,5 сант.; впрочемъ эта сторона, повидимому, укорочена на 0,5 сант., такъ какъ длина по другой сторонѣ—8 сант. Бока закруглены и отшлифованы, такъ что рубецъ совсѣмъ не замѣтенъ. По верхнему краю стороны, изображенной на рисункѣ, идетъ довольно узкая кайма, переходящая въ ушко съ наружнымъ діаметромъ въ 1,5 сант.; ушко снаружи круглое, внутри—съ острыми краями. Кайма на другой сторонѣ шириной въ 1,5 сант. На задней сторонѣ выпуклый рисунокъ. Полое отверстіе для вставки черенка — закругленное, почти овальное; продольный діаметръ его — 3,5 сант., поперечный—1,5 сант., глубина—3,5 сант., внизу площадка въ 0,3 сант. шириной. Для закрѣпленія, помимо ушка, имѣются два отверстія,—одно на разстояніи 2-хъ сант., другое 2,5, считая сверху, не соотвѣтствующія другъ другу, такъ что, очевидно, проходили два гвоздя. Снаружи отверстія гладки, внутри-же ихъ—углубленія отъ бывшихъ на клинѣ возвышеній. Былъ покрытъ хорошей патиной, впослѣдствіи удаленной. Вѣсъ наконечника—36,5 зол. Найденъ между деревнями Стрежневой и Серебряковой, Чистоостровской волости Красноярскаго округа. (Колл. Лопатина, № 106).

Такого же типа наконечники въ коллекціи Лопатина:

1) Изъ красной мѣди, 8, 4, 5. Вѣсъ—38 зол. На пашнѣ около с. Шиманскаго, Красн. окр. (№ 96).

2) Изъ золотистой бронзы, 7, 4, 5, хорошая патина. На пашнѣ около с. Подмысы Красн. окр. (№ 101).

3) Изъ красной мѣди, 7, 4, 4½. Вѣсъ—30 зол. На пашнѣ около с. Подмысы (№ 111).

Фиг. **5**. Наконечникъ такой же формы, но бо́льшаго размѣра. Ширина вверху—5 сант., внизу—5,5; длина—около 9 сант. Лезвіе сильно отшлифовано, такъ что можно предположить, что сначала оно было шире и весь наконечникъ длиннѣе. Кайма по верхнему краю идетъ вокругъ всего наконечника, только на нижней сторонѣ (безъ ушка) ободокъ вверху вдвое толще, что̀ дѣлалось, очевидно, для крѣпости. Ширина каймы—1,2 сант. Наружный діаметръ

ушка съ острыми краями—немного менѣе 2 сант. На задней сторонѣ на 2,5 сант. сверху—отверстіе для гвоздя, снаружи гладкое, внутри лежащее въ углубленіи. Бока закругленные. Полое отверстіе для вставки черенка глубиной въ 5 сант., овальной формы съ діаметрами въ 1,5 и 4 сант. Вѣсъ—63,5 зол. Покрытъ прекрасной ровной патиной. Найденъ около улуса с. Маріосовскаго на р. Чулымѣ, Ачинскаго округа. (Колл. Лопатина, № 59).

Такого же типа наконечники въ коллекціи Лопатина:

1) Изъ красноватой бронзы, хорошей патины, длина—6,5, ширина вверху—4½, внизу—5½. Вѣсъ—33½ зол. Найденъ около д. Солдатовой Красноярскаго окр. (№ 122).

2) Изъ красноватой бронзы, длина—5, шир. вверху—5, внизу—5,5 сант. Вѣсъ—33½ зол. Найденъ близъ д. Лупашкиной Минус. окр. (№ 118).

3) Изъ красноватой бронзы, длина 7, ширина вверху и внизу—5 сант. Вѣсъ—32½ зол. Верхъ съ ушкомъ поврежденъ. Найденъ на пашнѣ близъ с. Шуперскаго Минус. окр. (№ 123).

4) Изъ красноватой бронзы, плохая патина. Длина—7, шир. вверху—4, внизу—5 сант. Вѣсъ—32½ зол. Найденъ въ 12 в. отъ с. Подмысы Красноярскаго окр. (№ 124).

5) Изъ красной бронзы, длина—7, ширина вверху и внизу—5 сант. Вѣсъ—34½ зол. Найд. около с. Подмысы (№ 100).

6) Изъ красной бронзы, длина—7, шир.—5, 5½. Вѣсъ—37½ зол. Найд. въ лѣсу около с. Ессульскаго, Чистоостровской волости Красн. окр. (№ 75).

7) Изъ красной мѣди, 7½, 4, 5. Вѣсъ—42½ зол. Около с. Подмысы (№ 131).

8) Изъ золотистой бронзы, 7½, 4, 5. Вѣсъ—35½ зол. Около г. Красноярска. (№ 42).

9) Изъ красной мѣди, 7½, 5, 5½. Вѣсъ—34½ зол. Около с. Кубенова на лѣвомъ берегу р. Енисея, Красноярск. окр. (№ 83).

10) Золотистой бронзы, хорошей патины. Длина—7, шир. вверху—5 и внизу—4¾ сант. Вѣсъ—37½ зол. Найденъ близъ дер. Коркина Красноярскаго окр. (№ 45).

Фиг. **6**. Наконечникъ небольшаго орудія изъ красноватой бронзы, незначительныхъ размѣровъ, тщательно отлитый, впослѣдствіи сильно поврежденъ. Длина его—6,5 сант., ширина вверху—3,5 сант. Полое отверстіе для вставки черенка совершенно правильной четыреугольной формы, діаметры его—3,2 и 1 сант., глубина—болѣе 4 сант. Бока постепенно расходятся. Ширина закругленнаго лезвія—6 сант. Наружный діаметръ ушковъ—1,6 сант.; расположены они не симметрично, и одно болѣе другаго. Кайма по верху шириной въ 1 сант. ясно обрисовывается. На 2 сант. сверху находятся отверстія относительно большого размѣра, одно противъ другого; снаружи они гладки, внутри же лежатъ въ углубленіяхъ. Наконечникъ былъ покрытъ довольно хорошей патиной, позже удаленной. Найденъ на пашнѣ около с. Ужуръ Ачинскаго округа. (Колл. Лопатина, № 125).

Фиг. **7**. Наконечникъ средней величины изъ красной бронзы, отлитый по прекрасной формѣ и тщательно шлифованный. Ширина его вверху—7 сант., внизу—5, длина—11 сант. Широкія его стороны плоски. Кайма на широкихъ сторонахъ волнообразна, шириною 2 сант. Ниже каймы идутъ украшенія: по 2 четырехугольныхъ углубленія и по 2 треугольника съ закругленной гипотенузой; въ четырехугольникахъ по одному прямому зубцу, длиною въ 1 сант.

Слѣва круглое отверстіе для гвоздя, снаружи совершенно гладкое, внутри же лежащее въ углубленіи. На другой сторонѣ отверстія нѣтъ, но ясно видно четырехугольное углубленіе внутри. Наружный діаметръ ушковъ—3 сант., толщина ихъ—1 сант. Бока состоятъ изъ треугольниковъ съ основаніемъ въ 3 сант., боковые рубцы замѣтны. Полое отверстіе четырехугольной формы съ діаметрами 5 и 3 сант. Глубина его—$7^{1}/_{2}$ сант. Покрытъ прекрасной темнозеленой патиной. Вѣсъ—1 ф. 8,5 зол. Найденъ на пашнѣ около с. Коркина въ 12 верстахъ отъ Красноярска на берегу р. Енисея. (Колл. Лопатина, № 36).

Такого же типа орудія въ коллекціи Лопатина:

1) Наконечникъ плохой работы изъ красной мѣди. Длина—10,5 сант., ширина вверху—6, внизу—5. Вѣсъ—1 ф. 13 зол. Отверстіе четырехугольное. Найденъ около с. Каробейскаго, Маріинскаго окр. Томской губ. (№ 47).

2) Наконечникъ изъ красной мѣди, отлитой, плохой формы, хорошо шлифованъ. Длина—10,5 сант., толщина вверху—5,5, внизу—3. Вѣсъ—1 ф. 21 зол. Отверстіе четырехугольное. Найденъ около Данилевскаго винокуреннаго завода, Шушинской волости, Минусинскаго округа.

Фиг. **8**. Наконечникъ, очень схожій съ предыдущимъ, изъ Минусинскаго музея, отличающійся лишь украшеніями: прямо отъ каймы идутъ два треугольника съ закругленной гипотенузой, доходящей до средины наконечника. Лѣвый треугольникъ гладкій, а въ правомъ—три выступающихъ прямыхъ зубца и отверстіе для гвоздя.

Фиг. **9**. Наконечникъ изъ красноватой бронзы, отлитый по хорошей формѣ, схожій съ № 7, только нѣсколько массивнѣе. Ширина вверху—7, внизу—6 сант., длина—11 сант. Задняя стѣнка до половины отбита. Верхній край очень толстъ, около 2 сант., валообразенъ. Основаніе треугольниковъ на бокахъ—3 сант., толщина боковъ—1 сант.; ушки закругленныя. Полое отверстіе для вставки черенка глубиной въ 8 сант., діаметры его сѣченія: 3,5 и 5,5 сант. Внизу—внутренняя площадка шириной въ 0,5 сант. съ высокой заостренной поперечной перегородкой, служившей, очевидно, для закрѣпленія клина. Слѣва на сторонѣ, изображенной на рис., отверстіе для гвоздя, снаружи гладкое, внутри лежащее въ четырехугольномъ углубленіи, образованномъ возвышеніями на клинѣ. На другой сторонѣ замѣтны лишь слѣды отверстія. Украшенія состоятъ, подобно № 7, изъ двухъ четырехугольныхъ впадинъ, болѣе широкихъ, и двухъ треугольныхъ съ закругленной гипотенузой. Покрытъ неравномѣрно зеленой патиной. На лезвіи значительные слѣды отточки и отбитія. Найденъ около деревни Большой Теликъ Абаканской волости, Минусинскаго округа (Колл. Лопатина, № 35).

Фиг. **10**. Наконечникъ большихъ размѣровъ, прекрасно отлитый изъ золотистой бронзы, тщательной шлифовки. Ширина его вверху—7 сант., внизу—6 сант., длина—15 сант. Полое отверстіе для вставки черенка—четырехугольное, діаметры сѣченія—4 и 6,5 сант., глубина—8 сант. Внизу площадка въ 1 сант. шириной. На обѣихъ широкихъ стѣнкахъ слѣва по отверстію для гвоздя; на сторонѣ, изображенной на рисункѣ, отверстіе четыреугольное, а на задней—круглое. Края ихъ снаружи гладки, внутри отверстія лежатъ въ углубленіи. Внутри на одной изъ широкихъ стѣнокъ 3 штифтика, неправильно расположенные, на 4, 2 и 1 сант. сверху.

Бока вверху шириной болѣе 3 сант., хорошо шлифованы, рубцы на нихъ не замѣтны; наружный діаметръ ушковъ—3 сант.; вверху они толстыя, внизу тоньше, правильной круглой формы. Украшенія схожи съ № 9, только четырехугольныя впадины въ 2 сант. длиной и 1,5 с. шириной съ двумя зубцами. Нижнія впадины—почти правильныя $^1/_4$ окружности, и лѣвая больше правой, въ нихъ по одному зубцу. Лезвіе совершенно цѣлое, очевидно топоръ былъ въ употребленіи очень мало. Вверху на краю видны на одной сторонѣ ясные слѣды канала для влитія металла. Покрытъ хорошей темнозеленой патиной. Вѣсъ—2 ф. 9 зол. Найденъ на пашнѣ около дер. Кныши Тишинской вол., Минус. округа. (Колл. Лопатина, № 7).

Фиг. **11**. Наконечникъ средней величины изъ красноватой бронзы, довольно небрежно отлитый, позже исправленъ шлифовкой. Ширина вверху—7 сант., внизу—6 сант., длина—10 сант., вѣсъ—91 зол. Полое отверстіе для вставки черенка—шириной 2,5 сант., длиной 5 сант. Края вверху плоскіе, ширина съ краями 4 сант., длина 6 сант., глубина 6,5 сант. Внизу очень узкая площадка. Отверстіе для гвоздя только на одной сторонѣ, и то пробитое; внутри замѣтно четырехугольное углубленіе. Ушки правильныя, наружный діаметръ ихъ 2,5 сант. Одно ушко повреждено впослѣдствіи; рубцы на краяхъ замѣтны. Лезвіе сильно отбито и отточено, такъ что топоръ сначала былъ длиннѣе. Украшенія схожи съ предыдущими, только въ четыреугольныхъ впадинахъ по 4 мелкихъ зубца, въ треугольныхъ—по 3, нѣсколько большаго размѣра. На задней стѣнкѣ украшенія очень неясны. Былъ покрытъ патиной, впослѣдствіи удаленной. Найденъ на пашнѣ около с. Карабейникова, Маріинскаго округа Томской губерніи. (Колл. Лопатина, № 67).

Фиг. **12**. Наконечникъ изъ золотистой бронзы, прекрасно отлитый по тщательной формѣ, хорошо шлифованный, однородный съ № 11. Верхній край валообразенъ, шириной въ 1 сант. Бока гладко отшлифованы. Ширина вверху—6 сант., внизу—5 сант., длина—11 сант. Лезвіе нѣсколько повреждено и видны слѣды отточки, слѣдовательно, раньше наконечникъ былъ длиннѣе на 0,5—1 сант. Вѣсъ его—1 ф. $6^1/_2$ зол. Полое отверстіе для вставки черенка—четырехугольное, глубиною въ 7 сант., діаметры сѣченія—4,2 и 5,5; оно тщательно шлифовано, края закругленные. Внизу на широкихъ стѣнкахъ по двѣ параллельныхъ выпуклыхъ линіи съ острыми краями, несиметрично расположенныхъ, очевидно для закрѣпленія топорища. На 3,5 сант. сверху внутри видны четырехугольныя углубленія, происходящія отъ возвышеній, бывшихъ на клинѣ, но отверстіе пробито лишь на одной сторонѣ; на другой же сторонѣ на 1 сант. отъ верхняго края есть отверстіе неправильной формы вслѣдствіе недостатка металла при отливкѣ. Украшенія схожи съ № 11, только въ каждой впадинѣ по 3 зубца. Помѣщенъ на этой таблицѣ лишь изъ-за сходства украшеній, хотя ушки его совершенно иной формы и образуютъ птичій клювъ, какъ на топорахъ табл. VI. Покрытъ былъ прекрасной патиной, впослѣдствіи внизу стертой. Найденъ на пашнѣ около деревни Кардачины, Красноярскаго округа. (Колл. Лопатина, № 25).

Сходный съ № 12 табл. III наконечникъ числится подъ № 33. Это наконечникъ золотистой бронзы, прекрасно отлитый; отверстіе для вставки черенка—четырехугольное (діаметры сѣченія—5 и $2^3/_4$), длина—10, ширина вверху—6,5, внизу—5 сант. Лезвіе закругленное. Отверстія для гвоздя на одной только сторонѣ, четыреугольныя. Вѣсъ—95 зол. Найденъ около с. Кускунъ, Красноярскаго округа.

Обозрѣніе III таблицы.

На этой таблицѣ находятся изображенія наконечниковъ топоровъ трехъ различныхъ формъ: 1) фиг. 6—мелкій экземпляръ съ боковыми ушками; 2) фиг. 1, 2, 3, 4 и 5—наконечники съ ушкомъ въ срединѣ одной изъ широкихъ сторонъ: а) для вставки овальнаго черенка—фиг. 2 и 4, b) четырехугольнаго—фиг. 1, 3, 5. Изъ этихъ малыхъ наконечниковъ фиг. 2, 3 и 5 представляютъ собой правильные клинья съ прямыми лезвіями, въ фиг. 1, 4 и 6—лезвіе расширяется. Третій типъ топоровъ соотвѣтствуетъ образцамъ IV табл. съ боковыми ушками и отличается только валообразнымъ верхнимъ краемъ (фиг. 7, 8, 9 и 12) и украшеніями, образующими по 2 впадины (фиг. 8) и по 4 (фиг. 7, 9, 10, 11 и 12). Эти впадины украшены зубцами: по одному въ четыреугольной впадинѣ—фиг. 7 и 9; по три—фиг. 8; по 2 въ четыреугольной и по 1 въ треугольныхъ—фиг. 10; по 3 зубца въ каждой изъ 4-хъ впадинъ—фиг. 12; по 4 въ четыреугольныхъ и по 3 въ треугольныхъ—фиг. 11. Ушки, исключая фиг. 12, образуютъ почти правильные полукруги, какъ въ топорахъ табл. IV, только на фиг. 12—изображеніе птичьяго клюва. Внутри отверстія для проведенія гвоздя (хотя углубленія для нихъ замѣтны) большею частью пробиты, и то не всюду, а иногда лишь по одному, такъ какъ для закрѣпленія на древкѣ было еще ушко, которое вмѣстѣ съ отверстіемъ съ одной стороны являлось вполнѣ достаточнымъ. Иной способъ закрѣпленія, а именно путемъ 4-хъ выступающихъ линій, встрѣчается только въ фиг. 12.

Таблица IV.

Фиг. **1**. Наконечникъ топора изъ золотистой бронзы, отлитый по прекрасной формѣ, чрезвычайно правильной; хорошо шлифованъ. Длина его—9,5 сант.; ширина вверху—6, внизу—4,5 сант. По верхнему краю идетъ кайма въ 1,8 сант. шириной. Отверстіе для гвоздя на одной сторонѣ—0,5, на другой—1 сант. отъ верхняго края; они снаружи гладки, а внутри лежатъ въ углубленіяхъ. На клинообразныхъ бокахъ находится по полукруглому ушку діаметромъ въ 1,2 сант. На фиг. 1^a видно правильное четырехугольное полое отверстіе для вставки черенка; діаметры его — 2 и болѣе 6 сант.; глубина—6,7 сант. Бока внутри не шлифованы, снаружи очень правильной формы (острый клинъ) и такъ хорошо шлифованы, что слѣда рубцовъ въ мѣстахъ сложенія половинокъ формы не замѣтно. Въ виду того, что наконечникъ очень хорошо сохранился и на лезвіи его видны лишь незначительные слѣды отточки, можно предположить, что онъ очень рѣдко употреблялся въ дѣло. Вѣсъ его—82 зол. Былъ покрытъ прекрасной темнозеленой патиной, которая на одной сторонѣ по нахожденіи счищена. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ, въ сопредѣльныхъ Ачинскому округу краяхъ. (Колл. Лопатина, № 34).

Фиг. **2**. Наконечникъ изъ красноватой бронзы, отлитъ по формѣ неаккуратной работы, но послѣ хорошо отшлифованъ. Края широкихъ стѣнокъ закруглены по бокамъ. Ширина въ срединѣ—6 сант., затѣмъ немного суживается, а послѣ снова расширяется до 5,5 сант. Длина—10 сант. На обѣихъ широкихъ стѣнкахъ по двѣ выемки, длиною въ 4,5 сант., шириной вверху въ 1 сант., суживающіяся книзу. Выемки эти неровныя, въ срединѣ лѣвой—четырехугольныя отверстія для проведенія гвоздя на обѣихъ стѣнкахъ; слѣдовательно, закрѣпленіе производилось двумя гвоздями, а не однимъ; снаружи онѣ гладки, внутри лежатъ въ четырехугольныхъ углубленіяхъ, происходящихъ отъ возвышеній на клинѣ. Полое отверстіе для вставки топорища, съ діаметрами въ 3,5 и $5^3/_4$ сант., глубиною въ 5 сант., внизу образуетъ площадку въ 1 сант. шириной. На этой площадкѣ находится рубецъ, показывающій, что клинъ, вставлявшійся въ форму, былъ составной. Края тщательно закруглены. Полукруглыя ушки на бокахъ, съ наружнымъ діаметромъ въ 1 сант., хорошо шлифованы. Рубцы на бокахъ едва замѣтны. Верхній край неправильно отлитъ, но тщательно шлифованъ. Покрытъ былъ плохой патиной. Найденъ около д. Шуваевой, Красноярскаго округа. (Колл. Лопатина, № 45).

2) Наконечникъ изъ красной мѣди. Длина—11 сант., ширина вверху—7, внизу—6 с., вѣсъ—1 ф. $32^1/_2$ зол. Полое отверстіе—четырехугольное съ закругленными углами. Безъ всякихъ

украшающихъ углубленій. Найденъ въ д. Паскиной, въ 36 в. отъ Красноярска. (Колл. Лопатина, № 64).

Фиг. **3.** Наконечникъ топора, подходящій по формѣ ближе къ № 1, изъ красноватой бронзы, очень хорошей работы и шлифовки. Верхняя кайма, шир. въ 2 сант., выступаетъ не равномѣрно: на верху рельефнѣе, чѣмъ внизу. Ширина вверху—болѣе 6 сант., внизу—5 сант.; длина—11 сант. Отъ каймы идутъ по 5 перпендикулярныхъ линій, имѣющихъ видъ продѣтыхъ внутрь веревокъ. Широкія стѣнки площе, чѣмъ въ фиг. № 2, но края закругленные. Рубецъ замѣтенъ только на одномъ боку, и то на половину, на другомъ же онъ совершенно исчезъ. Ушки на бокахъ съ наружнымъ діаметромъ въ 2,5 сант., не хорошо шлифованы и на нихъ замѣтенъ рубецъ отъ сложенія половинокъ формы. Полое отверстіе для вставки черенка глубиною около 7 сант., съ діаметрами въ 2 и 5 сант. Углы закругленные; на нижней площадкѣ небольшая возвышенная линія, въ родѣ рубчика: клинъ былъ составной. Отверстіе для гвоздя пробито лишь на одной сторонѣ, на другой же стѣнкѣ лишь видно мѣсто его; внутри—два четыреугольныхъ ясныхъ углубленія. Лезвіе тупое, слѣдовъ отточки мало. Покрытъ темной, не изящной патиной, отчасти позже удаленной. Найденъ въ окрестностяхъ села Тилинскаго, Красноярскаго округа. (Колл. Лопатина, № 32).

Фиг. **4.** Наконечникъ изъ красной мѣди, плохо отлитый, хотя по хорошей формѣ. Одна сторона довольно отчетлива, другая неясна, и на ней видны явные недочеты при отливкѣ. Наконечникъ сильно поврежденъ и конецъ его отбитъ; одинъ бокъ и задняя сторона разбиты раньше. Одно ушко при отливкѣ не удалось и вдобавокъ искривилось вслѣдствіе сильнаго удара. Верхній край на одной сторонѣ отлился хорошо, другая же сторона не дошла до конца формы по недостатку въ ней расплавленнаго металла, каналы для котораго ясно видны. Ширина вверху—6,5, внизу—5, длина первоначальная—болѣе 11 сант. Полое отверстіе для вставки черенка—глубиной около 9 сант., съ діаметрами въ 5,5 и 3,5 сант. Внутреннія стороны очищены лишь по верхнему краю; наружный діаметръ ушковъ—около 3 сант. Отверстій для проведенія гвоздя нѣтъ ни внутри, ни снаружи. На широкихъ стѣнкахъ отъ каймы, шириною въ 2 сант., идетъ выемка, не доходящая до конца; въ ней три выступающихъ линіи, средняя длиною въ 4 сант., боковыя — по 1,5 сант. Вѣсъ — 1 ф. 32,5 зол. Найденъ въ Чистоостровской волости, Красноярскаго округа. (Колл. Лопатина, № 23).

Въ коллекціи г. Лопатина имѣются два наконечника, сходные съ описаннымъ, — одинъ подъ № 9, другой безъ ярлыка.

№ 9. Длиной—18, шириной вверху—7, внизу—5 сант. Отверстіе для вставки черенка—четырехугольное съ закругленными углами, съ діаметрами въ 5,5 и 4 сант. На внутренней площадкѣ внизу штифтикъ для закрѣпленія. Отверстія для гвоздя лежатъ на 4 сант. сверху на лѣвой сторонѣ, внутри четырехугольныя, снаружи круглыя. Вѣсъ—2 ф. 43 зол. Найденъ въ яру, размытомъ Енисеемъ, около перевоза у села Абаканскаго.

Наконечникъ безъ ярлыка сильно попорченъ вверху и внизу. Ширина вверху—5,5 сант. Длину приблизительно можно предположить около 13 сант. Отверстіе для вставки еренка—четыреугольное; клинъ состоялъ изъ 2-хъ частей. Вѣсъ—1 ф. 77 зол.

Фиг. **5.** Наконечникъ такого же типа, какъ и предыдущій, довольно большихъ размѣровъ, изъ красной мѣди, тщательно отлитый и шлифованный. Ширина его—около 6 сант.; длина—болѣе 15,5 сант. Полое отверстіе для вставки черенка—овальной формы, съ діаметрами въ 4,5 и 3,8 сант., глубиной—8 сант., кончается площадкой болѣе 1 сант. шириной. Отверстій для проведенія гвоздя снаружи нѣтъ, но внутри на 4,5 сант. отъ верхняго края замѣтны углубленія. На внутреннихъ стѣнкахъ перпендикулярно верхнему краю идутъ по два рубца на разстояніи другъ отъ друга на 2 сант., до самаго низа,—обстоятельство, указывающее на то, что клинъ состоялъ изъ трехъ частей. По всему верхнему краю идетъ утолщеніе около 1 сант., переходящее въ ушки, затѣмъ круто спускается въ ровную полосу. Украшенія одинаковы съ фиг. 4-й, только посрединѣ одинъ большой выдающійся рубецъ, длиною въ 6 сант. На обратной сторонѣ онъ почти исчезъ. На разстояніи 10 сант. обѣ широкія стѣнки идутъ ровно (плоско), затѣмъ сторона, изображенная на рис., дѣлается выпуклой, другая же—вогнутой. Наружный діаметръ ушковъ—3,8 сант. Рубецъ на бокахъ сильно выступаетъ, клинья скошены. Вѣсъ—2 ф. 9 зол. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ. (Колл. Лопатина, № 13).

Наконечники одного типа съ предыдущимъ (табл. IV, № 5) имѣются еще въ коллекціи г. Лопатина подъ №№:

1) **2**—изъ красной мѣди, большихъ размѣровъ: длина его—18 сант., ширина вверху—6,5, внизу—6 сант. Вѣсъ—3 ф. 81½ зол. Отверстіе для вставки черенка—овальное, съ двумя рубцами на широкихъ стѣнкахъ, одинъ противъ другаго. Клинъ изъ трехъ частей. Найденъ около с. Куваршина, Красноярскаго округа.

2) **3**—изъ красноватой бронзы; длина 16 сант.; ширина вверху—6, внизу—5 сант. Вѣсъ—2 ф. 20 лот. Отверстіе для вставки черенка—четырехугольное. Найденъ около дер. Карадинской, Таинской вол. Минусинскаго округа.

3) **4**—изъ красноватой бронзы; длина—16, ширина вверху—6, внизу—5 сант. Вѣсъ—2 ф. 38 зол. Отверстіе четырехугольное. Найденъ около с. Перевозинскаго, Минусинскаго округа.

4) **5**—изъ красной мѣди, вѣсомъ въ 3 ф. 5 зол. Длина—16, ширина вверху—6,5, внизу—5,5 сант. Найденъ около с. Бейскаго, Минусинскаго округа.

5) **6**—изъ красноватой бронзы, длина—16, ширина вверху—6,5, внизу—6 сант. Вѣсъ—2 ф. 73 зол. Найденъ около д. Арси, Красноярскаго округа.

6) **10**—изъ красной мѣди, отверстіе для черенка—четырехугольное, внутренность почти клинообразной формы; длина—16, ширина вверху—6, внизу—5 сант. Вѣсъ—1 ф. 93 зол. Найденъ около д. Тесинской, Минусинскаго округа.

7) **11**—изъ красной мѣди, длиной 16, шириной вверху и внизу 6,5 сант. Вѣсъ—2 ф. 40 зол. Найденъ около д. Бейской, Минус. окр.

8) **14.** Въ настоящее время длина его—12 сант., но наконечникъ укороченъ сантиметра на 3; ширина вверху—6 сант. Отверстіе для вставки черенка—четырехугольное съ діаметрами 5 и 3 сант. на образовавшейся внутри площадкѣ; внизу острый клинъ. Отверстія для гвоздя на 5 сант. сверху, снаружи круглыя, внутри же лежатъ въ четырехугольныхъ углубленіяхъ. Вѣсъ—2 ф. 3 зол. Купленъ у колокольнаго мастера въ Минусинскомъ округѣ, найденъ на пашнѣ.

9) **15**—изъ красной мѣди, испорченъ въ горнѣ; длина—15 сант. Отверстіе для вставки

черенка—четыреугольное. Вѣсъ—2 ф. 17 зол. Найденъ близъ д. Канской, Минусинскаго округа, на полѣ.

10) **17**—изъ золотистой бронзы, хорошей работы; длина—13, ширина вверху—6, внизу—6,5 сант. Лезвіе закругленное. Отверстіе для вставки черенка—четырехугольной формы, глубиною 7,5 сант.; внизу площадка въ 2 сант. шириной съ двумя перегородками, указывающими на то, что клинъ состоялъ изъ трехъ частей. Отверстій для гвоздя снаружи нѣтъ, а внутри замѣтны четыреугольныя впадины, на 5 сант. сверху. Вѣсъ—1 ф. 72 зол. Найденъ на пашнѣ около с. Кантерева, Минусинскаго округа.

11) **30**[a]—изъ красноватой бронзы; длина—17, ширина вверху—6,5, внизу—$5^3/_4$ сант. Верхній край валообразный, отверстіе овальной формы, клинъ изъ двухъ частей. Вѣсъ—2 ф. 93 зол. Найденъ около дер. Уяръ Красноярск. округа.

12) **30**[b]—изъ красноватой бронзы; длина—14, ширина—5 сант. Отверстіе овальное Клинъ изъ трехъ частей (по два рубца внутри на широкихъ стѣнкахъ). Вѣсъ—1 ф. 40 зол. Вырытъ изъ песчанаго берега р. Енисея въ Еловской волости, Красноярск. округа.

13) **31**—изъ красной мѣди, длиной $11^1/_2$ сант. Отверстіе для вставки черенка—четыреугольное съ діаметрами въ 2 и 5 сант. На каждой сторонѣ по два отверстія для гвоздей. Вѣсъ—1 ф. 35 зол. Найденъ около д. Яновой, Минусинскаго округа.

14) **41**—изъ красноватой бронзы; длина—13, ширина вверху—6, внизу—5 сант. Вѣсъ—1 ф. 26 зол. Отверстіе четырехугольное, на нижней площадкѣ два выдающихся острыхъ треугольника. Найденъ около г. Канска.

15) **44**—изъ красноватой бронзы; длина—10,5, ширина вверху—5, внизу—6 сант. Отверстіе четырехугольной формы. Вѣсъ—1 ф. 20 зол. Найденъ около г. Минусинска, на правомъ берегу р. Енисея.

Фиг. **6**. Наконечникъ изъ красноватой бронзы, отлитый по хорошей формѣ, тщательно шлифованъ. Форма его—такая же, какъ и предыдущихъ. По внѣшнему виду наконечникъ очень похожъ на фиг. № 5. Ширина вверху—6, внизу—немного менѣе 6 сант., длина—17 сант. Верхній край утолщенъ еще болѣе, нежели въ № 5, и очень круто ниспадаетъ. Полое отверстіе для вставки черенка—овальной формы съ діаметрами въ 3,5 и 5,5 сант., глубиной въ 8 сант. Внизу площадка въ 1 сант. шириной, на которой посрединѣ выдается клинъ длиною болѣе 1 сант. и высотою 6,5 сант., который входилъ въ деревянный клинообразный черенъ. Внутри на широкихъ стѣнкахъ имѣется по рубцу, доказывающему, что клинъ былъ составной, изъ двухъ частей. Наружный діаметръ ушковъ—3,5 сант. Съ верхняго края по широкимъ стѣнкамъ идутъ 3 возвышенныя линіи, средняя въ 7 сант., другія сбоку на разстояніи 3 сант. отъ нея; всѣ онѣ образуютъ выемки. На верху у самаго края въ выемкахъ находятся украшенія: на лѣвыхъ выемкахъ—завитки въ видѣ спирали, на правыхъ—два концентрическихъ круга. На лѣвыхъ же выемкахъ на два сант. ниже украшеній — по отверстію для гвоздя. Отверстіе на сторонѣ, изображенной на рис., внутри лежитъ въ четыреугольномъ углубленіи, а внутренняя сторона другого отверстія совершенно гладкая, снаружи-же края его суживаются внутри, что заставляетъ предполагать, что оно пробуравлено. Трехугольные клинья, составляющіе бока, сходятся подъ угломъ, образуя ребро. Вѣсъ наконечника—2 ф. 69 зол. Найденъ при паханіи земли въ Еловской волости Минусинскаго окр. (Коллекція Лопатина, № 12).

Того-же типа орудія въ колл. Лопатина:

1) Након. изъ красной бронзы длиною въ 10 сант., шир. вверху—6, внизу—5,5. Вѣсъ—50 зол. Найденъ въ окрестностяхъ г Канска. № 43.

2) Након. изъ красной бронзы. Длина—10,5, ширина вверху—5, внизу—4,5. Вѣсъ—61,5 зол. Отверстіе овальное, внутри 3 штифтика. Найденъ въ д. Нижне-Токайской, Устьяской волости. № 51.

Фиг. **7**. Одинъ изъ самыхъ изящныхъ наконечниковъ, отлитый по прекрасной формѣ, очень хорошей шлифовки, изъ прекрасной золотистой бронзы; по типу походитъ на № 6, съ тою лишь разницей, что лезвіе на 1 сант. шире всего топора, и бока поэтому вогнуты. Ширина вверху—7 сант., въ самомъ узкомъ мѣстѣ—болѣе 5, лезвіе шириной въ 8 сант.; длина до лезвія—15 сант. Полое отверстіе для вставки черенка—овальное съ діаметрами въ 3,5 и 5,5 сант., глубиною 7,5 сант. Оно тщательно шлифовано какъ внутри, такъ и снаружи. Внизу—площадка въ 1,5 сант. ширины и на ней узкій выдающійся треугольникъ. На одной изъ внутреннихъ сторонъ на верхнемъ краѣ и на 3 сант. ниже находятся два выдающихся штифтика; отверстія для проведенія гвоздя на обѣихъ сторонахъ отстоятъ на 5 сант. отъ верхняго края; снаружи они круглыя и бóльшаго размѣра, нежели внутри, такъ что можно предположить, что они сдѣланы снаружи. Топорище, такимъ образомъ, укрѣплялось 4 способами: ушки, гвоздь, штифтики и выдающійся треугольникъ. На срисованной сторонѣ валообразное утолщеніе на верхнемъ краѣ оканчивается правильной прямой линіей, изъ которой выходятъ 3 перпендикулярныхъ линіи, средняя въ 3,5 сант., а на другой сторонѣ оно постепенно переходитъ въ плоскость топора. Ушки правильныя, съ наружнымъ діаметромъ въ 3,5 сант.; вверху они толще, такъ какъ выходятъ изъ утолщенія. Бока скошены. Ширина топора между боковыми рубцами на 1 сант. шире широкихъ стѣнокъ, т. е. = 6 сант. Вѣсъ его — 2 ф. 8 зол. Покрытъ прекрасной, ровной, желтозеленой благородной патиной. Найденъ въ Абаканской волости Минусинскаго округа. (Колл. Лопатина, № 32).

Сходные съ этимъ № наконечники числятся въ коллекціи г. Лопатина подъ №№:

1) **16**—изъ красной мѣди, внизу поврежденъ. Въ настоящее время длина его—13 сант., ширина вверху—6¾ сант. Отверстіе для вставки черенка—четырехугольное съ діаметрами въ 4 и 6 сант. Вѣсъ—2 ф. 2 зол. Найденъ около с. Дубровина, Красноярскаго округа.

2) **19**—изъ красноватой бронзы, хорошей работы. Длина—14, ширина вверху—6, внизу—5 сант. Отверстіе для вставки черенка—четырехугольной формы съ закругленными углами. На 2 сант. ниже верхняго края находятся четырехугольныя отверстія для гвоздя. Вѣсъ—1 ф. 53 зол. Найденъ близъ дер. Саянской, Минусинскаго округа.

3) **20**—изъ красноватой бронзы; длина—15 сант. Вверху поврежденъ. Отверстіе для вставки черенка—четырехугольной формы, внизу—двѣ перегородки, указывающія на то, что клинъ состоялъ изъ трехъ частей. Вѣсъ—1 ф. 91 зол. Найденъ на пашнѣ около д. Зыкова на лѣвомъ берегу р. Березовки, Красноярскаго округа.

4) **1**—изъ золотистой бронзы, очень хорошей работы; длина—14 сант. Вверху поврежденъ. Ширина внизу—6 сант. Вѣсъ—1 ф. 48 зол. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ.

5) **130**—изъ красноватой бронзы, сохранился лишь нижній конецъ. Найденъ около д. Елань, въ 10 верстахъ отъ Красноярска.

Фиг. **8.** Наконечникъ, находящійся въ Минусинскомъ музеѣ. Снимокъ сдѣланъ съ атласа. Похожъ на предыдущій, разница въ томъ, что ушки лежатъ на 1 сант. ниже верхняго края. По верхнему краю идетъ кайма, а на 1 сант. ниже—еще двѣ линіи, одна ниже другой, выходящія изъ концовъ ушковъ. Между этими линіями находятся справа и слѣва по 4 ломанныя линіи, представляющія изъ себя углы съ вершинами, обращенными въ одну сторону,—по четыре направо и по четыре налѣво. Отъ нижней линіи идетъ внизъ одна перпендикулярная ей изъ средины. Рубецъ на бокахъ сильно выступаетъ изъ-за большой скошенности боковыхъ реберъ.

Фиг. **9.** Наконечникъ одноручнаго инструмента малыхъ размѣровъ, отлитъ изъ красноватой бронзы по хорошей формѣ. Ширина—4 сант. вверху и 3 сант. внизу; длина—7 сант. Полое отверстіе—четырехугольной формы съ закругленными краями, діаметры его сѣченія—3,5 и $2^3/_4$ сант. Толщина верхняго края—0,3 сант., кайма тоже въ 0,3 сант. Глубина полаго отверстія для черенка—4,6 сант. На широкихъ стѣнкахъ слѣва на 1,5 сант. сверху—отверстія для проведенія гвоздя, снаружи гладкія, внутри же—въ четыреугольныхъ углубленіяхъ. Наружный діаметръ ушковъ—1,5 сант.; одно отлито тщательно, другое отбито. Украшенія состоятъ изъ 3-хъ перпендикулярныхъ верхнему краю возвышенныхъ линій и одной параллельной, образующей съ средней линіей крестъ. Образовавшіяся такимъ образомъ впадины вверху правильны, нижнія же оканчиваются фестономъ на подобіе флага. Бока образуютъ правильные плоскіе клинья; рубецъ не виденъ. Вѣсъ—41 золотн. Былъ покрытъ патиной, позже удаленной. Найденъ въ д. Изыкгуль, Ужурской вол. Ачинскаго окр. (Колл. Лопатина, № 108).

Фиг. **10.** Наконечникъ одинаковой формы съ № 5, меньшихъ размѣровъ, безъ всякихъ украшеній. Полое отверстіе вверху образуетъ правильный четырехугольникъ. Находится въ Минусинскомъ музеѣ.

Фиг. **11.** Маленькій наконечникъ изъ желтой бронзы, схожій по типу съ наконечникомъ № 4 табл. I, правильно отлитый, хорошей шлифовки. Помѣщенъ на этой таблицѣ изъ-за его маленькихъ ушковъ, изъ которыхъ одно только имѣетъ отверстіе. Ширина его внизу—5, вверху—5,5 сант.; длина—тоже 5 сант. Полое отверстіе для вставки черенка—четырехугольное, съ діаметрами въ 1,3 и 5 сант., глубина—2,5 сант. Внизу на образовавшейся площадкѣ острая поперечная перегородка высотой въ 1 сант., входившая въ дерево. Помимо этого способа закрѣпленія, на одной сторонѣ на 1 сант. отъ верха и на 0,5 отъ бокового ребра—два выступающихъ штифтика. Отверстія для гвоздя находятся другъ противъ друга на $^3/_4$ сант. сверху, оба круглыя съ гладкими краями. Слѣдовательно, закрѣпленіе въ рукояткѣ происходило троякое: гвоздь, два штифтика и острая перегородка внизу; ушки, очевидно, не играли большой роли, такъ какъ въ одномъ не было даже отверстія. Вѣсъ—20,5 зол. Найденъ въ окрестностяхъ с. Божайскаго, Красноярскаго окр. (Колл. Лопатина, № 129).

Общій обзоръ IV таблицы.

Наконечники топоровъ, изображенные на этой таблицѣ, совсѣмъ иного типа, нежели предыдущіе. Главное отличіе заключается въ ушкахъ, повидимому служившихъ для закрѣпленія ремнемъ на черенкѣ. Ушки эти полукруглыя, но при отливкѣ не всегда удаются вполнѣ и потому послѣ шлифуются и округляются. Типъ этотъ—самый распространенный, чаще всего встрѣчающійся. №№ 10 и 11 по общей формѣ принадлежатъ къ табл. I и разнятся лишь маленькими ушками на бокахъ. № 1, 2, 3, 4, 9 ближе всего подходятъ къ наконечникамъ табл. II; изъ нихъ № 2—безъ возвышенной каймы, а № 1, 3, 4 и 9—съ возвышенной каймой. Украшенія состоятъ изъ впадинъ. Полыя отверстія для вставки черенка—четырехугольныя, какъ видно на фиг. № 1^b. Фиг. № 5, 6 и 7 являются новымъ типомъ топоровъ, развивающихся изъ предыдущихъ; у нихъ верхній край значительно утолщенъ, чѣмъ вѣсъ топора значительно увеличивается. Полое отверстіе въ нихъ кругловатое, края болѣе толстые и вмѣстѣ съ каймой способствуютъ крѣпости топора. Самый изящный по формѣ и лучше всѣхъ отлитый—№ 7. Лезвіе у него закругленное и расширенное. Что касается № 8, то онъ совершенно особаго рода, и ушки у него находятся ниже верхняго края.

Таблица V.

Фиг. **1**. Наконечникъ большихъ размѣровъ, схожій съ № 10 табл. III, только на верхнемъ краѣ, вмѣсто широкой каймы, узкая валообразная. Ушки сравнительно бóльшаго размѣра. Украшенія на широкихъ стѣнкахъ — по 4 углубленія или впадины,—двѣ верхнія четырехугольныя, одинаковыя, съ 2 зубцами въ каждой, а нижнія—со скошенной одной стороной, тоже съ двумя прямыми зубцами. Справа въ нижней впадинѣ отверстіе для гвоздя. (Изъ Минусинскаго музея).

Фиг. **2**. Наконечникъ средней величины, тщательно шлифованный, изъ золотистой бронзы, отлитый по довольно неаккуратной формѣ. Ширина вверху—6, внизу—немного менѣе 5 сант., длина—10 сант. Лезвіе сильно затуплено; очевидно, топоръ часто употреблялся въ работѣ и первоначально былъ нѣсколько длиннѣе. Украшенія на широкихъ стѣнкахъ отличаются отъ предыдущихъ тѣмъ, что здѣсь впадины происходятъ отъ валообразности верхняго края, возвышенныхъ линій по бокамъ и возвышеннаго креста посрединѣ. Полое отверстіе для черенка—четырехугольное, съ діаметрами въ 3,7 и 5 сант., глубиной 7 сант. Внизу площадка въ 0,3 сант. ширины. Внутренность тщательно шлифована. На 2,5 сант. сверху отверстіе для гвоздя; снаружи края гладкіе, внутри лежатъ въ углубленіяхъ. Наконечникъ по нахожденіи попорченъ гвоздемъ. Наверху ясно видны слѣды канала для влитія расплавленнаго металла въ форму. Ребра закругленныя; бока и ушки правильны и шлифованы, но рубецъ все еще виденъ. Наружный діаметръ ушковъ—2 сант., они тщательно округлены внутри и снаружи. Вѣсъ наконечника—1 ф. 3 зол. Покрытъ былъ хорошей темнозеленой патиной, счищенной впослѣдствіи. Найденъ на пашнѣ около д. Яновой, Минусинск. окр. (Колл. Лопатина, № 28).

Фиг. **3**. Наконечникъ изъ красноватой бронзы, плохо отлитый и неаккуратно очищенный. Ширина вверху—6, внизу—4 сант., длина—11 сант. Широкія стѣнки представляютъ собой плоскіе прямоугольники, суживающіеся книзу. Бока — треугольникъ съ рубцомъ. Вверху на широкихъ сторонахъ валообразное утолщеніе, діаметромъ въ 1,5 сант. Ниже его—4 впадины, образованныя двумя линіями, одной параллельной верхнему краю и другой ломанной въ видѣ угла, вершиной обращеннаго кверху; въ каждой впадинѣ по одному прямому зубцу. Ушки крѣпкія, съ діаметромъ въ 2,5 сант. Полое отверстіе для черенка—четыреугольное съ діаметрами: 3 и 5,2 сант., съ нѣсколько закругленными углами; глубина его—6 сант. Внизу закругленный жолобъ въ 1 сант. шириной. Отверстія для гвоздя снаружи гладкія, а внутри

лежащія въ четырехугольныхъ углубленіяхъ, на 2,5 сант. отъ верхняго края. Ниже этихъ отверстій внутри два зубца перпендикулярно стѣнкамъ. Покрытъ плохой зеленой, негладкой патиной. Вѣсъ — 1 ф. 15 зол. Найденъ на поверхности земли около д. Корелки на р. Чернышѣ Минус. окр. (Колл. Лопатина, № 37).

Фиг. **4**. Наконечникъ средней величины изъ красной мѣди, отлитый по плохой формѣ и плохо шлифованный; вверху онъ овальной формы, но, приближаясь къ лезвію, постепенно переходитъ въ плоскость. Ширина вверху—5,5, внизу—4 сант.; длина—11,5 сант. Отъ закругленнаго верхняго края на 1,5 сант. внизъ находятся двѣ треугольныя впадины, съ основаніемъ въ 1,5 сант. и высотой въ 4 сант. Края едва замѣтно выгнуты. Отъ основанія впадинъ идутъ по 4 зубчика въ 0,6 сант. длины. Бока шлифованы и закруглены, слѣды рубцовъ замѣтны, особенно на правой сторонѣ, гдѣ на ушкѣ много несчищеннаго металла въ видѣ полосы, довольно широкой. На задней сторонѣ между впадинами есть еще сердцеобразное углубленіе. Стѣнки довольно тонки и по нахожденіи задняя сторона немного вогнута. Ушки съ наружнымъ діаметромъ въ 4 сант. выходятъ прямо изъ верхняго края, плохо очищены. Полое отверстіе для черенка--овальное съ діаметрами въ 5,2 и 3,2 сант., глубиною въ 7 сант. На 3 сант. сверху на лѣвой сторонѣ на обѣихъ сторонахъ по большому отверстію для гвоздя продолговатой формы; внутри правильныя четырехугольныя углубленія въ два раза болѣе наружныхъ. Патина — плохая, черная. Вѣсъ — 92,5 зол. Найденъ около с. Дубенскаго, Минусинскаго окр. Пріобрѣтенъ чрезъ посредство г. Мартынова, въ колл. Лопатина номеромъ не помѣченъ.

Фиг. **5**. Наконечникъ средней величины изъ красноватой бронзы, правильной клинообразной формы, какъ № 1 табл. III. Ширина его вверху—5,5, внизу—5 сант., длина—10 сант. Онъ очень сильно поврежденъ (исцарапанъ) какъ въ позднѣйшее время, по нахожденіи, такъ и раньше; поэтому о достоинствѣ отливки судить невозможно. По украшеніямъ онъ рѣзко отличается отъ предшествующихъ. Верхній край валообразенъ, въ 1,2 сант. шириной. На широкихъ стѣнкахъ вырѣзаны углубленія, кончающіяся вверху 5-ю, внизу—4-мя зубцами, такъ что образуются два возвышенныхъ ромба съ вырѣзами. На верхнемъ краю съ одной стороны видны слѣды канала для влитія металла въ форму. Полое отверстіе—четырехугольное, съ діаметрами въ 2,5 и 5 сант., глубиною въ 6 сант. Внутри шлифованъ. На 3 сант. сверху одно противъ другого проведены отверстія для гвоздя, снаружи гладкія, внутри лежащія въ углубленіяхъ. Одно ушко, хорошо шлифованное, округленное, съ діаметромъ въ 2,3 сант. выходитъ изъ треугольныхъ боковъ; другое отломано. Вѣсъ—1 ф. $^1/_2$ зол. Найденъ въ тайгѣ около Мерзла-Солба на рѣкѣ Солбѣ (притокѣ р. Убей, впадающей въ Енисей), Минусинскаго округа. (Колл. Лопатина, № 48).

Фиг. **6**. Наконечникъ небольшагоорудія изъ золотистой бронзы, по общей формѣ похожій на № 6 табл. IV. Ширина его вверху—4,5, внизу—5 сант., длина—7,5 сант. Хорошо отлитъ, тщательно шлифованъ. Полое отверстіе для черенка — четырехугольное, съ діаметрами болѣе 4 и 1,2 сант., глубиною въ 5 сант. Внизу площадка въ 0,5 сант. Отверстія для гвоздя посрединѣ,—на одной сторонѣ на 1,5 сант., на другой—на 2,5 сант. сверху.

Бока закругленные, хорошо шлифованы, рубцовъ нѣтъ. Кругомъ по верхнему краю идетъ кайма въ 1,2 сант. шириной, оканчивающаяся прямой линіей. На задней сторонѣ въ срединѣ ушко съ наружнымъ діаметромъ въ 1,2 сант., какъ разъ по ширинѣ каймы, переходящей постепенно въ плоскость топора. Ниже каймы—изображеніе листа изъ трехъ завитковъ. Патина совершенно очищена. Вѣсъ — 40,5 зол. Найденъ на пашнѣ около с. Маганскаго на р. Березовкѣ, Вознесенской волости, въ 35 в. отъ Красноярска. (Колл. Лопатина, № 77).

Фиг. **7**. Наконечникъ небольшого орудія изъ прекрасной золотистой бронзы, хорошо шлифованный, хотя и небрежно отлитый. Ширина вверху—3,5 сант., внизу—4,2; длина—6 сант. Полое отверстіе для вставки черенка глубиною въ 3 сант., овальное, стѣнки довольно тонкія, нѣсколько искривленныя впослѣдствіи ударами. По верхнему краю кайма въ 0,5 сант. шир.; ниже ея на одной сторонѣ маленькое ушко (наружный діаметръ—1 сант.) шириною въ 0,5 сант., не хорошо шлифованное. Подъ нимъ кругловатое отверстіе для гвоздя; на другой сторонѣ отверстіе выломано и судить объ его формѣ поэтому нельзя. На сторонѣ, изображенной на рис., находится украшеніе въ видѣ листка съ 4-мя лепестками. Покрытъ хорошей зеленой патиной. Вѣсъ—20,5 золотн. Найденъ близъ д. Яновой, Минусинск. окр. (Колл. Лопатина, № 128).

Фиг. **8**. Наконечникъ, совершенно схожій съ № 1 табл. III, изъ золотистой бронзы, отлитый по прекрасной формѣ, но не тщательно шлифованный. Ширина вверху—4,5, внизу—5 сант., длина на сторонѣ, изображенной на рис.,—7 сант., а на задней—6,5. Очевидно, болѣе короткая сторона находилась внизу, а болѣе длинная служила верхомъ топора. По верхнему краю изображенной стороны идетъ кайма въ 1 сант. шир., а на задней—въ 0,5 сант. На задней сторонѣ подъ каймой отверстіе для гвоздя неправильной формы. Полое отверстіе для черенка—овальное, съ діаметрами 1,5 и 4 сант., глубиной 4 сант. Внутри на каждой широкой стѣнкѣ 3 параллельныхъ рубца, указывающихъ на то, что клинъ былъ составной. Отверстія для гвоздя (на 2 сант. отъ верха), какъ видно, на обѣихъ сторонахъ вышли больше, чѣмъ предполагалось. На бокахъ съ самаго верха идутъ ушки, плохо шлифованныя; на самихъ бокахъ ясны слѣды рубца отъ сложенія половинокъ формы. Украшенія состоятъ изъ выпуклаго изображенія листа съ 3 лепестками, изъ коихъ средній поврежденъ. Вѣсъ—34 зол. Покрытъ прекрасной патиной. Найденъ на пашнѣ около дер. Изыкгуль, Ужурской вол. Ачинскаго округа. (Колл. Лопатина, № 81).

Фиг. **9**. Наконечникъ, сходный съ № 5 табл. III, именно по задней сторонѣ. Украшенія на задней сторонѣ такія же, какъ на № 8 табл. V, но здѣсь, кажется, изображеніе не листа, а какого-то животнаго въ лежачей позѣ, неясно очерченнаго. (Колл. Лопатина, № 106).

Того же типа—№ 78, изъ красноватой бронзы съ темной патиной. Размѣры: $7^1/_2$, 5, 5. Вѣсъ—$38^1/_2$ зол. Найденъ на пашнѣ вдоль р. Убей около завода Ярилова, Минус. окр.

Фиг. **10**. Наконечникъ изъ золотистой бронзы, совершенно отличный отъ предыдущихъ, прекрасно отлитый и шлифованный. По задней сторонѣ онъ схожъ съ № 9 этой же

таблицы, только книзу немного расширяется, и вмѣсто каймы идетъ толстая линія по верхнему краю. Ширина вверху — болѣе 4, внизу — менѣе 5 сант.; длина — 8 сант. На сторонѣ, изображенной на рис., отличается отъ всѣхъ предыдущихъ наконечниковъ тѣмъ, что полое отверстіе имѣетъ почти полукруглую форму, съ діаметрами въ 4 и 4,5 сант. Отверстіе—сквозное. Изображенная сторона (см. 10^a) образуетъ кольцо, расширяющееся по бокамъ, такъ что толстое круглое древко выходило наружу одной своей стороной, а другой упиралось въ перегородку, образовавшуюся чрезъ утолщеніе лезвія (см. 10^b). Повидимому, это произведеніе позднѣйшее мѣднаго вѣка, когда уже явилась мысль о возможномъ сбереженіи количества металла при отливкѣ и лезвіе стало дѣлаться болѣе пригоднымъ для работы. Наконечникъ подобнаго рода является переходной ступенью къ желѣзнымъ наконечникамъ. Развитіе его произошло не прямо изъ предыдущихъ, но уже подъ вліяніемъ, быть можетъ, образцовъ желѣзныхъ наконечниковъ. Вѣсъ его—37,5 зол. Совершенно очищенъ отъ патины. Найденъ на пашнѣ около с. Барантъ на берегу р. Чулыма, Ачинскаго округа. (Колл. Лопатина, № 12).

Фиг. **11** и **12**. Наконечники, схожіе почти съ наконечниками табл. III, съ ушкомъ въ срединѣ верхней стороны. Только здѣсь въ сторонѣ съ ушкомъ послѣ него сдѣлана такая выемка, что полое отверстіе для вставки черенка оказалось сквознымъ, такъ что клинъ топорища частью выходилъ наружу, что̀ дѣлалось съ двумя цѣлями: 1) сберегался металлъ и 2) лезвіе стало плотнѣе и длиннѣе, что̀ давало возможность чаще его оттачивать. Можно предположить, что наконечникъ № 10 есть уже усовершенствованная форма наконечниковъ, только что описанныхъ нами. (Минусинскій музей).

Фиг. **13**. Наконечникъ изъ красноватой бронзы, посредственной работы, представляющій переходную ступень между № 10 и №№ 11 и 12. Не изображенная на рис. сторона представляетъ собой почти четырехугольную плоскость (см. № 9, V табл.). Ширина вверху и внизу—5,5 сант., длина—10 сант. Полое отверстіе для вставки черенка—почти полукруглое, съ діаметрами въ 2 и 5,1 сант. Верхній край валообразенъ, шириной въ 0,5 сант., ниже на одинъ сант. до самаго лезвія сдѣлана выемка глубиною въ $^1/_4$ сант. Деревянный клинъ рукоятки, вставлявшійся въ полое отверстіе, упирался въ перегородку, образовавшуюся вслѣдствіе утолщенія лезвія, но здѣсь отверстіе не играло той роли, какъ въ № 10, а явилось, быть можетъ, даже случайнымъ дефектомъ, благодаря чрезмѣрной срѣзкѣ металла; на это отчасти указываетъ также неровность краевъ отверстія. Покрытъ темной патиной, совершенно пропавшей на изображенной сторонѣ. Вѣсъ—50 зол. Найденъ около с. Табатъ, Минус. округа. Пріобрѣтенъ чрезъ посредство Н. М. Мартьянова. (Въ коллекціи г. Лопатина номеромъ не помѣченъ).

Такого же типа наконечникъ въ коллекціи г. Лопатина подъ № 105, изъ красноватой бронзы, разм. 9, $4^1/_2$, $4^1/_2$, вѣсомъ $51^1/_2$ зол. Съ небольшимъ утонченіемъ. Найденъ около с. Лугавскаго, Минус. округа.

Фиг. **13^a**. Топоръ, схожій съ № 13-мъ V табл., изъ красноватой бронзы, небрежно отлитый; покрытъ плохой зеленой патиной. Длина его 10,5, ширина—4 сант. Закругленъ со всѣхъ

сторонъ. По верхнему краю—кайма въ 1 сант. шириной. На изображенной сторонѣ ушко какъ въ фиг. 12, внизу выемка длиною въ 6,5 сант. съ тщательно закругленными сторонами. Вверху выемки—круглая впадина съ отверстіемъ. Противоположная сторона тщательно вычищена, и на ней имѣется маленькое овальное отверстіе въ 0,5 сант. длиной, вслѣдствіе недостатка металла. Вѣсъ — 41,5 зол. Найденъ около с. Бирскаго, Минусинскаго окр. Въ коллекціи г. Лопатина числится подъ № 50.

Фиг. **14.** Наконечникъ, одинаковый по формѣ съ № 13. Онъ нѣсколько длиннѣе и ўже и былъ среднимъ между № 10 и 13. Отверстіе здѣсь уже совсѣмъ правильное, кончающееся внизу прямой перегородкой. Выемка идетъ двумя желобами почти до края лезвія. На задней сторонѣ, кажется, отверстіе для гвоздя. (Минусинскій музей).

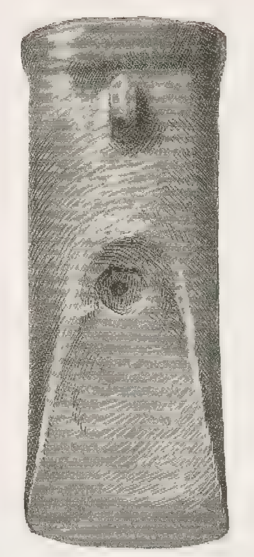

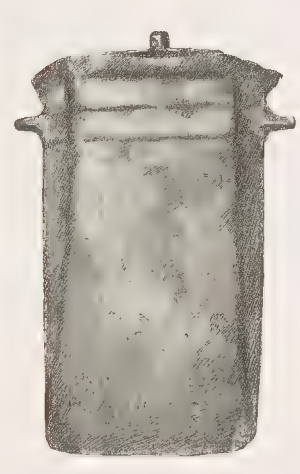
Рис. 13[a] (н в.).

Общій обзоръ V таблицы.

На этой таблицѣ изображены три различныхъ типа топоровъ: 1) съ двумя ушками—продолженіе таблицы III, помѣщены здѣсь изъ-за украшеній на широкихъ стѣнкахъ (фиг. 1 — 5); 2) 4 наконечника для мелкихъ инструментовъ — изъ-за украшеній листообразныхъ и украшеній, состоящихъ изъ круглыхъ линій, которыя встрѣчаются гораздо рѣже, нежели прямолинейныя украшенія (фиг. 6 — 9). Эти украшенія представляютъ слѣдующія формы: а) листообразныя—ясныя (фиг. 7), б) листъ съ спиралеобразными концами (фиг. 6) и в) неясныя изображенія (фиг. 8 и 9), которыя могутъ быть и не очень удачными воспроизведеніями лежащихъ животныхъ. 3) Послѣдніе 5 наконечниковъ (10—14) являются уже новымъ типомъ, какъ бы переходной ступенью къ желѣзнымъ топорамъ. Мнѣ кажется, что такіе топоры возникли уже подъ вліяніемъ желѣзныхъ образцовъ и были послѣдними представителями бронзоваго вѣка.

Таблица VI.

Фиг. **1** — наконечникъ средней величины, отлитый изъ красной мѣди по довольно хорошей формѣ, но шлифованный не тщательно. Ширина вверху — 7, внизу—6,5, длина—13 сант. Сверху на 1,5 сант. совершенно овальный. По верхнему краю на разстояніи 1,5 сант. отъ него идетъ валообразная кайма въ 1,3 сант. и еще ниже на 1 сант. — такая же кайма, продолженіе крайнихъ линій которой переходитъ въ ушки. Эта кайма или, вѣрнѣе, полоса между двумя выпуклыми линіями съ задней стороны совершенно гладка, со стороны же изображенной на рисункѣ—съ украшеніями: лежачимъ крестомъ и 6-ю съ одной стороны и 5-ю съ другой стороны перпендикулярными каймѣ линіями. Изъ нижней окаймляющей линіи какъ разъ по срединѣ идетъ къ лезвію изображеніе стрѣлы. Ниже этой каймы топоръ изъ овальной формы переходитъ въ шестигранникъ со средними двумя гранями по 3 сант. шир. и съ боковыми—по 2. Широкія стѣнки расширяются къ лезвію. Полое отверстіе для вставки черенка—овальной формы съ діаметрами въ 4 и 6 сант., глубиною—8,5 сант., книзу суживается и образуетъ овальную площадку съ діаметрами въ 0,5 и 2,5 сант. На верхнемъ краѣ на обѣихъ сторонахъ видны возвышенія въ мѣстахъ каналовъ для влитія металла. Покрытъ плохой патиной. Очень похожъ на № 8 табл. IV. Вѣсъ—1 ф. 60 зол. Найденъ около с. Бои, Минус. окр. (Колл. Лопатина № 34).

Рис. 2^a (2/3).

Фиг. **2**. Наконечникъ, подобный предыдущему, 6-гранный съ самаго верхняго края. Ушки выходятъ, подобно № 1, изъ выпуклыхъ линій, впрочемъ довольно неотчетливыхъ. (Минусинскій музей).

Фиг. **2**^a. Большой топоръ изъ красноватой бронзы, длиной—13, шириной—7 сант., по формѣ совершенно схожій съ фиг. 2-й. На верхнемъ закругленномъ краѣ возвышенія въ мѣстахъ влитія металла очень велики. На бокахъ вмѣсто ушковъ—два выступающихъ конуса. Украшенія состоятъ изъ двухъ параллельныхъ линій.

На сторонѣ не изображенной — два большихъ отверстія неправильной формы, вызванной тонкостью стѣнокъ. Отверстіе для вставки черенка—закругленное, глубиной болѣе 7 сант. Внутри на одной стѣнкѣ два рубца отъ составныхъ частей клина. Хорошая патина, мѣстами очищенная. Вѣсъ—1 ф. 32 зол. Найденъ на пашнѣ около с. Бейскаго, на берегу рѣчки, впадающей въ р. Абаканъ справа, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Минусинска. (Колл. Лопатина № 21).

Фиг. **3**. Наконечникъ типа № 2, съ тѣмъ лишь различіемъ, что онъ сверху донизу овальный и гораздо ўже, при одинаковой длинѣ. По верху идетъ валообразное утолщеніе, ниже—кайма или полоса между двухъ выпуклыхъ линій: въ срединѣ этой полосы—украшенія: лежачій крестъ и ломанныя линіи въ видѣ угловъ, изъ которыхъ шесть обращены вершинами въ одну сторону и столько же—въ другую. Ниже этой полосы—три тройныхъ зубца. (Минусинскій музей).

Фиг. **4**. Наконечникъ такого же типа, но бóльшихъ размѣровъ; кругомъ—возвышенный ободокъ (совершенно овальный). Двѣ двойныхъ линіи опоясываютъ наконечникъ и переходятъ въ ушки. Ниже ихъ 4 клинообразныхъ выемки. Лезвіе повреждено. (Минусинскій музей).

Фиг. **5**. Наконечникъ маленькаго инструмента, совершенно отличной формы, изъ красноватой бронзы. Длина его въ настоящее время—8 сант.; лезвіе отточено и отбито довольно сильно, такъ что, по всей вѣроятности, онъ былъ длиннѣе на 1—1,5 сант. Верхній край сильно утолщенъ и внизу гладокъ; правильный овалъ, постепенно суживаясь, переходитъ въ лезвіе. На 2,9 сант. сверху есть едва замѣтная кайма, со вдавленными въ нее треугольниками. Ширина вверху 4,5, внизу 6 сант. Выше каймы и ниже ея выходятъ тонкіе выступы въ $^3/_4$ сант. высотой въ видѣ недодѣланныхъ ушковъ. Ниже каймы видны 4 треугольника въ 1,5 сант. высотой, состоящіе изъ нѣсколькихъ ломанныхъ линій. Украшенія неясны едва замѣтны. Полое отверстіе—правильный овалъ съ діаметрами въ 2 и 4,5 сант. при глубинѣ 6,5 сант. Лезвіе закругленное. Боковые выступы служили для привязыванія. На лѣвой сторонѣ—отверстіе для гвоздя, очень низко сдѣланное, быть можетъ по ошибкѣ. Вѣсъ—52 зол. Найденъ у села Усубекова. (Колл. Лопатина № 39).

Такого же типа наконечники въ коллекціи Лопатина:

1) Изъ красной бронзы, съ плохой патиной. Размѣры: 10, $4^1/_2$, 4. Вѣсъ — $42^1/_2$ зол. Около Будашеѳа на р. Узыкгуль, Минус. окр. (№ 52).

2) Изъ красной мѣди: 9, 5, $5^1/_2$. Сильно поврежденъ. Украшеній не видно. На пашнѣ около с. Кускина по Иркутскому тракту. (№ 64).

Рис. 5ª (н. в.).

Фиг. **5ª**. Топоръ изъ золотистой бронзы, дл. 7, шир. вверху—4, внизу—5 сант., съ двумя глухими ушками. Украшенія схожи съ фиг. 5-й, но не одинаковы на обѣ-

Рис. 5^б (н. в.).

ихъ сторонахъ (см. рисунки *а* и *б*). Лезвіе отточено. Вѣсъ—23 зол. Найденъ весной 1871 г. на пашнѣ, на урочищѣ Плотбище, около р. Собакиной, въ 10 в. выше г. Красноярска, на лѣвомъ берегу Енисея. (Колл. г. Лопатина № 99).

Фиг. **6**. Наконечникъ изъ золотистой бронзы, прекрасно отлитый, шестигранной формы съ закругленными краями, почти овальный. Шир. вверху—6, внизу—5 сант., дл.—12 сант. Вверху кайма въ 2 сант., переходящая въ ушки. На широкихъ стѣнкахъ—изображеніе птичьей головы. Отверстія для вставки гвоздя лежатъ на 1 сант. ниже каймы и служатъ глазомъ въ изображеніи; они круглой формы, тщательно обрѣзанныя впослѣдствіи; внутри лежатъ въ четыреугольныхъ углубленіяхъ. На одной сторонѣ покрытъ плохой свѣтлозеленой патиной, на другой она удалена. Лезвіе правильно, на одной сторонѣ нѣсколько попорчено ударами молота по нахожденіи. Вѣсъ—81,5 зол. Найденъ на пашняхъ с. Терехина, Вознесенской вол., Красноярскаго округа, въ 30 в. отъ г. Красноярска. (Колл. Лопатина № 65).

Фиг. **7**. Совершенно разбитый наконечникъ изъ золотистой бронзы. По сохранившемуся типу его можно отнести къ № 3 табл. II, то есть первоначально онъ былъ совершенно овальный, нѣсколько суживался, а затѣмъ опять расширялся. Ударомъ молота онъ сплюснутъ; стѣнки его тонкія. Верхній край на одной сторонѣ длиннѣе; отверстія для гвоздя тщательно отдѣланы, лежатъ на 3 сант. отъ верха и внутри въ четыреугольныхъ углубленіяхъ. Мѣры длины и ширины дать невозможно. Главное отличіе—въ ушкахъ, образующихъ птичью головку съ клювомъ, здѣсь треугольнымъ, схожимъ съ № 12 табл. III, гдѣ онъ болѣе круглый. Покрытъ очень хорошей свѣтлой патиной. Найденъ на пашнѣ около д. Таскиной, въ 35 в. отъ г. Красноярска. (Колл. Лопатина № 36).

Фиг. **8**. Наконечникъ изъ красноватой бронзы, схожій съ предыдущимъ, большихъ размѣровъ. Ширина вверху — 5, внизу — 4,5 сант., длина —10,2. Конецъ лезвія отломанъ. Овалъ суживается по направленію къ лезвію. Полое отверстіе для черенка—овальной формы съ діаметрами въ 2 и 4,5 сант. Внутри хорошо шлифованъ; глубина—6 сант.; внизу стѣнки сходятся въ одну линію. Рубца на бокахъ не замѣтно. На разстояніи 2,5 сант., считая сверху, на одной сторонѣ отверстіе для гвоздя, на обѣихъ же стѣнкахъ внутри видны четырехугольныя углубленія. Ушки на бокахъ имѣютъ видъ птичьей головки съ закругленнымъ клювомъ, доходившимъ почти до верха. Внутренность глаза шлифована. Слѣдовъ отточки и отбивки незамѣтно, быть можетъ потому, что топоръ, очевидно, не былъ въ употребленіи. Лѣвое ушко повреждено впослѣдствіи. Вѣсъ — 69 зол. Покрытъ частью темной, частью свѣтлой патиной. Найденъ въ Каинскомъ округѣ. (Колл. Лопатина № 56).

Такого же типа орудія въ коллекціи Лопатина:

1) Изъ красноватой бронзы, съ плохой патиной: 12½, 6½, 4½; вѣсъ—1 ф. 29½ зол. Полое отверстіе четыреугольное. На пашнѣ близъ с. Шункова на р. Березовкѣ, впадающей въ р. Енисей, Красноярскаго окр. (№ 22).

2) Изъ красноватой бронзы. Кайма въ 1 сант.; размѣры: 10, 6½, 5; хорошо вылитъ и шлифованъ. Вѣсъ—74½ зол. Найденъ въ Красноярскомъ окр. (№ 42).

3) Изъ красноватой бронзы: 12, 6½, 4½. Кайма—1 сант. Полое отверстіе четырехугольное. Вѣсъ—1 ф. ½ зол. Найд. близъ с. Базаихи, Красн. окр. (№ 26).

Фиг. **9**. Наконечникъ изъ золотистой бронзы, прекрасной работы, совершенно овальный. Длина—12 сант., шир. вверху—4,3, внизу—2,5 сант. Лезвіе закругленное и не шлифованное, такъ какъ топоръ никогда не употреблялся въ работѣ, а служилъ скорѣе украшеніемъ. По верху — кайма въ 1 сант. шириной. Ушки имѣютъ форму клюва въ 3 сант. длиной; головка круглая діам. 0,6 сант. Глаза правильные, круглые; углубленія въ нихъ не сквозныя. Клювъ болѣе похожъ на № 7 этой таблицы; онъ шлифованъ, голова же не шлифована и на ней виденъ рубецъ. Полое овальное отверстіе для черенка — съ діаметрами въ 4 и 2¾ сант., глубиной — 7 сант., но закругленное. Внутри шлифованъ. На 2 сант. сверху сдѣланы четырехугольныя углубленія въ 1 сант. длины и 0,5 ширины, на одной сторонѣ узкая щель въ 0,8 сант. длиной, сквозная, неправильной формы. Гвоздь никогда не былъ проведенъ. Покрытъ довольно хорошей зеленой патиной. Вѣсъ—74 зол. Найденъ въ Красноярскомъ округѣ. (Колл. Лопатина № 4).

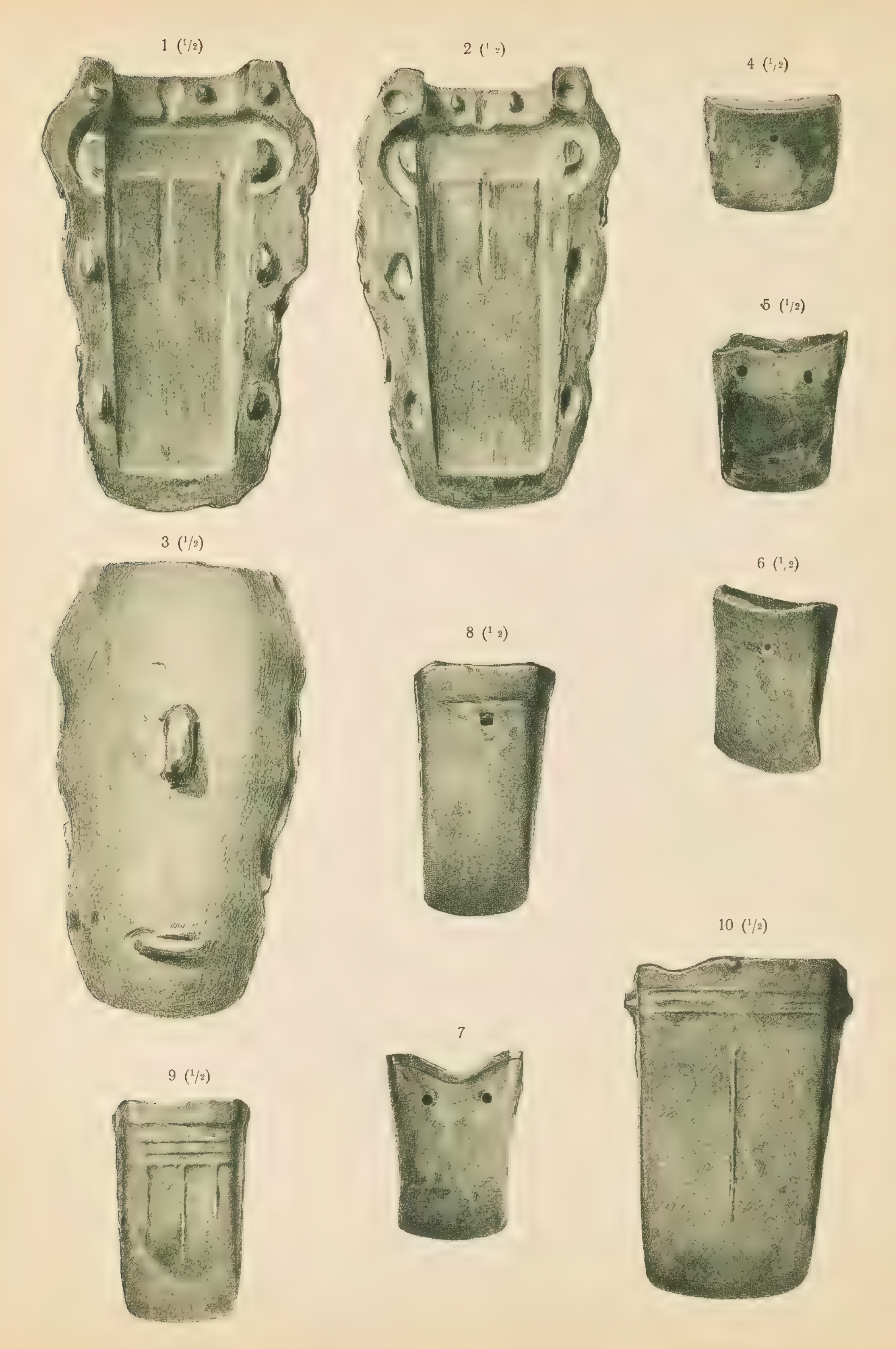
Фиг. **10**. Наконечникъ изъ красной мѣди, совершенно отличающійся отъ всѣхъ предыдущихъ по формѣ. Длина его—18 сант. Вверху—совершенно круглая шейка, длиною въ 8 сант., съ діаметромъ внизу въ 5 сант.; вверху шейка немного сплюснута ударомъ молота; внизу—круглая площадка въ 3 сант. въ діаметрѣ. Стѣнки вверху—въ 0,5 сант. толщиной. Къ низу шейка сплющивается и переходитъ, нѣсколько расширяясь, въ лезвіе, имѣющее форму клина длиною въ 10 сант., шириной внизу въ 6 сант. Бока лезвія—клинья. Украшеній и отверстій для гвоздя нѣтъ. Стѣнки гладкія, и круглый клинъ долженъ былъ туго вбиваться въ шейку. Лезвіе отточено. Ржавчина и патина удалены. Вѣсъ — 2 ф. 33½ зол. Найденъ около д. Еловской въ 5 в. отъ села Золедѣева Красноярскаго окр. (Колл. Лопатина № 46).

Фиг. **11**. Наконечникъ небольшого орудія изъ красноватой бронзы изящной работы, хорошо шлифованный; онъ такой замысловатой формы, что, очевидно, относится къ украшеніямъ. Состоитъ изъ довольно широкой прямоугольной лопатки шириною въ 5 и длиною въ 3,5 сант., съ закругленными краями; въ нее вставлена шейка въ видѣ усѣченной четырехугольной пирамиды, выступающей на 3,5 сант. и входившей еще на одной сторонѣ на 1 сант., такъ что сторона 11^a—длиною въ 6 сант., а 11^b—въ 6,7. Вверху правильный квадратъ (сторона—2 сант.). Глубина шейки—3,2; края гладкіе, толщина стѣнокъ—0,2 сант. Для проведенія гвоздя—два отверстія продолговатой формы, одно длиннѣе другаго. Ушки имѣютъ видъ шеи птицы (1 сант. длины) съ головкой (правильный кругъ въ 0,6 сант. въ діаметрѣ); глаза не пробиты насквозь. Клювъ загнутъ и на 1,5 сант. отъ головы соприкасается съ шейкой на-

конечника. Хорошо шлифованъ. На фиг. 11^b виденъ рубецъ отъ сложенія формы. Фигура 11^c— видъ наконечника сбоку. Вѣсъ его—22 зол. Покрытъ былъ хорошей патиной, но оскобленъ. Найденъ около г. Красноярска. (Колл. Лопатина № 49).

Общій обзоръ VI таблицы.

На этой таблицѣ помѣщены изображенія топоровъ 4-хъ различныхъ видовъ. Первый типъ — съ ушками ниже верхняго края (№№ 1, 2, 3, 4); основной ихъ типъ—фиг. № 2 съ основаніемъ 6-угольнымъ; въ фиг. 1 оно овально вверху, а въ №№ 3 и 4 представляетъ полный овалъ. Украшенія у нихъ помѣщены или между выпуклыми линіями (№ 1), или ниже ихъ (№ 3), или состоятъ изъ треугольныхъ впадинъ (№ 4). Второй типъ—закругленные съ выступами на бокахъ (№ 5). Третій, отличный отъ всѣхъ,—№ 10 съ длинной круглой шейкой. Четвертый типъ (№ 11)—широкая лопатка съ узкой шейкой. №№ 6—9 и 11 служили для украшеній: a) съ выпуклой птичьей головкой—№ 6; b) съ ушками въ видѣ птичьей головки—№№ 7, 8, 9 и 11. Формы 9 и 11 указываютъ на назначеніе топориковъ служить украшеніями; впрочемъ, № 9 могъ служить и орудіемъ.

Фототипія А. И. Вильборга, СПБ.

Фототипія А. И. Вильборга, СПБ.

Фототипія А. И. Вильборга, СПБ.

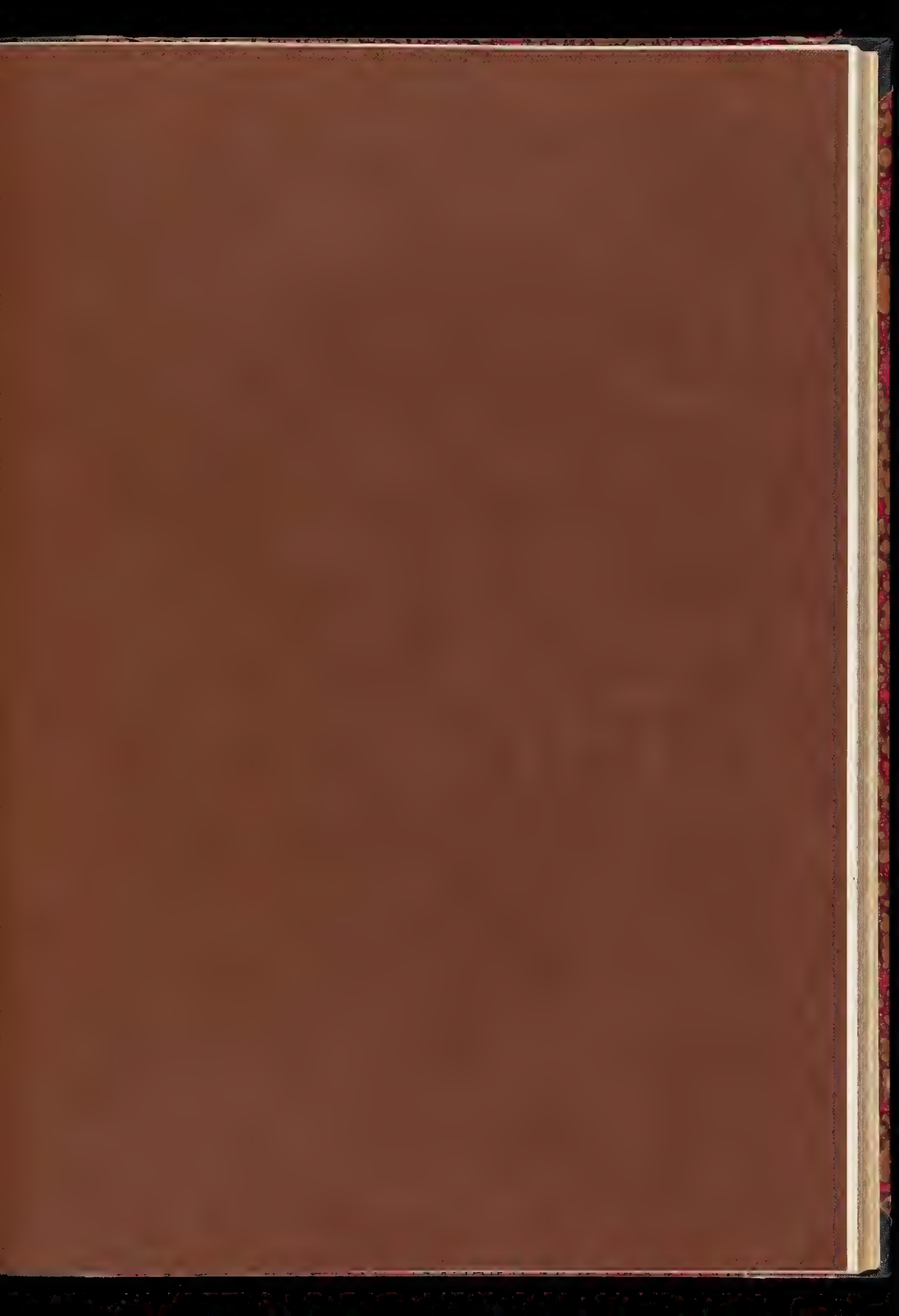
Фототипія А. И. Вильборга, СПБ.

Фототипія А. И. Вильборга, СПБ.

Фототипія А. И. Вильборга, СПБ.

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ,
ИЗДАВАЕМЫЕ
ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.
№ 28.

В. И. Сизовъ.

КУРГАНЫ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Выпускъ 1-й.

ГНѢЗДОВСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ БЛИЗЪ СМОЛЕНСКА.

Съ 14 таблицами и 101 рис. въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40)
1902.

В. И. Сизовъ.

КУРГАНЫ
СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Выпускъ 1-й.

ГНѢЗДОВСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ БЛИЗЪ СМОЛЕНСКА.

Съ 14 таблицами и 101 рис. въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40).
1902.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

ОТЪ АВТОРА.

Издавая въ свѣтъ результаты моихъ многолѣтнихъ изслѣдованій курганныхъ могильниковъ Смоленской губерніи, я долженъ прежде всего заявить, что иниціатива этихъ изслѣдованій принадлежитъ всецѣло покойному графу А. С. Уварову, который надѣялся систематическими изслѣдованіями кургановъ въ этой странѣ выяснить типъ восточно-славянскаго или русскаго языческаго погребенія, предполагая, на основаніи лѣтописныхъ извѣстій, что языческими насельниками этой мѣстности въ IX—XI ст. были именно славяне-кривичи. Самое изслѣдованіе кургановъ графъ Уваровъ считалъ болѣе цѣлесообразнымъ начинать съ ближайшихъ окрестностей Смоленска, какъ главнаго культурнаго центра или *гнѣзда* славянъ-кривичей, и отсюда уже расширять изслѣдованія по рѣкамъ къ окраинамъ Смоленской губерніи. Для предварительнаго ознакомленія съ могильниками въ различныхъ мѣстностяхъ Смоленской губерніи, графомъ Уваровымъ было поручено г. Кусцинскому произвести пробныя раскопки еще въ 1874 г. Дневникъ г. Кусцинскаго, напечатанный въ „Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества“, послужилъ для меня на первыхъ порахъ весьма важной путеводной нитью.

Въ теченіе многихъ лѣтъ выполняя, по мѣрѣ моихъ силъ, задачу, намѣченную графомъ, я не могу не вспомнить при этомъ того сердечнаго отношенія и того научнаго интереса, съ которымъ графъ слѣдилъ за моими работами и руководилъ меня своими совѣтами. Эти отношенія покойнаго графа къ моимъ трудамъ и самая поставленная имъ задача даютъ мнѣ смѣлость посвятить его почтенной памяти мой скромный настоящій трудъ.

В. Сизовъ.

Рис. 1.

I.

Могильникъ „Гнѣздово" близъ Смоленска.

„Старыя могилы—одна изъ самыхъ прочныхъ надеждъ науки доисторической древности".

(*Котляревскій.* Погребальные обычаи славянъ, стр. 145).

А.

Описаніе могильника и его погребальныхъ обрядовъ.

Извѣстный гнѣздовскій могильникъ находится верстахъ въ 8—9-ти отъ Смоленска на западъ, у Витебскаго шоссе; онъ занимаетъ пространство отъ стараго шоссейнаго станціоннаго дома на югъ до возвышеннаго берега Днѣпра, за которымъ уже начинается низменная долина этой рѣки. Ширина всей этой полосы, идущей съ сѣвера на югъ, равняется $^{1}/_{4}$ версты. Длина же могильника по линіи желѣзной дороги, которая перерѣзываетъ его южную окраину, доходитъ до 4-хъ верстъ. Все это пространство пересѣкается съ сѣвера на югъ низменной долиной, по которой протекаетъ небольшая рѣка Свинка, впадавшая, вѣроятно, когда-то въ Днѣпръ и подходившая къ старому городищу, валы котораго прорѣзаны желѣзной дорогой; въ недавнее время рѣчка запружена у усадьбы владѣльца Гнѣздова. За исключеніемъ долины рѣки Свинки, все остальное пространство обозначенной мѣстности занято съ

рѣдкими промежутками, большимъ количествомъ кургановъ. Благодаря долинѣ Свинки и различію въ характерѣ мѣстности по одну и по другую сторону рѣчки, въ могильникѣ можно различить двѣ главныя отдѣльныя части: 1) собственно гнѣздовскій могильникъ, идущій на западъ отъ р. Свинки, занимаетъ возвышенность, которая спускается террасами на югъ по направленію къ Днѣпру и недалеко отъ Днѣпровской низменности заканчивается мысомъ. На этомъ мысѣ возвышается самый большой курганъ могильника, увѣнчанный новой часовней, сооруженной надъ могилами прежнихъ владѣльцевъ Гнѣздова. Склоны кургана заняты крестами современнаго кладбища. На западѣ эта возвышенность незамѣтно переходитъ въ ровное пахатное поле, правильно отдѣленное отъ кургановъ могильника изгородью, что и заставляетъ предполагать, что курганы находились прежде и на полѣ, но давно распаханы и сравнены съ землей. На востокъ, по направленію къ р. Свинкѣ, возвышенность эта постепенно понижается; курганы въ этомъ мѣстѣ доходятъ до самой деревни Гнѣздова и ближайшіе изъ нихъ служатъ уже опорой для различныхъ хозяйственныхъ построекъ. 2) Въ другой части могильника, по лѣвую сторону Свинки, на востокъ, по направленію къ Смоленску, вся мѣстность покрыта обширнымъ густымъ лѣсомъ и незамѣтно понижается по направленію отъ Витебскаго шоссе къ долинѣ Днѣпра. Большое пространство этого лѣса занято сплошь курганами. Этотъ могильникъ, за рѣкою Свинкой, въ отличіе отъ собственно гнѣздовскаго, мы назовемъ *лѣснымъ* могильникомъ. Южная часть его перерѣзывается линіей желѣзной дороги, которая прорѣзаетъ также, какъ выше упомянуто, и валы стараго городища. Что касается этого городища, то въ древности, по всему вѣроятію, сюда подходило устье р. Свинки, а съ южной стороны городище примыкало къ водамъ Днѣпра, который теперь отступилъ гораздо далѣе, но оставилъ нѣсколько озеръ на этой низменности. Самое городище имѣетъ квадратную форму, быть можетъ измѣненную впослѣдствіи подъ вліяніемъ новыхъ потребностей; извѣстно, напримѣръ, что въ XVI—XVII ст. здѣсь была лѣтняя резиденція католическихъ Смоленскихъ епископовъ. Небольшая пробная раскопка, произведенная нами внутри городища, открыла часть каменной кладки и здѣсь, среди каменнаго мусора, нашлись фрагменты изразцовъ съ зеленой поливой и съ обрывками латинскихъ надписей—несомнѣнные слѣды польско-католической жизни въ этомъ мѣстѣ. Однако принадлежность этого городища къ тому времени, когда еще насыпались гнѣздовскіе курганы, доказывается находкой въ валахъ городища знаменитаго „гнѣздовскаго клада", хранящагося въ Эрмитажѣ, и кромѣ того слѣдующими нашими наблюденіями: при раскопкѣ нами кургановъ, лежащихъ широкой полосой на сѣверъ отъ городища, линіи всходовъ на курганы, опредѣленныя по компасу, сходились въ городищѣ, какъ радіусы въ центрѣ; очевидно, люди, погребавшіе своихъ покойниковъ въ курганахъ, приходили изъ мѣстности нынѣшняго городища. Такимъ образомъ можно предполагать, что городище находилось въ живой связи съ курганами. [1]).

[1]) Въ весьма недавнее время по распоряженію желѣзнодорожнаго управленія часть валовъ городища была снесена и сравнена. Болѣе сотни рабочихъ производили эту работу безъ надзора и торопливо («на кубики») и, по слухамъ, сбрасывали и засыпали землей древнія вещи

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ частей гнѣздовскаго могильника, слѣдуетъ также упомянуть здѣсь о группѣ кургановъ, находящихся по другую сторону Днѣпра, почти насупротивъ деревни Гнѣздова и усадьбы новаго владѣльца Гнѣздова П. В. Филимонова. На западъ отъ Гнѣздова, по направленію теченія Днѣпра, на возвышенномъ берегу находятся еще двѣ группы кургановъ, изъ которыхъ первая отстоитъ отъ Гнѣздова на двѣ версты, а другая—на четыре. Каждая группа состоитъ изъ одного большого кургана и нѣсколькихъ десятковъ малыхъ. Курганы находятся на городской землѣ. Нами была изслѣдована только вторая, болѣе отдаленная группа. Невдалекѣ отъ этой второй группы, при устьѣ рѣки Ольхи, впадающей въ Днѣпръ, нами замѣчены слѣды древняго городища, отчасти сохранившаго очертанія валовъ съ культурнымъ слоемъ внутри. Такимъ образомъ, Гнѣздовскій могильникъ, вмѣстѣ съ сосѣдними могильниками, представляетъ грандіозный и единственный въ центральной Россіи, насколько намъ извѣстно, памятникъ языческихъ погребальныхъ сооруженій или кургановъ, счетъ которымъ нужно вести тысячами. Не только количество кургановъ и пространство могильника, но и характеръ всѣхъ находокъ, по нашему мнѣнію, указываютъ несомнѣнно на тотъ фактъ, что мѣстность эта въ языческое время, въ теченіе IX—X ст., была важнымъ культурнымъ центромъ, откуда велись сношенія съ дальнимъ Востокомъ, съ побережьемъ Балтійскаго моря, съ Кіевомъ, а чрезъ Кіевъ съ Византіей [1]).

Этотъ обширный, давно заброшенный могильникъ не могъ не возбуждать къ себѣ любопытства даже людей далекихъ отъ научныхъ интересовъ археологіи, тѣмъ болѣе, что раскопка здѣсь маленькихъ, насыпанныхъ исключительно изъ песку, кургановъ не представляла никакой трудности: иногда изъ песчаныхъ насыпей маленькихъ кургановъ можно было даже руками доставать погребальныя урны и горшечки съ жжеными костями. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, такого рода раскопки происходили весьма часто въ продолженіе большаго періода времени, такъ что многія сотни кургановъ можно считать погибшими для науки. Въ 1868 году, при проведеніи желѣзной дороги, былъ найденъ знаменитый гнѣздовскій кладъ, поступившій въ Эрмитажъ; благодаря этой находкѣ и было наконецъ обращено особое вниманіе на Гнѣздово. Находки кладовъ въ Гнѣздовѣ повторились еще два раза, но эти клады не представляли такого научнаго матеріала, какъ первый. Однако, научныя изслѣдованія могильника начались только съ тѣхъ поръ, когда въ 1874 году графъ А. С. Уваровъ, предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества, поручилъ г. Кусцинскому произвести пробныя раскопки въ Гнѣздовѣ, а также обслѣдовать и другіе могильники Смоленской губерніи. Пробныя раскопки г. Кусцинскаго въ Гнѣздовѣ и другихъ мѣстностяхъ этой губерніи и послужили намъ, на первыхъ порахъ, программой для нашихъ изслѣдованій могильниковъ той же губерніи, произведенныхъ по порученію графа Уварова, какъ товарища предсѣдателя Историческаго музея, на средства этого музея. Несмотря на то, что наши изслѣдованія могильниковъ Смоленской губерніи, и въ особен-

[1]) См. планъ мѣстности Гнѣздовскаго могильника на табл. XIV.

ности Гнѣздова, происходили въ теченіе многихъ лѣтъ, богатство археологическаго матеріала въ этой губерніи дѣлаетъ необходимымъ постоянное продолженіе изслѣдованій въ этомъ краѣ, гдѣ въ безчисленныхъ могильникахъ сохраняется такъ много драгоцѣннаго археологическаго матеріала, въ особенности важнаго для выясненія характерныхъ признаковъ восточно-славянскаго языческаго погребенія.

Наше первое изслѣдованіе могильника относится еще въ 1880 г., когда графъ Уваровъ задался цѣлью начать систематическое изслѣдованіе кургановъ Смоленской губерніи и вмѣстѣ съ тѣмъ положить первое основаніе коллекціямъ курганныхъ древностей для Историческаго музея. Наши изслѣдованія продолжались и въ послѣдующіе годы, на средства Московскаго Археологическаго Общества, одинъ разъ въ присутствіи графа А. С. Уварова, въ другой—при содѣйствіи его сына графа Ѳ. А. Уварова и, наконецъ, при участіи В. Д. Соколова и Ю. М. Сперанскаго. Въ общемъ нами было изслѣдовано до 500 кургановъ. Послѣднія двѣ командировки были совершены на средства Императорской Археологической Коммиссіи.

Приступая къ описанію обширнаго археологическаго матеріала, добытаго раскопками въ Гнѣздовскомъ могильникѣ, мы прежде всего должны описать тѣ способы погребенія, которые намъ пришлось изучать въ этомъ могильникѣ на всемъ указанномъ нами пространствѣ.

На основаніи раскопокъ многихъ сотенъ кургановъ въ обширномъ гнѣздовскомъ могильникѣ, можно положительно утверждать, что исключительнымъ обрядомъ погребенія здѣсь было *трупосожженіе*. Единственное исключеніе составляетъ одинъ курганъ, раскопанный учителемъ Смоленской гимназіи вмѣстѣ съ учениками, но находящійся на самой сѣверной окраинѣ Гнѣздовскаго могильника, у Витебскаго шоссе. Въ этомъ курганѣ было найдено обыкновенное погребеніе. Какъ единственный случай, онъ не нарушаетъ господствующаго обряда погребенія, замѣченнаго во многихъ сотняхъ изслѣдованныхъ кургановъ, и, безъ сомнѣнія, это погребеніе можетъ быть отнесено уже къ болѣе позднему времени, какъ по вещамъ [1]), такъ и по самому мѣстоположенію кургана. По внѣшней своей формѣ курганы въ Гнѣздовѣ или, какъ крестьяне называютъ ихъ здѣсь, «волотовки» представляютъ форму полушарообразную, иногда нѣсколько вытянутую въ одну сторону, подходящую такимъ образомъ къ формѣ полуяйцеобразной. Такое удлиненіе происходило отъ всходовъ или покатостей, направленныхъ, по большей части, въ одну сторону и образовавшихся, какъ намъ кажется, отъ того, что люди, закончивши закопку кургана, уходили въ одну сторону—по направленію къ своему жилью, отчего при зыбкости песка, изъ котораго насыпанъ курганъ, и могла образоваться его нѣсколько удлиненная форма. Потребность опредѣленнаго всхода объясняется также существовавшими поминками въ опредѣленные дни и случаями сложнаго погребенія, когда новый сосудъ съ сожженнымъ прахомъ умершаго вставлялся въ верхнюю часть кургана. уже хранившаго прахъ прежде умершаго родственника. Вообще нами было замѣчено, что

[1]) Вещи находятся въ Смоленскомъ музеѣ.

всходы на курганы имѣютъ по большей части не случайное, а извѣстное, опредѣленное направленіе. Наши наблюденія и опредѣленія линій всходовъ посредствомъ компаса вызваны были желаніемъ выяснить связь кургановъ съ городищемъ. Наблюденія производились только надъ ясно выраженными всходами и притомъ тогда, когда въ курганѣ былъ одинъ только всходъ; а такихъ кургановъ съ однимъ всходомъ встрѣчалось большинство. Наблюденія даже въ лѣсномъ могильникѣ, отстоящемъ довольно далеко отъ главнаго Гнѣздовскаго, опредѣляли линію всхода иногда на югъ къ Днѣпру, но ни въ лѣсномъ могильникѣ, ни въ собственно Гнѣздовскомъ не было замѣчено нами ни одного факта направленія всхода на сѣверъ, что уже само по себѣ представляется весьма характернымъ явленіемъ, указывающимъ направленіе, откуда и куда могильникъ расширялся и въ какой сторонѣ находились поселенія.

Курганы довольно значительныхъ размѣровъ сохранили по большей части и канавы, обходившія вокругъ основанія кургановъ. Канавы эти иногда были сплошныя, а иногда имѣли промежутки или перемычки—одну, двѣ и дажѣ три, при чемъ однако одна изъ перемычекъ всегда составляла продолженіе всхода. Канавы эти устраивались, по всему вѣроятію, съ цѣлью окончательной засыпки кургановъ, такъ какъ общій грунтъ мѣстностей могильника состоялъ изъ песку, изъ котораго насыпались за немногими исключеніями всѣ курганы. Что песокъ изъ канавъ употреблялся для окончательной засыпки кургана, а не для его основанія, — въ этомъ насъ убѣждаютъ слѣдующіе факты: во многихъ случаяхъ нами замѣчено было, что въ основаніе кургановъ для устойчивости насыпи употреблялся песокъ, смѣшанный съ мелкимъ гравіемъ, а иногда съ большимъ количествомъ булыжниковъ или валуновъ; такимъ образомъ, здѣсь насыпи кургановъ были не сходны съ грунтомъ ближайшей къ кургану мѣстности, состоящимъ преимущественно изъ чистаго песку. Слѣдовательно, въ данныхъ случаяхъ для основанія кургана употреблялся матеріалъ привозный со стороны. Слѣдуетъ также замѣтить, что количество песку, взятое изъ канавъ, было бы слишкомъ недостаточнымъ для насыпки цѣлаго кургана. Фактъ-же привоза песку съ довольно отдаленнаго берега рѣки подтверждается нашими-же изслѣдованіями другихъ могильниковъ, которые расположены на почвѣ глинистаго грунта, а между тѣмъ курганы насыпаны изъ рѣчнаго песку (могильникъ близь рѣки Царевича, въ имѣніи Городокъ, Духовщинскаго уѣзда). На основаніи произведеннаго нами изслѣдованія Гнѣздовскаго могильника можно утверждать, что насыпка кургановъ изъ песку представляется здѣсь болѣе общимъ и весьма характернымъ явленіемъ.

По всему вѣроятію сооруженіе курганной насыпи производилось слѣдующимъ образомъ: прежде всего на грунтѣ заготовлялось круглое основаніе кургана, приблизительно на $^1/_3$ будущей его высоты. При большихъ размѣрахъ кургана во многихъ случаяхъ, какъ мы ужэ упоминали, основаніе укрѣплялось мелкимъ гравіемъ или булыжникомъ. Затѣмъ выравненное основаніе кургана покрывалось тонкимъ ровнымъ слоемъ просѣяннаго бѣлаго песку. На этомъ то слоѣ происходило сожженіе трупа, и затѣмъ по всему пространству разметывался слой

золы съ угольями, вещами и пережженными косточками—остатками прогорѣвшаго костра. При этомъ бѣлый слой песку отъ горячей золы и угольевъ принималъ алый или розоватый цвѣтъ, яркость котораго и служила обыкновенно при раскопкахъ путеводной нитью къ кострищу, ибо тамъ, гдѣ былъ сильнѣе огонь, и бѣлый песокъ принималъ болѣе яркую окраску. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда сожженіе трупа происходило внѣ кургана, слой бѣлаго песку, покрытый остатками перенесеннаго сюда кострища, не измѣнялъ своего цвѣта, что и заставляетъ насъ предполагать, что мѣсто сожженія трупа находилось въ значительномъ отдаленіи отъ кургана, такъ какъ зола и уголья успѣли уже остынуть настолько, что не измѣнили цвѣта бѣлаго песку, которымъ покрывалась площадь основанія кургана, или что между сожженіемъ и принесеніемъ праха на заготовленное мѣсто проходилъ значительный промежутокъ времени. Такимъ образомъ, въ изслѣдованномъ нами могильникѣ прежде всего должно отмѣтить существованіе фактовъ сожженія труповъ въ самомъ курганѣ и внѣ кургана. Наибольшей древностью, по нашему мнѣнію, а также наибольшей полнотой инвентаря и вообще болѣе грандіознымъ и конкретнымъ характеромъ обряда отличается тотъ родъ погребенія, когда трупъ сожигался въ насыпи самаго кургана; при общемъ сходствѣ въ обрядахъ этого рода погребенія нельзя не замѣтить, что и здѣсь встрѣчаются различія въ частностяхъ погребальнаго ритуала, которыя мы постараемся отмѣтить въ систематическомъ порядкѣ. Самымъ грандіознымъ обрядомъ погребенія изъ всего Гнѣздовскаго могильника выдѣляется весьма большой курганъ, второй по величинѣ послѣ кургана, занятаго часовней. Этотъ курганъ раскопанъ нами въ 1885 году. Научный интересъ заставляетъ насъ войти въ подробности этой раскопки.

Раскопанный нами большой курганъ стоялъ на гребнѣ возвышенной части Гнѣздовскаго могильника, невдалекѣ отъ кургана съ часовней, и имѣлъ ясно выраженную коническую форму, но съ закругленной, немного плосковатой вершиной. Высота кургана доходила болѣе чѣмъ до 9 метровъ, окружность основанія его—до 103 метровъ. Крутизна его боковъ была настолько велика, что было трудно взбираться на него, и сдѣлать это съ наименьшими усиліями можно было только съ южной стороны, нѣсколько болѣе покатой и образующей поэтому всходъ со стороны Днѣпра или городища. Раскопка его и разборка кострища продолжалась въ теченіе недѣли. Прежде чѣмъ начать систематическую раскопку кургана, необходимо было выяснить несомнѣнное существованіе погребенія въ немъ и высоту его кострища. Пробная раскопка канавой съ боку кургана во всю его высоту дала намъ возможность убѣдиться въ несомнѣнномъ погребальномъ значеніи кургана и опредѣлила высоту его кострища—немного болѣе 2-хъ метровъ надъ поверхностью земли. При дальнѣйшей систематической раскопкѣ, которая, послѣ снятія верхней части кургана, велась вглубь посредствомъ обширнаго колодца и двухъ сквозныхъ траншей, обозначались въ вертикальномъ разрѣзѣ кургана дугообразныя концентрическія наслоенія песку, золы, углей и суглинка съ большимъ количествомъ булыжниковъ, иногда весьма крупныхъ. Кострище, состоявшее изъ толстаго слоя золы, углей и жженыхъ костей, лежало на тонкомъ слоѣ бѣлаго, но мѣстами покраснѣвшаго отъ огня песку и занимало большую срединную площадь кургана. Къ южной сторонѣ кургана оказалась небольшая

выравненная площадка на одномъ уровнѣ съ кострищемъ, обставленная вокругъ небольшими валунами, возлѣ которыхъ лежали большіе куски обгорѣлыхъ бревенъ; крупныя уголья и, кромѣ того, куски бревенъ уходили въ стѣну траншеи, въ юго-западномъ направленіи. На самой площадкѣ, подъ слоемъ желтаго песку, прежде всего найдена была большая желѣзная бляха отъ щита (умвонъ), отверстіемъ обращенная внизъ. На $^1/_4$ арш. ниже, непосредственно подъ этой бляхой, стали постепенно обнаруживаться и другія вещи, весьма заботливо сгруппированныя въ одну кучу въ извѣстномъ порядкѣ, который можно было ясно замѣтить послѣ тщательной и осторожной очистки всего пространства занятаго вещами [1]). Послѣ очистки, все это мѣсто представляло слѣдующую картину: слой песку въ $^1/_4$ аршина отдѣлялъ эту группу вещей отъ того щита, отъ котораго сохранилась лишь центральная бляха, а другимъ щитомъ непосредственно прикрывалась самая груда вещей, такимъ образомъ, что края круглаго щита опирались на камни, лежащіе вблизи; слѣды дерева отъ щита, весьма ясные, сохранились какъ на самой бляхѣ (умвонѣ), такъ и на ближнихъ камняхъ и на поверхности шлема, вмѣстѣ съ желѣзными обоймицами и желѣзными заклепками, служившими для скрѣпы досокъ, изъ которыхъ былъ составленъ щитъ. Внутри желѣзныхъ скрѣпъ, сохранившіяся части дерева указывали направленіемъ слоевъ и обрѣзами закругленныхъ краевъ, что форма щита была несомнѣнно круглая и, какъ кажется, щитъ былъ окрашенъ въ красную краску. Всѣ эти сохранившіяся части дерева и отпечатки дерева на камнѣ и шлемѣ, не носившіе слѣдовъ огня, доказывали ясно, что щитъ не былъ въ огнѣ и что имъ были прикрыты вещи уже принесенныя съ костра, уложенныя въ извѣстномъ порядкѣ и успѣвшія уже охладѣть. По всему вѣроятію, на основаніи изученія взаимнаго положенія вещей и другихъ признаковъ, можно съ полной достовѣрностью предположить, что прежде всего съ костра, при помощи какихъ либо желѣзныхъ орудій, напр. вилъ, были сняты и уложены на площадкѣ слѣдующія вещи въ нижеуказанномъ послѣдовательномъ порядкѣ. Прежде всего былъ принесенъ мечъ вмѣстѣ съ копьемъ, бывшій въ сильномъ огнѣ костра и даже раскаленный. Дѣло въ томъ, что вслѣдъ затѣмъ пустой глиняный горшокъ былъ брошенъ дномъ кверху, возлѣ лезвія меча, такъ близко, что лезвіе выгнулось соотвѣтственно выпуклости той стороны горшка, которая соприкасалась съ мечемъ. Очевидно только сильно раскаленное лезвіе могло принять такую выпуклую форму, подъ давленіемъ горшка, вызваннымъ въ свою очередь тяжестью насыпи; мы думаемъ, что горшокъ былъ именно брошенъ, такъ какъ его наклонъ и выбитый кусокъ свидѣтельствовали о небрежности его постановки. Въ это же время была разбита и брошена къ вещамъ небольшая тарелка съ характернымъ изображеніемъ дракона: донышко и вообще наибольшая часть ея лежала близко къ вещамъ, а остальные куски найдены въ довольно далекомъ разстояніи въ слоѣ чистаго песку, причемъ одного куска не было совсѣмъ найдено. Затѣмъ былъ зарѣзанъ молодой барашекъ и брошенъ также вблизи этихъ вещей: скелетъ его лежалъ совершенно правильно и всѣ кости оказались на своихъ мѣстахъ. Кости спиннаго хребта покрывали отчасти вышеупомянутую расписную тарелку—слѣдовательно, барашекъ былъ поло-

---

[1]) Виньетка, помѣщенная въ началѣ этой главы, представляетъ уменьшенную копію съ рисунка, сдѣланнаго нами съ натуры и изображающаго эту груду вещей послѣ ихъ тщательной очистки.

женъ послѣ тарелки. Уже послѣ всего этого, съ костра былъ принесенъ шлемъ съ бармицей или кольчужной завѣсой, отороченной каймой изъ бронзовыхъ колечекъ, и положенъ на мечъ и копье, причемъ бармица прикрыла также кости переднихъ ногъ барана. Шлемъ, безъ сомнѣнія, находился на головѣ покойника во время сожженія трупа, потому что внутри шлема сохранилась прикипѣвшая къ желѣзу черепная косточка; притомъ-же желѣзо шлема носитъ несомнѣнные слѣды сильнаго огня. Всѣ означенныя вещи, старательно уложенныя въ одну группу между валунами, были затѣмъ, какъ мы уже упоминали, послѣ охлажденія, прикрыты круглымъ щитомъ, оставившимъ свои слѣды на шлемѣ и камняхъ, отчего получилась возможность измѣрить діаметръ щита. Въ пескѣ и золѣ вблизи вещей и подъ вещами найдено было множество маленькихъ слитковъ серебра и золота, указывающихъ своими капельновидными формами на страшную силу огня и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дающимъ поводъ предполагать о значительномъ богатствѣ украшеній костюма этого знатнаго покойника, на что указываютъ также уцѣлѣвшія нитки золотой канители и цѣльный кусочекъ золотаго позумента. Между прочимъ, среди слитковъ найдены уцѣлѣвшія двѣ маленькія серебряныя бляшки съ орнаментомъ и одна серебряная застежка со слѣдами позолоты внутри. Всѣ эти сложенныя на точкѣ вещи лежали нѣсколько ближе къ южному краю кургана въ сторонѣ отъ центральной площади, которая на томъ же уровнѣ покрыта была на большомъ пространствѣ весьма толстымъ слоемъ золы, мелкаго угля, жженыхъ костей и различными вещами. Количество жженыхъ костей на этомъ пространствѣ значительно превышало то количество, которое могло-бы получиться отъ сожженія одного скелета и встрѣчается въ обыкновенныхъ курганахъ. Вотъ почему разборка и пересыпка этого слоя заняла почти два дня. На основаніи характера нѣкоторыхъ вещей можно думать, что въ числѣ сожженныхъ въ курганѣ покойниковъ находилась и женщина; на это указываютъ, между прочимъ, найденныя въ кострищѣ бусы и часть женскаго головнаго убора [1]). Найденная въ этомъ слоѣ половинка диргемы относится къ 903 году. Кромѣ упомянутыхъ нами предметовъ, въ слоѣ кострища большаго кургана еще найдены слѣд. вещи: 1) круглая бронзовая бляха съ точечнымъ орнаментомъ по краю; 2) бронзовая пряжка съ орнаментомъ на дужкѣ; 3) бронзовая бляха съ орнаментомъ; 4) бронзовый наконечникъ отъ пояса съ рельефнымъ орнаментомъ; 5) бронзовая пряжка въ видѣ кольца съ пластинкой; 6) бронзовая бляха скандинавсаго стиля съ тремя сверлинами; 7) квадратная бляшка съ узоромъ; 8) фрагментъ бронзоваго пинцета изъ тонкихъ пластинокъ; 9) длинная бронзовая бляха съ тремя шипами; 10) 2 маленькихъ серебряныхъ бляшки въ формѣ щитковъ съ орнаментомъ (наборъ отъ уздечки или пояса); 11) квадратная ажурная бляшка изъ бронзы; 12) фрагментъ серебряной городчатой пластинки съ штифтиками (отъ женскаго головнаго убора или вѣнчика); 13) маленькій фрагментъ серебр. пластинки со штифтикомъ; 14) фрагментъ женскаго костяного гребешка съ линейнымъ узоромъ желтаго цвѣта; 15) двѣ игральныя кости въ формѣ призмъ съ кружками или очками, на одной слѣды расплавленной стеклянной бусы; 16) фрагментъ костяной рукояти съ орнаментомъ изъ

---

[1]) Н. Е. Бранденбургъ считаетъ этотъ предметъ за фрагментъ отъ оковки рога; въ своемъ мѣстѣ мы возвратимся еще къ этому вопросу.

параллельныхъ поясковъ; 17) костяной цилиндрикъ съ сверлиной; 18) фрагментъ двухъ роговыхъ трубочекъ, изъ которыхъ одна съ орнаментомъ (игольникъ); 19) раковина—Cyprea moneta; 20) три плоскихъ кости съ орнаментомъ; 21) брусокъ; 22) 3 зубчатыхъ желѣзныхъ пластинки, вѣроятно, отъ щита; 23) Пять желѣзныхъ согнутыхъ пластинокъ; 24) 19 желѣзныхъ заклепокъ въ формѣ гвоздей съ двумя шляпками по концамъ; 25) 10 желѣзныхъ загнутыхъ пробоевъ; 26) 7 желѣзныхъ гвоздей; 27) желѣзный ножикъ; 28) желѣзная обложка отъ ноженъ ножика.

По своимъ размѣрамъ, по грандіозности погребальнаго обряда и по характеру вещей, курганъ этотъ можно считать третьимъ послѣ кургановъ «Гульбище» и «Черная могила», раскопанныхъ Самоквасовымъ вблизи Чернигова, весьма сходныхъ по погребальному обряду съ гнѣздовскимъ курганомъ и относящихся также къ X вѣку [1]).

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этимъ большимъ курганомъ былъ раскопанъ нами другой курганъ, обратившій на себя вниманіе своей особенной расплывчатой формой. При раскопкѣ этого кургана на уровнѣ земли, среди слоя крупныхъ углей, найденъ цѣлый скелетъ лошади, слегка обгорѣлый, лежавшій на боку и головой на сѣверъ. Скелетъ занималъ почти все пространство основанія кургана, такъ что здѣсь нельзя было предположить какого нибудь другого погребенія. Кости скелета лежали въ слоѣ песку съ сажей, а возлѣ черепа лошади была найдена цѣлая серебряная диргема прекрасной сохранности, очевидно бывшая мало въ ходу и потому въ особенности важная для датированія кургана. Диргема относится къ 913 году. Кромѣ того, здѣсь же возлѣ диргемы найденъ обрывокъ бронзовой цѣпочки, звенья которой сдѣланы изъ весьма тонкой бронзовой проволоки. Эта цѣпочка по своей деликатности никакъ не могла служить какимъ-либо украшеніемъ лошади. Возлѣ цѣпочки найдено было еще нѣсколько двойныхъ стеклянныхъ бусинъ желто-золотистаго цвѣта, небольшое количество обычныхъ жженыхъ костей, и, у заднихъ ногъ лошади, пустой горшочекъ, обращенный кверху дномъ. Этими предметами и исчерпывается весь инвентарь кургана.

Принимая во вниманіе нѣкоторую обугленность костей лошади, отрывочность вещей, неподходящихъ вовсе къ конскому убранству, какъ тонкая цѣпочка, бусы и диргема, намъ кажется возможнымъ предположить въ данномъ случаѣ, что лошадь была убита и обгорѣла на кострѣ большаго кургана, откуда и перенесена была сюда вмѣстѣ съ угольями и съ частью случайно захваченнаго кострища большаго кургана, отчего здѣсь явились и упомянутыя вещи и жженыя кости, хотя и въ весьма небольшомъ количествѣ, приблизительно не болѣе горсти. Такимъ образомъ изслѣдованный нами курганъ съ скелетомъ лошади можно считать дополнительнымъ къ большому кургану и къ тому погребальному ритуалу, который совершался при погребеніи знатнаго покойника въ большомъ курганѣ. Вообще означенный курганъ съ скелетомъ лошади, занимавшимъ всю поверхность кострища, по нашему мнѣнію, не имѣетъ характера цѣльнаго самостоятельнаго погребенія.

---

[1]) Юго-западная часть кургана, гдѣ, по всему вѣроятію, должно находиться *углище*, не могло быть раскопано нами вслѣдствіе различныхъ причинъ.

Упомянемъ еще о другихъ случаяхъ замѣченныхъ нами слѣдовъ погребенія лошадей въ гнѣздовскихъ курганахъ.

Въ могильникѣ въ лѣсу, невдалекѣ отъ Витебскаго шоссе, раскопанъ былъ нами курганъ довольно большой сравнительно съ другими его окружавшими, такъ какъ высота его доходила до 4-хъ арш. Въ курганѣ на глубинѣ $2^1/_2$ арш. оказались обугленныя доски, образующія помостъ, приблизительно болѣе 2 аршинъ въ квадратѣ, лежащій на обугленныхъ также бревнахъ. На этомъ досчатомъ помостѣ лежалъ скелетъ лошади; судя по расположенію костей, передняя нога была сильно изогнута, челюсть лошади находилась возлѣ оконечности передней ноги и въ обратномъ положеніи по отношеніи къ позвонкамъ шеи. Такое положеніе могло произойти оттого, что шея лошади была сильно перерѣзана мечомъ или топоромъ, но во всякомъ случаѣ по положенію костей должно предполагать, что лошадь была спущена на помостъ уже убитой. Лошадь была, повидимому, положена среди крупныхъ углей и засыпана ими въ то время, когда уголья были еще горячими. Послѣ снятія костей лошади и самого деревяннаго помоста, лежавшаго на обгорѣлыхъ бревнахъ, подъ этимъ мѣстомъ оказалось кострище, которое далѣе распространялось, на томъ-же уровнѣ, ниже помоста, по всей поверхности разрытаго кургана. Въ этомъ кострищѣ, состоявшемъ изъ золы, крупныхъ углей и жженыхъ костей, стали повсюду находиться различныя вещи. По большому количеству сажи, золы и угля весьма крупныхъ размѣровъ, а также и по большому количеству вещей, необходимо предположить, что сожженіе покойника происходило въ самомъ курганѣ, причемъ для насъ остается несомнѣннымъ фактомъ то, что только послѣ сожженія человѣка и разброски по поверхности кургана остатковъ сожженія, т. е. кострища, надъ поверхностью этого слоя были положены бревна, на которыхъ устроенъ помостъ изъ ряда досокъ, и на этотъ помостъ уже уложена убитая лошадь.

Приблизительно въ той же мѣстности могильника, въ другомъ курганѣ небольшаго размѣра, среди густаго слоя сажи, угля и жженыхъ костей, найдены кости лошади, но безъ всякихъ слѣдовъ помоста или бревенъ, хотя сожженіе покойника происходило несомнѣнно въ самомъ курганѣ.

Въ томъ же лѣсномъ могильникѣ, за рѣкою Свинкой, былъ раскопанъ нами еще курганъ въ $2^1/_4$ метра высоты, замѣчательный по количеству и разнообразію найденныхъ вещей. Въ этомъ курганѣ, кромѣ находки птичьихъ костей, найдены были и кости лошади.

Кромѣ того, слѣдуетъ еще упомянуть о костяхъ лошади, найденныхъ не въ видѣ цѣлаго скелета, а отдѣльно въ небольшомъ количествѣ въ курганѣ близь деревни Гнѣздово (у самой дороги въ деревню). Курганъ этотъ оказался замѣчательнымъ, между прочимъ, по большому количеству бронзовыхъ, посеребреныхъ, украшенныхъ чернью бляшекъ, несомнѣнно принадлежащихъ къ украшенію конскаго убора. Изъ дневника г. Кусцинскаго мы узнаемъ, что имъ въ курганѣ былъ найденъ черепъ лошади безъ всякихъ слѣдовъ огня.

Говоря о находкахъ въ гнѣздовскихъ курганахъ костей лошади, нельзя также не упомянуть и о случаяхъ находки костей собаки, найденныхъ впрочемъ всего только два раза. Такъ, въ могильникѣ собственно гнѣздовскомъ, также вблизи изслѣдованнаго нами большаго

кургана, г. Соколовымъ былъ раскопанъ курганъ высотою въ 2 ¼ метра, въ которомъ прежде всего подъ дерномъ найденъ былъ горшокъ, наполненный жжеными костями, а глубже на 2 метра открылся слой кострища, среди котораго стоялъ также горшокъ, и также съ жжеными костями. Въ самомъ кострищѣ вокругъ горшка было найдено много вещей; возлѣ слоя кострища, въ слоѣ песку оказался скелетъ собаки. Въ этой же мѣстности могильника, въ другомъ курганѣ въ 1½ метра высоты, найденъ на глубинѣ одного метра горшокъ съ жжеными костями, а возлѣ зубы и челюсти собаки. Нужно замѣтить, однако, вообще, что найденные въ гнѣздовскихъ курганахъ кости животныхъ: лошадей, барана въ большомъ курганѣ, собаки, оказывались не сожженными, подобно костямъ человѣка, а только лишь обугленными или закоптѣлыми, что доказываетъ, что животныя эти бросались уже убитыми, послѣ акта сожженія трупа человѣка, и степень закоптѣлости и обугленности этихъ костей зависѣла отъ большаго или меньшаго разстоянія ихъ отъ костра или отъ горячихъ угольевъ кострища [1].

Что же касается птичьихъ костей, то присутствіе ихъ среди жженыхъ костей человѣка встрѣчалось весьма часто, хотя породы птицъ, которымъ принадлежали кости, опредѣлить не удавалась, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда находились вмѣстѣ съ птичьими костями характерныя, такъ называемыя, пѣтушьи шпоры, а находились онѣ также весьма часто и въ особенности часто встрѣчались въ горшкахъ съ жжеными костями человѣка. Вообще, частое присутствіе въ курганахъ куриныхъ костей, намъ кажется, можно считать несомнѣннымъ.

На основаніи произведенныхъ нами изслѣдованій въ гнѣздовскихъ курганахъ, мы можемъ высказать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно устройства самыхъ костровъ и обрядовыхъ характерныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ погребенія при сожженіи въ самомъ курганѣ. Углище или остатки костра большихъ размѣровъ обыкновенно встрѣчались въ большихъ курганахъ и находились не въ срединѣ кургана, а чаще въ сторонѣ отъ середины, ближе къ какому либо краю кургана, тогда какъ горшокъ съ костями въ наиболѣе частыхъ случаяхъ находился по срединѣ.

Костеръ, какъ видно изъ многихъ случаевъ раскопокъ, складывался иногда изъ очень толстыхъ бревенъ, сложенныхъ грудою въ одномъ направленіи. Въ одномъ только случаѣ (по дневнику г. Соколова) замѣчено положеніе бревенъ на-крестъ. Въ нѣсколькихъ случаяхъ на поверхности кострища замѣчались отдѣльныя бревна, лежащія рядами; или же бревна лежали перпендикулярно другъ къ другу, какъ бы разграничивая этимъ положеніемъ особое

[1]) Эти кости собаки были изслѣдованы Д. Н. Анучинымъ, помѣстившимъ о нихъ статью въ Древностяхъ (томъ IX стр. 66) подъ заглавіемъ «О костяхъ собаки изъ кургановъ Смоленской губерніи и уѣзда, близъ г. Смоленска». Изъ этой статьи ученый авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Смоленская курганная собака стоитъ значительно ближе по своимъ размѣрамъ къ малорослой породѣ каменнаго вѣка Ладожскаго побережья, чѣмъ къ крупной породѣ тѣхъ же отложеній. Это по всей вѣроятности потомокъ «древней» торфяной породы, но уже значительно измѣнившійся подъ вліяніемъ одомашненія. Вообще мы можемъ представить себѣ смоленскую курганную собаку, какъ дворняшку, сходную нѣсколько съ древней торфяной собакой, но болѣе коренастую и толстомордую. По всей вѣроятности, она была вѣрнымъ сторожемъ тогдашняго земледѣльца, которому служила до старости и котораго ей приходилось иногда сопровождать и въ могилу для мнимаго служенія хозяину на томъ свѣтѣ». На Одесскомъ Археологическомъ съѣздѣ Д. Н. Анучинъ въ своемъ рефератѣ также обращалъ вниманіе на кости собаки изъ гнѣздовскаго кургана.

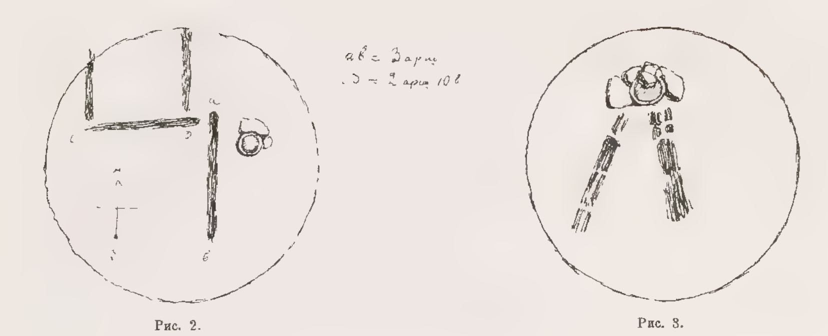

Рис. 2. Рис. 3.

отдѣленіе поверхности кургана, занятаго кострищемъ; но въ такомъ случаѣ они не принадлежали къ самому костру, т. е. не служили матеріаломъ для горѣнія, а были только сильно обуглены. Особаго спеціальнаго назначенія этихъ отдѣленій намъ не удалось замѣтить и выяснить, такъ какъ инвентарь вещей не группировался особеннымъ образомъ, а имѣлъ, какъ намъ казалось, въ своемъ распредѣленіи обычный случайный характеръ.

Размѣры самаго костра весьма естественно уменьшались соотвѣтственно уменьшенію самихъ кургановъ. Встрѣчались настолько малые курганы, что съ перваго взгляда устройство въ нихъ кострища казалось весьма проблематичнымъ; тѣмъ не менѣе и въ такихъ курганахъ обнаружены несомнѣнные слѣды сожженія въ курганѣ,—только нахожденіе такихъ слѣдовъ кострища въ этихъ курганахъ сопряжено было съ наибольшимъ трудомъ, потому что оно обыкновенно находилось въ самомъ краю кургана и даже ниже уровня почвы, и такое положеніе его служило несомнѣннымъ доказательствомъ, что насыпанный изъ зыбкаго песку курганъ отъ времени и другихъ случайностей потерпѣлъ большія измѣненія въ своей формѣ. Факты же сожженія внутри такихъ кургановъ подтверждались не только большимъ количествомъ угля и сажи, но и сильно покраснѣвшимъ слоемъ песку, находившимся непосредственно подъ горячимъ слоемъ кострища. Вообще степень красноты этого песочнаго слоя всегда весьма характерно указывала на силу огня, и этотъ признакъ въ большинствѣ случаевъ можно считать наиболѣе несомнѣннымъ доказательствомъ сожженія, происходившаго внутри кургана.

Сожженныя кости вмѣстѣ съ вещами, по всѣмъ признакамъ, сгребались съ костра и часть костей помѣщалась въ сосудъ или горшокъ, а остальныя кости и вещи вмѣстѣ съ золой и мелкими угольями толстымъ горячимъ пластомъ располагались по поверхности плоскаго основанія кургана. Въ небольшихъ курганахъ обыкновенно такой пластъ кострища, очищенный и окопанный сверху и у краевъ отъ песку, представлялъ круглую, въ срединѣ утолщенную форму. Такъ какъ вещи вмѣстѣ съ костями находились по всей поверхности этого кострища и рѣдко попадались на мѣстѣ самого костра или углища, то очевидно, что вещи снимались или сгребались съ костра, чему примѣромъ, между прочимъ, служитъ устройство кострища въ большомъ кур-

ганѣ. Кости же, уложенныя въ горшкѣ, оказывались такъ плотно набитыми, что ихъ съ трудомъ можно было отдѣлять. Въ этой массѣ мелкихъ пережженныхъ костей, наполнявшихъ горшокъ, чаще всего можно было замѣтить части черепныхъ костей, а также оконечности ножныхъ. Въ такихъ случаяхъ, когда на кострищѣ находился не одинъ горшокъ съ костями, а два, то удавалось замѣтить въ одномъ горшкѣ кости черепа, а въ другомъ—кости оконечностей ногъ. Такое раздѣленіе костей, въ данномъ случаѣ, служило указаніемъ какъ бы на то, что оба горшка наполнены были костями одного субъекта.

Вообще одинъ горшокъ большаго размѣра обыкновенно представлялъ необходимую, наиболѣе часто встрѣчаемую принадлежность въ устройствѣ всякаго погребальнаго сооруженія, даже и для тѣхъ случаевъ, когда сожженіе трупа происходило внѣ кургана.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ горшокъ игралъ роль урны или цисты, куда собирались нѣкоторыя части жженыхъ костей покойника. Весьма естественно поэтому, что горшокъ, наполненный костями, составлялъ необходимую принадлежность погребальнаго ритуала. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ горшокъ замѣнялся простой ямкой. Такъ по дневнику Соколова въ курганѣ № 15 на кострищѣ горшка не оказалось, кости сложены подъ гнейсовую плитку и обложены кусками гнейса [1]).

Изъ дневника г. Кусцинскаго (1874 г.) мы узнаемъ, что въ трехъ курганахъ Гнѣздовскаго могильника онъ встрѣтилъ жженыя кости безъ горшковъ, а въ одномъ курганѣ—4-мъ, на грудѣ жженыхъ костей лежала извѣстная бронз. лампочка въ формѣ женской головы и кромѣ того три бронз. ажурныхъ бляхи, украшенныя привѣсками въ видѣ цѣпочекъ съ птичьими лапами на концахъ. Ажурныя бляхи относятся къ вещамъ, т. н. мерянскаго стиля. Относительно этого послѣдняго кургана необходимо замѣтить, что онъ рѣзко выдѣляется изъ другихъ обычныхъ кургановъ могильника не только отсутствіемъ горшка при кострищѣ, но и характеромъ упомянутыхъ вещей, почему этотъ курганъ, по нашему мнѣнію, и представляетъ весьма интересное исключеніе. Въ свое время намъ придется еще возвратиться къ нему.

Указанные нами случаи отсутствія горшковъ съ жжеными костями при кострищахъ по своей рѣдкости не нарушаютъ, какъ мы думаемъ, картины погребальнаго обряда въ гнѣздовскомъ могильникѣ.

Мы упоминали о томъ случаѣ, когда жженыя кости находились въ двухъ горшкахъ и относились къ одному субъекту. Встрѣчались однако курганы, въ кострищахъ которыхъ находились по два и по три горшка, причемъ жженыя кости въ этихъ горшкахъ съ большимъ вѣроятіемъ можно отнести къ различнымъ субъектамъ, т. е. къ сложному погребенію. Такое предположеніе основывается не только на сравнительно большемъ количествѣ жженыхъ костей, но и на слѣдующихъ фактахъ.

Въ дневникѣ г. Соколова описана раскопка одного кургана, въ которомъ найдена на не-

[1]) Ур. Царевича, с. Городище. Въ кострищѣ кургана жженыя кости сложены въ ямку, прикрытую досками, на которой навалены камни. Въ могильникѣ у Кричева (Могилевской губ.) въ одномъ курганѣ кости сложены въ деревянномъ ящикѣ и вставлены сбоку кургана (изъ дневника нашихъ раскопокъ).

большой глубинѣ два горшка въ разстояніи одного метра одинъ отъ другого; оба горшка были наполнены жжеными костями, и въ каждомъ горшкѣ кромѣ того найдено было по желѣзному ножику. По нашему мнѣнію весьма вѣроятно, что эти два ножа указываютъ на два погребенія. Въ томъ же гнѣздовскомъ могильникѣ г. Кусцинскій въ одномъ курганѣ нашелъ три горшка, наполненныхъ жжеными костями, изъ которыхъ одинъ горшокъ находился среди особенной обрядовой обстановки: съ одной стороны этого горшка былъ вонзенъ въ землю мечъ, рукоять котораго была отдѣлана серебромъ, а съ другой стороны того же горшка было воткнуто въ землю копье. Въ другомъ горшкѣ, кромѣ жженыхъ костей найдены были желѣзн. скобка, желѣзн. щипчики, желѣзн. шпилька или шило съ бронз. ручкой, маленькій ножикъ и кусочекъ кости съ рѣзьбой отъ женскаго гребня; на третьемъ горшкѣ лежала желѣзн. шейная гривна. Между горшками находились еще желѣзныя ножницы, обыкновенно употреблаемыя для стрижки овецъ. Такимъ образомъ, инвентарь этого кургана, по нашему мнѣнію, ясно указываетъ на мужское и женское погребеніе, и намъ кажется несомнѣннымъ, что въ этихъ горшкахъ находились кости если не трехъ, то, по крайней мѣрѣ, двухъ субъектовъ—мужчины и женщины.

Не привлекая сюда аналогическихъ фактовъ изъ другихъ могильниковъ Смоленской губерніи, мы ограничимся пока указанными нами примѣрами, взятыми исключительно изъ гнѣздовскаго могильника и достаточными для доказательства нашего предположенія. Указанными, однако, примѣрами вопросъ о нахожденіи нѣсколькихъ горшковъ въ одномъ курганѣ не исчерпывается. Намъ слѣдуетъ еще упомянуть и о тѣхъ случаяхъ, встрѣченныхъ нами въ гнѣздовскихъ курганахъ, когда изъ двухъ горшковъ съ жжеными костями одинъ находился на кострищѣ, а другой вверху, на самой вершинѣ кургана, часто подъ самымъ дерномъ; при этомъ, однако, необходимо замѣтить, что этотъ верхній горшокъ, по большей части, бывалъ гораздо менѣе того, который встрѣчался на кострищѣ; уже въ силу этого отношенія ихъ размѣровъ возможно предположить, что верхній горшечекъ съ жжеными костями представляетъ уже дополнительный погребальный сосудъ, наполненный костями, подобранными послѣ собранія главныхъ костей въ большой сосудъ, при окончательной очисткѣ костра.

Вообще можно замѣтить, что находка горшка съ жжеными костями на вершинѣ кургана подъ дерномъ не исключала возможности находки другого горшка съ костями на самомъ кострищѣ, которое обыкновенно находилось гораздо ниже вершины кургана, примѣрно на двухъ третяхъ глубины. Что же касается самого мѣстоположенія горшка на кострищѣ, то чаще всего приходилось встрѣчать горшокъ съ жжеными костями въ самомъ центрѣ кургана; но бывали случаи, когда горшки встрѣчались ближе къ краямъ кургана и въ особенности къ той сторонѣ, гдѣ находились остатки углища. Часто въ постановкѣ горшковъ съ жжеными костями замѣчалась нѣкоторая заботливость, выраженная тѣмъ, что горшокъ становился возлѣ большаго камня, подпирался камнями и даже обкладывался вокругъ. Для послѣдняго, болѣе рѣдкаго примѣра мы укажемъ на слѣдующій курганъ, раскопанный въ самомъ Гнѣздовѣ (дневникъ 1896 г.) [1]. Курганъ довольно большихъ размѣровъ отличался плоско-

[1]) Указанія на дневники дѣлаются здѣсь въ виду того, что копіи съ этихъ дневниковъ будутъ переданы для храненія въ Имп. Археолог. Коммиссію.

ватымъ верхомъ и насыпанъ былъ изъ песку съ мелкимъ щебнемъ. Кострище было неглубоко, горшокъ помѣщался въ серединѣ кострища и былъ накрытъ нѣсколькими плосковатыми известковыми камнями, а вокругъ горшка и надъ нимъ груда небольшихъ камней составляла какъ бы сводъ, устроенный для защиты сосуда отъ поврежденій при засыпкѣ кострища [1]). Такое устройство защиты сосуда можно считать пережиткомъ, сохранившимся отъ болѣе древняго времени. Въ гнѣздовскомъ могильникѣ чаще встрѣчались случаи, когда горшки обкладывались вокругъ болѣе крупными камнями, поставленными не такъ старательно, какъ въ вышеупомянутомъ случаѣ. Относительно же покрытія горшка плосковатыми, иногда подтесанными камнями можно замѣтить, что хотя такіе случаи встрѣчались не постоянно, но вообще ихъ можно отнести къ нормальнымъ фактамъ погребальнаго обряда. Тенденція, направленная къ прикрытію сосуда, особенно ясно выразилась въ курганѣ, раскопанномъ нами въ томъ же 1896 г. Курганъ находился въ самомъ гнѣздовскомъ могильникѣ на высокомъ мѣстѣ и имѣлъ куполообразную форму; кострище находилось на серединѣ, но къ южному концу представляло особенно толстый слой сажи съ жжеными костями. Горшокъ съ жжеными костями лежалъ бокомъ, вслѣдствіе насыпки земли, а возлѣ горшка лежала свалившаяся съ него крышка, отлитая изъ бѣлой известковой массы, соразмѣрно отверстію горшка, и выпуклая въ серединѣ, такъ что напоминала собою форму чечевицы. Другой пріемъ для прикрытія горшка, встрѣченный всего нѣсколько разъ, состоялъ въ томъ, что горшокъ, наполненный костями, прикрывался сверху другимъ горшкомъ съ отбитыми краями и обращеннымъ дномъ къ верху, или одинъ горшокъ малаго размѣра вставлялся отверстіемъ къ низу въ другой большаго размѣра, пустой. Въ иныхъ случаяхъ горшки, служившіе покрышкой, иногда имѣли старательно и правильно отбитые края. Такъ, въ одномъ курганѣ такой пустой горшокъ съ отбитыми краями лежалъ возлѣ другого горшка, наполненнаго костями, и вѣроятно былъ снесенъ землей во время засыпки кургана. Вообще такого рода прикрытія горшковъ представляютъ, быть можетъ, пережитки временъ болѣе отдаленныхъ.

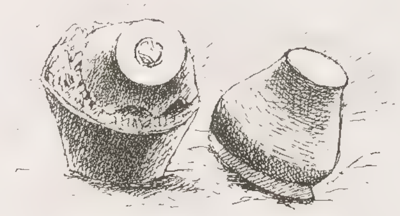

Рис. 4.

Кромѣ горшковъ, наполненныхъ жжеными костями, и горшковъ, служившихъ имъ иногда покрышкой, весьма нерѣдко встрѣчались въ курганахъ горшки совершенно пустые, иногда съ проросшими растительными волокнами или просто засыпанные пескомъ; обыкновенно эти пустые горшки находились или непосредственно подъ дерномъ на вершинѣ кургана, или—что встрѣчалось чаще—вблизи горшковъ со жжеными костями. И въ томъ и въ другомъ случаѣ интересно замѣтить, что пустые горшки были по большей части гораздо меньшаго размѣра сравнительно съ горшками, заключавшими въ себѣ жженыя кости. Самая форма ихъ иногда

[1]) Подобный случай повторился еще только одинъ разъ въ гнѣздовскомъ могильникѣ.

удалялась отъ погребальныхъ горшковъ или урнъ, которыя въ особенности въ собственно гнѣздовскомъ могильникѣ отличались постоянно шаблонной формой и большею частію значительными размѣрами. Такъ, въ самомъ гнѣздовскомъ курганѣ (№ 15 Д. А.) въ серединѣ кострища найденъ былъ пустой маленькій горшочекъ весьма красивой формы и украшенный каймой изъ поперечныхъ рядовъ точекъ; на днѣ находилось клеймо. Другой горшокъ, съ костями, раздавленный землей, напротивъ того, былъ весьма грубой формы и не менѣе грубой техники. Въ этомъ курганѣ къ С.-З. сторонѣ шли два параллельныхъ ряда довольно большихъ камней. Вещей, относящихся къ украшенію, а также, кажется, и къ вооруженію найдено много.

Особенное вниманіе заслуживаетъ также другой курганъ, принадлежащій къ той же группѣ; въ немъ на $^1/_2$ арш. выше кострища найденъ горшокъ съ костями, а ниже, въ серединѣ кострища, былъ утвержденъ стоймя большой валунъ, у самого же сѣвернаго края кострища найденъ былъ горшокъ съ широкимъ отверстіемъ, болѣе приземистый сравнительно съ другими горшками Гнѣздова и украшенный пояскомъ изъ вдавленныхъ рѣшетчатыхъ ромбиковъ. Такой орнаментъ встрѣтился впервые нетолько въ Гнѣздовѣ, но и вообще въ нашихъ раскопкахъ, но зато этотъ орнаментъ часто встрѣчается въ могильникахъ поморскихъ славянъ, въ Пруссіи. Что касается назначенія этихъ пустыхъ горшковъ въ погребальномъ обрядѣ, то намъ кажется возможнымъ только предположить, что эти пустые горшки ставились съ пищей, предназначенной покойнику; они, такъ сказать, дополняли его снаряженіе въ дальній путь, въ другой міръ, гдѣ покойникъ, по языческимъ вѣрованіямъ того времени, нуждался во всемъ томъ, въ чемъ нуждался онъ и при жизни. Если съ покойникомъ на костеръ клали шкатулку, отъ которой сохранилась желѣзная оковка, встрѣченная нами въ одномъ курганѣ, то и горшокъ могъ попасть туда же на костеръ въ качествѣ необходимой домашней утвари, даже если онъ и не былъ наполненъ пищей. Мы не можемъ относить этихъ горшковъ, когда они найдены въ курганѣ на кострищѣ (рядомъ съ погребальной урной), къ такъ называемой *стравѣ* или *поминкамъ*.

Для стравы скорѣе могли служить тѣ пустые горшки, которые находились подъ дерномъ, на вершинахъ кургановъ, гдѣ собственно и должны были происходить поминки или непосредственно послѣ засыпки кургана или въ извѣстный урочный для этого день. Въ особенности на эту страву указываютъ находки при пустыхъ горшкахъ желѣзн. ножей, иногда поломанныхъ. Впрочемъ, болѣе ясные признаки стравы мы встрѣтили въ другихъ курганахъ Смоленской губерніи, о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Въ гнѣздовскомъ могильникѣ кромѣ того встрѣчаются и черепки отъ горшковъ, разбросанные иногда въ насыпи кургана на значительномъ другъ отъ друга разстояніи. Такого рода факты указываютъ также на обычай *битья посуды* при погребеніи, который встрѣчается и въ болѣе позднихъ языческихъ могильникахъ съ обыкновеннымъ погребеніемъ. Характерный примѣръ такого обычая мы встрѣчали уже при раскопкѣ нами большаго кургана, въ которомъ, какъ мы уже упомянули, при сложенномъ оружіи покойника найдена была при костяхъ барана часть тарелки съ донышкомъ, тогда какъ другія части ея нашлись въ сторонѣ въ зна-

чительномъ разстояніи. Приведемъ еще одинъ случай: въ раскопанномъ нами курганѣ въ лѣсномъ могильникѣ за рѣкою Свинкой (дневникъ А. № 3), имѣвшемъ 1 саж. высоты со всходомъ на юго-западъ, подъ дерномъ найденъ былъ горшокъ съ жжеными костями, стоявшій въ слоѣ сажи; костей было немного. Ближе къ подошвѣ обозначилось кострище, гдѣ прежде всего найдено было горлышко отъ сосуда сѣрой глины, имѣвшаго, вѣроятно, форму кубоватаго кувшинчика; другіе черепки отъ того же сосуда были найдены въ разныхъ мѣстахъ кострища. Черепки собраны были не въ полномъ комплектѣ, такъ что сосуда нельзя было возстановить вполнѣ, и по нѣкоторымъ признакамъ можно было даже думать, что разбитыхъ сосудовъ было два. Любопытно, что на одномъ черепкѣ, подходящемъ совершенно къ горлышку, было вырѣзано контуромъ весьма правильно и ловко изображеніе сѣкиры съ рукояткой восточнаго или мерянскаго типа. Вообще, сосудъ этотъ по формѣ, хотя и не вполнѣ выясненной, по техникѣ и качеству глины, наконецъ по упомянутому изображенію на немъ, необходимо отнести къ предметамъ привознымъ, также какъ и тарелку большаго кургана.

Такимъ образомъ, на основаніи упомянутыхъ нами фактовъ можно замѣтить вообще, что сосуды пустые или разбитые отличаются размѣрами и формой отъ обыкновенныхъ погребальныхъ урнъ, находимыхъ въ тѣхъ же курганахъ: сосуды перваго назначенія обыкновенно встрѣчаются меньшаго размѣра, болѣе разнообразной формы и они старательно украшены узорами; ихъ особенно можно назвать, употребляя народный терминъ, «ряжеными»; нѣкоторые изъ этой категоріи сосудовъ относятся несомнѣнно къ издѣліямъ привознымъ.

Въ курганахъ Гнѣздовскаго могильника играли нѣкоторую роль и камни, преимущественно валуны. Мы уже упоминали о томъ, что нерѣдко самое основаніе кургана, а иногда и вся насыпь укрѣплялась камнями, которые придавали этой песчаной насыпи особенную устойчивость. Такое конструктивное назначеніе камней во многихъ случаяхъ можно было считать несомнѣннымъ, такъ какъ камни въ основаніи насыпи кургана, повидимому, клались безъ всякаго порядка, лежали вмѣстѣ съ пескомъ на одной плоскости и были весьма различныхъ размѣровъ и въ различномъ количествѣ. Въ другихъ же случаяхъ легко можно было

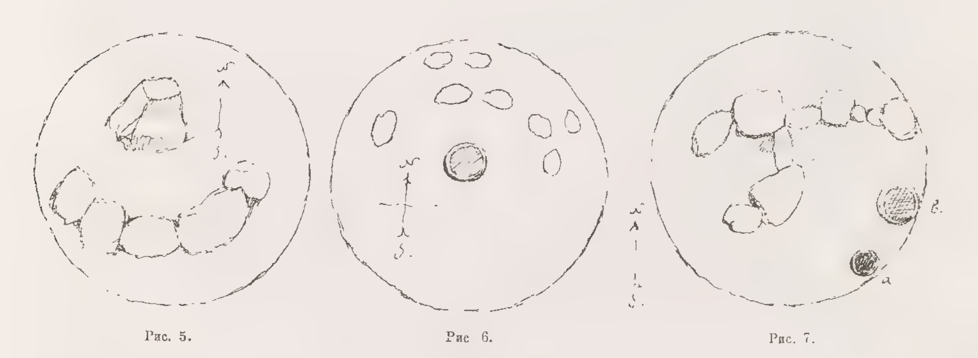

Рис. 5. Рис. 6. Рис. 7.

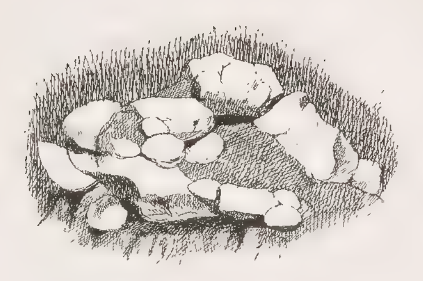

Рис. 8.

замѣтить нѣкоторую систему въ расположеніи большихъ камней, когда они находились на кострищахъ. Такъ, напримѣръ, какъ мы уже видѣли, въ большомъ курганѣ они были расположены вокругъ груды вещей, уложенныхъ на точкѣ, и служили имъ какъ-бы оградой. Нѣсколько сходный случай мы встрѣтили въ курганѣ вблизи шоссейной станціи: въ этомъ курганѣ найдено было большое кострище, въ центрѣ котораго стоялъ горшокъ со жжеными костями, подпертый съ трехъ сторонъ камнями. Кромѣ того, этотъ горшокъ находился въ центрѣ круга изъ ряда камней. Въ лѣсномъ могильникѣ (за рѣкою Свинкой) былъ раскопанъ нами довольно большой курганъ (высота $3^1/_2$ арш.). Очищенное кострище этого кургана представляло круглую площадь, діаметръ которой равнялся 2 саженямъ. Въ центрѣ этой площади находился горшокъ со жжеными костями, а на сѣверъ отъ него шли камни, положенные въ два ряда. Вещи и самый слой кострища находились подъ этими камнями, такъ что, очевидно, камни были положены послѣ раскладки кострища. Кромѣ того, собственно въ Гнѣздовскомъ могильникѣ въ одномъ курганѣ нами встрѣчены были камни, уложенные въ два параллельныхъ ряда на сѣверной окраинѣ кострища. Въ другомъ курганѣ той же части могильника на поверхности кострища мы встрѣтили камни, уложенные крестообразно, причемъ самый большой камень занималъ средину. Курганъ этотъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что здѣсь найдена была древняя византійская бронзовая монета въ видѣ привѣски. Слѣдуетъ также упомянуть, что въ нѣсколькихъ курганахъ даже пустыхъ мы встрѣчали на площади основанія или кострища груды большихъ валуновъ, старательно приложенныхъ другъ къ другу и представлявшихъ въ общемъ пирамидальную форму или форму полушарообразную. Такого рода сооруженія обыкновенно занимали самую средину кургана. Всѣ эти камни клались уже послѣ образованія кострища; только болѣе мелкіе валуны попадались иногда въ самой толщинѣ слоя кострища, и въ этихъ случаяхъ они уже носили на себѣ несомнѣнные слѣды сильнаго огня. Несмотря на то, что присутствіе камней въ курганахъ Гнѣздовскаго могильника нельзя назвать явленіемъ весьма рѣдкимъ, тѣмъ не менѣе врядъ ли можно приписывать этимъ камнямъ какое нибудь опредѣленное обрядовое значеніе. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что, при устройствѣ курганныхъ насыпей, камни эти представляли случайныя, своего рода конструктивныя удобства для упроченія курганныхъ насыпей изъ песку. На это указываютъ въ особенности тѣ упомянутые нами случаи, когда ряды камней находимы были на сѣверныхъ окраинахъ кургана, обыкновенно болѣе крутыхъ, находящихся въ противоположномъ направленіи отъ всхода. Только въ отдѣльныхъ случаяхъ, быть можетъ, можно предположить особое символическое значеніе камней, обозначавшихъ вообще пограничную черту. Болѣе опредѣленное употребленіе камней при погребальныхъ сооруженіяхъ на-

блюдалось нами въ другихъ мѣстностяхъ Смоленской губерніи, о чемъ мы скажемъ въ свое время.

Говоря о характерныхъ чертахъ погребальнаго ритуала, встрѣченныхъ нами въ Гнѣздовскихъ курганахъ, намъ нельзя обойти молчаніемъ и тѣхъ рѣдкихъ случаевъ обрядности погребеній, которые, несмотря на ихъ рѣдкость, представляются всетаки любопытными фактами, могущими служить намъ, хотя бы и въ послѣдствіи, для уясненія нѣкоторыхъ сторонъ культурной жизни нашихъ предковъ—язычниковъ.

Мы уже упоминали, что во многихъ курганахъ и при томъ преимущественно въ лѣсномъ могильникѣ, за рѣкою Свинкой, мы встрѣчали довольно часто на вершинахъ кургановъ подъ дерномъ не только горшки, наполненные жжеными костями, но также и пустые горшки. Въ самомъ могильникѣ Гнѣздова въ двухъ курганахъ подъ дерномъ, вмѣсто обычныхъ горшковъ, мы нашли желѣзныя бляхи или чашки отъ щитовъ: это такъ называемые характерные «умвоны». Въ первый разъ находка была сдѣлана въ довольно большомъ курганѣ, гдѣ сожженіе покойника было совершено гдѣ-то въ сторонѣ, а не въ самомъ курганѣ. Этотъ курганъ, высотою въ $2^1/_2$ метра, сохранилъ свою первоначальную полуяйцеобразную форму. Кострище его, состоявшее изъ слоя золы, большаго количества кусковъ угля и массы жженыхъ костей, занимало довольно большое пространство, растянутое широкой полосой съ востока на западъ, и покоилось на тонкомъ и чистомъ слоѣ песку, подъ которымъ шелъ уже обычный желтый песокъ, составлявшій основаніе кургана и самую его насыпь. Посреди кострища нашелся горшокъ небольшаго размѣра, обычнаго Гнѣздовскаго типа, наполненный жжеными костями. Изъ вещей въ кострищѣ нашлась только грубой работы желѣзная обоймица съ гвоздями, лежавшая вблизи горшка, и плохой сохранности желѣзная вещь, напоминающая навершіе рукоятки меча. Кострище находилось на глубинѣ 2-хъ метровъ отъ вершины; выше, надъ кострищемъ, всего $^1/_2$ метра отъ вершины кургана, въ слоѣ совершенно чистаго желтаго песку стоялъ большой сосудъ, наполненный жжеными костями, а на самой вершинѣ кургана непосредственно подъ дерномъ найдена была упомянутая щитовая бляха, обращенная своимъ отверстіемъ вверхъ и занявшая, такимъ образомъ, обычное мѣсто горшка съ костями или безъ костей. Чаша была проткнута насквозь какимъ то четырехграннымъ орудіемъ, напр. большимъ гвоздемъ, и вѣроятно не въ бою, такъ какъ пробоина была слишкомъ велика и имѣла разорванные, вогнутые внутрь края; отъ усиленнаго пробиванія этой бляхи она сильно вдавилась внутрь. Не представляя возможности произвести такую пробоину какимъ либо орудіемъ въ бою, пока щитъ держится въ рукѣ, мы убѣждены, что пробоина произведена спеціально для какихъ то практическихъ цѣлей и притомъ въ то время, когда бляха уже не украшала щита: вокругъ пояса этой бляхи, служившаго обыкновенно для укрѣпленія ея къ дереву щита, сохранились только отверстія для гвоздей, и только въ одномъ изъ отверстій сохранился одинъ гвоздь, изуродованный неправильнымъ изгибомъ; не сохранилось на ней ни малѣйшихъ слѣдовъ дерева; наконецъ, самое положеніе ея вверхъ отверстіемъ необходимо уже указываетъ на то, что она была оторвана отъ досокъ щита. Напомнимъ при этомъ, что въ большомъ курганѣ такого рода бляхи имѣли совершенно обратное положеніе, сохранили слѣды дерева и желѣз-

ныя скрѣпы отъ краевъ щита, такъ что возможно было даже опредѣлить діаметръ послѣдняго. Очевидно, наша бляха съ пробоиной давно уже утратила свое боевое значеніе и замѣнила сосудъ для какихъ то погребальныхъ цѣлей. Мы не можемъ точно объяснить, зачѣмъ въ данномъ случаѣ понадобилась пробоина, но мы можемъ высказать только догадку, что бляха эта, вздернутая на шестъ посредствомъ пробоины, могла играть роль факела или свѣтильника: вѣдь была же найдена въ томъ же Гнѣздовѣ извѣстная бронзовая лампочка, и притомъ не въ далекомъ разстояніи отъ того кургана, гдѣ найдена нами щитовая бляха. Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ весьма интереснымъ этотъ фактъ и въ томъ отношеніи, что здѣсь мы встрѣчаемъ предметъ, переживщій уже свое прямое боевое назначеніе и приспособленный къ новымъ, болѣе мирнымъ цѣлямъ; а потому для даннаго случая мы считаемъ себя въ правѣ предположить, что означенный курганъ насыпанъ въ болѣе позднее время сравнительно съ раскопаннымъ нами большимъ курганомъ, гдѣ дѣйствительно найдены бляхи на щитахъ, соотвѣтственно ихъ первоначальному, прямому назначенію. При этомъ еще нужно отмѣтить тотъ несомнѣнный фактъ, что сожженіе покойника происходило здѣсь внѣ кургана, и инвентарь находокъ состоялъ здѣсь всего изъ двухъ предметовъ, не считая желѣзной бляхи изъ желѣзной обоймицы съ гвоздями и грубой желѣзной вещи весьма неопредѣленнаго стиля, *нѣсколько* напоминающей верхушку меча или кинжала.

Мы считаемъ важнымъ для даннаго случая еще и то обстоятельство, что фактъ находки на вершинѣ кургана желѣзной щитовой бляхи повторился еще разъ въ нашихъ раскопкахъ Гнѣздовскаго могильника. Такъ, приблизительно въ той же мѣстности Гнѣздовскаго могильника, не вдалекѣ отъ самой деревни Гнѣздово, былъ раскопанъ нами довольно значительный, крутой формы курганъ. На вершинѣ его, подъ самымъ дерномъ, найдена была также желѣзная бляха отъ щита или умвонъ, но отверстіемъ обращенная внутрь кургана, книзу. Хотя въ срединѣ этой бляхи находилось отверстіе, но эта средина такъ проржавѣла и обсыпалась, что сказать положительно, было-ли отверстіе сдѣлано нарочно или оно образовалось отъ окисленія верхушки чаши, находившейся въ близкомъ соприкосновеніи съ воздухомъ, мы не можемъ. На небольшомъ кострищѣ этого кургана, у самаго его сѣвернаго края, нашелся горшокъ съ жжеными костями; возлѣ горшка, по направленію съ сѣвера на югъ, лежало обгорѣлое бревно, возлѣ него и вблизи горшка нашлись мелкія части черепныхъ костей, со слѣдами зеленой окиси отъ мѣди, — очевидно слѣды, оставленные отъ какого либо украшенія изъ бронзы, напримѣръ вѣнчика или височныхъ серегъ. Между прочимъ здѣсь найдена бронзовая шпилька, загнутая съ одного конца въ формѣ буквы S,—быть можетъ разогнувшееся отъ огня височное колечко; кромѣ того, маленькая бронзовая пряжечка, фрагментъ треугольной бляшки съ узоромъ, бронз. пуговка, двѣ темнаго цвѣта бусы и нѣсколько бронз. слитковъ и обломковъ изъ кости. Принимая во вниманіе характеръ вещей, намъ кажется возможнымъ отнести этотъ курганъ къ женскому погребенію, а въ такомъ случаѣ желѣзная бляха отъ щита представляетъ здѣсь не предметъ вооруженія, а замѣняетъ собою сосудъ для какихъ либо погребальныхъ цѣлей. Вообще находки этихъ двухъ щитовыхъ бляхъ какъ-бы указываютъ намъ на ту эпоху древней жизни людей этой мѣст-

ности, когда оружіе такого рода, какъ щитъ извѣстной формы, утратило свое жизненное значеніе и уже пріурочивалось къ болѣе мирнымъ потребностямъ новаго фазиса жизни.

Къ особенностямъ нѣкоторыхъ погребальныхъ обрядовъ мы должны также отнести и тотъ случай, какой представился намъ при раскопкѣ одного кургана въ самомъ Гнѣздовскомъ могильникѣ. Въ этомъ довольно большомъ курганѣ найдено было кострище, посреди котораго находился горшокъ, прикрытый плосковатымъ камнемъ и наполненный костями. По снятіи камня поверхъ костей лежали еще сохранившія отчасти зеленый цвѣтъ вѣтки ельника или можжевельника. Кромѣ того, въ горшкѣ же были найдены большая раковина (такъ называемая змѣиная голова) и одна скорлупообразная фибула, т. н. скандинавскаго типа. Въ кострищѣ этого кургана, преимущественно вблизи горшка, найдены были еще слѣд. вещи: другая подобная-же фибула, различныя бусы, брактеатъ диргемы съ ушкомъ для привѣски, бляха и нѣкоторыя другія вещи, изъ общаго характера которыхъ можно заключить, что въ курганѣ было совершено женское погребеніе. Въ данномъ случаѣ весьма любопытно было подмѣтить ту тщательную заботливость въ установкѣ погребальнаго сосуда, которая выражалась, между прочимъ, и въ укладкѣ вещей въ сосудъ, что случалось встрѣчать весьма рѣдко; а въ особенности интересенъ фактъ посыпанія праха зелеными вѣтками можжевельника, придававшаго этому погребенію нѣкоторый поэтическій оттѣнокъ. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ нахожденіе можжевельника находится въ связи съ извѣстнымъ погребальнымъ обычаемъ нашего времени. И этотъ случай нахожденія можжевельника не былъ единичнымъ въ курганахъ этой мѣстности. Такъ, нами была сдѣлана пробная раскопка весьма большаго кургана, находящагося внизъ по теченію Днѣпра верстахъ въ 4-хъ отъ Гнѣздова, на полянѣ, возвышавшейся у самой низменной долины, по которой протекаетъ Днѣпръ. Курганъ своей высотой сильно возвышается надъ группой маленькихъ кургановъ, его окружающихъ. Предварительная пробная раскопка была ведена нами съ цѣлью убѣдиться, существуетъ ли въ этомъ курганѣ центральное кострище такого типа, какое оказалось въ большомъ курганѣ самого Гнѣздова. Пробныя траншеи, доходившія до средины съ двухъ сторонъ, доказали, что внутри кургана вмѣсто обычнаго кострища находился лишь густой слой сѣрой золы и мелкихъ угольевъ, но въ поляхъ кургана, прорѣзанныхъ траншеей были замѣчены слѣды погребенія, какъ-то находка небольшаго количества жженыхъ костей и слѣды бронзы въ видѣ зеленой окиси. Дальнѣйшія изслѣдованія были оставлены потому, что раскопка такого кургана требовала большаго времени и средствъ. При томъ же на основаніи аналогическихъ фактовъ въ другихъ мѣстностяхъ Смоленской губерніи должно было предположить, судя по расположенію слоевъ насыпи, что курганъ представлялъ коллективное погребеніе, при которомъ никакихъ особенныхъ находокъ нельзя было ожидать. Тѣмъ не менѣе, интересъ пробной раскопки этого кургана сосредоточился на томъ фактѣ, что съ двухъ сторонъ на поверхности упомянутаго толстаго слоя золы, замѣнявшаго обычное кострище, лежало много вѣтвей можжевельника или ельника, сохранившихъ зеленый цвѣтъ, подобно тому, какъ это встрѣтилось въ вышеописанномъ курганѣ.

Къ болѣе частымъ и характернымъ находкамъ въ Гнѣздовскихъ курганахъ можно отнести находки желѣзн. шейныхъ ожерелій или гривенъ; весьма нерѣдко ихъ приходилось

находить на горшкахъ, обыкновенно аккуратно надѣтыми или бережно положенными сверху. Эти желѣзныя гривны принадлежатъ къ особенно характернымъ украшеніямъ въ Гнѣздовскихъ курганахъ, такъ какъ другаго рода гривенъ изъ бронзы или серебра намъ въ Гнѣздовѣ находить не случалось [1]). Кромѣ того, весьма часто въ самомъ горшкѣ съ костями или возлѣ него намъ случалось находить костяные гребешки весьма деликатной техники и всѣ одного фасона, за исключеніемъ одного только случая, когда нашелся костяной гребень большаго размѣра и болѣе грубой техники. Гребешки эти также принадлежатъ къ весьма характернымъ находкамъ этого могильника. Но особенно часто находились возлѣ горшковъ и въ другихъ мѣстахъ кострища различныхъ размѣровъ ножи. Еще слѣдуетъ упомянуть о находкахъ серебряныхъ диргемъ, иногда въ видѣ привѣсокъ, но чаще въ значеніи денегъ, когда въ курганахъ приходилось находить цѣлыя или половинки диргемъ (рѣзану). Одинъ разъ, впрочемъ, намъ пришлось найти въ курганѣ, невдалекѣ отъ крестьянскаго гумна, цѣлую груду серебряныхъ диргемъ въ числѣ 8 штукъ: въ такомъ видѣ и количествѣ имъ нельзя было приписать символическаго значенія, а, напротивъ, онѣ имѣли уже значеніе небольшаго капитала, что представляется намъ уже весьма характернымъ фактомъ для мѣстности Гнѣздова. Кромѣ этой груды здѣсь же были найдены въ отдѣльности четыре диргемы, большая дутая серебряная бусина съ прорѣзными краями, по всему вѣроятію арабской работы, и много бусъ каменныхъ и стеклянныхъ призматической формы и круглыхъ, рубчатыхъ.

Въ связи съ монетами можно поставить и находки маленькихъ карманныхъ вѣсовъ. Ихъ, правда, было найдено немного — всего два экземпляра и то не въ цѣломъ видѣ, но можно предположить, что нхъ много погибло отъ огня, судя по небольшимъ фрагментамъ, едва уцѣлѣвшимъ, и по находкамъ въ курганахъ могильника большаго количества вѣсовыхъ гирекъ или разновѣсокъ. По нашему мнѣнію, эти послѣднія находки также можно отнести къ характернымъ чертамъ Гнѣздовскаго могильника. Имѣя въ виду впослѣдствіи, при подробномъ описаніи вещей, представить болѣе полную характеристику инвентаря Гнѣздовскихъ кургановъ, мы ограничимся пока сдѣланными нами указаніями.

Уже сдѣланныя нами теперь краткія указанія вещей и группировка ихъ въ курганахъ приводитъ насъ къ вопросу объ отличительныхъ признакахъ женскихъ и мужскихъ погребеній. Внѣшняя форма кургановъ, въ этомъ отношеніи, не носитъ никакихъ слѣдовъ отличія одного погребенія отъ другаго, такъ что для рѣшенія даннаго вопроса приходится почти исключительно руководиться курганнымъ инвентаремъ, на основаніи котораго, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, всетаки можно придти къ опредѣленному заключенію. На основаніи такихъ данныхъ, мы должны прежде всего замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было предполагать въ одномъ курганѣ совмѣстное погребеніе мужчины и женщины. Такъ напр. при описаніи нами раскопки большаго кургана, мы, вслѣдствіе находки тамъ бусъ и большаго количества жженыхъ костей, могли предположить, что въ этой насыпи кромѣ мущины во всякомъ случаѣ погребена и женщина. Къ тому же заключенію приводитъ насъ

---

[1]) Исключеніе представляютъ серебряныя гривны «Гнѣздовскаго клада».

дневникъ г. Кусцинскаго съ описаніемъ раскопки одного кургана, уже упомянутаго нами прежде. Въ этомъ курганѣ съ тремя погребальными урнами можно предположить, на основаніи характера сгруппированныхъ вещей, три отдѣльныхъ погребенія—одно мужское и вѣроятно два женскихъ, или же, по крайней мѣрѣ, одно мужское и одно женское. Были еще случаи, когда въ курганахъ находились вещи смѣшаннаго характера, то есть напр. оружіе и женское украшеніе, что заставляетъ насъ и въ этихъ случаяхъ предполагать совмѣстное погребеніе мужчины и женщины.

Однако всѣ эти упомянутые нами случаи, какъ намъ кажется, можно отнести къ болѣе древнему времени могильника, такъ какъ именно число этихъ случаевъ невелико, а нѣкоторыя вещи, относящіяся къ подобнымъ курганамъ, отличаются относительной древностью какъ напр. диргемы съ извѣстной датою, характеръ нѣкоторыхъ предметовъ оружія и другіе признаки. Нельзя не замѣтить, что мы встрѣчаемъ въ этихъ случаяхъ совмѣстныхъ погребеній подтвержденіе извѣстій арабскихъ писателей, какъ напр. Ибнъ-Дасты и Ибнъ-Фадлана, если только извѣстіе послѣдняго писателя можно пріурочить къ славянамъ-кривичамъ. Весьма естественно, что эти случаи совмѣстнаго погребенія не могутъ быть особенно многочисленными, потому что эти факты могутъ относиться только къ мужу и его женѣ или рабынѣ; притомъ же и самый обрядъ по самому своего суровому характеру не могъ практиковаться долго, а долженъ былъ смягчаться, тѣмъ болѣе, что и Ибнъ Фадланъ упоминаетъ, что рабынь спрашивали о желаніи ихъ умереть вмѣстѣ съ господиномъ, слѣдовательно можно было предположить, что эти рабыни могли отвѣчать и отрицательно. Такое смягченіе или уничтоженіе суроваго обычая могло совпадать вообще съ ослабленіемъ торжественнаго характера языческихъ погребальныхъ обрядовъ, что, какъ намъ кажется, можно замѣтить и въ самомъ Гнѣздовскомъ могильникѣ.

Во всякомъ случаѣ, кромѣ упомянутыхъ нами примѣровъ совмѣстнаго погребенія мужчинъ и женщинъ, встрѣчаются болѣе часто, или выражаясь иначе, даже преобладаютъ погребенія въ отдѣльныхъ курганахъ мужчинъ и женщинъ. Нѣсколько такихъ примѣровъ мы приведемъ изъ дневниковъ нашихъ раскопокъ, хотя о нѣкоторыхъ подобныхъ примѣрахъ было уже упомянуто нами выше. Въ курганѣ № 1 (1894 г.) у южнаго края на уровнѣ грунта найденъ слой углей, а посреди этого слоя горшокъ съ жжеными костями, возлѣ котораго стоялъ маленькій горшокъ—пустой. Въ кострищѣ найдены слѣдующія вещи: круглая бусина изъ желтоватой пасты съ темными глазками; бронзовая верхушка отъ скорлупообразной фибулы, скандинавскаго типа; маленькая, весьма изящная бронз. пряжечка и фрагментъ костянаго гребешка, маленькаго — обычнаго Гнѣздовскаго типа. Въ курганѣ № 36 (дневникъ Соколова) въ центрѣ кострища оказались два горшка — одинъ маленькій, другой большой, бусинка, браслетъ мѣдный и два мѣдныхъ обломка. Курганъ № 43 (дневникъ В.), весьма небольшихъ размѣровъ: кострище изъ толстаго слоя сажи находилось у южнаго края, горшокъ съ костями найденъ раздавленнымъ, а возлѣ лежали черепки другаго горшка. Въ кострищѣ находились слѣдующія вещи: двѣ бусы, изъ которыхъ одна рубчатая, серебряная арабская монета съ ушкомъ, крестообразная фибула изъ бронзы съ желѣзнымъ языкомъ, такъ

называемаго скандинавскаго стиля. Въ представленныхъ нами трехъ примѣрахъ, по нашему мнѣнію, инвентарь вещей ясно указываетъ на женское погребеніе. Слѣдующіе-же курганы по характеру найденныхъ вещей могутъ быть отнесены къ погребеніямъ мужскимъ. Курганъ № 17 (1880) (въ лѣсу за рѣкою Свинкой) отмѣчается аккуратной правильной формой, куполообразной, немного сдавленной на вершинѣ; курганъ окопанъ канавой и можетъ быть отнесенъ къ размѣру большихъ кургановъ; кострище состояло изъ толстаго слоя золы и большаго количества угля, иногда сохранившагося въ формѣ цѣлыхъ полѣньевъ, такъ что ихъ съ трудомъ можно было отдѣлять. Толстый слой кострища покоился на тонкомъ слоѣ мелкаго бѣлаго песку, мѣстами принявшаго отъ дѣйствія огня ярко-красноватый кирпичный цвѣтъ, а ниже начинался уже слой обычнаго желтаго песку. Въ слоѣ кострища найдены слѣдующія вещи: желѣзное кольцо; три желѣзныхъ пряжки; мѣдныя пуговицы; мѣдная пластинка; двойная посеребреная пластинка съ горошчатымъ орнаментомъ; мѣдная квадратная бляха съ орнаментомъ; желѣзн. остріе; точильный брусокъ съ сверлиной; желѣзный ножъ и близь него маленькій желѣзный ножикъ; бронз. наборъ отъ пояса, сильно попорченный огнемъ; большая желѣзная скоба, по всему вѣроятію отъ колчана; желѣзный наконечникъ широкой, ромбической формы, отъ стрѣлы или дротика, и желѣзная гайка. Сожженіе покойника несомнѣнно происходило здѣсь же въ курганѣ. Курганъ № 103 (дневникъ Соколова), въ которомъ найдены 7 наконечниковъ стрѣлъ, желѣзное шило и фрагменты желѣзныхъ вещей. Въ курганѣ близь шоссе найденъ горшокъ съ жжеными костями и прекрасной сохранности стальной наконечникъ стрѣлы. Всѣ приведенные примѣры выбраны нами, какъ наиболѣе характерные для опредѣленія различія въ погребеніяхъ мужскихъ и женскихъ; но часто попадаются курганы, инвентарь которыхъ отличается такимъ отрывочнымъ характеромъ, что никакихъ опредѣленныхъ данныхъ для рѣшенія нашего вопроса не представляютъ. Такъ наприм. въ одномъ курганѣ найденъ только согнутый желѣзный гвоздикъ, въ другомъ бронз. язычекъ отъ пряжки или слившіеся безформенные куски бронзы.

Между прочимъ, изъ представленныхъ нами примѣровъ можно замѣтить, какъ разнообразится количество вещей въ курганахъ и какъ инвентарь этихъ вещей часто получаетъ отрывочный, случайный характеръ. Наибольшей полнотой и цѣльностью инвентаря отличаются вообще тѣ курганы, въ которыхъ сожженіе покойника происходило въ самомъ курганѣ. Но намъ теперь приходится остановиться на томъ обрядѣ погребенія, когда покойника сожигали гдѣ-то внѣ кургана, и сказать нѣсколько словъ о характерныхъ чертахъ этого рода погребенія, примѣры котораго встрѣчаются въ большомъ изобиліи въ Гнѣздовскомъ могильникѣ и въ особенности въ лѣсномъ могильникѣ, за рѣкою Свинкой. Вообще курганы этого рода по своей наружной формѣ ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ кургановъ, въ которыхъ сожженіе происходило на самомъ ихъ основаніи. При самой раскопкѣ, однако, можно видѣть и *заранѣе* опредѣлить, какой родъ погребенія придется встрѣтить въ курганѣ. Такъ въ курганахъ съ сожженіемъ внутри, при послойной съемкѣ насыпи на поверхности очень скоро обнаруживаются пятна черной сажи и мелкихъ углей, и по мѣрѣ углубленія пятна эти, увеличиваясь въ размѣрѣ, переходятъ съ одного мѣста на другое, пока наконецъ посредствомъ щупа удобно бываетъ убѣдиться въ близости

плотнаго слоя кострища. Напротивъ, при погребеніи другаго рода такихъ яркихъ признаковъ сожженія въ насыпи обыкновенно не встрѣчается, а иногда встрѣчается насыпь изъ совершенно чистаго песку, безъ примѣси золы или угля, и кострище узнается только на близкомъ разстояніи. Самыми главными признаками отличія этого рода погребенія можно считать отрывочность инвентаря, иногда весьма характерную, а также сохранившійся бѣлый цвѣтъ песка, которымъ обыкновенно чрезвычайно заботливо, какъ простыней, прикрывается основаніе кургана, заготовленное изъ обыкновеннаго желтаго песку. Сохранность бѣлаго цвѣта въ этихъ случаяхъ указываетъ на тотъ фактъ, что остатки кострища въ видѣ золы и угольевъ разсыпаны по бѣлому песку въ то время, когда они уже охладѣли, а въ этомъ видѣ они не могли измѣнить цвѣта песка. По характеру постановки горшка даже въ небольшихъ курганахъ можно замѣтить извѣстнаго рода аккуратность и неторопливость. Такъ напримѣръ въ одномъ курганѣ поставленъ горшокъ съ жжеными костями, старательно подпертый камнями; въ другомъ случаѣ встрѣчаемъ горшокъ, на который надѣта желѣзная гривна. За то въ другихъ вещахъ, разсѣянныхъ по кострищу, замѣчается какая то случайность и отрывочность: тамъ находится, напримѣръ, маленькій фрагментъ отъ большой скорлупообразной фибулы или обрывокъ бронзовой цѣпочки, а иногда вещей и совсѣмъ не бываетъ. Такая отрывочность безъ сомнѣнія указываетъ на то, что, послѣ сожженія покойника гдѣ-то въ сторонѣ отъ кургана, вещи не были аккуратно собраны, можетъ быть отъ того, что они могли попасть въ самый костеръ. Вообще этотъ погребальный обрядъ, принципіально вѣрный традиціямъ сожженія, все-таки представляетъ намъ извѣстную стадію упрощенія погребальнаго ритуала и ослабленія цѣльности и полноты представленій о загробной жизни покойника. Бѣдность инвентаря можно объяснить именно перемѣной въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, утратой ихъ первоначальной свѣжести, новой колонизаціей, а не бѣдностью семей самихъ покойниковъ: при избыткѣ лѣса, въ то время не могло быть затрудненія достать и для погребенія бѣднаго человѣка десятка два полѣньевъ. Для примѣра характерныхъ случаевъ этого рода погребеній укажемъ на раскопки нами слѣдующихъ кургановъ. Въ курганѣ № 9 (1880 г. лѣсной могильникъ) высотою въ два метра, на западномъ краю обозначилось кострище, разложенное на слоѣ бѣлаго песку; этотъ слой бѣлаго песку распространялся по всей поверхности основанія кургана и былъ толщиною въ 2 вершка. Въ кострищѣ найденъ былъ горшокъ съ жжеными костями и углемъ. Кромѣ того найдены мѣдн. привѣска и фрагменты мѣдной бляхи. Курганъ № 56 (дневникъ В.)—кострище неглубоко, горшокъ найденъ выше кострища съ клеймомъ на днѣ. Здѣсь же найдены двѣ синія бусы и части костяного гребня. Курганъ № 77 (дневникъ Соколова) заключалъ въ себѣ небольшое кострище, состоявшее изъ золы, угля и жженыхъ костей. Въ центрѣ кострища помѣщался горшокъ съ жжеными костями. При разборкѣ кострища возлѣ горшка найдены были слѣдующія вещи: мѣдная пуговка, мѣдная бляха отъ поясного набора, обломокъ мѣдн. кольца, маленькій трехгранный ножикъ съ длинной костяной рукоятью, прекрасно сохранившейся.

Въ курганѣ № 4 (дневникъ М.) большихъ размѣровъ кострище состояло изъ черной сажи, бѣдной костями и углемъ. У южнаго края находился огромный камень—валунъ, съ одной

стороны носившій слѣды подтески; черепки отъ большаго сосуда — толстаго и грубаго, раздавленнаго, вѣроятно, землей. Возлѣ найдены обломки желѣза и желѣзная шпора—въ формѣ плоской гайки съ шипомъ.

Весьма естественно, что этотъ погребальный обрядъ, по сравненіи съ сожженіемъ внутри кургана, представляетъ большія удобства для сложныхъ погребеній, т. е. легко было переносить прахъ новаго умершаго родственника и вставлять урну съ этимъ прахомъ у вершины кургана или въ срединѣ его. При такомъ погребальномъ обрядѣ удобно было ставить погребальныя урны и въ полы кургана и дѣлать при этомъ новыя присыпки къ кургану, что уже представляло собою коллективное погребеніе праха многихъ покойниковъ. Характерный примѣръ такого устройства погребенія мы встрѣтили въ другомъ могильникѣ Смоленской губерніи. При описаніи этого могильника мы скажемъ объ этомъ случаѣ подробнѣе.

Говоря о встрѣченномъ нами разнообразіи погребальныхъ обрядовъ въ Гнѣздовскомъ могильникѣ, мы должны также упомянуть о любопытномъ случаѣ, встрѣченномъ г. Кусцинскимъ въ его раскопкахъ. Какъ видно изъ его дневника («Древности» 1880), въ одномъ Гнѣздовскомъ курганѣ, о которомъ уже было упомянуто, онъ встрѣтилъ по сторонамъ погребальной урны съ костями воткнутые въ землю мечъ и копье.

Намъ самимъ не приходилось встрѣтить такого факта, но владѣльцемъ Гнѣздова г. Филимоновымъ намъ былъ переданъ въ даръ Историческому музею мечъ, рукоятка котораго была украшена серебряной насѣчкой: по словамъ г. Филимонова, мечъ этотъ былъ найденъ рабочими при срытіи кургана въ полѣ послѣдняго вонзеннымъ въ землю.

Здѣсь-же можно упомянуть о весьма рѣдкомъ случаѣ замѣченнаго нами дѣтскаго погребенія въ Гнѣздовскомъ могильникѣ. Весьма возможно, что подобные факты не разъ ускользали отъ нашего вниманія, благодаря обряду сожженія тѣла, послѣ чего кости бываютъ трудно различимы для такихъ детальныхъ опредѣленій и въ особенности для неспеціалиста въ этомъ дѣлѣ. Въ 1895 году мы производили раскопки въ Гнѣздовѣ при содѣйствіи студента медицинскаго факультета г. Сперанскаго, который внимательно остановился на слѣдующемъ фактѣ. Раскопка производилась въ самомъ Гнѣздовскомъ могильникѣ недалеко отъ Витебскаго шоссе, гдѣ группа кургановъ находилась на открытомъ мѣстѣ и насыпи сохранили неприкосновенно свою древнюю форму. Въ одномъ курганѣ (по дневнику № 2) у вершины, близко отъ поверхности, найденъ былъ горшокъ съ жжеными костями, которыя принадлежали маленькому субъекту. Ниже на одинъ аршинъ было найдено кострище, состоявшее изъ золы и весьма небольшаго количества угля; въ этомъ слоѣ замѣчено было также весьма немного жженыхъ косточекъ. Въ срединѣ кострища найдена была часть пустаго горшка съ прямымъ высокимъ краемъ. Горшокъ очевидно былъ разбитъ. Возлѣ него нашлись также черепки другаго маленькаго горшка, также пустаго и украшеннаго волнистымъ орнаментомъ. По весьма незначительному количеству углей было несомнѣнно въ данномъ случаѣ, что сожженіе ребенка произошло внѣ кургана.

Наконецъ, въ заключеніе, мы должны обратить вниманіе на весьма интересный вопросъ, который находится въ связи съ слѣдующими фактами, замѣченными нами при раскопкахъ

Гнѣздовскаго могильника въ теченіи многихъ лѣтъ. Еще въ первой командировкѣ въ Гнѣздово, въ нашихъ раскопкахъ намъ пришлось изслѣдовать среди кургановъ съ погребеніемъ значительное количество т. н. «пустыхъ кургановъ», и при этомъ нами было замѣчено, что, хотя по наружному виду курганы эти ничѣмъ не отличались отъ другихъ кургановъ съ погребеніемъ, но во время раскопокъ можно было навѣрное предполагать, что въ насыпи находятся нѣкоторые несомнѣнные признаки отсутствія погребенія — именно, скопленіе нѣжной сѣроватой золы, встрѣчавшейся въ насыпи отдѣльными гнѣздами или чаще занимавшей тонкимъ слоемъ ту поверхность кургана, гдѣ обыкновенно встрѣчается кострище, т. е. приблизительно на $^1/_3$ высоты кургана. По этимъ признакамъ заранѣе можно было знать, что въ подобномъ курганѣ ничего, кромѣ золы, не будетъ найдено. Наши наблюденія этого рода признаковъ провѣрялись, послѣ двухъ первыхъ командировокъ, совмѣстно съ нами покойнымъ графомъ Уваровымъ. Количество подобныхъ кургановъ въ Гнѣздовскомъ могильникѣ можно считать весьма значительнымъ; такъ наприм. по дневнику 1896 г. изъ 90 раскопанныхъ кургановъ—32 оказались пустыми. По дневнику 1895 года изъ 44 кургановъ—8 были пустые. Признаки сѣрой золы неуклонно встрѣчались въ этихъ курганахъ, такъ что въ дневникѣ они всегда обозначались слѣдующими стереотипными фразами: «слой сѣрой золы—ничего нѣтъ», или «скопленіе сѣрой золы—курганъ пустой». Только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ приходилось встрѣчать въ слоѣ золы черную сажу и небольшое количество мелкаго угля. Но эти факты были настолько рѣдки среди удивительнаго постоянства главнаго признака—сѣрой золы, что они просто представляютъ характеръ не имѣющихъ особеннаго значенія случайностей или исключеній, которыя всегда могутъ встрѣчаться въ длинномъ рядѣ жизненныхъ явленій, не имѣющихъ вліянія на господствующіе признаки извѣстнаго обряда. Но, не придавая особеннаго значенія вышеупомянутымъ признакамъ, т. е. смѣшенію съ сѣрой золой черной сажи и угольковъ, мы тѣмъ не менѣе должны обратить особое вниманіе на другія дополнительныя подробности обстановки, встрѣченной нами въ пустыхъ курганахъ, такъ какъ эти особенности, какъ намъ кажется, могутъ служить къ выясненію цѣлей, для которыхъ сооружались пустые курганы. Для примѣра приведемъ описаніе нѣсколькихъ случаевъ по нашему дневнику 1895 года. Курганъ № 7 (дневника М.) весьма большой, расплывчатый и вверху нѣсколько плосковатый. Въ насыпи находились небольшія гнѣзда угля; на обычномъ мѣстѣ кострища оказался тонкій слой черной сажи; посреди этого слоя находился большой, пирамидальной формы, камень, а впереди его полукругомъ лежала гряда болѣе мелкихъ камней. Въ томъ-же дневникѣ въ курганѣ № 1 насыпь состояла изъ песку, ниже у самаго грунта слой золы съ небольшими углями; среди этого слоя найдены черепки маленькаго пустаго горшечка. Слой сѣрой золы шелъ по всему кургану. Погребенія не было. Въ курганѣ № 8 того же дневника нашелся только слой золы и черепки отъ пустаго сосуда. Мы могли бы привести еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ изъ другихъ дневниковъ, откуда было бы видно, что въ основаніи насыпи подобныхъ кургановъ встрѣчались иногда крупные валуны, составлявшіе конструктивную основу кургана; не разъ встрѣчались также въ подобныхъ курганахъ и пустые сосуды, какъ видно изъ представленныхъ нами примѣровъ. Нужно еще принять во вниманіе то

обстоятельство, что сосуды ставились въ Гнѣздовскомъ могильникѣ—съ костями и безъ костей—нерѣдко на вершинахъ кургановъ подъ самымъ дерномъ; весьма вѣроятно, что большое количество такихъ сосудовъ не сохранилось въ силу разныхъ случайностей, такъ какъ наприм. каждому мальчику пастуху можно было ощупать ногами такой сосудъ. Весьма возможно, что и въ пустыхъ курганахъ такіе сосуды могли отчасти погибнуть. На эту возможность, какъ-бы намекаетъ слѣдующій фактъ, описанный въ нашемъ дневникѣ 1880 года подъ № 3. Курганъ высотою былъ до 2-хъ метровъ; вверху при снятіи дерна найденъ былъ горшокъ, наполненный жжеными костями. На 1 метръ ниже горшка обозначился черный слой сажи безъ крупныхъ угольевъ и безъ костей.

Во всякомъ случаѣ, нужно замѣтить, что курганы эти не могутъ быть названы пустыми, такъ какъ, хотя въ нихъ погребенія и не было, за исключеніемъ одного вышеупомянутаго случая, но всетаки присутствіе золы и пустыхъ горшковъ разбитыхъ и цѣлыхъ указываютъ на совершеніе какого-то обряда, безъ сомнѣнія относящагося также къ разряду погребальныхъ. Такимъ образомъ, на погребальный смыслъ этихъ обрядовъ указываютъ не только сооруженіе самаго кургана, какъ сооруженія преимущественно погребальнаго, но также и присутствіе черепковъ сосуда въ иныхъ случаяхъ, или даже цѣлыхъ сосудовъ и самаго слоя обычной сѣрой золы или болѣе рѣдкаго—черной сажи.

Большое количество такихъ кургановъ безъ погребенія и постоянство ихъ особенныхъ признаковъ не могутъ быть объяснены только простою случайностью, а требуютъ болѣе основательнаго объясненія, хотя бы въ формѣ гипотезы.

Не вдаваясь въ подробности изложенія языческихъ славянскихъ вѣрованій, мы всетаки должны вспомнить, что совершеніе разнаго рода погребальныхъ обрядовъ надъ покойникомъ во всей ихъ правильности для язычниковъ—русскихъ, также какъ и для народовъ классической древности, связано было съ идеей извѣстнаго благоденствія покойниковъ въ загробномъ мірѣ. Совершеніе погребальныхъ обрядовъ заботливыми друзьями и родственниками покойнаго въ представленіи язычниковъ вообще представляло гарантію для его загробнаго счастія. Обряды эти входили въ составъ не только самого погребенія, но и послѣдующихъ затѣмъ посѣщеній родными могилъ умершихъ, когда въ особенности эти посѣщенія сопровождались стравой и тризной или вообще поминками, не только важными для загробной жизни покойника, но также служившими необходимымъ средствомъ для оказанія ему почести и для сохраненія его памяти среди живущихъ поколѣній. Какъ извѣстно, въ лѣтописяхъ нашихъ существуетъ разсказъ наприм. о тризнѣ, совершенной надъ Игоремъ на чужбинѣ. Въ ту эпоху нашей исторіи, большія военныя предпріятія нашихъ первыхъ князей, какъ напр. походы князей на Византію, безъ сомнѣнія увлекали много людей изъ различныхъ областей древней Руси. Лѣтописи наши очень скупо разсказываютъ объ этихъ походахъ и о судьбѣ, иногда весьма печальной, участниковъ ихъ. Такое населенное мѣсто какъ Гнѣздово, судя по пространству этого могильника и по числу кургановъ, его составляющихъ, не могло остаться въ сторонѣ отъ этихъ движеній, какъ по своему географическому положенію, находясь на бойкомъ пути изъ Варягъ въ Греки, такъ и по самому характеру его жителей, въ которомъ, судя по находкамъ, прео-

бладаютъ черты, главнымъ образомъ, торговыхъ и промышленныхъ занятій; земледѣльцамъ было бы труднѣе отрываться отъ мирнаго и правильнаго теченія своей жизни, посвященной почти постояннымъ заботамъ о своихъ пашняхъ и нивахъ. Припомнимъ совѣщаніе князей у Долобскаго озера, гдѣ протестомъ противъ предложеннаго похода на Половцевъ служило указаніе на вредъ въ рабочую пору отрывать лошадей отъ пахоты. Съ другой стороны, предпріимчивость торговаго человѣка выразилась ярко въ исторіи Новгорода и его ушкуйниковъ; для торговаго человѣка отдаленный походъ въ то время находился въ живой связи съ его занятіемъ торговлей, потому что онъ открывалъ новые пути для его торговыхъ связей. Распространенность этого занятія и его важное всенародное значеніе объясняютъ въ извѣстной степени заботливость князей о торговыхъ людяхъ, выраженную въ ихъ договорахъ съ греками. Эти, впрочемъ, общеизвѣстные факты по общему складу тогдашнихъ бытовыхъ условій даютъ право предполагать, что многіе участники этихъ походовъ не возвращались домой, а погибали вдалекѣ отъ родины.

Въ силу языческихъ вѣрованій, о которыхъ мы говорили, эта погибель на чужбинѣ не уничтожала для родственниковъ погибшаго обязанности озаботиться, посредствомъ совершенія извѣстныхъ погребальныхъ обрядовъ, о его загробномъ благоденствіи и совершеніемъ этихъ обрядовъ сохранить о немъ память среди его земляковъ на родинѣ.

Намъ кажется вѣроятнымъ, что въ честь такихъ погибшихъ на чужбинѣ жителей этой мѣстности и могли сооружаться подобные, такъ называемые, *пустые* курганы, имѣвшіе не только коммеморативный характеръ, но и служившіе также мѣстомъ совершенія извѣстныхъ обрядовъ—все таки погребальнаго характера, которые имѣли успокоительно нравственное значеніе для живыхъ, близкихъ ему родственниковъ. Въ Босніи сохранились христіанскія могилы, украшенныя мраморными надгробіями съ различными надписями. Между этими надписями встрѣчаются и такія: «Нашелъ вѣчный покой на чужбинѣ» (Рефератъ г. Хёрмана на XI арх. съѣздѣ въ Кіевѣ—«старобоснійскіе надгробные памятники»). Замѣтимъ также, что могли быть случаи, когда прахъ сожженнаго на чужбинѣ покойника приносился на родину его земляками, и здѣсь на родинѣ сосудъ съ этимъ прахомъ вставлялся въ посвященный его памяти курганъ. Находка сосуда съ костями на вершинѣ кургана, описанная нами выше съ указаніемъ № 3 дневника 1880 года, какъ намъ кажется, служитъ иллюстраціей такого рода погребенія, такъ какъ въ составѣ этого кургана мы встрѣчаемъ слой не обыкновеннаго кострища, а характерный слой сѣрой золы, который никакъ не могъ происходить отъ сожженія дровъ, т. е. отъ костра, но скорѣе могъ происходить отъ сожженія соломы, на что указываетъ тонкость слоя, однородность его состава и нѣжная окраска сѣро голубоватаго цвѣта [1]). Такимъ образомъ въ самомъ курганѣ никакихъ слѣ-

[1]) Мы вполнѣ убѣждены, что сѣрый нѣжный слой золы происходитъ отъ сожженія *соломы*, и это убѣжденіе основывается на аналогическихъ фактахъ нашихъ раскопокъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ слои соломы *ясно* сохранились.

О значеніи *соломы* въ погреб. обрядахъ въ соч. Котляревскаго о погреб. обычаяхъ ст. 144:

«Въ 26 вопросѣ 41 главы стоглава говорится, что въ великій четвертокъ порану *солому палятъ и кличатъ мертвыхъ*. Въ Курской губ. и теперь—подъ Рождество и подъ Крещенье жгутъ навозъ среди двора—*что бы родители на томъ свѣтѣ согрѣвались*. У мазуровъ—солома, на которой жгутъ мертвеца, сожигается на границѣ деревни или же на могилѣ; то же соблюдается и у венгерскихъ словаковъ и иногда въ то самое время, когда погребаютъ тѣло».

На стр. 206 Котляревскій замѣчаетъ, говоря объ общеславянскомъ обычаѣ класть умирающихъ на солому, что въ объясненіе его можно указать только на такой обычай, гдѣ *солома* имѣетъ обрядовое, важное значеніе и даже носитъ поминальное названіе—*дѣдухъ*.

довъ сожженія костра или приноса остатковъ этого сожженія не существуетъ: фактъ сожженія исключительно сосредоточивается только въ сосудѣ съ костями, найденномъ подъ самымъ дерномъ. Постановка же подъ дерномъ сосудовъ заставляетъ насъ предполагать, что многіе сосуды, поставленные такимъ образомъ, въ теченіи тысячелѣтія весьма легко могли погибнуть, какъ мы объ этомъ говорили уже выше. Замѣтимъ въ заключеніе, что обрядъ трупосожженія представляетъ особенное и исключительное удобство для перенесенія заключеннаго въ сосудъ праха съ одного мѣста на другое, хотя бы весьма отдаленное. Такимъ образомъ, бродячій характеръ какъ одного лица, такъ и цѣлой группы семей въ практическомъ отношеніи весьма тѣсно вяжется съ погребальнымъ обычаемъ трупосожженія.

Исчерпавъ по возможности матеріалъ, добытый нами въ Гнѣздовскихъ раскопкахъ, на основаніи которыхъ мы старались разсказать различныя замѣченныя нами особенности погребальнаго ритуала, мы должны еще упомянуть о нѣкоторыхъ характерныхъ признакахъ, группирующихся въ отдѣльныхъ частяхъ обширнаго Гнѣздовскаго могильника и ближнихъ съ нимъ мѣстностей, не касаясь пока тѣхъ культурныхъ особенностей, которыя сказываются въ характерѣ самыхъ вещей.

Болѣе древней и центральной частью могильника можно назвать ту группу кургановъ, которая занимаетъ холмистую возвышенность, идущую съ сѣвера на югъ, отъ шоссейной станціи по направленію къ Днѣпру, и заканчивается большимъ курганомъ съ новой часовней. Какъ мы уже упоминали, погребеніе здѣсь отличается большей полнотою обряда, выраженнаго вообще въ сожженіи внутри кургана, а также и болѣе дорогими и интересными находками, придающими этой мѣстности нѣкоторый такъ сказать аристократическій оттѣнокъ, что наглядно изображается и самыми размѣрами кургановъ: припомнимъ, что два самыхъ большихъ кургана, изъ которыхъ одинъ нами раскопанъ, находятся именно въ этой части могильника, и могутъ быть отнесены, хотя бы условно, къ курганамъ того княжескаго типа, который выразился въ курганахъ «Черная могила» и «Гульбище», разрытыхъ г. Самоквасовымъ.

По отношенію къ лѣсному могильнику за рѣкою Свинкой, мы не можемъ сказать, чтобы и тамъ не встрѣчалось сожженій внутри кургановъ и чтобы курганы тамъ не отличались довольно большими размѣрами, но въ этомъ могильникѣ бросаются въ глаза въ общемъ другаго рода особенности, а именно преобладаніе тѣхъ случаевъ, когда сожженіе совершалось внѣ кургана, причемъ инвентарь самыхъ вещей весьма естественно отличается болѣе случайнымъ, отрывочнымъ характеромъ [1]). Въ этой части могильника болѣе крупные курганы и съ болѣе пол-

[1]) Приведемъ цифровыя данныя, взятыя нами изъ разныхъ дневниковъ; хотя цифрамъ этимъ и нельзя придавать значеніе точной характеристики счисленій, такъ какъ могильникъ далеко не весь изслѣдованъ, но всетаки цифры эти могутъ служить нѣкоторой иллюстраціей даннаго вопроса.

Могильникъ въ лѣсу, за р. Свинкой:

	Раскопано кургановъ.	Пустыхъ.	Сожженіе *внутри*.	Сожженіе *внѣ*.
a)	10	2	2	6
b)	5	2	1	2
c)	5	1	1	3

Такимъ образомъ выходитъ, что изъ 20 раскопанныхъ кургановъ въ 11-ти сожженія совершались внѣ кургана, и только въ 4—внутри его.

нымъ инвентаремъ встрѣчаются болѣе въ южной части могильника, ближе къ Днѣпру, такъ что намъ кажется возможнымъ предположить, что расширеніе могильника происходило здѣсь по направленію съ юга на сѣверъ, на что, между прочимъ, указываетъ и направленіе всходовъ на курганы. Нужно однако замѣтить, что восточная часть этого обширнаго лѣснаго могильника, по направленію къ Смоленску, еще вовсе не изслѣдована, а потому по отношенію къ этой части всякія предположенія мы считаемъ еще преждевременными.

Небольшая группа кургановъ весьма скромныхъ размѣровъ, находящаяся на лѣвой противоположной сторонѣ Днѣпра, хотя и не была изслѣдована обстоятельно, но и пробныя раскопки указали однако на существованіе здѣсь того же обряда погребенія—трупосожженія.

Что-же касается до пробной раскопки нашей большаго кургана и нѣсколькихъ малыхъ, находящихся въ 4-хъ верстахъ отъ Гнѣздова, внизъ по Днѣпру, на его правой луговой сторонѣ, то мы можемъ замѣтить только, что въ большомъ курганѣ по всему вѣроятію было коллективное погребеніе въ бокахъ кургана, а не въ срединѣ. Изъ числа-же малыхъ кургановъ, окружающихъ большой, нами раскопано семь, съ цѣлью опредѣлить господствующій въ этомъ могильникѣ погребальный обрядъ и тѣмъ уяснить направленіе пробныхъ работъ большаго кургана. Всѣ курганы, за исключеніемъ двухъ, оказались пустыми; въ составъ ихъ насыпи входила, между прочимъ, и глина, кромѣ того въ насыпи встрѣчались слои черной сажи и небольшое количество угля. По характеру земли можно было замѣтить существованіе ямокъ въ грунтѣ въ одномъ курганѣ, гдѣ и былъ найденъ желѣзный ножикъ; въ другомъ курганѣ былъ найденъ весьма грубый простой глиняный горшочекъ. Такимъ образомъ раскопка эта не дала особенныхъ характерныхъ признаковъ культуры этого могильника, но по составу насыпи, по укладкѣ слоевъ сажи курганы эти съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можно отнести къ болѣе позднему времени, чѣмъ курганы Гнѣздова. Нѣкоторая степень этого вѣроятія основывается единственно на замѣченномъ нами отсутствіи той тщательности въ устройствѣ курганныхъ насыпей, къ которой уже привыкъ глазъ въ курганахъ Гнѣздовскаго могильника, а такое ослабленіе тщательности обряда указываетъ уже на болѣе холодное и болѣе позднее отношеніе къ нему людей, насыпавшихъ эти курганы. Замѣтимъ также, что всходы, опредѣленные по компасу, указывали на западную сторону, гдѣ и находится городище, недалеко отъ впаденія рѣки Ольхи въ Днѣпръ.

Намъ остается напомнить, что во всѣхъ этихъ могильникахъ, относящихся къ одной мѣстности Гнѣздова, мы старались указать на существовавшія здѣсь различія въ частностяхъ погребальнаго обряда, но эти различія однако не ослабляютъ общаго характера погребальнаго обряда, состоящаго въ трупосожженіи и въ насыпкѣ надъ прахомъ погребальнаго сооруженія или кургана—«волотовки», по выраженію мѣстныхъ жителей. Различіе въ частности погребальнаго

Могильники въ Гнѣздовѣ.

Раскопано.	Пустыхъ.	Сожженіе *внутри.*	Сожженіе *вн.*
6	2	1	3
52	22	9	21
58	24	10	24

Должно замѣтить только, что курганы *сомнительные* не вошли въ разсчетъ.

обряда относится только, такъ сказать, къ *видовымъ* различіямъ. Эти видовыя различія весьма естественны и характерны для культурнаго склада тогдашней языческой жизни. Большее однообразіе въ разныхъ пріемахъ одного и того-же погребальнаго обряда скорѣе всего и естественнѣе всего можетъ быть встрѣчено въ малыхъ могильникахъ, принадлежащихъ одному болѣе или менѣе родственному населенію, и притомъ населенію съ преобладающимъ земледѣльческимъ характеромъ. Изслѣдованіе такого могильника конкретно, въ его небольшихъ границахъ, скорѣе всего поразитъ изслѣдователя однообразіемъ и повторяемостью фактовъ даже въ частностяхъ погребальныхъ обрядовъ. Если-же расширить границы изслѣдованій, то, безъ сомнѣнія, при общемъ сходствѣ погребальныхъ обрядовъ—въ частностяхъ ихъ можно было бы встрѣтить въ извѣстной степени разнообразіе. Извѣстнаго рода религіозныя представленія, одухотворявшія какой-либо обрядъ, при отсутствіи обще-обязательныхъ руководствъ или канновъ сохранялись въ то время единственно семейными преданіями. Въ этихъ границахъ семейныхъ преданій совершались измѣненія обрядовъ или творчество, ведущее къ развитію обряда, къ наростанію на него новыхъ подробностей, или къ его ослабленію, если самый религіозный культъ язычника терялъ свою жизненную свѣжесть и приходилъ къ ослабленію или увяданію.

Населеніе извѣстной мѣстности приносило съ собою свои семейныя вѣрованія со всѣми ихъ особенностями въ ту новую мѣстность, гдѣ въ силу различнаго рода житейскихъ условій оно находило себѣ хорошій пріютъ и житейскія удобства. Разумѣется, эти священныя преданія родной старины могли и измѣняться, но только въ теченіе значительнаго времени или подъ вліяніемъ другихъ заносныхъ вѣрованій.

Гнѣздовскій могильникъ, если принять во вниманіе пространство, имъ занимаемое, количество кургановъ, разнообразіе вещей и самое географическое положеніе этой мѣстности, можетъ быть причисленъ къ числу важныхъ торгово-промышленныхъ пунктовъ древней Руси, и въ этомъ своемъ культурномъ отношеніи онъ носитъ на себѣ характеръ не сельской, а гораздо точнѣе,—городской жизни, для изученія которой весьма важно изученіе инвентаря раскопанныхъ кургановъ, а также и находокъ, какъ напр. находки извѣстнаго Гнѣздовскаго клада. Но, не желая забѣгать впередъ и принимая во вниманіе исключительно только уже указанные нами факты, свидѣтельствующіе о частныхъ различіяхъ погребальныхъ обрядовъ, мы самые эти факты можемъ принять за доказательства важнаго промышленно-торговаго характера этой мѣстности. Вообще указанныя нами различія въ обрядахъ погребенія мы ставимъ въ зависимость не только отъ времени, которое во всякомъ могильникѣ иногда можетъ выразиться въ постепенномъ измѣненіи погребальныхъ обрядовъ, но въ еще бо́льшую зависимость отъ состава самого населенія этой мѣстности, который могъ сложиться изъ многихъ пришлыхъ элементовъ. Такого рода элементы всегда можно предположить въ подобномъ культурномъ центрѣ. Существованіе этихъ пришлыхъ элементовъ со временемъ, при расширеніи нашихъ археологическихъ изслѣдованій, можно будетъ точнѣе выяснить, по крайней мѣрѣ по отношенію къ главному составу населенія. Для примѣра возможности въ будущемъ такихъ опредѣленій мы укажемъ на слѣдующіе, уже добытые изслѣдованіями факты: въ раскоп-

кахъ г. Бранденбурга въ курганахъ Приладожья въ обрядѣ трупосожженія замѣчено уже преобладаніе сожженія *внутри кургана*, а въ изслѣдованіяхъ г. Самоквасова въ Сѣдневской группѣ кургановъ, въ Черниговской губерніи, замѣчено преобладаніе обряда трупосожженія *внѣ кургана*. Такого рода факты уже сами по себѣ вызываютъ вопросы о возможности религіознаго вліянія одной мѣстности на другую или о новой колонизаціи извѣстной страны.

Что-же касается до вліянія времени, то въ этомъ отношеніи мы уже указывали на встрѣченные нами факты соотвѣтственнаго значенія. Пока намъ остается только добавить, что существованіе Гнѣздовскаго могильника или его исторію по сдѣланнымъ монетнымъ находкамъ и вещамъ въ курганахъ можно опредѣлить приблизительно болѣе чѣмъ двумя столѣтіями, а именно начиная, по крайней мѣрѣ, съ IX вѣка до конца X столѣтія, или начала слѣдующаго.

Слѣдуетъ, однако, здѣсь замѣтить, что древнѣйшія монеты, найденныя въ Гнѣздовѣ, могутъ не соотвѣтствовать началу образованія могильника, но болѣе позднія монеты точнѣе указываютъ, какъ намъ кажется, на окончаніе языческой жизни въ этой мѣстности. Изученіе инвентаря могильника можетъ не только указать намъ на характеръ торговли и промышленности этого мѣста или, говоря вообще, на культуру его жителей, но также можетъ представить данныя для болѣе точнаго опредѣленія древности этого могильника.

Къ обзору инвентаря Гнѣздовскаго могильника мы теперь и перейдемъ.

. . .

Б.

Обзоръ вещей Гнѣздовскаго могильника.

Приступая къ обзору вещей Гнѣздовскаго могильника, обратимъ прежде всего вниманіе на тѣ красивыя фибулы овальной формы, которыя называются также скорлупообразными и представляютъ весьма характерное женское украшеніе эпохи Викинговъ.

Въ курганахъ Гнѣздовскаго могильника фибулы овальныя или скорлупообразныя найдены въ значительномъ количествѣ, какъ въ цѣльныхъ экземплярахъ, такъ и въ фрагментахъ. Цѣльный или почти цѣльный экземпляръ состоитъ обыкновенно изъ бронзовой гладкой овально-выпуклой чаши, по борту которой идетъ орнаментъ, состоящій изъ разнообразно расположенныхъ черточекъ, которыя своимъ расположеніемъ заставляютъ вспоминать древній, колѣнчатый мотивъ плетенья, затемненный съ теченіемъ времени небрежной передачей. На эту чашку накладывается сверху той же формы ажурное или вырѣзное покрытіе, на поверхности котораго обыкновенно возвышаются нѣсколько также ажурныхъ шиповъ, всегда расположенныхъ симметрично: такъ, напр., одинъ самый крупный занимаетъ средину, а по концамъ овала находится по три меньшихъ, соединенныхъ между собою рубчатыми прямыми дорожками, придающими всей этой геометрической орнаментаціи видъ двухъ ромбовъ. Между этими

ромбами у краевъ фибулы находятся квадратные щитки, украшенные часто легко врѣзаннымъ орнаментомъ изъ ломанныхъ линій. Въ этомъ послѣднемъ узорѣ, по нашему мнѣнію, нельзя не видѣть остатковъ того «готскаго» стиля, который заимствовалъ эти мотивы въ свою очередь съ Востока. Промежутки между шипами и дорожками заполнены обыкновенно ажурнымъ плетеньемъ, среди узоровъ котораго можно замѣтить иногда остатки изображеній звѣриныхъ головъ, но уже выродившихся въ весьма неясныя формы. Ажурный видъ всей этой покрышки зависитъ отъ отверстій, сдѣланныхъ, однако, не соотвѣтственно самимъ узорамъ, а просто круглыми, что указываетъ, по нашему мнѣнію, на отсутствіе пониманія самаго узора и на стремленіе лишь къ декоративности. Такая фибула изображена на I таблицѣ, подъ № 1.

Въ другомъ экземплярѣ (№ 2) можно обратить вниманіе на слѣдующія варіаціи: число ажурныхъ шиповъ здѣсь, вмѣсто семи, *пять*; изъ нихъ два находятся на мѣстѣ плоскихъ шиповъ фибулы перваго рода, а остальные два шипа въ каждомъ ромбѣ замѣняются здѣсь круглыми плоскими основаніями, съ отверстіями для закрѣпъ, такъ что необходимо предположить, что на этихъ круглыхъ основаніяхъ были наложены какія-нибудь украшенія въ видѣ, напр., полушариковъ изъ кости, серебра, стекла и т. п., но эти украшенія въ эклемплярахъ Гнѣздовскаго могильника ни разу не сохранились. Однако объ этихъ украшеніяхъ можно говорить съ полною увѣренностью еще и потому, что на другихъ предметахъ этого же могильника, какъ напр. на поясныхъ бляхахъ, мы встрѣчаемъ такія же круглыя площадки со стержнями, а въ шведскихъ древностяхъ этого періода на такихъ же мѣстахъ сохранились, напр., гранаты.

Принимая во вниманіе эти украшенія, мы можемъ считать на второй фибулѣ до девяти шиповъ, причемъ геометрическая схема ихъ расположенія остается все та же. Въ фибулѣ, изображенной на табл. V подъ № 20, мы замѣчаемъ, вмѣсто простыхъ ажурныхъ шиповъ, глухіе шипы съ изгибомъ у вершины, напоминающіе голову звѣря или конька; кромѣ того, на этой же фибулѣ по окраинамъ овала замѣтны полукруглые выступы, которые намъ представляются измѣнившимися съ теченіемъ времени формами черепахообразнаго животнаго, служившаго, по всему вѣроятію, древнѣйшимъ прототипомъ скорлупообразныхъ фибулъ. Находя такимъ образомъ въ нашей послѣдней фибулѣ болѣе сохранившихся слѣдовъ древняго звѣринаго стиля, мы по этому самому можемъ отнести эту послѣднюю фибулу къ болѣе древнему времени сравнительно съ двумя первыми. Если сравнить наши Гнѣздовскія этого рода фибулы съ подобными же, найденными въ разныхъ мѣстностяхъ Скандинавіи и въ особенности на островѣ Борнгольмѣ, то въ послѣднихъ, кромѣ прекрасной техники, можно замѣтить болѣе правильныхъ эволюцій въ формахъ и болѣе пониманія въ самой обработкѣ этихъ предметовъ. Наши фибулы по степени ихъ художественной эволюціи могутъ быть отнесены скорѣе всего къ X вѣку, и намъ кажется, въ силу ихъ техники ихъ можно отнести къ мѣстному производству, подражавшему иноземнымъ излюбленнымъ образцамъ. Нельзя не замѣтить, что въ раскопкахъ кургановъ Смоленской губерніи, относящихся во всякомъ случаѣ къ болѣе позднему времени, напр. къ XI столѣтію (курганы съ обыкновеннымъ погребеніемъ), этого рода фибулы уже не встрѣчаются. Въ другихъ же мѣстностяхъ, насколько намъ извѣстно, весьма рѣдкимъ фактомъ можно

считать находку этихъ фибулъ вмѣстѣ съ монетой вблизи Кіева, по сообщенію барона де-Бая [1]).

Въ раскопкахъ графа Уварова въ странѣ Мерянъ найденныя фибулы этого рода по самому мѣстоположенію страны могли быть занесены изъ тѣхъ же отдаленныхъ Смоленской или Новгородской мѣстностей въ болѣе позднее время.

Изъ другихъ предметовъ Гнѣздовскаго могильника, изображенныхъ на первой таблицѣ, особеннаго вниманія заслуживаетъ круглая фибула въ видѣ плоской бляхи, отмѣченная № 6-мъ: она представляетъ весьма яркій примѣръ того, какъ заносный стиль въ мѣстной передачѣ видоизмѣняется, благодаря непониманію чужой темы орнаментовъ: здѣсь основная схема орнамента, представляющая крестъ въ кругу, сохранилась, но самыя плетенія уже упростились въ простые нарѣзки или черточки, дающіе только намекъ на оригиналъ, украшенный плетеніемъ такъ наз. германскаго стиля. Такого рода упрощенія являются еще болѣе замѣтными, если сравнить эту круглую фибулу съ превосходными фрагментами бронзовыхъ вещей подъ №№ 13, 14, 15 той же таблицы. Въ этихъ интересныхъ фрагментахъ вполнѣ чувствуется ясность въ пониманіи плетенаго узора даже при его художественной виртуозности, такъ что по свойству стиля этотъ узоръ является здѣсь вполнѣ выразительнымъ.

На той же таблицѣ подъ №№ 11, 16 изображены ажурныя бронзовыя пластинки, узоръ которыхъ составленъ изъ плетеній и которыя представляютъ вообще лучшую обработку мотивовъ плетенья; но плоская поверхность пластинки подъ № 16, просверленная шаблонными круглыми дырочками, указываетъ, по нашему мнѣнію, скорѣе на мѣстную реплику завозныхъ оригиналовъ. То же впечатлѣніе производитъ и фибула, изображенная подъ № 5, представляющая собственно длинную булавку, прикрѣпленную на шарнирѣ къ плоскому кольцу, состоящему изъ плетеній прекраснаго, такъ наз. ирландскаго стиля [2]). Узоръ этого

[1]) Вещи изъ этого кургана находятся въ Историческомъ музеѣ. Найденная на ожерельѣ византійская серебряная монета относится къ X в. По общему характеру вещей курганъ можно несомнѣнно отнести къ концу X в. или къ XI ст. Находка скорлупообразныхъ фибулъ вблизи Кіева и въ погребеніи XI в., насколько намъ извѣстно, представляетъ рѣдкій случай. Вообще фибулы этого рода въ Россіи встрѣчаются въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Приладожьѣ, въ Двинскѣ, въ Гнѣздовѣ; эти фибулы найдены были въ Муромѣ съ вещами мерянскаго типа (коллекція этихъ вещей находится въ Историческомъ музеѣ), въ раскопкахъ гр. Уварова, произведенныхъ въ странѣ Мерянъ, при чемъ онѣ встрѣчались тамъ преимущественно въ курганахъ съ сожженіемъ. Далѣе, намъ извѣстны находки прекрасныхъ экземпляровъ въ могильникѣ Михайловскомъ, близъ Ярославля. Далѣе Ярославля, внизъ по теченію Волги, находка такихъ фибулъ намъ не извѣстна. Замѣтимъ здѣсь, что могильникъ Михайловскій, изслѣдованный г. Тихомировымъ, по характеру вещей, найденныхъ въ курганахъ съ сожженіемъ, представляетъ замѣчательное сходство съ культурой Гнѣздовскаго могильника; кромѣ находки скорлупообразныхъ фибулъ, мечей, тамъ найдена желѣзная оковка отъ шкатулки, совершенно сходная съ оковкой изъ Гнѣздова. Выражая собою культурное вліяніе Скандинавіи, эти фибулы характерны у насъ для X в. и для кургановъ съ сожженіемъ. Отсутствіе ихъ въ курганахъ Вотьской пятины, изслѣдованныхъ покойнымъ Ивановскимъ, объясняется, по нашему мнѣнію, сравнительно позднимъ временемъ насыпки самыхъ кургановъ.

[2]) Интересно сравнить эту пряжку съ пряжкой, найденной г. Тихомировымъ въ могильникѣ Михайловскомъ, близъ Ярославля. Изображенная здѣсь фибула или пряжка въ своей художественной композиціи представляетъ ту-же схему, что и пряжка изъ Гнѣздова: кольцо пряжки заканчивается внизу головой оленя, надъ которой сверху пряжки находится другая голова того же животнаго. Однако, несмотря на это общее сходство, нельзя не замѣтить большаго различія въ стилѣ и обработкѣ сюжета: наша пряжка изъ Гнѣздова представляетъ цѣльную и стильную композицію, такъ что самое кольцо пряжки стилемъ своего плетенія находится въ органической связи съ головой оленя, которая, при всей наивности обработки, передаетъ характерныя черты этого звѣря. Кольцо же пряжки изъ Михайловскаго могильника не плоское, а выпуклое съ плетеніемъ болѣе простаго стиля; голова оленя, внизу обработанная болѣе

плоскаго кольца изображаетъ какъ бы развѣтвленія роговъ головы оленя, которою украшена нижняя часть кольца. Вверху находится другая голова оленя, и развѣтвленія роговъ этой головы составляютъ верхнюю часть булавки. Сравнительно съ другими предметами этой таблицы, украшенными плетеньемъ и звѣринымъ орнаментомъ, узоръ булавки представляется намъ замѣчательно плоскимъ и мало рельефнымъ. Слабость рельефа въ особенности замѣтна здѣсь въ обработкѣ головъ оленей.

Типы звѣриныхъ головъ вырабатывались въ гораздо болѣе отдаленное время, близкое къ эпохѣ переселенія народовъ, когда эти звѣриныя головы отличались уже болѣе характернымъ рельефнымъ типомъ. Примѣры подобныхъ звѣриныхъ головъ мы укажемъ на №№ 3, 11, 13 I-ой табл. и на звѣриную головку, изображенную на таблицѣ II подъ № 12. Эта послѣдняя головка, литая изъ серебра, представляется намъ весьма характернымъ экспрессивнымъ типомъ, развившимся ясно изъ древнихъ мотивовъ. На булавкѣ же мы видимъ головку оленя, сдѣланную рукой непривычной къ стильнымъ звѣринымъ изображеніямъ: глаза здѣсь обозначены шаблонными кружечками, а носъ—прямой врѣзанной линіей, а эти признаки, по нашему мнѣнію, доказываютъ, что эта булавка, хотя сдѣланная по образцу извѣстныхъ сѣверныхъ типовъ, является скорѣе издѣліемъ мѣстнымъ, въ которомъ передача чужого художественнаго мотива оказывается особенно слабой въ изображеніи звѣриной головы, напоминающей по ея художественной обработкѣ въ данномъ случаѣ обычный дѣтскій пріемъ.

На той же I таблицѣ изображена крестообразная бронзовая фибула съ желѣзнымъ язычкомъ на обратной сторонѣ (№ 3). Эта фибула, какъ видно и на изображеніи, образована изъ четырехъ ушастыхъ звѣриныхъ головъ, крестообразно расположенныхъ вокругъ центральнаго кружечка. Въ обработкѣ этихъ звѣриныхъ головокъ хотя и замѣтна примитивная стилизація или условность стиля, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаемая здѣсь простота передачи изображеній посредствомъ врѣзанныхъ линій въ извѣстной степени не ослабляетъ характерности звѣринаго типа. Эти-то особенности наивной, но ловкой обработки звѣриныхъ изображеній, при отсутствіи плетеній, указываютъ, по нашему мнѣнію, на сохранившуюся древность самаго типа фибулы, близкую ко времени переселенія народовъ или ко времени выработки такъ наз. «готскаго стиля».

Сходной по схемѣ композиціи, но болѣе сложной по орнаментаціи представляется намъ пряжка, изображенная на таблицѣ II подъ № 8: она образована также изъ четырехъ звѣриныхъ головъ, крестообразно расположенныхъ, но только головы эти уже лишены древнихъ характерныхъ ушей и удалены отъ центра, представляя собою только оконечности прямолинейнаго креста; притомъ эти головы соединены между собою прямыми перекрестьями

рельефно, значительно укорочена, а потому удаляется отъ типа оленьей головы; напротивъ, голова верхняго оленя является значительно удлиненной, при чемъ рисунокъ заплетенныхъ роговъ ея упрощается. Въ общемъ эта пряжка не представляетъ цѣльности художественнаго впечатлѣнія и можетъ быть отнесена къ болѣе позднему времени, сравнительно съ пряжкой изъ Гнѣздова: въ ней болѣе древній оригинальный стиль замѣняется менѣе характернымъ, выражающимъ уже въ нѣкоторой степени вырожденіе. Замѣтимъ кстати, что подобная пряжка найдена также въ Люцинскомъ могильникѣ; въ томъ же могильникѣ найдена булавка, по стилю и по чеканкѣ сходная съ пряжкой изъ Гнѣздова. Оба предмета изображены въ изданіи Кондакова и гр. Толстого «Русскія древности», вып. 5, стр. 54. См. также «Отчетъ Императ. Археолог. Коммиссіи» за 1890 г., стр. 60.

и обвиты лентами. Такимъ образомъ узоръ здѣсь очень ясный, но уже чисто звѣриный характеръ стиля нарушается въ данномъ случаѣ вводнымъ плетеньемъ, а потому эту пряжку мы можемъ отнести къ болѣе позднему времени, чѣмъ первую, но считаемъ ее древнѣе тѣхъ скорлупообразныхъ фибулъ, которыя стоятъ уже на границѣ вырожденія стиля. Къ послѣднимъ ближе подходитъ бронзовая пряжка табл. I № 7, также крестообразная, но съ мелкимъ и спутаннымъ узоромъ весьма слабаго рельефа; возвышенная срединная часть этой пряжки уже напоминаетъ собой шипы скорлупообразныхъ фибулъ. Еще болѣе сближенія съ послѣдними фибулами можно сдѣлать по отношенію къ фибулѣ № 8 той же таблицы, такъ какъ эта фибула представляется какъ бы отрѣзкомъ скорлупообразной фибулы, притомъ въ ея позднемъ развитіи, на что въ особенности указываетъ ея ажурная верхушка. Фрагментъ такой же фибулы изображенъ подъ № 9. Къ болѣе поздней эпохѣ развитія стиля можно отнести также изображенный на той же таблицѣ фрагментъ бронзовой вещи подъ № 12, узоръ которой отличается также неяснымъ и сложнымъ плетеньемъ. Простотою и правильностью крестообразнаго или звѣздообразнаго расположенія узора отличается бронзовая бляха № 4. Самыя формы для отливки такихъ бляхъ найдены на островѣ Готландѣ, и этотъ фактъ представляетъ большой интересъ по отношенію къ Гнѣздову, указывая на несомнѣнную связь этого послѣдняго мѣста съ островомъ Готландомъ, причемъ мы должны замѣтить, что такой фактъ не остается единичнымъ.

Что же касается до подковообразныхъ фибулъ, изображенныхъ на таблицѣ I подъ №№ 17—21, то эти формы фибулъ встрѣчаются въ изобиліи по всему побережью Балтійскаго моря и въ особенности попадаются въ большомъ количествѣ въ бассейнѣ Западной Двины и близкихъ къ нему мѣстностяхъ, какъ напр. въ Люцинскомъ могильникѣ. Во многихъ случаяхъ, сохраняя общую форму подковы, онѣ въ частностяхъ своихъ украшеній достигаютъ значительнаго разнообразія, указывающаго на особую мѣстность или особую народность въ обширной области ихъ распространенія. Эти фибулы относятся къ разнымъ временамъ, и даже къ началу XIV столѣтія можно отнести тѣ подковообразныя фибулы, которыя найдены нами въ могильникѣ Пассельса вблизи Виндавы въ Курляндіи, причемъ мы считаемъ возможнымъ приписать ихъ къ народности поморскихъ славянъ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ могильникахъ мерянскаго или вообще финскаго типа встрѣчаются также этого рода фибулы, но меньшаго размѣра и болѣе простой формы, напр., въ могильникахъ Борковскомъ и Лядинскомъ. Къ тому же сѣверному стилю или, говоря условно, «скандинавскому» можно отнести двѣ парныя пряжки табл. II, № 2, вѣроятно отъ пояса, сдѣланныя изъ желѣза, но съ верхними накладными пластинками изъ бронзы, съ рельефными плетеньями упомянутаго стиля. Подобная же пластинка, изображенная подъ № 3, по ея крупной желѣзной петлѣ можетъ быть отнесена уже къ удиламъ. Во всякомъ случаѣ, не устанавливая твердо назначеніе этихъ трехъ пряжекъ, мы рѣшаемся утверждать, что онѣ служили наконечниками для какихъ-то ремней. Аналогію съ этимъ опредѣленіемъ мы находимъ въ нѣкоторыхъ сѣверно-прусскихъ музеяхъ.

Наконечники поясовъ, изображенные подъ №№ 9 и 19, и пряжки отъ поясовъ подъ

№№ 15, 16, 17 могутъ быть отнесены къ тому же позднему сѣверному стилю; изъ нихъ особенно симметричнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ красивымъ узоромъ выдѣляется пряжка подъ № 19; здѣсь оконечность украшена звѣриной головой болѣе древняго стиля и самое плетенье ясно выражено и не запутано, какъ въ пряжкѣ № 15. Но изъ числа гнѣздовскихъ вещей особенной выразительностью и художественной оригинальностью звѣринаго типа отличается литая изъ серебра звѣриная головка съ двумя сверлинами вверху и съ острымъ крючкомъ внизу (№ 12): по своей типичности, по замѣчательной техникѣ она можетъ быть отнесена къ болѣе древнему времени, т. е. во всякомъ случаѣ ранѣе X вѣка. Весьма характерную древность въ этой Гнѣздовской коллекціи вещей представляютъ въ особенности поясныя пряжки №№ 20, 21, 22, украшенныя глазами и клювами хищныхъ птицъ, встрѣчающіяся въ изобиліи среди древностей Сибири, Кавказа и наконецъ вообще въ предѣлахъ области образованія такъ наз. «готскаго стиля». Къ этой послѣдней категоріи мы можемъ отнести эти пряжки не только по ихъ украшеніямъ, но также и по самымъ ихъ формамъ. Слѣдуетъ замѣтить, что даже плоскія поверхности ихъ дужекъ украшены рубчатымъ узоромъ, весьма характернымъ для упомянутой нами эпохи. Вообще эти пряжки, представляя собою въ данномъ случаѣ, быть можетъ, только пережитокъ старины, указываютъ всетаки на тотъ древній источникъ, откуда шло одно изъ художественныхъ теченій, создавшихъ или только вліявшихъ на извѣстный стиль предметовъ, находимыхъ въ этомъ краѣ [1]).

Приблизительно къ тому же стилю и времени могутъ быть отнесены и тѣ пряжки, которыя изображены на той же таблицѣ подъ №№ 23, 24, 25. Изъ нихъ первая, состоящая изъ тройныхъ жгутиковъ, представляетъ любимый мотивъ—браслетъ изъ поздне-римскихъ могилъ и встрѣчается, между прочимъ, на островѣ Борнгольмѣ. Остальныя двѣ пряжки подходятъ прямо къ типамъ римскихъ. Пряжка № 14 съ расширеніями по угламъ можетъ быть сближена вообще съ вещами готскаго стиля.

---

[1]) Пряжки, украшенныя головами хищныхъ птицъ, въ данномъ случаѣ, какъ намъ кажется, представляютъ несомнѣнные пережитки эпохи переселенія народовъ. Такимъ же стилемъ отличается и небольшая бронзовая бляшка изъ послѣднихъ раскопокъ г. Сергѣева въ Гнѣздовѣ, изображенная на таблицѣ XI подъ № 10. Общеизвѣстная распространенность этого стиля украшеній, изготовленныхъ изъ бронзы, золота, иногда инкрустированныхъ цвѣтными камнями или стекломъ (verroterie cloisonnée) даетъ намъ возможность не упоминать о многочисленыхъ изданіяхъ, въ которыхъ встрѣчаются изображенія этихъ характерныхъ украшеній, относимыхъ обыкновенно къ готскому или меровингскому стилю. Несмотря, однако, на распространенность украшеній изъ птичьихъ головъ или изъ цѣльныхъ хищныхъ птицъ, несмотря на то, что украшенія эти встрѣчаются въ готскихъ кладбищахъ (Bar. de Baye, Le cimetière wisigotique d'Herpes),—мы всетаки не можемъ причислять этого рода украшенія къ художественному творчеству германскихъ народностей; эти народности только содѣйствовали въ извѣстную эпоху распространенію этихъ формъ на Западѣ. Оставляя даже въ сторонѣ Сибирь, Приуральскій край, Кавказъ,—весьма многочисленныя находки въ Приднѣпровьѣ, относящіяся къ такъ называемой скиѳо-сарматской эпохѣ, даютъ намъ превосходные прототипы этихъ птичьихъ формъ. Укажемъ, для примѣра, на изданія гр. Бобринскаго и въ особенности на изданіе г. Ханенка—«Древности Приднѣпровья»; въ послѣднемъ изданіи изображенныя въ 3-мъ выпускѣ на табл. XLI бляшки отъ уздечки представляютъ историческіе типы птичьихъ головъ. Также вполнѣ стильными мы считаемъ и золотыя птичьи головки, служившія для украшенія налучья, изъ раскопокъ г. Зарѣцкаго въ Харьковской губерніи (Истор. музей). Даже типы птичьихъ головъ съ сильно завернутымъ внутрь клювомъ встрѣчаются также среди этихъ древностей; въ особенности интересны въ этомъ отношеніи псаліи, вырѣзные изъ кости. Для возможности такого происхожденія упомянутыхъ формъ мы не видимъ противорѣчія и въ хронологическомъ отношеніи. Обстоятельное выясненіе этого вопроса, по самому обилію матеріала, само собою разумѣется, требуетъ спеціальнаго изслѣдованія.

На таблицѣ III, на которой изображены бляхи отъ поясныхъ наборовъ и шесть пуговокъ, къ сѣверно-скандинавскому стилю можетъ быть отнесенъ во 1-хъ двойной наконечникъ отъ пояса, изображенный подъ № 4, узоръ котораго представляетъ плетенье съ довольно яснымъ расчлененіемъ частей, что указываетъ, по нашему мнѣнію, на болѣе древнее время его изготовленія сравнительно съ другими предметами болѣе поздняго времени того же скандинавскаго стиля [1]). Бляшка подъ № 12 изображаетъ въ своемъ узорѣ весьма интересный мотивъ двухъ связанныхъ узломъ драконовъ, симметрично расположенныхъ съ весьма характерно изображенными головами. Вся эта композиція и стиль изображенія даютъ намъ основаніе видѣть въ этомъ изображеніи сильное вліяніе Востока. Нѣкоторую аналогію съ этой бляшкой, по отношенію къ стилю и композиціи изображенія, мы находимъ въ медальонѣ, который изображенъ на таблицѣ IV подъ № 1: здѣсь два дракона, связанные хвостами, представляютъ собою весьма ясную и симметричную композицію. Парность изображенныхъ драконовъ, ихъ опредѣленный типъ и развѣтвленія ихъ хвостовъ особеннаго характера удаляютъ этотъ медальонъ отъ скандинавскаго стиля и приближаютъ его къ той категоріи вещей, на которыхъ отразилось сильное и болѣе древнее вліяніе Востока. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что этотъ бронзовый медальонъ найденъ вмѣстѣ съ византійской монетой, обдѣланной также въ формѣ медальона и относящейся къ VI столѣтію (на той же табл. № 3). Больше близости къ скандинавскому стилю мы находимъ въ узорѣ бронзоваго ажурнаго медальона, изображеннаго на той же таблицѣ подъ № 2. Узоръ плетенья и самый типъ дракона этого медальона но́сятъ печать уже поздней эпохи сѣвернаго стиля; такъ, сильно извитое тѣло дракона осложняется прибавкой рукообразныхъ оконечностей, а форма головы дракона является замѣтно удлиненной; прорѣзныя отверстія между плетеньями, представляющія однообразно-круглыя отверстія, указываютъ уже на шаблонность техники, сходной съ техникой позднихъ скорлупообразныхъ фибулъ.

Къ той же послѣдней категоріи предметовъ можно отнести литой серебряный медальонъ, изображенный на V таблицѣ подъ № 14. Смыслъ плетенія въ узорѣ этого медальона уже трудно уловить: рукообразныя оконечности такъ самостоятельно вплетаются въ узоръ и затемняютъ его композицію [2]). Подобный медальонъ мы встрѣчаемъ среди предметовъ извѣстнаго Гнѣздовскаго клада,. хранящагося въ Эрмитажѣ. Вообще этого стиля пред-

---

[1]) Вполнѣ возможно предположить, что бляшка эта могла служить украшеніемъ для уздечки. Основаніемъ для такого предположенія можетъ служить находка уздечки въ одномъ изъ Гнѣздовскихъ кургановъ г. Сергѣевымъ. Уздечка изображена на табл. XII подъ № 1. Хотя эта уздечка не сохранилась въ цѣломъ видѣ, но общую форму ея легко возстановить: ремень *cd* представляетъ горизонтальное перекрестье на лбу лошади, а ремни, примыкающіе подъ прямымъ угломъ къ концамъ лобнаго ремня, должны имѣть вертикальное направленіе по щекамъ лошади; отъ ремней, идущихъ подъ шеей и надъ ушами, сохранились только обрывки. Налобнымъ украшеніемъ этой уздечки служитъ литая изъ бронзы рельефная звѣриная головка, укрѣпленная посредствомъ шарнира къ квадратной рельефной бляхѣ; по сторонамъ этой бляхи и головки двѣ длинныхъ бляшки представляютъ совершенное сходство съ нашей двойной бляхой, изображенной на табл. III подъ № 4. Квадратныя бляшки, составляющія наборъ уздечки, повторяютъ типъ бляшки, изображенной на таблицѣ III подъ № 11; узоръ этихъ бляшекъ затемняется шаблонной передачей рисунка плетенія.

[2]) Такой смѣшанный рисунокъ съ рукообразными оконечностями Софусъ Миллеръ относитъ къ стилю карловингскому. (Die Thier-Ornamentik im Norden. Hamburg, 1881).

меты встрѣчаются весьма часто въ Скандинавіи. Если присоединить сюда бронзовые ажурные наконечники, то упомянутые предметы исчерпываютъ ту категорію находокъ, которую можно пріурочить къ скандинавскому стилю, выраженному въ той или другой стадіи его развитія. Болѣе древнія формы и орнаментика въ предметахъ Гнѣздовскаго могильника, по нашему мнѣнію, связываются тѣсно, какъ нами было уже указано, съ тѣмъ древнимъ готскимъ стилемъ, въ которомъ можно замѣтить и римское вліяніе и вліяніе Востока, принимая послѣдній терминъ въ широкомъ смыслѣ. Прекрасный единственный образецъ только что упомянутаго нами готскаго стиля, но въ его уже переходной стадіи развитія, представляетъ намъ бронзовая фибула, изображенная на V таблицѣ подъ № 17. Это, быть можетъ, единственная фибула, которая простотой художественнаго замысла въ формѣ и въ орнаментаціи значительно удаляется отъ предметовъ поздняго сѣверно-скандинавскаго стиля, но вмѣстѣ съ тѣмъ по художественнымъ элементамъ своей композиціи представляетъ точку отправленія къ этому послѣднему стилю. По своей формѣ она вообще отличается большой узкостью, такъ что верхняя бронзовая часть едва прикрываетъ нижнюю желѣзную шпильку; въ этой удлиненной формѣ ея чувствуется близость къ фибуламъ вообще римскаго поздняго типа; только способъ прикрѣпленія желѣзной булавки посредствомъ шарнира удаляетъ ее отъ фибулъ римской эпохи. Какъ видно на изображеніи, наружная бронзовая сторона ея представляетъ человѣческую голову или маску весьма характернаго древняго типа съ усами и съ двумя рядами зубовъ. Къ этой маскѣ вплотную подползаетъ змѣй, составляющій главную часть фибулы; голова этого змѣя обработана въ видѣ головы ящерицы или вообще гада, а однообразно-длинное туловище состоитъ изъ продольно-рубчатой ленты, которая только въ срединѣ на небольшомъ пространствѣ украшена поперечными рубчиками, весьма сходными по стилю съ рубчиками тѣхъ упомянутыхъ нами пряжекъ, которыя заканчиваются птичьими головками. Однообразно вытянутое тѣло змѣя образуетъ только въ одномъ мѣстѣ узелъ или завитокъ въ формѣ цифры 8; заканчивается туловище рѣзкимъ отломомъ, который, по нашему мнѣнію, трудно считать за случайный: намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что такой отломъ служилъ и прежде окончаніемъ фибулы. Что касается самой человѣческой маски, то въ ней несомнѣнно чувствуется традиція древняго стиля, близкая къ римскому времени, такъ какъ подобныя маски встрѣчаются на бронзовыхъ сосудахъ римской эпохи, найденныхъ въ Скандинавіи или Сѣверной Германіи. Такого рода изображенія встрѣчаются также и въ готскихъ вещахъ [1]).

[1]) Изображенія человѣческихъ лицъ или такъ называемыя «маски» въ видѣ украшеній, подобно головамъ птицъ и звѣрей, встрѣчаются среди древностей германскихъ (напр. у Линденшмидта) и среди древностей сѣверныхъ или скандинавскихъ (напр. у Монтеліуса, De Challu и др.); появленіе такого рода украшеній въ особенности дѣлается замѣтнымъ въ ту эпоху, которая характеризуется вліяніемъ римской императорской культуры на упомянутый варварскій міръ. Обыкновенно этими масками украшаются бронзовые котлы, ситулы римскаго издѣлія, но рядомъ съ этими римскими масками встрѣчаются и варварскія подражанія, интересныя по своей грубой выразительности и дѣтской обработкѣ. Однако среди этихъ изображеній мы не могли найдти аналогіи съ маской нашей фибулы: сходство заключалось въ грубой передачѣ типа, но самый типъ нашей фибулы иной: въ немъ мы замѣчаемъ утрировку въ изображеніи круглыхъ большихъ глазъ и большаго расширеннаго носа; эта утрировка особенно замѣтна при узкомъ, почти треугольномъ овалѣ лица. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, типъ этой маски остается единичнымъ, своеобразнымъ. Намъ кажется, что такого рода художественные пріемы въ стилизаціи можно замѣтить лишь въ изображеніяхъ птичьихъ и вообще звѣриныхъ головъ, относящихся къ такъ называемой скиѳо-сарматской эпохѣ (напр. въ

Такимъ образомъ мы полагаемъ вполнѣ возможнымъ отнести эту интересную фибулу къ временамъ, близкимъ къ господству готскаго стиля, т. е. примѣрно къ VI—VII вѣкамъ, или ко времени, когда животныя формы получаютъ уже органическую законченность и еще не затемняются задачами вычурной орнаментаціи плетеній, а выражаютъ варварски-наивную, но ясную и простую композицію. Самая форма змѣя здѣсь проста и ясна, и только голова его отличается той стилизаціей, въ которой уже замѣтна извѣстная эволюція первоначальной формы животнаго. Здѣсь реализмъ въ отношеніи головы змѣя, какъ кажется, долженъ былъ въ силу стремленія къ экспрессивности замѣнить форму реальной головы змѣя—незначительной по размѣрамъ и характеру—болѣе обобщеннымъ типомъ головы гада. Такимъ отступленіемъ отъ реальной правды давался просторъ дальнѣйшему развитію такихъ удлиненныхъ головъ, изображенія которыхъ дѣйствительно встрѣчаются въ орнаментикѣ въ болѣе позднія времена. Завитки туловища змѣя на нашей фибулѣ не могутъ относиться къ сѣверно-скандинавскому типу, а скорѣе напоминаютъ завитки эпохи готской, какъ это видно ясно въ сравненіи съ орнаментаціей пряжекъ Рейхенгалльскаго могильника.

Къ болѣе древнему стилю мы должны также отнести и двойную бронзовую посеребренную бляху отъ пояса, изображенную на таблицѣ III подъ № 1. Эта бляха, какъ видно по изображенію, украшена оброннымъ узоромъ изъ выпуклыхъ кружковъ. Нельзя здѣсь не замѣтить, что этого рода орнаментъ бляхи своей примитивной простотой, а также и особенной техникой никакъ не вяжется съ предметами сѣверо-скандинавскаго стиля—съ ихъ сложнымъ плетеньемъ и съ ихъ техникой отливки изъ бронзы и серебра; между тѣмъ бляха наша состоитъ изъ двухъ тонкихъ пластинокъ, узоръ которыхъ произведенъ выбивкой или тисненіемъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что двойныя удлиненныя бляхи, половинки которыхъ скрѣплены штифтиками, болѣе обычны въ предметахъ готскаго стиля. Что касается самаго характера орнамента, то подобные мотивы встрѣчаются какъ въ предметахъ такъ наз. бронзоваго вѣка, такъ и въ мѣдной посудѣ поздне-римской эпохи, связанной часто съ готскимъ стилемъ. Вообще бляха эта представляетъ единственный экземпляръ этого стиля среди коллекціи гнѣздовскихъ вещей.

Къ числу болѣе древнихъ вещей мы должны также отнести литую бронзовую бляшку отъ пояса, по всему вѣроятію, служившую его наконечникомъ, изображенную на табл. III подъ № 2. Здѣсь въ весьма простой горошчатой рамкѣ два раза повторяются рельефныя бородатыя личины или маски; такого рода личины встрѣчаются на посудѣ поздне-римской эпохи, иногда трактованной въ наивно-варварскомъ стилѣ. Но можно встрѣтить подобнаго рода личины, повторяющіяся въ цѣпномъ порядкѣ, и на тканяхъ эпохи Викинговъ; однако въ послѣднемъ случаѣ личины сопровождаются рамками изъ плетеній, а потому представляютъ, на нашъ взглядъ, болѣе позднее явленіе. Наконецъ бляшки отъ поясного набора подъ №№ 8

изображеніяхъ, помѣщенныхъ на таблицахъ изданій Б. И. Ханенка и гр. А. А. Бобринскаго). Тамъ въ птичьихъ головахъ чрезмѣрно большіе глаза и клювъ совершенно поглощаютъ голову птицы. То же самое встрѣчается въ подобныхъ изображеніяхъ такъ называемаго меровингскаго стиля, сохранившаго традиціи упомянутой нами болѣе древней культуры. Эти же традиціи и своеобразность типа лица заставляютъ насъ отнести эту фибулу къ эпохѣ переселенія народовъ и признать за ней мѣстную художественную выработку какъ формы фибулы, такъ и самой маски, что, по нашему мнѣнію, придаетъ этому предмету особый археологическій интересъ.

и 9 на той же таблицѣ встрѣчаютъ полную аналогію съ пряжкой, изображенной въ описаніи могильника Рейхенгалля. Стиль орнамента этихъ литыхъ пряжекъ, можно предположить, заимствовалъ свои мотивы съ той деревянной рѣзьбы, которая сохранилась на Сѣверѣ до самой эпохи Викинговъ и даже пережила это время. Укажемъ для примѣра на деревянный ящикъ, изображенный въ сочиненіи Монтеліуса—«Les temps préhistoriques en Suède», на стр. 176. Бляшки, изображенныя подъ №№ 38—43 включительно, различныхъ размѣровъ, найдены въ одномъ курганѣ и притомъ въ большомъ количествѣ, что заставляетъ предполагать, что онѣ служили наборомъ не пояса, а скорѣе конской сбруи, и такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ томъ же курганѣ были найдены кости лошади. Изъ числа упомянутыхъ бляшекъ обратимъ прежде всего вниманіе на бляшку подъ № 41, представляющую по своей формѣ и орнаментаціи особый интересъ; въ орнаментаціи этой бляшки совершенно отсутствуетъ плетенье, а орнаментъ ея можетъ быть названъ лиственнымъ, симметрично расположеннымъ и притомъ различнаго рельефа въ своихъ частяхъ; въ углахъ бляшки находятся маленькіе штифтики для прикрѣпленія къ ремню пояса; такой способъ прикрѣпленія въ противоположность съ глухими стержнями встрѣчается, какъ мы уже упоминали, въ пряжкахъ готскаго стиля. Кромѣ того, круглая вдавленная средина, по всему вѣроятію, предназначалась служить гнѣздомъ для какой-нибудь полушарообразной бусинки, сдѣланной изъ кости, стекла или подобнаго матеріала. На существованіе прежде такого накладного украшенія на бляшкѣ ясно указываетъ сохранившійся срединный штифтикъ, на которомъ и укрѣплялась полубусинка. Такого рода накладныя украшенія, между прочимъ, мы встрѣчаемъ въ пряжкахъ, бляхахъ и фибулахъ такъ наз. готскаго стиля, изображенія которыхъ находятся въ сочиненіяхъ Линденшмидта и барона де Бая. Очевидно, украшенія эти были сдѣланы изъ болѣе нѣжнаго матеріала и потому при сожженіи трупа не сохранились на нашей бляшкѣ [1]). Что касается опредѣленія стиля въ орнаментаціи этой бляшки, то мы находимъ возможнымъ на основаніи аналогіи отнести орнаментъ ея къ такъ наз. Каролингскому стилю.

Изъ упомянутой группы бляшекъ должно выдѣлить бляшки, которыя отличаются инымъ характеромъ стиля и иной техникой въ сравненіи съ только что описанной нами. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ бляшка подъ № 39, сохранившаяся всецѣло отъ огня, представляющая чрезвычайно интересный образецъ древней техники черневыхъ украшеній («niello»). На этой круглой бляшкѣ на серебрёномъ полѣ выдѣляется изображеніе звѣзды, сдѣланной чернью; такой же чернью заполнены внутренніе и внѣшніе круги бляшки. Техника наложенія черни прекрасно объясняется бляшкой № 38, которая вслѣдствіе дѣйствія огня утратила уже черневую накладку и посеребреніе, но сохранила обнаженные отъ черни тѣ пунктирные контуры, среди которыхъ въ углубленіяхъ и закрѣплялась чернь.

---

[1]) Относительно украшеній пряжекъ полубусинами, гранатами или др. камнями мы найдемъ много примѣровъ въ изображеніяхъ древностей, относящихся къ эпохѣ переселенія народовъ, какъ напр. въ сочиненіи De Challu «The Viking age», въ сочиненіяхъ Линденшмидта, въ изданномъ могильникѣ Рейхенгалля. Въ особенности подобныя украшенія ясно изображены въ шведскомъ академическомъ изданіи «Månadsblad» за 1878 г., на стр. 740, гдѣ изображены находки въ Готландѣ. Среди вещей Кузьминскаго могильника (Рязанской губ.) мы также замѣтили пряжку съ такими же украшеніями.

Такимъ образомъ счастливая случайность, сохранившая упомянутыя бляшки особой черневой техники въ различной степени сохранности ихъ, даетъ намъ возможность объяснить и возстановить черневыя украшенія въ цѣломъ рядѣ предметовъ, найденныхъ въ Гнѣздовскомъ могильникѣ, не сохранившихъ своихъ черневыхъ украшеній, а потому не понятныхъ по грубости оставшихся пунктирныхъ контуровъ; такъ, напр., бляшка № 40, найденная въ томъ же курганѣ, очевидно была также украшена чернью. То же самое можно сказать и о сердцевидной бляшкѣ № 42; ея сердцевидный пунктирный узоръ цѣликомъ входитъ въ составъ каймы или бордюра, украшающаго большую круглую бронзовую бляху, изображенную на табл. II подъ № 1, которая была по аналогіи несомнѣнно орнаментирована чернью и посеребрена. Такимъ же характеромъ украшеній чернью и серебреніемъ отличались, по всему вѣроятію, и бляшки т. III, №№ 5, 15, 17. Вообще всѣ указанные нами предметы выдѣлялись бы весьма рѣзко бѣдностью и грубостью орнаментаціи сравнительно съ другими предметами этого рода изъ того же могильника, еслибы ихъ не украшало серебреніе и чернь, понятная и объяснимая только благодаря находкамъ въ упомянутомъ нами курганѣ. Всѣ эти бляхи съ чернью по простотѣ ихъ орнаментаціи и даже по техникѣ, какъ видно, довольно распространенной, могутъ быть отнесены къ мѣстнымъ издѣліямъ Гнѣздова, хотя создавались онѣ, быть можетъ, по восточнымъ оригиналамъ, на что указываетъ въ особенности сердцевидный узоръ, а также и техника черни [1]).

Подъ № 43 изображена маленькая бляшка, представляющая по своей формѣ двойной завитокъ въ родѣ петли; по своему стилю и эта бляшка можетъ быть отнесена къ восточнымъ оригиналамъ. Мотивъ этой петельки мы встрѣчаемъ въ орнаментаціи угла бляхи, изображенной на табл. II, подъ № 7; рельефный орнаментъ этой большой бляхи не выходитъ изъ одной плоскости, но выдѣляется глубоко вынутымъ полемъ. Болѣе стильнымъ рисункомъ отличается другая подобная бляха подъ № 6, носящая на себѣ по своему внѣшнему очертанію признаки восточнаго стиля, къ области котораго можемъ отнести и вышеупомянутую бляху № 7. Обѣ бляхи, какъ кажется, служили для укрѣпленія ноженъ меча къ ремню, который, вѣроятно, продѣвался въ серединѣ отверстій и могъ задерживаться тамъ посредствомъ длинной гайки на ремнѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что подобныя бляхи находились и въ другихъ могильникахъ Смоленской губерніи, представляя собою, такимъ образомъ, извѣстныя приспособленія, весьма характерныя не только для Гнѣздова, но также и для другихъ сосѣднихъ мѣстностей. Нѣкоторую аналогію въ служебномъ назначеніи этихъ бляхъ мы встрѣчаемъ въ бляхахъ изъ могильника въ Пассельсѣ (на лѣвомъ берегу р. Виндавы въ 35 верстахъ отъ устья) [2]), но тамъ формы этихъ мечныхъ бляхъ—круглыя, а не квадратныя [3]).

[1]) Въ 1899 году г. Бугославскимъ, вмѣстѣ съ С. П. Писаревымъ, хранителемъ Смоленскаго музея древностей, и нѣкоторыми другими лицами, раскопаны были 4 кургана близъ Днѣпра, въ урочищѣ «Змѣиный островъ», отстоящемъ въ двухъ верстахъ на Ю.-З. отъ деревни Гнѣздова. Въ одномъ изъ изслѣдованныхъ кургановъ былъ найденъ наборъ изъ 16 бляхъ, совершенно подобныхъ найденнымъ нами бляхамъ со звѣздочками. Докладъ о раскопкахъ г. Бугославскаго, на основаніи его дневника, былъ сдѣланъ мною въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Археологическаго Общества.

[2]) См. Предварительный отчетъ Комитета Рижскаго Съѣзда.

[3]) Подобная же бляха найдена г. Сергѣевымъ и изображена на табл. XII. На этой бляхѣ восточный стиль,

Бляхи отъ поясныхъ наборовъ, изображенныя на т. III подъ №№ 19, 20, 21, 22, представляя орнаментъ, находящійся въ одной плоскости и съ углубленнымъ полемъ, отличаются такими характерными чертами восточнаго стиля, что смѣло могутъ быть отнесены къ восточнымъ произведеніямъ, причемъ слѣдуетъ отмѣтить, что бляхи №№ 21, 22 носятъ на себѣ всѣ черты арабскаго стиля, а №№ 19, 20 скорѣе могутъ быть отнесены къ издѣліямъ Средней Азіи. Характерныя черты орнамента этихъ послѣднихъ бляхъ заключаются въ гладкихъ ромбическихъ плоскостяхъ, занимающихъ значительное пространство и особенно выдѣляющихъ стилизованные листья. Бляхи №№ 33—35 очертаніями своихъ формъ напоминаютъ разрѣзы гранатныхъ яблокъ, точно такъ же, какъ и бляхи №№ 23 и 24.

Къ сердцевидной «восточной» формѣ приближаются бляхи подъ №№ 26—31 и № 47 и наконецъ бляхи подъ №№ 7—11 на V таблицѣ. Такимъ образомъ можно замѣтить, что сердцевидная форма, свойственная восточному стилю, особенно преобладаетъ въ найденныхъ поясныхъ наборахъ. Къ квадратнымъ бляхамъ могутъ быть отнесены бляхи, изображенныя подъ №№ 14, 15, 16, 17 и 25. Изъ нихъ № 25 представляетъ особый интересъ по прекрасной обработкѣ пятилистнаго цвѣтка (крина?). Здѣсь слѣдуетъ также обратить вниманіе на тотъ интересный фактъ, что маленькая серебряная круглая бляшка, изображенная подъ № 37, украшенная семью рельефными, но плоскими кружками, точно такъ же, какъ и сердцевидная бляха, изображенная на V таблицѣ подъ № 10, находитъ себѣ полную аналогію въ орнаментаціи глиняной посуды, вывезенной въ большомъ количествѣ фрагментовъ графомъ А. А. Бобринскимъ изъ Средней Азіи, именно съ береговъ Аму-Дарьи. Насъ не должны удивлять въ данномъ случаѣ такіе заносы вкусовъ изъ дальняго средне-азіатскаго Востока, если мы припомнимъ, что оттуда шли въ Россію въ большомъ количествѣ и диргемы. Къ этого рода восточнымъ издѣліямъ, на основаніи сходства въ орнаментаціи, мы причисляемъ и бляшки за №№ 44—51. Въ томъ же стилѣ бляшка № 55 отлита изъ серебра [1]).

Другого рода стиль выражается въ бронзовой двойной пластинкѣ, изображенной подъ № 6 на V таблицѣ. Эта длинная пластинка отъ пояса украшена прямоугольными вырѣзками, придающими этому предмету весьма характерный стиль для времени переселенія народовъ. Въ извѣстномъ сочиненіи Линденшмидта находятся изображенія поясныхъ бляхъ того же ха-

---

арабскій, выраженъ еще яснѣе какъ въ очертаніяхъ формы бляхи, такъ и въ помѣщенныхъ внутри пятилепестныхъ цвѣткахъ.

[1]) Совершенно аналогичныя бляхи восточнаго стиля отъ поясныхъ наборовъ или уздечекъ встрѣчаются весьма часто въ могильникахъ финскаго типа въ губерніи Тамбовской, по р. Камѣ и даже въ Сибири, такъ же, какъ и въ странѣ Мерянъ. Мы не говоримъ о другихъ находкахъ въ курганахъ сѣверной и центральной Россіи. Только въ могильникахъ финскаго типа, въ упомянутыхъ нами мѣстностяхъ этого рода украшенія встрѣчаются въ большомъ количествѣ экземпляровъ и притомъ разнообразнаго рисунка, но того же восточнаго стиля. Укажемъ для примѣра на статью г. Первухина, напечатанную въ «Матеріалахъ по археологіи восточныхъ губерній Россіи» (т. II, 1896 г.) и озаглавленную: «По слѣдамъ Чуди—у верховьевъ р. Камы». Тамъ на табл. XII, подъ № 25, 35 изображены сердцевидныя бляшки, совершенно сходныя съ гнѣздовскими. Точно такъ же мы находимъ сходныя бляшки и въ Лядинскомъ могильникѣ (Тамбовской губ.), изданномъ Имп. Археолог. Коммиссіей *(Мат. по археологіи Россіи, № 10)*,—на табл. VI, VIII и въ рисункахъ, помѣщенныхъ въ текстѣ. Не перечисляемъ другихъ аналогичныхъ фактовъ, потому что и упомянутыя нами находки указываютъ, по нашему мнѣнію, что издѣлія этого рода, имѣющія вообще шаблонный или фабричный характеръ, съ Востока, скорѣе всего изъ Болгаръ, распространялись въ Приуральѣ, Сибири, но въ особенности шли въ большомъ количествѣ на Западъ, и въ Гнѣздовѣ, очевидно, этотъ товаръ имѣлъ большой сбытъ.

рактера, отнесенныхъ имъ къ той же эпохѣ. Изъ числа Гнѣздовскихъ находокъ къ тому же стилю мы можемъ отнести подобную же бляху, находящуюся въ собраніи древностей графини Уваровой. Къ этому же характерному стилю можетъ быть отнесенъ фрагментъ серебряной городчатой пластинки, изображенный подъ № 5 на табл. IV. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, однако, что хотя стиль упомянутыхъ нами предметовъ и относится къ древнему времени переселенія народовъ, но самые предметы, найденные нами въ курганахъ Гнѣздова, вмѣстѣ съ предметами болѣе новаго стиля, могутъ представлять лишь пережитки стараго времени; причемъ также слѣдуетъ замѣтить, что эти городчатые узоры, извѣстные также въ древней Азіи и на Кавказѣ, сдѣлались съ теченіемъ времени однимъ изъ національныхъ мотивовъ въ украшеніяхъ разнаго рода народныхъ издѣлій центральной Россіи и въ особенности Смоленской губерніи, гдѣ обиліе этого мотива въ рѣзныхъ деревянныхъ украшеніяхъ избъ и т. п. предметовъ объясняется, между прочимъ, удобствомъ высѣчки этого узора изъ дерева.

Особенный интересъ по техникѣ представляетъ намъ желѣзный наконечникъ, вѣроятно отъ пояса, изображенный на табл. III подъ № 7, сплошь покрытый мелкими поперечными рубчиками, представляющими извѣстнаго рода подготовку для заполненія промежутковъ серебромъ, не сохранившимся въ данномъ случаѣ отъ вліянія огня. Тонкость техники этого узора и аналогія со многими желѣзными предметами, какъ напр. съ рукоятью меча, найденнаго въ Гнѣздовѣ, съ желѣзными предметами изъ могильника Рейхенгалля въ Баваріи, съ орнаментированными желѣзными предметами изъ могильника въ Пассельсѣ не оставляютъ сомнѣнія въ дамаскированіи этого наконечника.

Желѣзная скобочка съ зубчатой серединой и съ зубчатыми краями, также какъ и застежка (табл. II, № 4 и 10), могутъ быть отнесены къ мѣстнымъ издѣліямъ. Серебряныя дутыя пуговки общеизвѣстнаго типа въ формѣ шариковъ, изображенныя подъ №№ 56, 57, 58, встрѣчаются въ народномъ быту до сихъ поръ, хотя пуговка № 58 и можетъ быть отнесена къ восточнымъ издѣліямъ. Какъ намъ кажется, къ тѣмъ же восточнымъ издѣліямъ можетъ быть отнесена и серебряная пряжка—одиночка (табл. II, № 11) съ рельефнымъ изображеніемъ восточнаго цвѣтка; пряжка эта найдена въ кострищѣ большого кургана.

На таблицѣ IV болѣе или менѣе сгруппированы предметы, относящіеся къ женскимъ украшеніямъ; изъ нихъ о медальонѣ № 1 мы уже упоминали, относя его вообще къ издѣліямъ болѣе древняго періода, чѣмъ періодъ Викинговъ, на основаніи изображенныхъ на этомъ медальонѣ двухъ симметрично связанныхъ драконовъ съ развѣтвленными хвостами. Въ томъ же курганѣ найдены медальоны, изображенные подъ №№ 2 и 3; изъ нихъ первый можетъ быть отнесенъ къ мѣстнымъ издѣліямъ по неаккуратно выпнутому полю вокругъ перегнутой фигуры звѣря, длинный носъ котораго характерно загнутъ къ верху; по сюжету композиціи онъ напоминаетъ наконечникъ отъ ноженъ меча, изображенный подъ № 6, табл. VIII. Второй медальонъ состоитъ изъ бронзовой византійской монеты VI вѣка, обращенной въ медальонъ посредствомъ припайки ушка, вѣроятно, какимъ-либо мѣстнымъ мастеромъ. Хотя монета съ ушкомъ не можетъ вообще датировать самаго кургана, но въ данномъ случаѣ находка этой монеты, а также и другихъ уже упомянутыхъ вещей, позволяетъ намъ отнести насыпку этого кургана

къ болѣе древнимъ временамъ сравнительно съ другими курганами Гнѣздова, въ которыхъ найдены были арабскіе диргемы X вѣка или другіе предметы, характерные для той же эпохи. Наконецъ медальонъ, изображенный подъ № 4, отлитый изъ бронзы и сохранившій слѣды позолоты, выдѣляется своимъ лиственнымъ орнаментомъ отъ другихъ медальоновъ, а также и сильнымъ рельефомъ этого лиственнаго изображенія, состоящаго изъ двухъ паръ растительныхъ завитковъ, выходящихъ изъ узловъ или вазоновъ. Орнаментъ этотъ встрѣчается въ древнеперсидскихъ архитектурныхъ орнаментахъ, но онъ можетъ принадлежать къ болѣе позднему арабскому искусству или даже византійскому. №№ 6 и 7 изображаютъ весьма обычныя для того времени привѣски въ формѣ лунницъ. Ихъ форма и техника не оставляютъ сомнѣній въ ихъ арабскомъ происхожденіи. Какъ извѣстно, совершенно подобныя лунницы находятся въ числѣ прочихъ вещей Гнѣздовскаго клада, хранящагося въ Эрмитажѣ. Что же касается до серебрянаго городчатаго фрагмента, о которомъ мы уже упоминали, то здѣсь слѣдуетъ только добавить, что, несмотря на всю простоту рисунка, эта вещь отличается замѣчательно тонкой техникой, которая однако не мѣшаетъ намъ отнести эту вещь къ мѣстнымъ издѣліямъ, на что даетъ намъ право характеръ городчатыхъ вырѣзокъ, весьма распространенный, и затѣмъ битыя рельефомъ пирамидки изъ кружечковъ, подражающія техникѣ зерни въ настоящихъ арабскихъ издѣліяхъ. Что касается назначенія этой вещи, то мы считаемъ ее, какъ уже упоминали, за женскій головной уборъ или за нижнее украшеніе этого убора, или, говоря вообще, за вѣнчикъ, на томъ основаніи, что пластинка эта даже въ сохранившемся фрагментѣ замѣтно суживается въ одну сторону и въ нижней своей части, т. е. въ основаніи, не имѣетъ того закругленія, которое было бы обычнымъ и удобнымъ, еслибы этотъ предметъ служилъ оковкой рога, какъ предполагаетъ Н. Е. Бранденбургъ на основаніи аналогіи съ своими находками. Упомянутая нами распространенность этого рода орнамента даетъ возможность предполагать его существованіе въ украшеніи различнаго рода предметовъ. Замѣтимъ также, что городчатый вѣнецъ встрѣчается на древнихъ памятникахъ и изображеніяхъ. Древность его происхожденія можетъ быть объяснена вѣнцами на изображеніяхъ Сассанидскихъ царей. Суживающуюся форму вѣнцовъ или повязокъ въ формѣ вѣнца мы встрѣчаемъ въ золотой, украшенной финифтью діадемѣ, найденной въ Кіевѣ и хранящейся въ Эрмитажѣ, а также въ вѣнчикахъ, найденныхъ въ курганахъ Вотьской пятины, въ раскопкахъ покойнаго Ивановскаго. Гвоздикъ, сохранившійся на вершинѣ одного городка въ нашемъ фрагментѣ, указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что означенный вѣнчикъ прикрѣплялся посредствомъ этого гвоздика къ какой-нибудь толстой подкладкѣ, какъ напр. къ берестѣ. Аналогичнымъ примѣромъ этому можетъ служить серебряный трубчатый вѣнчикъ, найденный г. Турбинымъ въ курганѣ Могилевской губерніи. Вообще подобнаго рода твердыя подкладки существуютъ и на современныхъ женскихъ головныхъ уборахъ крестьянокъ. Болѣе прочную основу нашего объясненія мы ставимъ однако въ зависимость отъ нахожденія новыхъ аналогичныхъ фактовъ.

Наиболѣе характернымъ и оригинальнымъ предметомъ украшенія въ Гнѣздовскихъ курганахъ можно считать желѣзныя шейныя гривны, попадавшіяся часто въ этихъ курганахъ, причемъ ихъ нерѣдко приходилось встрѣчать положенными на верху погребальной урны, очевидно, съ большою заботливостью.

Серебряныя и бронзовыя гривны намъ не встрѣчались въ курганахъ Гнѣздова. Употребленіе серебряныхъ гривенъ въ этой мѣстности доказывается единственно нахожденіемъ ихъ среди вещей Гнѣздовскаго клада въ Эрмитажѣ, но и тѣ гривны по ихъ техникѣ и формѣ и по сравненію съ находимыми часто въ курганахъ центральной Россіи принадлежатъ несомнѣнно къ издѣліямъ привознымъ и весьма рѣдкимъ. Такимъ образомъ желѣзныя гривны остаются исключительно характернымъ украшеніемъ для Гнѣздовскаго могильника. Изображенная подъ № 13 на табл. IV гривна, подобно другимъ гнѣздовскимъ гривнамъ, сдѣлана изъ желѣза четырехгранной формы, но мѣстами кована въ формѣ жгута; застегивается она посредствомъ смѣло завернутыхъ завитковъ на концахъ. Простота формы этого предмета часто разнообразится желѣзными привѣсками въ формѣ спиралей, колецъ, кружковъ и тѣхъ предметовъ, которые у сѣверныхъ археологовъ обыкновенно называются «молотками Тора». Несмотря на эти привѣски, не всегда даже встрѣчаемыя, нельзя думать, чтобы въ такомъ грубомъ видѣ желѣзная гривна могла служить украшеніемъ женскаго наряда. Мы полагаемъ, что желѣзная гривна въ томъ видѣ, какъ она изображена на нашей таблицѣ и какъ обыкновенно она встрѣчается въ раскопкѣ, могла служить только простымъ остовомъ для украшенія, которое могло состоять изъ какихъ-либо плетеній, покрывавшихъ сплошь этотъ остовъ и сдѣланныхъ изъ шерстяныхъ или шелковыхъ нитей или даже изъ серебряной или золотой канители. На такое назначеніе желѣзной гривны, какъ основы, указываетъ между прочимъ весьма интересный фактъ находки покойнымъ профессоромъ Богдановымъ въ одномъ изъ кургановъ Московской губерніи фрагмента подобной желѣзной гривны, сохранившей покрывавшее ее густое сплошное плетенье разныхъ цвѣтовъ, такъ что въ цѣломъ своемъ видѣ эта гривна должна была имѣть видъ разноцвѣтнаго толстаго жгута, уже представлявшаго извѣстный эстетическій смыслъ въ женскомъ нарядѣ. Только въ такомъ видѣ, намъ кажется несомнѣннымъ, и могла употребляться желѣзная гривна, имѣвшая такимъ образомъ лишь служебное значеніе. Приведемъ кстати еще слѣдующій фактъ: нами найдены подобныя желѣзныя гривны въ могильникѣ Пассельса и въ болѣе древнемъ могильникѣ у устья рѣки Хазавы (Хазау). Въ обоихъ могильникахъ эти желѣзныя гривны, совершенно подобныя гнѣздовскимъ, служили лишь стержнями для нанизанныхъ на нихъ крупныхъ бусъ, которыя ихъ совершенно закрывали. Культуру упомянутыхъ могильниковъ мы имѣемъ основаніе сближать съ культурою вообще балтійскихъ Славянъ, какъ и было нами заявлено въ рефератѣ о нашихъ раскопкахъ въ Курляндіи, читанномъ въ одномъ изъ засѣданій Рижскаго археологическаго съѣзда. Напомнимъ также, что могильникъ Пассельса относится къ XIII и началу XIV вѣка; болѣе древнимъ мы считаемъ упомянутый могильникъ въ Хазау. Въ курганахъ же центральной Россіи, относящихся предположительно къ восточнымъ Славянамъ, этого рода желѣзныя гривны встрѣчаются вообще чрезвычайно рѣдко, и слѣдовательно онѣ составляютъ характерную особенность Гнѣздовскаго могильника. Упомянутая нами единичная находка пр. Богдановымъ желѣзной гривны въ курганахъ Московской губерніи можетъ служить лишь фактомъ, на основаніи котораго можно предположить, что населеніе или колонизація Московской губерніи совершалась и при участіи Смоленскихъ Славянъ или Кривичей [1]).

[1]) Желѣзныя шейныя гривны встрѣчаются, хотя весьма рѣдко, въ могильникахъ финскаго типа, какъ напр.

Очевидно, въ Россіи этого рода гривны вышли скоро изъ употребленія, потому что замѣнились бронзовыми и въ особенности серебряными, привозимыми вначалѣ, вѣроятно, изъ Закамья и послужившими образцами для мѣстныхъ подражаній изъ бронзы. Этого же рода гривны въ качествѣ основы сохранились у обитателей Балтійскаго моря до самаго XIV столѣтія, но украшены онѣ были, какъ мы уже упоминали, не плетеньемъ, а стеклянными бусами. Въ нашихъ гривнахъ изъ Гнѣздова мы должны видѣть именно основу для плетенья, которая удерживалась прочно на мѣстѣ рубчатыми частями гривны. Присутствіе же бусъ на гнѣздовскихъ гривнахъ не имѣетъ до сихъ поръ фактическихъ основаній. Что же касается до упомянутыхъ нами желѣзныхъ привѣсокъ, то, несмотря на ихъ сходство съ скандинавскими, какъ напр. упомянутыя привѣски «молотка Тора», мы всетаки не можемъ отнести эти предметы къ издѣліямъ сѣверо-скандинавскимъ: этого рода предметы могли имѣть и у Скандинавовъ значеніе амулета, а слѣдовательно значеніе профилактическое, но съ такимъ значеніемъ предметы могли имѣть широкое распространеніе въ смыслѣ ихъ формъ у разныхъ языческихъ народовъ съ инымъ религіознымъ культомъ. По всему вѣроятію такимъ же профилактическимъ значеніемъ отличаются упомянутыя привѣски въ формѣ кружковъ и колецъ, тѣмъ болѣе, что для практическаго значенія этихъ привѣсокъ мы не знаемъ аналогіи; но во всякомъ случаѣ мы можемъ утверждать, что означенныя гривны съ ихъ привѣсками являются для насъ предметами несомнѣнно мѣстнаго производства, на что указываетъ ихъ широкая распространенность въ мѣстности Гнѣздова и самая техника въ обработкѣ желѣза, производившейся въ Гнѣздовѣ, судя по другимъ находкамъ, съ замѣчательнымъ мастерствомъ и разнообразіемъ.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть, что, находя нѣкоторую аналогію желѣзной привѣски съ «молоткомъ Тора», мы не можемъ однако настаивать на близкомъ сходствѣ упомянутыхъ предметовъ, такъ какъ молотокъ Тора, изображенный часто въ различныхъ изданіяхъ сѣверныхъ древностей, представляетъ дѣйствительно несомнѣнное сходство съ обычнымъ молоткомъ, иногда даже съ обозначеніемъ впущенной въ отверстіе молотка рукоятки. Наша привѣска изъ Гнѣздова, походя въ своемъ общемъ очертаніи на молотокъ, въ то же время своимъ нижнимъ заостреннымъ лезвіемъ скорѣе приближается къ сѣкирѣ, форма которой указываетъ несомнѣнно на древность; такой формы сѣкиры изображены въ соч. Линденшмидта и относятся къ такъ называемой «меровингской эпохѣ». Нельзя также здѣсь не обратить вниманія на тотъ фактъ, что на изображенной у насъ гривнѣ находятся двѣ такія привѣски молотка, такъ же, какъ и два желѣзныхъ кружка, а эта симметричность не говоритъ въ пользу изображенія «молотка Тора», потому что «молотокъ Тора», какъ привѣска, имѣющая священное значеніе, въ данномъ случаѣ можетъ встрѣчаться только въ единичномъ экземплярѣ [1]).

въ Кошибеевкѣ (раскопки А. А. Спицына) и въ Кузьминскомъ могильникѣ. Здѣсь ихъ служебное значеніе выражается ясно тѣмъ, что эти гривны, имѣющія видъ гладкаго желѣзнаго прута, покрываются сплошь мѣдными спиралями и въ промежуткахъ красными бусами, напоминающими по цвѣту и составу красную эмаль, такъ называемую меровингской эпохи. Эти гривны, подобно бронзовымъ изъ тѣхъ же могильниковъ, всегда гладкія, очевидно предназначались единственно для нанизыванія спиралей и бусъ. Въ могильникѣ «Борки» намъ встрѣтился единственный извѣстный намъ экземпляръ желѣзной гривны, имѣющей плоскую, серповидную форму; но эта гривна имѣла на лицевой сторонѣ маленькіе шипы, служившіе, очевидно, для укрѣпленія какой-либо накладки изъ другаго матеріала.

[1]) На другихъ желѣзныхъ гнѣздовскихъ гривнахъ, находящихся въ Историческомъ музеѣ, встрѣчаются при-

Въ другихъ желѣзныхъ гривнахъ изъ Гнѣздова, кромѣ упомянутыхъ нами привѣсокъ, встрѣчаются еще подвижные ряды желѣзныхъ колецъ, завитыхъ иногда спиралью. Не находя возможнымъ объяснить такимъ образомъ значеніе этихъ привѣсокъ, мы можемъ только предположить въ нихъ какое-либо служебное значеніе, какъ и въ самой желѣзной гривнѣ. Такимъ образомъ мы полагаемъ, что предметы эти могли служить скорѣе всего также остовомъ или прикрѣпой для какихъ-нибудь украшеній, привѣшенныхъ къ нимъ. Бронзовый браслетъ № 14 той же таблицы для даннаго случая представляетъ, какъ намъ кажется, весьма интересную аналогію: этотъ браслетъ сдѣланъ изъ толстой бронзовой проволоки, которая утончается къ концамъ, скрѣпленнымъ весьма обычнымъ узломъ въ формѣ двухъ завитковъ или спиралей; на этомъ браслетѣ находятся два желѣзныхъ колечка, весьма сходныхъ по формѣ съ колечками на нашихъ желѣзныхъ гривнахъ. Назначеніе этихъ колечекъ поясняется въ свою очередь серебрянымъ браслетомъ, найденнымъ въ Сканіи, весьма сходнымъ по формѣ и узлу съ нашимъ бронзовымъ. На этомъ серебряномъ браслетѣ нанизаны семь колечекъ, сдѣланныхъ изъ серебряной проволоки и завязанныхъ такимъ же характернымъ узломъ, какой встрѣчается на нашемъ бронзовомъ браслетѣ; четыре изъ этихъ серебряныхъ колечекъ сохранили въ видѣ привѣсокъ серебряныя арабскія монеты, изъ которыхъ каждая, свернутая въ трубочку, обхватываетъ каждое колечко, что само собою ясно указываетъ, что эти колечки съ монетами и предназначались служить украшеніями для браслетовъ. На основаніи такого факта мы считаемъ вполнѣ возможнымъ предположить, что колечки нашего бронзоваго браслета точно такъ же, какъ колечки и привѣски гнѣздовскихъ желѣзныхъ гривенъ, могли служить для прикрѣпленія какихъ-либо украшеній.

Что касается браслетъ или запястій, то этого рода украшенія въ Гнѣздовскомъ могильникѣ встрѣчались вообще замѣчательно рѣдко: описанный выше экземпляръ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Мы можемъ еще указать на другого типа браслетъ, найденный въ Гнѣздовѣ, изображенный на V таблицѣ подъ № 16. Этотъ бронзовый пластинчатый браслетъ покрытъ сплошнымъ прямолинейнымъ узоромъ, образующимъ ромбики и по своему стилю не имѣющимъ ничего общаго съ такъ называемымъ скандинавскимъ стилемъ; по нашему мнѣнію, этотъ узоръ представляетъ сходство съ народнымъ русскимъ шитьемъ, хотя въ общей его формѣ нельзя не замѣтить сходства съ восточными браслетами, такъ какъ концы нашего браслета, постепенно суживаясь, заканчиваются плосковатыми закругленіями, предназначенными для какихъ-либо камней или просто замѣняющими ихъ. Несмотря однако на этотъ восточный типъ внѣшней формы браслета, его орнаментъ намъ представляется вполнѣ народнымъ славянскимъ орна-

---

вѣски, напоминающія особой формы топорики; изображенія именно такой формы топориковъ мы встрѣчаемъ въ сочиненіи Линденшмидта Handbuch der Deutschen Altertumskunde, ч. 1, стр. 192—193, фиг. 91 и 92. Въ роскошномъ изданіи б. де-Бая «Le cimetière wisigothique d'Herpes», на табл. II, подъ № 4 мы находимъ изображеніе топора, близкаго по формѣ къ привѣскамъ на гнѣздовскихъ гривнахъ.

Такимъ образомъ два вида привѣсокъ находятъ полную аналогію съ топорикомъ такъ называемаго «меровингскаго времени», что позволяетъ намъ принимать эти привѣски за пережитки временъ переселенія народовъ, когда эти привѣски могли имѣть иное символическое значеніе, чѣмъ молотокъ Тора эпохи Викинговъ. Замѣтимъ также, что въ позднихъ курганахъ центральной Россіи привычка къ привѣскамъ выражается въ находкахъ миніатюрныхъ бронзовыхъ гребней, топориковъ поздняго типа и др. предметовъ.

ментомъ, что даетъ намъ основаніе отнести этотъ предметъ къ мѣстнымъ издѣліямъ. Судя по пунктирнымъ линіямъ, можно предположить, что онъ былъ покрытъ серебромъ и черныо. Не считая нѣсколькихъ бронзовыхъ безформенныхъ фрагментовъ, какъ кажется, отъ браслетъ, не поддающихся, вслѣдствіе ихъ испорченности, опредѣленіямъ, мы можемъ сказать, что упомянутыми фактами исчерпываются находки браслетъ въ Гнѣздовскомъ могильникѣ; очевидно, поэтому можно думать, что браслеты вообще были рѣдкимъ украшеніемъ женщины въ мѣстностяхъ Гнѣздова.

Такъ же рѣдко встрѣчались въ Гнѣздовѣ и серьги, и притомъ въ такомъ попорченномъ видѣ, что форма ихъ могла сохраниться единственно въ нашей памяти: это были изъ весьма тонкой проволоки колечки, иногда украшенныя маленькой стеклянной бусинкой синяго цвѣта. Единственный цѣльный экземпляръ серьги другого типа изображенъ на таблицѣ IV подъ № 15. Здѣсь кольцо изъ тонкой проволоки украшено тремя серебряными дутыми бусинами, указывающими на восточное происхожденіе этой формы серьги. Подобныя бусины, но болѣе крупнаго размѣра, найдены вмѣстѣ съ серебряными диргемами. Очевидно, упомянутая нами цѣльная серьга можетъ быть принята за прототипъ тѣхъ проволочныхъ колецъ и серегъ, украшенныхъ металлическими бусинами различной формы и техники, которыя относятся уже къ болѣе позднему времени, то есть къ серьгамъ такъ называемаго кіевскаго типа или къ такъ называемому княжескому періоду. Такимъ образомъ на основаніи матеріала раскопокъ нельзя не замѣтить, что распространенность употребленія браслетовъ, височныхъ колецъ и въ особенности ушныхъ серегъ въ эпоху Гнѣздовскаго могильника является весьма сомнительной: вторженіе этого рода предметовъ въ число обычныхъ женскихъ украшеній, очевидно, могло совершиться лишь позднѣе—подъ вліяніемъ Востока и Византіи.

То же можно сказать о перстняхъ и кольцахъ, такъ какъ кольца, изображенныя подъ №№ 10, 11, 12, не могли служить, по нашему мнѣнію, украшеніемъ пальцевъ, а по всему вѣроятію служили для привѣшиванія какихъ-либо предметовъ, какъ напримѣръ брусковъ и т. п.; изъ перстней же найденъ всего одинъ экземпляръ, сдѣланный изъ серебра и, повидимому, украшенный рельефнымъ орнаментомъ, но настолько попорченный огнемъ, что изданіе его не представляетъ достаточнаго интереса.

Къ болѣе обычнымъ украшеніямъ женскаго костюма могутъ быть отнесены бусы, попадавшіяся весьма часто въ гнѣздовскихъ курганахъ въ весьма разнообразномъ количествѣ. Бусы вообще въ могильникахъ, по нашему мнѣнію, представляютъ большой археологическій интересъ потому, что весьма часто могутъ служить весьма характернымъ признакомъ времени и указывать при этомъ на торговыя сношенія данной мѣстности съ другими, часто весьма отдаленными странами.

Въ гнѣздовскихъ курганахъ наиболѣе оригинальными и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе обычными можно считать тѣ бусы или пронизки, которыя изготовлялись изъ какой-то каменистой пасты, напоминающей иногда своими блѣднорозовыми тонами мраморъ, кораллъ или кость. Этого рода бусы встрѣчаются то въ видѣ многогранныхъ призмъ (№ 22), то въ видѣ додекаедровъ (№ 23); между прочимъ одна изъ этихъ бусинъ, имѣющая плосковатую форму, изо-

браженная на таблицѣ V подъ № 4, продѣтая на серебряную проволоку, могла служить простой привѣской [1]).

Другого рода бусы, также часто встрѣчаемыя въ Гнѣздовѣ, изготовлялись изъ стекла въ формѣ гладкихъ и рубчатыхъ шариковъ, иногда сдавленныхъ и напоминающихъ въ такомъ случаѣ форму дыни; цвѣтъ этихъ бусъ встрѣчается темносиній или прозрачный, напоминающій горный хрусталь (№№ 21, 24, 25) [2]). Круглыя бусы большею частью изготовлялись изъ горнаго хрусталя, какъ напримѣръ буса № 26. Нерѣдко встрѣчались также бусы изъ сердолика; онѣ имѣли обыкновенно форму шариковъ, многогранныхъ призмъ, додекаедровъ, но никогда не встрѣчались бусы той многогранной оливковой формы, которая является столь обычной въ курганахъ съ погребеніемъ. Буса, изображенная подъ № 18, представляетъ рѣдкую форму столбика-балясника и, вѣроятно, сдѣлана изъ горнаго хрусталя. Двойныя бусинки подъ №№ 16, 17, 19, 20 отличаются голубовато-зеленымъ цвѣтомъ, желтымъ и золотистымъ; въ послѣднемъ случаѣ позолота находится внутри бусины, такъ какъ она сверху прикрывается слоемъ стекла. Замѣтимъ здѣсь, что подобной техники золоченыя и серебреныя бусы, но только въ формѣ цилиндриковъ мелкихъ и крупныхъ, весьма часто встрѣчаются въ курганахъ съ погребеніемъ, но техника ихъ отличается большею грубостью. Весьма интересно здѣсь подчеркнуть тотъ фактъ, что этого рода бусы въ могильникѣ Гнѣздова не встрѣчаются; точно также онѣ не встрѣчаются и въ другихъ извѣстныхъ намъ могильникахъ съ трупосожженіемъ. Болѣе крупнаго размѣра бусы съ глазками встрѣчаются различныхъ цвѣтовъ, и многія изъ нихъ представляютъ аналогію съ бусами изъ могильниковъ Осетіи на Кавказѣ.

Наконецъ намъ приходится отмѣтить и тѣ бусы свѣтлосиняго стекла, довольно крупныя, прозрачныя и круглой формы, которыя встрѣчаются всегда въ болѣе или менѣе расплавленномъ видѣ; этого рода бусы, сравнительно съ другими, мы можемъ отнести къ болѣе древнимъ, потому что онѣ встрѣчались намъ въ тѣхъ курганахъ другихъ мѣстностей той же Смоленской губерніи, которые могутъ несомнѣнно относиться къ времени переселенія народовъ [3]). Какъ намъ кажется, большую часть бусъ гнѣздовскаго могильника можно считать привозными съ

---

[1]) Бусы изъ пасты, имѣющей видъ мрамора розоватаго оттѣнка, встрѣчаются въ различныхъ формахъ въ могильникахъ на Западѣ, относящихся къ готской или меровингской эпохѣ. Вѣроятно, ихъ производство было не заноснымъ, а мѣстнымъ. Быть можетъ ихъ техника связывается съ тѣми полубусинами, которыя встрѣчаются на пряжкахъ готскаго или меровингскаго стиля. Техника эта сохранилась въ Гнѣздовѣ въ изготовленіи своего рода шашекъ для игры (jeu de dés). Во всякомъ случаѣ ихъ нельзя отнести къ предметамъ восточной индустріи. Въ курганахъ XI в. этого рода бусы, насколько намъ извѣстно, уже не встрѣчаются.

[2]) Стеклянныя бусы, довольно крупныя, неправильной округлости, очень часто встрѣчаются въ Гнѣздовѣ въ расплавленномъ видѣ. Окраска этихъ прозрачныхъ бусъ переходитъ изъ блѣдно-голубаго до блѣдно-синяго оттѣнка. По многимъ даннымъ ихъ можно отнести къ болѣе древнему времени, такъ какъ онѣ постоянно встрѣчаются въ наиболѣе древнихъ курганахъ Смоленской губерніи, т. е. въ тѣхъ курганахъ, въ которыхъ встрѣчаются вещи, украшенныя эмалью. Въ могильникахъ финскаго типа этого рода бусы, вмѣстѣ съ другими предметами одного погребенія, служатъ также указаніемъ на древность погребенія. Ближе всего по времени къ Гнѣздову, на основаніи аналогіи другихъ предметовъ, напр. контуры или ажурной пряжки съ подвѣсками изъ гусиныхъ лапъ, мы относимъ одно погребеніе въ Лядинскомъ могильникѣ, гдѣ встрѣчаются синія прозрачныя бусы, бѣлая рубчатая буса изъ стекла и большая темная съ бѣлыми прожилками; всѣ эти бусы представляютъ аналогію съ бусами изъ Гнѣздовскихъ кургановъ. Позже, въ курганахъ XI в. эти бусы также не встрѣчаются.

[3]) Синія прозрачныя бусы, сходныя съ гнѣздовскими, встрѣчаются въ Лядинскомъ могильникѣ Тамбовской губерніи. Тамъ-же встрѣчаются бусы рубчатыя изъ стекла или хрусталя и бусы чернаго цвѣта съ бѣлыми профилями.

Востока. Происхожденіе съ Востока особенно ясно обозначается въ особенности въ дутыхъ серебряныхъ бусахъ, къ сожалѣнію, сохранившихся только въ фрагментахъ. Одна изъ серебряныхъ бусъ въ формѣ пронизки съ четырьмя трубочками по сторонамъ, найденная нами въ курганѣ Гнѣздова, сохранилась только въ мелкихъ фрагментахъ; она совершенно сходна съ серебряною бусою или пронизкой, находящейся въ числѣ вещей такъ называемаго Гнѣздовскаго клада въ Эрмитажѣ; подобная же буса встрѣчается въ коллекціи скандинавскихъ древностей. Къ восточной индустріи можно отнести и бусы, сдѣланныя изъ глины, покрытыя бирюзовой глазурью, а также бусы изъ сердолика, который въ такомъ обиліи встрѣчается на Кавказѣ и въ Средней Азіи. Привозъ бусъ съ Востока, очевидно, связывается съ привозомъ разнаго вида украшеній, какъ напримѣръ, лунницъ. Здѣсь умѣстно вспомнить также и о тѣхъ арабскихъ извѣстіяхъ, въ которыхъ упоминается о торговлѣ бусами и диргемами арабовъ съ восточными славянами. Въ сѣверно-прусскихъ музеяхъ этого восточнаго типа бусы, такъ же какъ и серебряныя пронизки и лунницы, относятся къ такъ называемой эпохѣ «Nord-arabische Zeit». Что касается до сходства нѣкоторыхъ бусъ съ кавказскими, то это сходство, намъ кажется, можно объяснить происхожденіемъ ихъ изъ одного источника, то есть съ береговъ древней Финикіи и Александріи, откуда этого рода мѣстные фабрикаты отправлялись на корабляхъ въ другія страны. Во всякомъ случаѣ, по аналогіи съ кавказскими, этого рода бусы могутъ быть отнесены къ болѣе древнему времени, чѣмъ X вѣкъ, то есть, по крайней мѣрѣ къ VIII—IX столѣтіямъ.

При раскопкахъ тѣхъ гнѣздовскихъ кургановъ, которые можно было по всему вѣроятію отнести къ женскимъ погребеніямъ, весьма часто встрѣчались, въ большей или меньшей сохранности, фрагменты маленькихъ костяныхъ гребней, но большею частью одних и тѣхъ же формъ и размѣровъ, такъ что гребни эти могутъ быть отнесены къ числу вещей, особенно характерныхъ для Гнѣздовскаго могильника, и притомъ относящихся, по всему вѣроятію, къ мѣстному издѣлію. На таблицѣ V подъ № 1—9 изображены фрагменты такихъ гребней; по этимъ фрагментамъ вполнѣ возможно представить себѣ ихъ прежнія формы: каждая гребенка состояла изъ серединной костяной пластинки, вверху немного выгнутой, а внизу превращенной въ рядъ тонкихъ зубьевъ (№ 7); гладкая часть этой пластинки съ обѣихъ сторонъ охватывалась двумя выгнутыми костяными дужками, при чемъ обѣ эти дужки скрѣплялись между собой и съ пластинкой маленькими бронзовыми штифтиками. Въ общемъ гребенка представляла въ верхней части слегка выгнутую, дугообразную форму (№ 6), болѣе узкую къ концамъ; поверхность дужекъ обыкновенно украшалась узоромъ изъ легкихъ нарѣзокъ, образующихъ пояски, рубчики, ромбики; иногда эти нарѣзки заполнялись желтой краской. Вообще маленькіе размѣры, деликатность формы и тонкая, хотя простая техника не оставляютъ сомнѣнія, что гребеночки эти дѣйствительно принадлежали къ предметамъ женскаго туалета; единственная дужка отъ гребенки съ болѣе сложнымъ рисункомъ и болѣе сложнаго размѣра изображена на таблицѣ подъ № 4 [1]). Замѣтимъ здѣсь, что этому орнаменту можно найти аналогію въ

[1]) Найденный недавно С. И. Сергѣевымъ гребень съ весьма интереснымъ узоромъ будетъ описанъ въ дополнительной статьѣ, которая необходима въ виду прилива новаго матеріала, добытаго уже послѣ начала печатанія настоящаго труда.

сѣверо-скандинавскихъ древностяхъ; но единственный экземпляръ болѣе крупнаго гребня, найденный нами въ Гнѣздовѣ, изображенный подъ № 10 на той же таблицѣ, отличается уже сравнительно грубой техникой, хотя и здѣсь мы встрѣчаемъ ту же систему скрѣпленій посредствомъ бронзовыхъ штифтиковъ. Близкую аналогію съ этимъ гребнемъ мы находимъ въ гребняхъ могильника въ Верхней Баваріи, въ особенности по способу скрѣпленій отдѣльныхъ частей: въ изданіи древностей этого могильника («Reichenhall in Oberbayern») изображенные на таблицахъ XXVIII—XXXIII гребни представляютъ сходство въ формахъ и скрѣпленіяхъ съ нашимъ большимъ гребнемъ изъ Гнѣздова. Вещи же этого могильника въ Баваріи относятся къ болѣе древнему времени, — къ готской эпохѣ. Среди различныхъ формъ гребней этого могильника только одна упомянутая нами форма сохранилась въ Гнѣздовскомъ могильникѣ, отличаясь притомъ, несмотря на эту традиціонность, мѣстнымъ типомъ.

Изъ другихъ вещей къ предметамъ женскаго обихода могутъ быть отнесены двѣ костяныя иглы, изображенныя подъ №№ 12 и 13, которыя могли служить, напримѣръ, для плетенія сѣтей; къ тѣмъ же предметамъ рукодѣлья могутъ быть отнесены и три стальныя иглы разныхъ размѣровъ (на таблицѣ VII №№ 5, 6, 7), утратившія ушки уже послѣ нахожденія. Иглы эти отличаются весьма хорошей обработкой [1]). На той же VII таблицѣ подъ № 8—9 изображены два желѣзныхъ шила, а подъ № 10 — стальной пинцетъ, который, однако, могъ относиться и къ принадлежности мужскаго туалета: такъ, онъ могъ служить для выщипыванія волосъ изъ бороды, то есть замѣнять до нѣкоторой степени бритву. Изображенный на той же таблицѣ стальной рыболовный крючокъ мало уступаетъ современнымъ по чистотѣ отдѣлки. Къ предметамъ женскаго хозяйства можно отнести ножницы, найденныя въ числѣ нѣсколькихъ сходныхъ экземпляровъ, одинъ изъ которыхъ и изображенъ на таблицѣ VII подъ № 17; онѣ также отличаются прекрасной желѣзной техникой, съ лезвіями изъ стали, украшенными иногда точечнымъ узоромъ. Такой формы ножницы обыкновенно употребляются въ настоящее время для стрижки овецъ, но въ древнее время, кромѣ этого назначенія, онѣ могли употребляться и для кройки, на что несомнѣнно указываютъ ихъ небольшіе размѣры; единственный экземпляръ ножницъ современнаго типа, то есть съ подвижными на шарнирѣ лезвіями и съ кольчатыми ручками, найденъ въ верхней части кургана (рис. 9). Вообще эти ножницы представляются намъ заносными, скорѣе всего съ юго-востока, потому что, напримѣръ, въ курганахъ Кубанской области и побережьевъ Чернаго моря онѣ встрѣчаются весьма часто и являются весьма обычнымъ предметомъ въ могильникахъ. Вспоминая о пребываніи портного араба

Рис. 9.

[1]) Въ кострищахъ часто находились тонкія косточки, обрѣзанныя цилиндромъ, которыя, по всему вѣроятію, служили игольниками. И въ настоящее время у крестьянъ Смоленской губерніи въ подобныхъ игольникахъ хранятся иглы; по два такихъ игольника, сдѣланныхъ изъ перьевъ, носятся въ особомъ футлярѣ у пояса. Образцы этихъ игольниковъ находятся въ музеѣ княгини Тенишевой.

въ Болгарахъ, можно предполагать, что пропаганда этого рода ножницъ была дѣломъ арабовъ, у которыхъ въ болѣе позднее время встрѣчается большое разнообразіе въ формахъ этого предмета.

На той же таблицѣ подъ № 16 изображено желѣзное огниво той простой формы, которая весьма часто повторяется въ гнѣздовскихъ курганахъ; эта распространенность формы огнива даетъ основаніе предполагать въ немъ характеръ специфическій для мѣстностей Гнѣздова, а также для другихъ славянскихъ мѣстностей; устойчивость этого типа поясняетъ намъ существованіе его до настоящаго времени. Единственнымъ исключеніемъ въ данномъ случаѣ можно признать огниво, изображенное подъ № 15, обдѣланное въ бронзовую оправу, къ сожалѣнію, весьма плохо сохранившуюся. Сколько можно было замѣтить, огнива находились въ курганахъ съ мужскими погребеніями, которые опредѣлялись, однако, только по характеру инвентаря кургана.

Чтобы покончить съ обзоромъ вещей на VII таблицѣ, на которой сгруппированы вещи почти исключительно изъ желѣза, мы вниманіе обратимъ теперь на слѣдующія вещи: подъ № 1 изображено кольцо съ двумя желѣзными подвѣсками и съ петлей вверху; вещь эта относится къ украшенію пояса или, быть можетъ, и къ конской сбруѣ; во всякомъ случаѣ петля вверху съ двойной пластинкой и заклепкой указываетъ на то, что петля укрѣплялась на ремнѣ, который свободнымъ концомъ входилъ въ нее. Подобный же предметъ изображенъ на рисункѣ № 10. Вещи эти замѣчательны по прекрасной техникѣ желѣзнаго дѣла. Еще лучшую технику можно наблюдать въ желѣзномъ крючкѣ (№ 3 той же таблицы), который треугольной пластинкой, очевидно, прикрѣплялся къ ремню пояса и служилъ, быть можетъ, для привѣшиванія меча или ножа посредствомъ кольца на ножнахъ. Самый крючокъ оканчивается прекрасно выработанной змѣиной головкой, а перехватъ украшенъ рядомъ поясковъ. Подъ № 4 изображена весьма изящная оковка изъ бронзы, состоящая изъ тонкой и узкой пластинки съ завиткомъ на концѣ; она, какъ намъ кажется, можетъ быть отнесена къ оковкѣ ноженъ отъ ножа или къ оковкѣ какого-нибудь кожанаго предмета, какъ напримѣръ кошеля для ношенія огнива, трута и кремня [1]). Завитокъ этой вещи украшенъ также змѣиной головкой. По стилю обѣ вещи весьма сходны, въ осо-

Рис. 10.

[1]) Упомянутыя украшенія съ змѣиными головками позволяютъ намъ по своему стилю предполагать въ этихъ предметахъ вліяніе *римское*; слѣды этого вліянія, современнаго эпохѣ переселенія народовъ, встрѣчались не разъ въ

бенности змѣиныя головки сдѣланы въ обоихъ случаяхъ точно одной рукой. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что послѣдняя вещь найдена въ курганѣ, который представлялъ, по нашему мнѣнію, весьма рѣдкое явленіе погребальныхъ традицій древняго времени, такъ какъ погребальная урна въ этомъ курганѣ была обложена сверху небольшими плоскими, но весьма плотно пригнанными камнями, составлявшими какъ бы сводъ. Съ другой стороны простота и благородство стиля, чуждое чрезмѣрныхъ украшеній, позволяетъ намъ видѣть въ этихъ двухъ вещахъ наслѣдіе такъ называемаго готскаго стиля. Меньшей опредѣленностью стиля и болѣе грубой обработкой отличается желѣзная скоба въ видѣ цифры восемь съ двумя желѣзными петлями на концахъ; петли эти, очевидно, прикрѣплялись къ концамъ ремней и вещь эта могла служить частью конской сбруей.

Подъ № 12 той же таблицы изображена желѣзная крестообразная бляха. Такія бляхи не разъ находились въ курганахъ Гнѣздова и всегда въ четырехъ экземплярахъ, почему можно предположить, что число это представляетъ цѣлую серію набора; изъ числа трехъ такихъ находокъ одна серія бляхъ имѣла концы ромбической формы, но размѣры и техника ихъ были тѣ же. По аналогіи съ подобными вещами той же эпохи возможно предположить, что бляхи эти служили для украшеній или скрѣпленій уздечки въ тѣхъ боковыхъ ея частяхъ, гдѣ обыкновенно ремни ея перекрещиваются; по техникѣ бляхи эти можно отнести къ мѣстнымъ издѣліямъ, но въ стилѣ ихъ можно замѣтить болѣе древнія традиціи: такъ, срединная рѣшетка каждой бляхи и полушарики въ углахъ представляютъ аналогію съ нѣкоторыми древностями готскаго стиля. Желѣзная пряжка, изображенная подъ № 13, представляетъ весьма характерную форму, хотя обычную и простую не только для Гнѣздовскаго могильника, но вообще въ могильникахъ сожженія въ другихъ мѣстностяхъ Смоленской губерніи. Также весьма обычною находкою въ гнѣздовскихъ курганахъ является фрагментъ бруска съ желѣзнымъ кольцомъ, хотя чаще бруски встрѣчались безъ колецъ, но съ сверлинами, малые размѣры которыхъ могли быть удобны лишь для снурка, а не для металлическаго кольца; во всякомъ случаѣ бруски, по всему вѣроятію, привѣшивались къ поясамъ. Часто находки брусковъ сопровождались находками ножей.

Въ гнѣздовскихъ курганахъ желѣзные ножи вообще встрѣчались весьма часто; по всему вѣроятію, они клались съ покойникомъ не только въ качествѣ ему принадлежащихъ и полезныхъ для него вещей, но также и служили необходимымъ орудіемъ для поминальной трапезы; только такимъ предположеніемъ и можно объяснить нахожденіе ихъ въ одномъ курганѣ иногда въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Большая коллекція этихъ гнѣздовскихъ ножей, очевидно, не имѣвшихъ боевого назначенія, поражаетъ съ перваго взгляда однообразіемъ своихъ формъ; только при болѣе внимательномъ обзорѣ можно замѣтить въ нихъ нѣкоторое разнообразіе въ формахъ и размѣрахъ; самой обычной, такъ сказать, нормальной формой можно считать ножъ, изображенный на таблицѣ VII подъ № 18. Также часты примѣры, когда найденные ножи представляли форму, изображенную на таблицѣ VI подъ № 22; въ этомъ типѣ

курганахъ Смоленской губ. Для сравненія можно обратить вниманіе на рисунокъ бляхи на кожѣ, помѣщенный въ шведскомъ археологическомъ журналѣ «Monadsblad» за 1884 г., вып. 3, стр. 174.

клинокъ ножа не находится на одной центральной оси съ черенкомъ, а отходитъ отъ него въ сторону. Подобный ножъ изображенъ на таблицѣ IX подъ № 26. Третья форма ножей представлена на VI таблицѣ подъ № 21; въ этомъ типѣ лезвіе ножа представляетъ одну непрерывную линію съ черенкомъ. Вообще у ножей упомянутыхъ типовъ стержень или черенокъ обыкновенно бываетъ длиннѣе самого клинка, при чемъ клинокъ обыкновенно бываетъ узкимъ. Ножичекъ, изображенный на таблицѣ VI подъ № 20, представляетъ уклоненіе отъ этихъ отношеній; онъ отличается широкимъ лезвіемъ и короткимъ черенкомъ. Въ болѣе рѣдкомъ примѣрѣ ножа, изображеннаго на таблицѣ IX подъ № 24, мы замѣчаемъ широкій клинокъ и короткій стержень, снабженный штифтиками, которыми закрѣплялась съ двухъ сторонъ костяная рукоятка ножа. Нужно замѣтить при этомъ, что въ коллекціи гнѣздовскихъ ножей многіе ножи особенно выдѣляются своими малыми размѣрами, такъ что эти ножи могли служить лишь для мелкихъ подѣлокъ.

Часто клинокъ такого маленькаго ножа отличается чрезвычайно толстымъ тыльемъ или обухомъ, такъ что такого рода лезвіе болѣе или менѣе приближается къ трехгранному клину; такимъ ножемъ, несомнѣнно, удобно лишь колоть, но не рѣзать; примѣръ такого ножа изображенъ на таблицѣ VI подъ № 16; онъ представляетъ, однако, единственный экземпляръ по длинѣ весьма хорошо сохранившейся костяной рукояти; эта длинная рукоять заставляетъ предполагать въ этомъ ножѣ какое-нибудь орудіе для рукомесла, какъ напримѣръ для рѣзьбы или вдавливанія треугольника на деревѣ или кости, или же, быть можетъ, этотъ ножъ могъ служить орудіемъ для жертвоприношенія, то-есть, напримѣръ, для закалыванія куръ, пѣтуховъ. Во всякомъ случаѣ этотъ ножъ для своего обычнаго назначенія оказывается положительно неудобнымъ. Ножи носились, вѣроятно, въ ножнахъ, обдѣланныхъ въ металлическую оправу, отъ которой сохранились, къ сожалѣнію, лишь незначительные фрагменты, указывающіе, однако, на то, что оправа шла по краямъ ноженъ, расширяясь къ концу, и вообще походила на оправы ножей, найденныхъ въ другихъ могильникахъ, напримѣръ, въ Люцинѣ. Наконецъ, къ орудіямъ домашняго производства или рукомесла слѣдуетъ также отнести и шилья, которыя найдены въ Гнѣздовѣ въ нѣсколькихъ экземплярахъ; одно изъ нихъ, наилучшей сохранности, изображено на таблицѣ IX подъ № 27. Рис. 11 изображаетъ шило, найденное г. Сергѣевымъ.

Рис. 11.

Возвращаемся къ таблицѣ VI, на которой сгруппированы, кромѣ вещей изъ желѣза, вещи изъ кости, изображенныя впрочемъ только подъ четырьмя номерами. Изъ нихъ № 14 изображаетъ игральную кость съ очками въ видѣ двойныхъ кружковъ; эта вещь найдена въ самомъ большомъ курганѣ вмѣстѣ съ фрагментами другой такой же кости; такой формы игральныя кости встрѣчаются въ сѣверо-скандинавскихъ находкахъ. Кромѣ того, въ одномъ изъ гнѣздовскихъ кургановъ найденъ многогранникъ, отлитый изъ бронзы, съ обозначеніемъ на его граняхъ очковъ, расположенныхъ въ различномъ количествѣ. Совершенно подобный многогранникъ для игры находится въ музеѣ кн. Тенишевой. № 15

той же таблицы изображаетъ полушарикъ, изготовленный изъ какой-то известковой массы и прекрасно отполированный; онъ найденъ въ курганѣ вмѣстѣ съ другими подобными полушариками, къ сожалѣнію, сильно попорченными огнемъ. Скандинавскіе археологи ихъ называютъ jeu de dés. Фактъ нахожденія этого рода предметовъ, которые не были случайными находками, потому что повторялись, указываетъ во всякомъ случаѣ на знакомство обитателей Гнѣздова съ игрою въ кости и съ другой игрой, которую точно обозначить мы затрудняемся. Во всякомъ случаѣ, знакомство съ игрою въ кости указываетъ, по нашему мнѣнію, на торговую зажиточность и воинственный характеръ древнихъ жителей этой мѣстности. Упоминаніемъ о двухъ костяныхъ подѣлкахъ (№№ 10, 11) неопредѣленнаго назначенія мы и закончимъ нашъ обзоръ серіи костяныхъ предметовъ изъ Гнѣздовскаго могильника.

На той же таблицѣ подъ №№ 17, 18, 19 изображены разной формы ключи, найденные въ курганахъ Гнѣздовскаго могильника. Изъ нихъ первый бронзовый ключъ можно считать наиболѣе употребительнымъ, такъ какъ въ гнѣздовскихъ курганахъ нашлось такихъ ключей три рода; несомнѣнно, что такіе ключи служили для отпиранія висячихъ замковъ; для той же цѣли употреблялся второй ключъ бронзовый, найденный, впрочемъ, въ единственномъ экземплярѣ; наконецъ, третій желѣзный ключъ съ двойной бородкой представляетъ также типъ весьма распространенный и притомъ весьма древній, такъ какъ подобнаго рода ключи встрѣчаются въ Германіи въ эпоху готскаго стиля. Интересно замѣтить, что рельефное изображеніе такого ключа на донышкѣ сосуда найдено нами при раскопкѣ одного кургана съ обыкновеннымъ погребеніемъ въ Юхновскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи. Вообще ключи этого рода служатъ до сихъ поръ въ крестьянскомъ быту и употребляются для отмычки дверей. Для дополненія на рис. 12 изображенъ еще бронзовый ключъ изъ раскопокъ г. Бирукова.

Рис. 12.

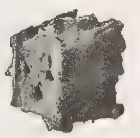

Рис. 13.

Кромѣ ключей, въ одномъ изъ кургановъ былъ найденъ и желѣзный висячій замокъ въ видѣ коробки съ тремя отверстіями на одной сторонѣ (рис. 13), но отъемная ручка замка не сохранилась. Подобный замокъ найденъ былъ нами также у деревни Лопина въ большомъ курганѣ съ трупо-сожженіемъ.

На костеръ съ покойникомъ клали не только ключи и замки, но также ларчики или шкатулки, намъ два раза случилось находить въ курганахъ Гнѣздова желѣзную оковку отъ такихъ ларчиковъ; по ея фрагментамъ можно было заключить, что эти ларчики были небольшихъ размѣровъ,—отъ двухъ до трехъ вершковъ высоты. Оковка состояла изъ желѣзныхъ пластинокъ, которыми обтягивался деревянный ларчикъ въ одномъ параллельномъ направленіи; одна изъ пластинокъ оканчивалась желѣзнымъ кружкомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился замокъ. Болѣе точно оковку возстановить трудно, такъ какъ довольно тонкое желѣзо ломалось на весьма мелкія части и вообще весьма плохо сохранилось. Совершенно подобная оковка отъ шкатулки, но въ болѣе сохранномъ видѣ, найдена недавно въ курганахъ съ трупосожженіемъ вблизи города Ярославля. Курганы этого могильника, раскопанные г. Тихомиро-

вымъ, представляютъ тотъ интересъ, что многія вещи изъ нихъ являютъ замѣчательное сходство съ вещами изъ могильника Гнѣздова.

Весьма важное дополненіе обстановки домашняго быта древнихъ обитателей Гнѣздова представляетъ разнаго рода посуда привознаго и мѣстнаго издѣлія, найденная въ курганахъ этого могильника. Фрагменты привозной посуды, бывшей въ употребленіи въ Гнѣздовѣ, изображены на табл. VIII подъ №№ 1, 2, 3; кромѣ того, здѣсь подъ № 4 изображена бронзовая лицевая лампочка, найденная г. Кусцинскимъ въ одномъ изъ кургановъ Гнѣздова и давно уже обратившая на себя вниманіе археологовъ; такъ, объ этой лампочкѣ писали графъ Уваровъ и Н. П. Кондаковъ. Мы считаемъ, однако, необходимымъ съ своей стороны сказать нѣсколько словъ объ этомъ любопытномъ предметѣ. Оставляя пока въ сторонѣ лицевое изображеніе лампочки и принимая во вниманіе только общую форму ея, мы считаемъ вполнѣ возможнымъ сближать ее съ типомъ восточныхъ лампочекъ; такое сближеніе основывается на

Рис. 14.

Рис. 15.

сходствѣ въ общей формѣ съ бронзовой же лампочкой, присланной въ Археологическую Коммиссію изъ Елизаветпольской губерніи, Джеванширскаго уѣзда, г. Угурулубековымъ. Обратимъ теперь вниманіе на самое изображеніе женскаго лица (рис. 14). Лицо это представляетъ собою чисто восточный типъ и скорѣе всего персидскій: продолговатые или миндалевидные глаза, но довольно крупные; длинный, тонкій, слегка заостренный къ концу носъ, маленькія губы, густыя брови и волосы надо лбомъ, образованные параллельными линіями и, такъ сказать, стилизованные, — все это напоминаетъ многіе женскіе типы въ персидскихъ миньятюрахъ. Весьма оригинальнымъ и важнымъ признакомъ извѣстнаго вкуса представляется намъ украшеніе носа посредствомъ вставленной съ одного бока бирюзы, которая заднимъ концомъ своимъ слегка выступаетъ на противоположной сторонѣ носа. Здѣсь весьма естественно предположить, что помѣщеніе въ этой части носа такого украшенія должно было имѣть какую-нибудь реальную основу; безъ такой основы бирюза, любимый камень Персіи, вставленная съ одной стороны носа, является какой-то капризной фантазіей, не соотвѣтствующей художественной простотѣ изображенія характернаго женскаго лица. Наше предположеніе о существованіи реальной основы для такого рода украшеній подтверждаютъ акварельные ри-

сунки въ одной персидской рукописи, принадлежащей въ Москвѣ графу А. А. Бобринскому, который пріобрѣлъ эту рукопись въ Тегеранѣ [1]): носы изображенныхъ на миньятюрахъ этой рукописи женщинъ украшены именно бирюзой и жемчужинами и какъ разъ съ лѣвой стороны носа (см. рис. 15). Кромѣ того, и сходство этой женской головы съ женскимъ лицевымъ изображеніемъ на сосудѣ Тифлисскаго музея, замѣченное еще графомъ Уваровымъ, приближаетъ эту лампочку также къ Востоку. Итакъ, намъ кажется несомнѣннымъ, что лампочку эту слѣдуетъ отнести къ издѣліямъ Востока или, говоря точнѣе, къ Персіи [2]).

На той же таблицѣ подъ № 1 изображена тарелка, найденная въ большомъ Гнѣздовскомъ курганѣ, гдѣ она нарочно была разбита на части въ тотъ моментъ, когда еще не былъ заколотъ баранъ, такъ какъ донышко тарелки находилось подъ позвонками барана, а другія части ея найдены въ сторонѣ; однако, всѣхъ частей тарелки не удалось собрать, такъ какъ курганъ не былъ совершенно раскопанъ. Сохранившіяся части, однако, даютъ полную возможность судить о стилѣ техники и даже возстановить цѣльность изображеннаго дракона, который занимаетъ всю лицевую сторону тарелки до самаго бордюра, украшающаго край; тарелка эта небольшого размѣра, изготовленная изъ особенной глины бѣловатаго цвѣта въ изломѣ, и съ обѣихъ сторонъ покрыта тонкимъ слоемъ поливы или глазури, при чемъ цвѣтъ этой поливы въ исподней части тарелки бѣловато-сѣрый, а съ лицевой стороны тарелка покрыта поливой бѣлаго цвѣта, по которой, вѣроятно, уже послѣ ея обжига изображенъ весьма типичный драконъ съ распростертыми крыльями и съ поднятымъ чешуйчатымъ хвостомъ. Вся полива съ изображеніемъ дракона значительно потерпѣла отъ сильнаго жара, который, вѣроятно, происходилъ отъ сильно накаленныхъ и только что снятыхъ съ костра вещей. Исключеніе составляетъ только одинъ фрагментъ тарелки (изображенный на таблицѣ отдѣльно), найденный вдалекѣ отъ кострища и, повидимому, вовсе не испытавшій вліянія жара, почему и краски на этомъ фрагментѣ остались совершенно яркими и свѣжими, что даетъ возможность судить и о красочныхъ тонахъ цѣлаго изображенія. Стиль изображенія дракона, по нашему мнѣнію, находится въ несомнѣнно близкомъ родствѣ съ сассанидскими изображеніями этого рода; для примѣра укажемъ на изображенія драконовъ на серебряномъ сассанидскомъ блюдѣ изъ коллекціи М. П. Боткина. Бордюръ нашей тарелки состоитъ изъ ряда сердцевидныхъ листиковъ или лепестковъ зеленаго и свѣтло-коричневаго цвѣтовъ. Какъ извѣстно, такого рода мотивы листиковъ встрѣчаются также на сассанидскихъ издѣліяхъ, но въ большей степени стилизованный драконъ нашей тарелки представляетъ еще болѣе родства съ арабскими изображеніями драконовъ—и въ особенности на арабскихъ тканяхъ; къ арабамъ же эти мотивы перешли отъ сассанидовъ, и арабы этими мотивами широко пользовались. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что наша тарелка именно относится къ арабскимъ издѣліямъ, пред-

---

[1]) Рукопись содержитъ два отрывка изъ двухъ поэмъ персидскаго поэта Нуръ-Уддонъ-Абдуррахманъ-Джами (1414—1492). Изъ 27 женскихъ фигуръ только 10 не имѣютъ украшеній въ носу.

[2]) Замѣтимъ также, что въ глазахъ не могла быть оставлена бирюза, потому что глаза имѣютъ лишь незначительно вогнутую поверхность и притомъ гладкую, а слѣдовательно неудобную для закрѣпленія бирюзы. Приклейку въ данномъ случаѣ предположить невозможно, тѣмъ болѣе, что способъ укрѣпленія бирюзы въ носу уже опредѣляетъ пріемы мастера въ этомъ дѣлѣ.

ставляющимъ лишь новую редакцію сассанидскихъ изображеній. Менѣе возможнымъ мы однако считаемъ нашу тарелку относить къ издѣліямъ сассанидскимъ, т. е. признать за ней, по крайней мѣрѣ, двухсотлѣтнее существованіе. Что касается Византіи, то въ данномъ случаѣ можно сказать относительно гнѣздовскихъ вещей, что въ нихъ вообще чувствуется меньше вліянія Византіи, чѣмъ Востока.

Самое изображеніе дракона на нашей тарелкѣ возможно возстановить по той арабской ткани, которая помѣщена въ изданіи Cahier «Mélanges d'archéologie»; только тамъ у дракона, сидящаго въ той же позѣ, замѣтно вверхъ поднято только одно крыло, а у дракона нашей тарелки по сторонамъ шеи распростерты два крыла; означенная ткань относится къ X вѣку, т. е. къ тому времени, которое особенно характеризуется для сѣверо-западной Россіи весьма замѣтнымъ наплывомъ, вмѣстѣ съ арабскими диргемами, разнаго рода арабскихъ украшеній.

Что же касается до техники, то нужно замѣтить, что хотя подобная техника безъ гравированнаго контура встрѣчается въ сосудахъ и фрагментахъ сосудовъ, добытыхъ въ раскопкахъ Херсонеса, но, сравнивая изображенія на сосудахъ херсонесскихъ съ изображеніемъ дракона на тарелкѣ, нельзя не признать большой разницы въ художественномъ выполненіи этихъ изображеній: такъ, изображенія на херсонесскихъ сосудахъ отличаются вообще сравнительной грубостью контуровъ, и въ то же время они сдѣланы смѣло и скорымъ размахомъ руки; вообще въ художественной обработкѣ замѣчается мало вниманія и сосредоточенности, а напротивъ чувствуется нѣкоторая фабричная торопливость; при этомъ нужно замѣтить, что и въ Херсонесъ техника этого рода посуды перешла съ Востока, такъ что среди херсонесской посуды самые лучшіе образцы представляютъ: чаша восточнаго типа и восточнаго же типа всадникъ. Изображеніе на нашей тарелкѣ отличается свѣжестью и характерностью стиля, прекраснымъ рисункомъ, сдѣланнымъ свободно привычной къ стилизаціи рукой [1]). Изображеніе дракона выполнено въ темнокоричневыхъ и золотистыхъ тонахъ. Любовь къ изображеніямъ такого рода на арабскихъ тарелкахъ подтверждается еще изображеніемъ дракона на тарелкѣ, изготовленной арабами въ Сициліи и изданной Лабартомъ въ его сочиненіи «Histoire des arts industriels».

Къ привознымъ восточнымъ издѣліямъ можно также отнести фрагменты глинянаго сосуда, найденные въ курганѣ разбросанными въ разныхъ мѣстахъ, что доказываетъ, что сосудъ былъ разбитъ нарочно, подобно нашей тарелкѣ, въ силу обряда при погребеніи праха прежде засыпанія его землей. Два фрагмента изъ числа найденныхъ въ курганѣ изображены на той же таблицѣ подъ №№ 2 и 3. По найденнымъ фрагментамъ хотя и нельзя составить полнаго сосуда, потому что многихъ частей недостаетъ, но можно легко возстановить размѣръ и форму его. Сосудъ, очевидно, былъ не болѣе $3^1/_2$ вершковъ высоты и по формѣ своей можетъ быть отне-

---

[1]) Мотивы бордюровъ изъ сердечекъ, между прочимъ, встрѣчаются на тканяхъ, въ которыя завернуты мощи; изображенія трехъ фрагментовъ такихъ тканей мы находимъ при статьѣ аббата *Брюна*, помѣщенной въ «*Bulletin archéologique du Comité des travaux historiques et scientifiques*» 1899 г. (1-re livraison) подъ заглавіемъ «Les reliques de l'abbaye de Baume—les Messieurs». Нѣкоторыя изъ тканей относятся еще къ эпохѣ меровингской.

сенъ къ разряду кубовастыхъ или грушевидныхъ кувшиновъ съ одной ручкой и сдавленнымъ горлышкомъ, такъ что одна часть горлышка, узкая, служитъ какъ бы носикомъ для удобнаго выливанія жидкости, а широкая часть горла—для наливанія; донышко сосуда было почти закругленное. Кромѣ формы, весьма характерной для Востока, самый цвѣтъ глины, ровный темносѣрый, даже въ изломѣ ясно свидѣтельствуетъ о принадлежности сосуда къ предметамъ привознымъ, такъ какъ среди огромной массы найденныхъ въ Гнѣздовѣ сосудовъ нельзя найти ни малѣйшей аналогіи по формѣ, техникѣ и составу глины съ нашимъ кувшинчикомъ. По нашему мнѣнію своей формой и цвѣтомъ глины сосудъ этотъ особенно напоминаетъ средне-азіатскіе сосуды. Между прочимъ, весьма характернымъ признакомъ мы считаемъ раздвоеніе горлышка, сдѣланное посредствомъ сжиманія его двухъ противоположныхъ стѣнокъ, при чемъ это сближеніе стѣнокъ было закрѣплено наложеннымъ поперекъ кусочкомъ глины. Все это было сдѣлано тогда, когда уже готовый, но не обожженный кувшинчикъ былъ уже снятъ съ гончарнаго круга и ожидалъ обжига, потому что такого рода закрѣпленіе сдавленныхъ краевъ давало имъ прочность во время обжига. Такого рода пріемъ въ укрѣпленіи стѣнокъ сосуда, сдавленныхъ для образованія двухъ отверстій изъ одного, можно наблюдать на глиняныхъ восточныхъ свѣтильникахъ, образованныхъ изъ простой глиняной чашечки посредствомъ сдавливанія въ одномъ мѣстѣ ея краевъ. Сосудикъ былъ украшенъ съ одной стороны весьма интереснымъ изображеніемъ сѣкиры, сдѣланнымъ посредствомъ врѣзаннаго контура («graffito»), весьма отчетливо и ясно передающаго форму этого предмета, что несомнѣнно доказываетъ, что рисунокъ этотъ сдѣланъ весьма привычной рукой, изобразившей прекрасно знакомую форму предмета. Какъ намъ кажется, рисунокъ начинался именно съ рукояти сѣкиры, которая должна была дать тонъ размѣрамъ всего изображенія, какъ такая часть сѣкиры, которая на сосудѣ должна занимать наибольшее протяженіе и притомъ должна была быть прилажена къ выпуклой поверхности сосуда съ особой заботливостью.

На фрагментѣ нижней и верхней частей не хватаетъ, но очевидно верхняя часть рукояти заканчивалась закругленіемъ; такимъ образомъ, по сохранившимся частямъ рисунка, въ которомъ обозначенъ поперечной чертой перехватъ, можно понять, что рукоять представляла форму балясника, съ нѣкоторымъ расширеніемъ у перехвата.

Весьма интереснымъ фактомъ намъ представляется то обстоятельство, что конецъ означенной рукояти, подошедши къ самой сѣкирѣ, не соотвѣтствуетъ формѣ сѣкиры, а представляетъ вогнутую выемку, какъ это и видно ясно на нашей фототипіи. По этой-то выемкѣ можно предположить, что та часть сѣкиры, которая предназначена была соприкасаться съ этой выемкой, должна была имѣть выпукло-закругленную форму, т. е. форму дуги. Такова была, какъ намъ кажется, первоначальная концепція этого предмета, имѣвшая, несомнѣнно, какое-нибудь реальное основаніе: въ самомъ дѣлѣ, въ атласѣ, приложенномъ къ изданію гр. Уварова «Меряне и ихъ бытъ», на таблицѣ XXIX, занятой изображеніями топоровъ или сѣкиръ, легко можно замѣтить, какъ среди изображенныхъ типовъ сѣкира въ большинствѣ случаевъ имѣла круглое расширеніе, иногда болѣе или менѣе сдавленное въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилось отверстіе для насадки на древка или рукояти; въ этомъ отношеніи въ особенности представ-

ляетъ особый интересъ та сѣкира, которая изображена подъ № 7 на упомянутой таблицѣ атласа: если въ этой сѣкирѣ уничтожить эту сдавленную шарообразную часть и вмѣсто нея соединить разорванныя ею линіи топора, то получится сѣкира, весьма близкая по формѣ къ изображенной на нашемъ фрагментѣ сосуда; даже сходство это продолжается по отношенію къ обушку, имѣющему въ обоихъ случаяхъ грушевидную форму. Такимъ образомъ, намъ кажется теперь яснымъ, что первоначальный замыселъ изображенія самой сѣкиры, имѣвшій несомнѣнно реальную основу, совершенно случайно измѣнился, то есть мастеръ упростилъ фигуру сѣкиры на нашемъ фрагментѣ и, вѣроятно, съ цѣлью облегчить процессъ черченія на глинѣ, отбросилъ именно ту часть, которая существенно характера оружія не измѣняетъ, представляя лишь практическое приспособленіе къ укрѣпленію древка или рукояти. Верхняя часть древка обозначена на глинѣ уже послѣ изображенія упрощенной сѣкиры, и потому верхній край ея плотно прилегаетъ къ верхушкѣ древка, линіи котораго, однако, не совпадаютъ съ линіями нижней части рукояти, т. е. не составляютъ правильнаго продолженія этихъ линій, а это по нашему мнѣнію и указываетъ на разновременность ихъ начертаній. Сходствомъ изображенной на фрагментѣ сѣкиры съ типомъ мерянскихъ сѣкиръ изъ раскопокъ гр. Уварова мы не хотимъ доказывать происхожденіе нашего сосуда именно изъ области мерянъ уже и на томъ основаніи, что и техника, и форма сосуда не подходятъ къ сосудамъ мерянскимъ, вообще гораздо болѣе грубымъ. Мы думаемъ, что самая форма сѣкиръ, найденныхъ въ курганахъ мерянскихъ гр. Уваровымъ, есть форма заносная съ Востока и только лишь усвоенная, т. е. бывшая часто въ употребленіи у жителей мерянской страны. Нашъ сосудъ съ изображеніемъ сѣкиры по цвѣту и плотности глины больше всего можно сблизить съ глиняными издѣліями Средней Азіи, какъ напримѣръ, съ глиною тѣхъ сосудовъ, которые Шлумберже называетъ арабскими гранатами и которые встрѣчаются среди древностей Булгаръ и въ другихъ мѣстностяхъ Казанской губерніи, какъ напримѣръ, въ Билярскѣ; отсюда возможно предположить, что сосудъ, найденный въ Гнѣздовѣ, относится къ произведеніямъ булгарскимъ, изготовленнымъ въ какомъ-либо центрѣ булгарскаго гончарнаго производства. Мы, однако, не считаемъ возможнымъ положительно указывать на мѣсто происхожденія нашего сосуда, но считаемъ вполнѣ возможнымъ на основаніи указанныхъ нами признаковъ относить этотъ сосудъ къ издѣліямъ Востока, хотя бы этотъ Востокъ представлялъ собою и болѣе отдаленную отъ Гнѣздова мѣстность. Замѣтимъ въ заключеніе, что самый характеръ рукояти, представляющей балясину съ перехватомъ, поражаетъ сходствомъ съ рукоятью современнаго топора персидскаго дервиша: такой топоръ намъ пришлось случайно увидать въ коллекціи гр. Бобринскаго въ Москвѣ.

Закончивъ обзоръ привозной посуды, найденной въ гнѣздовскихъ курганахъ, мы оставляемъ пока въ сторонѣ знакомство съ посудой мѣстнаго издѣлія, а перейдемъ теперь къ обзору предметовъ оружія, найденныхъ въ Гнѣздовѣ.

Вообще въ тѣ времена, къ которымъ относится Гнѣздовскій могильникъ, оружіе служило не только для защиты человѣка, но также и для украшенія или щегольства; поэтому въ изготовленіи оружія, кромѣ прямой практической задачи, присоединяется также задача художественная, выполненіе которой и представляетъ для насъ особенный интересъ.

Судя по раскопкамъ, оружіе древнихъ обитателей Гнѣздова состояло главнымъ образомъ изъ луковъ, стрѣлъ, дротиковъ, мечей, копій и рѣдко топоровъ или сѣкиръ. Намъ извѣстно не болѣе трехъ экземпляровъ сѣкиръ болѣе поздней формы, изъ коихъ однѣ относятся къ разряду топориковъ [1]). Что касается оборонительнаго оружія, то употребленіе щитовъ несомнѣнно подтверждается многократными нахожденіями щитовыхъ бляхъ или умбоновъ. Шлемъ найденъ въ единственномъ экземплярѣ въ большомъ курганѣ [2]). Этотъ желѣзный шлемъ, какъ уже было упомянуто, сильно потерпѣлъ отъ огня, въ особенности по отношенію къ своимъ украшеніямъ, такъ что только при тщательномъ изученіи шлема можно возстановить эти украшенія; по формѣ своей онъ вообще подходитъ къ болѣе обычному типу древне-русскихъ шлемовъ, представляя въ то же время значительное сходство съ однимъ изъ шлемовъ, найденныхъ близъ Чернигова проф. Самоквасовымъ; впрочемъ, въ данномъ случаѣ мы отмѣчаемъ только сходство въ формахъ, но не въ деталяхъ.

Нашъ гнѣздовскій шлемъ (рис. 16), находясь еще на кострѣ на головѣ покойника, очевидно, подвергался сильному вліянію огня, такъ что, перенесенный съ костра на точокъ въ размягченномъ видѣ, онъ поддался давленію насыпи и оттого получилъ нѣсколько сплющенную форму. При всемъ томъ можно ясно замѣтить, что онъ не былъ высокимъ шлемомъ, а близко прилегалъ къ головѣ, не представляя однако въ этомъ случаѣ обычной полусфери-

Рис. 16.

[1]) См. нашу статью «Древній желѣзный топорикъ» въ *Арх. извѣстіяхъ и зам.*, *изд. Моск. Арх. Общ.* 1897 г., стр. 145 сл.

[2]) Другой шлемъ былъ найденъ недавно г. Сергѣевымъ, но. къ сожалѣнію, лишь во фрагментахъ.

ческой формы, потому что вершина его вытягивалась всетаки нѣсколько кверху, такъ что въ общемъ въ немъ выражалось ясно то стремленіе кверху, которое чувствуется въ верхней части луковичнаго купола.

Шлемъ, скованный, какъ кажется, изъ четырехъ частей, по наружной поверхности снизу до верху рубчатыми полосками дѣлится на восемь частей, соединенныхъ вмѣстѣ у вершины, которая заканчивается стержнемъ или шишомъ; основанія пластинокъ стянуты снаружи желѣзнымъ вѣнцомъ, имѣющимъ верхній край вырѣзной въ формѣ закругленныхъ городковъ; этотъ вѣнецъ или желѣзная пластина и составляетъ окраину шлема. Изъ восьми рубчиковъ, обозначающихъ, можетъ быть, составныя части шлема, четыре, расположенные крестообразно и пересѣкающіе шлемъ на четыре равныя части, относятся къ накладнымъ частямъ шлема и составляютъ вмѣстѣ съ вѣнчикомъ какъ бы внѣшнюю накладку шлема, при чемъ нужно замѣтить, что всѣ эти накладныя части, представляя закругленно-городчатые края, украшались соотвѣтственно городкамъ вырѣзными фигурами въ формѣ трилистниковъ; кромѣ того, эти прорѣзныя пластинки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранили слѣды золотой насѣчки, уничтоженной, безъ сомнѣнія, сильнымъ дѣйствіемъ огня. Хотя описанный шлемъ по своему дѣленію на восемь частей и по конструкціи накладныхъ пластинокъ и нижняго вѣнчика и приближается къ шлему Генриха Льва, но рѣзко отличается отъ него своей верхнею частью, т. е. вообще формою.

Гораздо болѣе аналогіи можно встрѣтить съ шлемами Востока; для шлемовъ послѣдней категоріи, извѣстныхъ подъ именемъ шишаковъ, нашъ шлемъ представляется какъ бы прототипомъ; самая техника золотой насѣчки, а также накладки изъ вырѣзныхъ пластинокъ указываютъ болѣе всего на Востокъ. Въ этомъ отношеніи нѣкоторую аналогію можетъ представить весьма интересный, богато украшенный серебряной насѣчкой шлемъ, пріобрѣтенный недавно Археологической Коммиссіей черезъ г. Булычева [1]), несомнѣнно восточнаго происхожденія, хотя этотъ шлемъ можетъ быть отнесенъ и къ болѣе позднему времени; аналогія здѣсь заключается въ четырехъ накладныхъ прорѣзныхъ пластинкахъ. Вліяніе Востока на формы русскихъ шлемовъ не только чувствуется въ самыхъ формахъ, удаляющихъ ихъ отъ Запада, но подкрѣпляется также и упоминаніемъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» о шлемахъ аварскихъ [2]). Помѣщенный въ текстѣ рисунокъ 17-й представляетъ реставрацію нашего шлема, сдѣланную на основаніи весьма трудной и тщательной очистки его частей. Шлемъ съ одной стороны имѣетъ пробоину, форма которой и ровные края даютъ основаніе отнести ее къ случайнымъ поврежденіямъ, возможнымъ во время снятія шлема съ костра, когда желѣзо могло получить свойство

---

[1]) [Будетъ изданъ въ *отчетѣ* Коммиссіи за 1899 г.].

[2]) Несмотря, однако, на эти частичныя аналогіи, за гнѣздовскимъ шлемомъ, какъ намъ кажется, нельзя не признать мѣстнаго своеобразнаго характера: онъ выражается не только въ формѣ шлема, въ его простой конструкціи, но также и въ орнаментикѣ: городчатыя вырѣзки на шлемѣ состоятъ изъ полукруглыхъ городковъ, раздѣленныхъ между собою болѣе мелкими зубцами, а такого рода орнаментъ можно замѣтить на желѣзной скобѣ, изображенной на рис. 18 (стр. 68) и служившей, вѣроятно, для закрѣпленія центральной щитовой бляхи къ дереву щита. Въ настоящее время подобный орнаментъ встрѣчается весьма часто на рѣзныхъ подзорахъ крестьянскихъ избъ въ Смоленскомъ уѣздѣ. Трудно предположить, чтобы такого рода сходства были случайными совпаденіями художественныхъ пріемовъ примитивной орнаментики.

чугуна и откалываться по кускамъ даже при небольшомъ ударѣ. Должно замѣтить, что и въ настоящее время шлемъ отличается замѣчательною хрупкостью. Внутри шлема сохранилась прикипѣвшая косточка отъ черепа, а возлѣ шлема найдена бармица или кольчужная завѣса, къ сожалѣнію, настолько попорченная огнемъ, что вполнѣ возстановить ея размѣры весьма затруднительно; однако на этой бармицѣ весьма ясно сохранилась кайма или оторочка, сдѣланная изъ мѣдныхъ колецъ, тогда какъ вся остальная бармица состоитъ изъ колецъ желѣзныхъ. Бармица эта, очевидно, прикрѣплялась къ шлему посредствомъ колецъ, для которыхъ по ободу шлема сохранились отверстія. Не говоря уже о самой бармицѣ, ея кайма изъ мѣдныхъ колецъ представляетъ, на нашъ взглядъ, пріемъ украшеній чисто восточный, сохранившійся, напримѣръ, въ Персіи до поздняго времени. Помѣщенный въ началѣ главы (стр. 3) рисунокъ представляетъ копію съ акварельнаго рисунка, исполненнаго нами съ натуры въ то время, когда часть кострища была только что очищена и вся группа оружія лежала въ полной неприкосновенности. Какъ видно на рисункѣ, шлемъ лежалъ въ наклонномъ положеніи, а подъ нимъ находилась бармица, кости заднихъ ногъ барана, копье и мечъ, возлѣ котораго находился опрокинутый горшокъ. На шлемѣ сохранились куски дерева отъ щита, которымъ была прикрыта вся эта груда оружія, а выше находился еще щитъ; отъ обоихъ щитовъ сохранились верхнія центральныя бляхи изъ желѣза (умбоны); дерево отъ нижняго щита сохранилось отчасти не только на поверхности шлема, но и на ближнихъ камняхъ. Такимъ образомъ при раскопкѣ Большого кургана представляется несомнѣннымъ, что въ Гнѣздовѣ употребленіе щитовъ, какъ оборонительнаго оружія, было въ обычаѣ. Теперь на основаніи этого факта можемъ сказать нѣсколько словъ о щитахъ древнихъ обитателей Гнѣздова.

Рис. 17.

Благодаря оставшимся отъ щита слѣдамъ дерева, можно представить себѣ приблизительно размѣры щита, измѣряя разстояніе этихъ кусочковъ дерева отъ центральной бляхи или умбона; при такомъ измѣреніи ширина или длина щита доходитъ до 1 метра. Въ области лежавшаго когда-то щита найдено много желѣзныхъ скрѣпокъ или обоймицъ въ видѣ желѣзныхъ согнутыхъ вдвое пластинокъ съ пробоинами или гвоздиками на концахъ, служившихъ для скрѣпленія краевъ щита и прекрасно сохранившихъ внутри кусочки дерева; эти-то кусочки дерева представляютъ часто косые слои, которые объясняются явно тѣмъ, что доски, изъ которыхъ щитъ состоялъ, имѣли на краяхъ закругленія, соотвѣтствующія окружности круга. Принимая во вниманіе сохранившіеся слѣды дерева на ближнихъ камняхъ, можно также смѣло утверждать, что щитъ имѣлъ круговое очертаніе. По желѣзнымъ обоймицамъ также можно легко опредѣлить толщину щитовыхъ досокъ; можно считать также до нѣкоторой степени вѣроятнымъ, что щитъ былъ окрашенъ въ красную краску, такъ какъ дерево въ одной изъ обоймицъ сохранило слѣды красной окраски.

На томъ же мѣстѣ, гдѣ находился щитъ, найдены желѣзные крючки пробоевъ въ видѣ

Рис. 18.

короткихъ стержней съ загнутымъ концомъ; такого рода крючки, образующіе своимъ загибомъ петлю или ушко, могли служить для продѣванія въ нихъ шнурковъ или ремней, какъ необходимое приспособленіе для ношенія щита на рукѣ.

Въ томъ же мѣстѣ найдено до 19 желѣзныхъ скобокъ или закрѣпъ, состоящихъ изъ ромба и кружка, соединенныхъ между собою вертикальнымъ стержнемъ; ихъ назначеніе остается для насъ недостаточно яснымъ. Какъ намъ кажется, однако, такого рода закрѣпы могли употребляться для прикрѣпленія поперечныхъ деревянныхъ шпонокъ или реекъ къ доскамъ щита; такое предположеніе мы находимъ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что длина этихъ желѣзныхъ скрѣпокъ варіируется, и эта варіація въ размѣрахъ, быть можетъ, служитъ указаніемъ, что болѣе короткія желѣзныя скрѣпы служили для концовъ шпонокъ, а болѣе длинныя—для утолщенной середины шпонки.

Съ другой стороны находки такого рода желѣзныхъ закрѣпъ весьма многочисленны въ Скандинавіи; тамъ онѣ составляли скрѣпы досокъ въ тѣхъ лодкахъ, въ которыхъ сжигались или хоронились покойники. Такимъ образомъ находки этихъ желѣзныхъ скрѣпъ въ нашемъ большомъ курганѣ, если признать аналогію въ Скандинавіи, какъ бы указываютъ на присутствіе лодки при погребеніи въ большомъ гнѣздовскомъ курганѣ, что могло быть вполнѣ возможнымъ дѣломъ, если бы только какіе-либо другіе факты указывали на присутствіе лодки. Къ сожалѣнію, такихъ фактовъ не сохранилось, можетъ быть вслѣдствіе сильнаго огня, а можетъ быть и потому, что весь курганъ еще не раскопанъ вполнѣ; во всякомъ случаѣ эти желѣзныя скрѣпы могли употребляться въ обоихъ случаяхъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что въ Большомъ курганѣ найдено два щита, такъ что на каждый щитъ пришлось бы по 10 закрѣпъ и по 5 пробоевъ.

Кромѣ щитовъ въ Большомъ курганѣ, нами найдено еще два умбона въ двухъ другихъ курганахъ Гнѣздова, но, какъ намъ кажется, они были положены тогда въ курганы, когда уже не служили своему первоначальному назначенію, потому что лежали на курганахъ такъ высоко подъ слоемъ дерна, что никакъ нельзя предположить въ этомъ мѣстѣ присутствіе деревяннаго щита довольно большихъ размѣровъ; притомъ же эти бляхи лежали въ обратномъ положеніи, т. е. отверстіями

кверху. По многимъ другимъ мелкимъ признакамъ, какъ напримѣръ, по отсутствію мелкихъ гвоздиковъ, можно скорѣе предположить, что онѣ замѣняли собою пустые глиняные сосуды, которые такъ часто встрѣчались на вершинахъ кургана, тѣмъ болѣе, что около нихъ никакихъ принадлежностей къ щитамъ въ родѣ скобокъ и пробоевъ не было найдено; если прибавить къ этимъ находкамъ двѣ-три стрѣлообразныхъ желѣзныхъ длинныхъ скобки, служившихъ, быть можетъ, для закрѣпленія бляхи къ щиту (рис. 18), то этимъ матеріаломъ ограничивается все то, что могло служить для укрѣпленія щита.

Очевидно, что скудость предметовъ, относящихся къ щиту, и затѣмъ два умбона, уже приспособленные для другихъ цѣлей, свидѣтельствуютъ о томъ, что щиты у жителей Гнѣздова были въ рѣдкомъ употребленіи и скоро даже получили значеніе вещей отжившихъ, ненужныхъ, центральныя бляхи которыхъ были приспособлены къ другимъ практическимъ цѣлямъ.

То же можно замѣтить и о копьяхъ, которыхъ найдено всего два экземпляра; изъ нихъ одинъ экземпляръ находился вмѣстѣ съ мечомъ на кострищѣ Большого кургана. Копье это вмѣстѣ съ другими вещами такъ сильно попорчено огнемъ и превращено въ скипѣвшую съ пескомъ массу, что размѣръ и форму копья выяснить невозможно; замѣтной осталось въ этой массѣ только полая трубка, предназначенная для насаживанія на древко. Зато другой наконечникъ копья, найденный еще г. Кусцинскимъ съ мечомъ, сохранился превосходно. Онъ совершенно сходенъ съ тѣми наконечниками копій, которые встрѣчаются въ Скандинавіи и относятся безспорно къ такъ называемой эпохѣ Викинговъ: его лезвіе—удлиненное, безъ рѣзкаго перехвата у черенка или трубки и безъ боковыхъ выступовъ или расширеній; трубка при основаніи украшена рядами параллельныхъ рубчиковъ, сведенныхъ вверху въ острый уголъ. Вообще типъ этого копья—совершенно своеобразный и можетъ быть отнесенъ къ типу иноземныхъ копій.

Характернымъ оружіемъ того времени слѣдуетъ считать мечи, хотя въ гнѣздовскихъ курганахъ мечей найдено всего семь; изъ нихъ одинъ находится въ коллекціи графини Уваровой и два — въ коллекціяхъ Историческаго музея; тамъ же находятся остатки и четвертаго меча изъ Большого кургана, настолько попорченные огнемъ, что опредѣленіе ихъ возможно только по

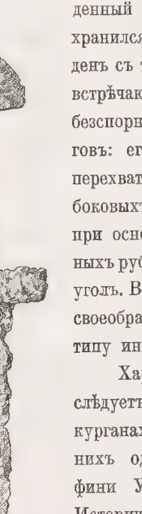

Рис. 19.

Рис. 20

ихъ изломамъ. Недавно г. Сергѣевымъ выкопаны два меча, верхнія части которыхъ изображены на прилагаемыхъ рисункахъ 19 и 20. Наконецъ, въ музеѣ кн. Тенишевой находится мечъ, найденный также въ гнѣздовскомъ курганѣ [1]).

Гнѣздовскіе мечи, хранящіеся въ коллекціяхъ Историческаго музея, также какъ и мечъ коллекціи графини Уваровой, относятся къ тому типу мечей, которые въ эпоху Викинговъ и даже ранѣе были въ большомъ употребленіи въ Скандинавіи и вообще въ прибалтійскихъ странахъ, въ Англіи и даже во Франціи, гдѣ этого рода мечи встрѣчаются и позднѣе—въ изображеніяхъ такъ называемаго «ковра Матильды» (tapisserie de Bayeux); подобные мечи встрѣчались также въ нашихъ раскопкахъ въ Курляндіи и въ раскопкахъ Н. Е. Бранденбурга въ Приладожьѣ.

Такіе мечи встрѣчаются и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, преимущественно въ курганахъ съ трупосожженіемъ. Размѣры этихъ мечей обыкновенно большіе; такъ, въ одномъ экземплярѣ въ Историческомъ музеѣ длина достигаетъ до 99 сант., а ширина клинка—до 6,5 сант. Особенность формы клинка этихъ мечей заключается въ томъ, что весьма широкій клинокъ своими краями представляетъ двѣ параллельныя линіи, которыя сводятся круто въ остріе лишь при самомъ концѣ. Посреди клинка обыкновенно идетъ широкая ложбина; на этой ложбинѣ близко къ рукояти находится клеймо, встрѣченное на одномъ музейскомъ экземплярѣ меча. Рукоять состоитъ изъ трехъ частей: перекрестья или крыжа, надѣтаго на черенокъ у самаго основанія клинка, и двухъ другихъ частей, составляющихъ верхушку, изъ которыхъ одна, нижняя,—подвижная и напоминаетъ своей формой перекрестье или крыжъ, уступая ему однако немного въ размѣрахъ, а другая (верхушка) — неподвижна и заканчивается закругленіемъ. Самый черенокъ или стержень рукояти состоитъ изъ желѣзной узкой пластины; въ гнѣздовскихъ мечахъ этотъ черенокъ не сохранилъ слѣдовъ дерева, кости и серебряной проволоки, которая встрѣчается на рукояти меча, добытаго изъ раскопокъ г. Бранденбурга. Очень возможно, что рукояти гнѣздовскихъ мечей были обмотаны кожей и тонкой серебряной проволокой, которая могла легко погибнуть отъ сильнаго огня. Весьма неяснымъ представляется намъ назначеніе нижней подвижной части верхушки, объяснить которое намъ кажется возможнымъ лишь тѣмъ, что посредствомъ закрѣпленія эта часть могла соотвѣтствовать точно ширинѣ руки владѣльца этого оружія. Сдѣланные изъ желѣза крыжъ и верхушка рукояти въ мечѣ графини Уваровой украшены были бронзовой накладной пластинкой съ точечнымъ орнаментомъ; такой же орнаментъ встрѣчается на рукояти, найденной г. Кусцинскимъ. Рукоять же другого меча въ музеѣ богато украшена серебромъ съ

Рис. 21.

[1]) Мечъ былъ найденъ изогнутымъ въ формѣ кольца вокругъ большихъ размѣровъ урны съ жжеными костями. Вѣроятно, урна была опущена въ деревянное ведро или кадку, отъ которой сохранились лишь желѣзные обручи. Кольцеобразная изогнутость меча и объясняется тѣмъ, что онъ былъ втиснутъ въ сосудъ круглой формы.

зеленымъ узоромъ, представляющимъ ряды ступенчатыхъ зубчиковъ (рис. 21). Вся эта отдѣлка отличается весьма тонкой техникой, обличающей по своему происхожденію характерное восточное мастерство: на желѣзную рубчатую поверхность рукояти вбиты серебряныя нити, образующія ровную поверхность, которая разнообразится только рядами длинныхъ уступчатыхъ треугольниковъ, обращенныхъ другъ къ другу вершинами; нѣжный зеленый цвѣтъ этихъ треугольниковъ происходитъ или отъ химическаго измѣненія серебра, или отъ особенной окраски,—вопросъ этотъ остается для насъ пока не рѣшеннымъ; во всякомъ случаѣ оригинальность и деликатность этой техники, а также и самый узоръ удаляютъ отдѣлку эту отъ издѣлій Запада и приближаютъ ее къ восточному мастерству. Комбинація треугольниковъ, какъ извѣстно, представляетъ любимый мотивъ арабскихъ орнаментовъ, исполненныхъ серебряной зернью; зеленый цвѣтъ встрѣчается въ изображеніи звѣрей на костяныхъ пластинкахъ отъ колчана изъ раскопокъ г. Самоквасова на сѣверномъ Кавказѣ. Зеленый цвѣтъ въ формѣ эмалевой накладки образуетъ узоръ вмѣстѣ съ серебрянымъ фономъ, наложеннымъ на поверхность желѣзнаго стремени, пріобрѣтеннаго недавно Историческимъ музеемъ. Кромѣ того, среди предметовъ изъ кавказскихъ раскопокъ Н. И. Веселовскаго мы находимъ круглыя серебряныя бляхи, фонъ у которыхъ заполненъ также финифтью зеленаго цвѣта. Какъ украшеніе колчана, такъ и украшеніе упомянутаго стремени относятся несомнѣнно къ мастерству Востока и указываютъ, несмотря на различіе техники, на привычку къ зеленому цвѣту на украшеніяхъ подобныхъ предметовъ.

Намъ остается указать для большей аналогіи съ Востокомъ на мечъ, находившійся въ Археологической Коммиссіи, съ богатой серебряной отдѣлкой и арабской надписью, несомнѣнно арабскаго происхожденія [1]). Указанные нами факты свидѣтельствуютъ, впрочемъ, только о томъ, что въ эпоху Гнѣздовскаго могильника формы мечей были довольно однородны какъ для Востока, такъ и для Запада, и отдѣлка ихъ рукоятей исполнялась въ лучшихъ экземплярахъ восточными мастерами, хотя самые клинки могли быть привозимы и съ Запада (въ особенности съ береговъ Рейна); относительно послѣдняго факта можно принять во вниманіе указанія у Ибнъ-Фадлана. Отдѣлка другихъ вышеупомянутыхъ мечей изъ Гнѣздова можетъ быть отнесена уже не къ восточнымъ издѣліямъ, а къ издѣліямъ, быть можетъ, мѣстныхъ мастеровъ, на что указываетъ болѣе грубая техника этихъ мечей.

Кромѣ упомянутыхъ мечей, въ Гнѣздовѣ найденъ весьма длинный однолезвійный ножъ или «скрамасаксъ», сохранившійся лишь въ формѣ клинка безъ всякой отдѣлки и найденный вмѣстѣ съ тѣмъ мечомъ, который, какъ мы упоминали, выдѣляется серебряной отдѣлкой рукояти. Подобнаго рода оружіе намъ пришлось встрѣтить только въ нашихъ раскопкахъ на берегу Виндавы у Добена, при скелетѣ, который на основаніи другихъ вещей можетъ быть отнесенъ къ IX или X вѣку и къ культурѣ древне-латышской. Вообще такого рода оружія встрѣчаются среди древностей скандинавскихъ и сѣверо-германскихъ. Нашъ гнѣздовскій экземпляръ скорѣе всего представляетъ собою пережитокъ болѣе древняго времени, сравнительно съ найденнымъ вмѣстѣ мечомъ [2]).

---

[1]) См. *Отчетъ И. Арх. Комм.* за 1898 г., стр. 85, рис. 56.

[2]) Недавно г. Сергѣевымъ найденъ въ Гнѣздовѣ весьма рѣдкій и любопытный экземпляръ кинжала, о которомъ будетъ рѣчь въ дополнительной главѣ.

На таблицѣ IX изображены образцы желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, найденныхъ въ разное время въ курганахъ Гнѣздовскаго могильника. Изъ нихъ верхній рядъ (1 — 9) представляетъ типы стрѣлъ, наиболѣе часто встрѣчаемыхъ въ курганахъ Гнѣздова; всѣ наконечники стрѣлъ этого ряда отличаются болѣе или менѣе рѣзко выраженной плоской ромбической формой; изъ нихъ №№ 6 и 7 наиболѣе приближаются по формѣ къ ромбу; въ другихъ экземплярахъ основная форма ромба разнообразится удлиненіемъ и заостреніемъ вершины, какъ въ наконечникѣ подъ № 8, или закругленіемъ верхнихъ сторонъ и болѣе или менѣе выемчатыми краями (№№ 1, 2, 4, 5), при чемъ средняя линія плоскаго лезвія слабо возвышается, образуя по сторонамъ едва замѣтныя грани. У тѣхъ наконечниковъ, верхняя часть которыхъ срѣзывалась, самое остріе стрѣлки дѣлалось замѣтно четырехграннымъ (напримѣръ, № 2). Не только верхній рядъ наконечниковъ стрѣлъ, но и другіе типы, изображенные на таблицѣ, исключая только № 10, представляютъ одну общую характерную черту: наконечники стрѣлъ этого типа укрѣплялись въ древко посредствомъ стержня или хвоста, почему на нѣкоторыхъ стержняхъ замѣтны насѣчки и нарѣзки, сдѣланныя, очевидно, для большей прочности укрѣпленія. Такого рода укрѣпленіе къ древку требовало еще вспомогательныхъ средствъ, то есть обматыванія засмоленной бичевой послѣ того, какъ хвостъ былъ уже пропущенъ въ отверстіе или раскепъ древка. Только наконечникъ № 10 представляетъ въ данномъ случаѣ исключеніе: здѣсь желѣзная стрѣлка съ двумя крыльями или усиками заканчивается трубочкою для насадки на древко; но по формѣ эту стрѣлку можно отнести къ гарпунамъ для багренія рыбы, и нужно замѣтить, что форма этихъ гарпуновъ сохранилась еще съ древности; такъ, въ могильникѣ Рейхенгаль (въ Баваріи) мы встрѣчаемъ такого рода гарпуны. Другой экземпляръ подобнаго гарпуна изъ раскопокъ г. Бирукова изображенъ на рис. 22.

Рис. 22.

Что касается распространенности типа ромбическихъ плоскихъ наконечниковъ стрѣлъ перваго ряда таблицы, то мы можемъ замѣтить, что распространеніе ихъ идетъ далеко на Востокъ; такъ, въ коллекціяхъ Теплоухова изъ Сибири встрѣчаются совершенно подобные типы. Стрѣлки этого типа въ курганахъ Гнѣздова попадались довольно часто, иногда по нѣскольку экземпляровъ въ одномъ курганѣ, такъ что типъ этотъ можно признать болѣе обычнымъ типомъ для нашего могильника. Нижній рядъ стрѣлокъ (11—20) представляетъ другіе типы, болѣе разнообразные по формамъ и болѣе деликатные по своей превосходной техникѣ: здѣсь однѣ изъ стрѣлъ ланцетовидной формы замѣчательны по красотѣ своихъ линій, по превосходному закалу и полировкѣ, сохранившей первоначальную свѣжесть въ продолженіе тысячелѣтія (№№ 11, 12, 19); у другихъ наконечниковъ этого ряда расширеніе сторонъ сводится ближе къ вершинѣ, чѣмъ увеличивалась сила ихъ удара (№№ 13, 14, 15). Четырехгранная стрѣлка № 16 представляетъ большое утолщеніе въ верхушкѣ, такъ какъ нижняя часть ея срѣзана;

вообще этого рода стрѣлки, вмѣстѣ съ изображенными подъ №№ 17 и 18 трехгранными стрѣлками, могутъ быть отнесены къ боевымъ стрѣлкамъ, имѣющимъ вообще сильное заостреніе самого жала, которое, попадая въ средину колечекъ кольчуги, можетъ произвести рану (рис. 23). Намъ остается упомянуть еще о двурогой стрѣлѣ, найденной въ единственномъ экземплярѣ (г. Бируковымъ) въ курганѣ на самой южной окраинѣ могильника; она можетъ быть отнесена къ разряду охотничьихъ стрѣлъ или такъ называемыхъ «срѣзней» и отличается болѣе грубой техникой (рис. 24). Древнее употребленіе этого рода стрѣлъ подтверждается изображеніемъ стрѣльца въ «Изборникѣ Святослава» и извѣстіями объ императорѣ Коммодѣ, который съ подобными стрѣлами охотился на страусовъ въ циркѣ.

Рис. 24.

Рис. 23.

Хотя самыхъ луковъ въ Гнѣздовскихъ курганахъ не сохранилось, но, судя по размѣрамъ наконечниковъ стрѣлъ, въ особенности наконечника № 18, луки должны были имѣть значительные размѣры, — по крайней мѣрѣ размѣры тѣхъ луковъ, которые изображены на коврѣ Матильды и въ «Изборникѣ Святослава» или на фрескахъ Кіево-софійскаго собора; опираясь въ особенности на послѣднее изображеніе, можно думать, что лукъ того времени былъ такъ называемымъ сложнымъ, то есть составленнымъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей. Такимъ, какъ извѣстно, описывается древній лукъ въ нашихъ былинахъ. Само собою разумѣется, господствующій сложный типъ лука не исключаетъ возможности бытованія простыхъ луковъ, занесенныхъ отъ финскихъ народностей.

Заканчивая нашъ обзоръ стрѣлъ гнѣздовскихъ могильниковъ, нельзя не замѣтить вообще, что самое разнообразіе типовъ и обиліе найденныхъ наконечниковъ стрѣлъ указываетъ, по нашему мнѣнію, на тотъ фактъ, что лукъ и стрѣлы были исконнымъ и обычнымъ оружіемъ жителей мѣстностей Гнѣздова, а принимая во вниманіе вообще прекрасную технику желѣзныхъ вещей, найденныхъ въ гнѣздовскихъ курганахъ, можно думать, что наконечники стрѣлъ изготовлялись по большей части самими жителями этой мѣстности. Типы стрѣлъ, найденные въ мерянскихъ курганахъ гр. Уваровымъ, въ курганахъ Приладожья г. Бранденбургомъ, въ Пермскомъ краѣ, въ Сибири—вездѣ представляютъ болѣе грубую технику и болѣе однообразные типы по сравненію съ гнѣздовскими; хотя ромбическія формы стрѣлки встрѣчаются на Западѣ, напримѣръ, въ могильникѣ Рейхенгалля въ Баваріи, но эти стрѣлки, не говоря уже о техникѣ, рѣзко отличаются отъ гнѣздовскихъ тѣмъ, что снабжены не черенками, а втулками. Этимъ отличіемъ гнѣздовскія стрѣлки ближе подходятъ къ Востоку, чѣмъ къ Западу; о такомъ различіи стрѣлокъ г. Анучинъ въ своей статьѣ «Лукъ и стрѣлы» (стр. 72) утверждаетъ, что «въ Восточной Европѣ, въ Азіи и Африкѣ преобладающими формами являются стрѣлки, снабженныя черенкомъ». Замѣтимъ также, что многіе типы гнѣздовскихъ стрѣлокъ происходятъ, по всему вѣроятію, отъ тѣхъ древнихъ типовъ, которые изготовлялись еще изъ кости, техника которыхъ въ особенности допускала разнообразное срѣзываніе поверхности наконеч-

ника. Въ большинствѣ случаевъ для жителей Гнѣздова можно допустить заимствованіе формъ преимущественно отъ тѣхъ кочевниковъ тюркскаго и монгольскаго племени, съ которыми восточные славяне вообще приходили въ соприкосновеніе на своемъ жизненномъ пути.

Болѣе рѣдкимъ оружіемъ для жителей Гнѣздова можно считать копье, такъ какъ намъ извѣстно не болѣе четырехъ экземпляровъ копій, найденныхъ въ Гнѣздовѣ, изъ которыхъ одно, наиболѣе интересное, было найдено г. Куспинскимъ и хранится въ Историческомъ музеѣ. Этотъ желѣзный наконечникъ представляетъ своей формой и размѣромъ полное сходство съ характерными наконечниками копій въ музеяхъ Швеціи и Даніи, относимыми сѣверными археологами къ эпохѣ викинговъ, то есть къ X вѣку. Этотъ наконечникъ отличается весьма удлиненной ланцетовидной формой и не имѣетъ обычнаго перехвата у втулки, которая украшена параллельными нарѣзками, сходящимися подъ острымъ угломъ.

Желѣзная пластинка, изображенная на той же таблицѣ подъ № 8, съ сердцевиднымъ кольцомъ и тремя гвоздиками, составляетъ, на основаніи аналогіи съ древностями Скандинавіи, часть укрѣпленія центральной щитовой бляхи или умбона къ самому щиту. Подобнаго рода желѣзныя скобы найдены въ гнѣздовскихъ курганахъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ (см. рис. 18). Наконецъ, на той же таблицѣ подъ №№ 20, 21, 22, 23 изображены желѣзныя обоймицы или скобочки съ шипами. Обыкновенно сѣверные археологи до послѣдняго времени называли ихъ шпорами, предполагая, что въ правильно сплюснутую скобочку, какая изображена, напримѣръ, подъ №№ 20, 21, продѣвался ремень, посредствомъ котораго шпора укрѣплялась къ сапогу; объясненіе это мы считаемъ только правдоподобнымъ и то только потому, что не знаемъ болѣе вѣрнаго.

Однако мы не можемъ не отмѣтить того факта, что эти предполагаемыя шпоры попадались въ гнѣздовскихъ курганахъ весьма часто и притомъ по нѣскольку экземпляровъ въ одномъ курганѣ. Насколько намъ извѣстно, находокъ этого рода въ другихъ курганахъ Смоленской губерніи не было сдѣлано, а потому эти шпоры можно считать характерными, специфическими предметами Гнѣздовскаго могильника. Только ихъ предполагаемому назначенію противорѣчитъ нахожденіе ихъ въ одномъ курганѣ въ значительномъ количествѣ. Слѣдуетъ также замѣтить, что намъ не случалось никогда находить ихъ парными, что, однако, можно было бы объяснить распространеннымъ обычаемъ довольствоваться только одной шпорой. На такой обычай, между прочимъ, указываютъ слѣдующіе факты, относящіеся къ разнымъ мѣстностямъ и временамъ. Въ нашихъ раскопкахъ могильника въ Пассельсѣ, на берегу рѣки Виндавы въ Курляндіи, мы встрѣчали сложенное въ порядкѣ оружіе, при чемъ въ этихъ грудахъ встрѣчалась всегда только одна шпора; въ Закавказьѣ въ Гуріи намъ пришлось замѣтить одну шпору, привязанную къ лѣвой ногѣ у гурійца, который служилъ проводникомъ извѣстному Дюбуа де Монпере. Кромѣ указаннаго нами страннаго обилія шпоръ, находимыхъ въ одномъ курганѣ, слѣдуетъ также отмѣтить и тотъ фактъ, по нашему мнѣнію, весьма важный, что формы и техника этихъ шпоръ отличаются замѣчательною грубостью по сравненію съ другими желѣзными издѣліями этого могильника. По нашему мнѣнію, такая грубость никакъ не вяжется съ тою ролью, которую играетъ шпора въ вооруженіи коннаго воина, въ особен-

ности по сравненiю съ послѣдующими эпохами, когда шпора играла такую видную роль въ рыцарскомъ быту. Для прямого назначенiя шпоры намъ кажется странной шпора съ двумя шипами, найденная нами въ Гнѣздовѣ и изображенная на упомянутой таблицѣ. Хотя вопросъ о назначенiи этихъ предметовъ мы оставляемъ открытымъ, но позволяемъ себѣ высказать предположенiе, что такого рода скобы съ шипами, быть можетъ, могли служить скорѣе для подвязыванiя къ подошвѣ обуви при длинныхъ переходахъ по льду, напримѣръ, по льду замерзшихъ рѣкъ, которыя служили всегда болѣе удобной дорогой и въ зимнее время. Возможно также предположить, что эти т. н. «шпоры» привязывались къ ногамъ для лазанья по деревьямъ, съ цѣлью добыванiя меда изъ бортей («древолазные путы»). Предположенiе это высказываемъ только для провѣрки.

Несмотря на большое количество найденныхъ наконечниковъ стрѣлъ, ясныхъ слѣдовъ отъ колчановъ намъ не встрѣчалось; только одинъ случай можно принять за исключенiе, а именно, когда при раскопкѣ большого кострища въ курганѣ за рѣкою Свинкой, кромѣ многихъ стрѣлъ и другихъ вещей, нами была найдена желѣзная скоба, которую возможно принять за оковку верхняго края колчана; на такое назначенiе указываютъ нѣсколько сжатая полуциркульная форма скобы съ отвернутымъ краемъ и самые размѣры ея. Въ виду вѣроятiя этого предположенiя должно думать, что колчанъ имѣлъ полуцилиндрическую форму, выдѣлывался изъ легкаго дерева или лубка и плоской стороной прилегалъ къ тѣлу.

Почти полное отсутствiе въ гнѣздовскихъ курганахъ желѣзныхъ сѣкиръ можно считать характернымъ фактомъ, такъ же, какъ и рѣдкую находку копiй: желѣзная боевая сѣкира извѣстна намъ только въ трехъ экземплярахъ, представляющихъ обычный курганный типъ, то есть съ вырѣзкой внизу. Сѣкира съ узкимъ удлиненнымъ лезвiемъ найдена весьма недавно; наконецъ, къ этого рода оружiямъ можно отнести находку маленькаго желѣзнаго топорика (рис. 25), напоминающаго своимъ типомъ топорикъ, найденный графомъ Уваровымъ при раскопкѣ такъ называемыхъ мерянскихъ кургановъ и изображенный въ атласѣ гр. Уварова на таблицѣ XXIX подъ № 8. Нужно замѣтить при этомъ, что находки сѣкиръ относятся не къ центральнымъ частямъ могильника, а къ его окраинамъ и въ особенности къ сѣверной; такимъ образомъ, рѣдкое нахожденiе сѣкиръ и копiй является, по нашему мнѣнiю, однимъ изъ отличительныхъ признаковъ этого могильника, указывающихъ, быть можетъ, что въ эпоху трупосожженiя оружiе этого рода не было еще въ большомъ употребленiи жителей этой мѣстности, тогда какъ въ эпоху обыкновеннаго погребенiя въ языческихъ курганахъ боевая сѣкира вышеупомянутаго типа встрѣчается, какъ наиболѣе распространенное и обычное оружiе [1]).

Рис. 25.

Еще болѣе характернымъ фактомъ для Гнѣздова мы считаемъ отсутствiе земледѣльческихъ орудiй, какъ напримѣръ, серповъ, косъ, между тѣмъ какъ серпы, какъ извѣстно, встрѣ-

[1]) Благодаря новымъ раскопкамъ г. Сергѣева, количество предметовъ, относящихся къ оружiю, увеличилось, но указанное нами преобладанiе мечей и стрѣлъ сравнительно съ копьями и сѣкирами не нарушилось.

чаются весьма нерѣдко въ курганахъ съ погребеніемъ во всей центральной Россіи, а въ мерянскихъ курганахъ найдены гр. Уваровымъ даже сошники.

В.

Описаніе новыхъ раскопокъ въ Гнѣздовѣ.

Во время печатанія нашего труда раскопки въ Гнѣздовѣ, производившіяся разными лицами, не прекращались и продолжали время отъ времени доставлять интересные научные матеріалы. Этотъ постоянный приливъ новаго матеріала вызвалъ необходимость сгруппировать новыя работы въ особую дополнительную главу, съ указаніемъ нѣкоторыхъ интересныхъ случаевъ погребенія. Изъ числа раскопокъ, производившихся въ это промежуточное время, намъ извѣстны работы г. Бирукова, о прежнихъ работахъ котораго въ Гнѣздовѣ мы попутно уже упоминали въ нашемъ трудѣ. Раскопки г. Богуславскаго извѣстны намъ по его дневнику съ рисунками добытыхъ вещей, который былъ доложенъ нами въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Археологическаго Общества. Но самыми важными работами въ Гнѣздовѣ были несомнѣнно раскопки С. И. Сергѣева, какъ по обилію и интересу найденныхъ предметовъ, такъ и по району самаго изслѣдованія, захватившаго ту группу кургановъ, которая находится на старицѣ рѣки Днѣпра и которая нами еще не была изслѣдована. Раскопки г. Сергѣева производились въ Гнѣздовѣ въ теченіе двухъ лѣтъ по порученію Императорской Археологической Комиссіи, предоставившей намъ возможность ознакомиться съ его дневниками и добытыми имъ вещами.

Раскопки г. Сергѣева относятся къ 1899 и 1900 гг., не считая небольшихъ раскопокъ, сдѣланныхъ имъ въ 1898 г. при тѣхъ желѣзнодорожныхъ работахъ, которыя коснулись кургановъ Гнѣздова. Въ 1899 году г. Сергѣевымъ было раскопано до 50-ти кургановъ, преимущественно находящихся вблизи карьера для добыванія балласта, примыкающаго къ центральной группѣ Гнѣздовскаго могильника. Въ 1900 г. имъ а) производились раскопки возлѣ того-же карьера, б) были раскопаны курганы, образующіе цѣлую группу на старицѣ р. Днѣпра, в) была сдѣлана раскопка части вала городища близъ Гнѣздова, пересѣченнаго линіей Риго-Орловской желѣзной дороги.

Группа кургановъ, расположенныхъ у старицы Днѣпра, какъ по характеру погребенія, такъ и по вещамъ, не представляетъ ничего особеннаго по сравненію съ курганами главнаго Гнѣздовскаго могильника, и ихъ несомнѣнно можно отнести къ той-же эпохѣ и къ той-же народности. Изъ раскопокъ, произведенныхъ вблизи упомянутаго карьера, находящагося въ области центральнаго могильника, должно упомянуть о курганахъ подъ №№ 7 и 16 дневника г. Сергѣева, представляющихъ особый интересъ какъ по размѣрамъ и формѣ, такъ и по обряду погребенія и самымъ находкамъ. Оба кургана отличаются особой формой, въ особенности курганъ № 7: онъ представляетъ круглое возвышеніе съ плоской горизон-

тальной поверхностью и съ очень крутыми боками; діаметръ его—13 саж., высота до $2^1/_2$ арш., вокругъ сохранились слѣды канавы. Въ дневникѣ г. Сергѣева мы читаемъ слѣдующее описаніе этой раскопки. «Огнище съ краснымъ слоемъ, богатымъ мелкими косточками и вещами, лежало на 1 арш. 6 вершк. выше основанія кургана; этотъ красный слой былъ перемѣшанъ съ пепломъ и чернымъ слоемъ, такъ что огнище рѣзко выступало на фонѣ песка. Начиная съ южнаго конца, шли находки: на огнищѣ попадались обломки горшечковъ съ отогнутыми краями и плоскими днами; горшечки эти были брошены на огнище». Находки были очень разнообразны; между ними особенно выдѣляются три урны съ костями и бронзовый котелъ съ головой и шерстью барана.

Въ курганѣ № 16, весьма сходномъ по формѣ и размѣрамъ съ № 7, но нѣсколько крупнѣе (діаметръ его=18 саж.), найдено было огнище, занимавшее по діаметру около 5 саж., толщиною до 14 вершк. Многочисленныя находки были сдѣланы именно въ этомъ слоѣ; между прочимъ найдены разбитые горшки, «желѣзный котелъ и на немъ короткій мечъ съ украшеніемъ изъ серебра (изображеніе человѣческой маски). Котелъ былъ сильно сдавленъ и сверху имѣлъ треугольную форму; въ котлѣ—кости и голова козла. Котелъ былъ не на самомъ огнищѣ, а около него, и стоялъ на основаніи кургана». Комбинируя расположеніе найденныхъ вещей,—шейной гривны, фибулъ, золотыхъ и серебряныхъ слитковъ и золотой ткани, г. Сергѣевъ видитъ въ немъ указаніе на положеніе сожженнаго трупа по направленію съ юго-запада на сѣверо-востокъ; при чемъ въ головахъ на разстояніи 1 арш. стоялъ упомянутый котелъ съ головой козла. Нельзя не отмѣтить также большого количества желѣзныхъ гвоздей, а именно до 300, расположенныхъ кучками по направленію длины огнища съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Гвозди, найденные въ такомъ большомъ количествѣ, притомъ снабженные двумя шляпками, даютъ намъ основаніе предположить въ данномъ случаѣ фактъ погребенія въ кораблѣ. Основаніемъ этого предположенія можетъ служить аналогія съ погребеніемъ, описаннымъ въ сочиненіи Du Chaillu The Viking-age, т. I, стр. 335 и т. II, стр. 171 (въ главѣ building of a chip). Такого рода гвозди или точнѣе заклепки служили вообще для скрѣпленія досокъ,—въ небольшомъ количествѣ для скрѣпленія досокъ щита, а въ большомъ количествѣ, какъ въ данномъ случаѣ, — досокъ лодки. Употребленіе лодокъ для погребальныхъ обрядовъ не составляетъ необычнаго явленія у скандинавскихъ и славянскихъ народностей [1]). Фактъ погребенія въ лодкѣ былъ замѣченъ нами въ могильникѣ села Туровичи, на берегу рѣки Сожи, въ Могилевской губ. Замѣтимъ, однако, что вся обстановка погребальнаго обряда, въ особенности присутствіе котла желѣзнаго или мѣднаго, указываетъ на погребальный ритуалъ

[1]) Въ статьѣ Д. Н. Анучина «Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда», приводится много фактовъ, указывающихъ на погребеніе въ ладьѣ у различныхъ языческихъ народовъ. На стр. 74 авторъ говоритъ: «Сожженіе въ ладьѣ было однако дѣйствительно типичною чертою похороннаго обряда у скандинавовъ». Однакожъ возможность существованія подобнаго обряда у славянъ можно предполагать по связи этого обряда съ миѳическимъ представленіемъ о переходѣ души въ загробный міръ. Смыслъ этого обряда и самое значеніе слова «навы» объясняетъ Котляревскій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Погребальные обычаи славянъ», наприм. на стр. 199 и въ другихъ мѣстахъ. Если признать въ «Русахъ» Ибнъ-Фадлана одно изъ восточно-славянскихъ племенъ, то существованіе этого обряда въ X ст. среди славянъ, покрайней мѣрѣ для болѣе знатныхъ лицъ, получаетъ цѣнное доказательство.

Швеціи или Норвегіи. Что касается необычной формы этихъ двухъ кургановъ, то ровная горизонтальная поверхность ихъ указываетъ, по нашему мнѣнію, на тотъ фактъ, что насыпка кургана происходила иногда не сразу послѣ погребенія, а заканчивалась, быть можетъ, спустя долгое время послѣ первой засыпки, прикрывавшей кострище. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ оба кургана представляются намъ въ незаконченномъ еще видѣ. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть еще, что г. Сергѣеву при его раскопкахъ пришлось встрѣтиться дважды съ случаями обыкновеннаго погребенія, представляющими особенную рѣдкость для Гнѣздовскаго могильника, гдѣ общераспространеннымъ обрядомъ погребенія является исключительно трупосожженіе. Несомнѣнно, встрѣченные случаи не имѣютъ органической связи съ могильникомъ, а являются лишь исключеніями, имѣющими при томъ чисто случайный характеръ.

Въ мѣстности близъ желѣзнодорожнаго карьера г. Сергѣевымъ раскопанъ курганъ, имѣвшій весьма неправильную форму (дн. № 15). Въ этомъ курганѣ были найдены два скелета, лежавшіе одинъ на другомъ въ направленіи съ З. на В. (головами на В.); лица обращены внизъ; у одного изъ нихъ найдена сломанная желѣзная пряжка; руки были загнуты выше головы. Общее впечатлѣніе этого погребенія въ дневникѣ г. Сергѣевымъ выражено такъ: «какъ будто, покойниковъ бросили случайно». Слѣдуетъ добавить, что этотъ курганъ находился на самой окраинѣ могильника. Въ дневникѣ г. Сергѣева мы читаемъ также, что имъ «вскрытъ очень маленькій курганъ по дорогѣ съ кирпичнаго завода въ усадьбу владѣльца Гнѣздова— г. Васильева. Въ серединѣ кургана дѣтскій черепъ, подъ нимъ косточки рукъ, бусы, бубенчики и колечко; въ сторонѣ отъ него горшочекъ, но безъ косточекъ. Мы не упоминаемъ еще о случаѣ находки черепа, относящагося, повидимому, къ болѣе новому времени. Наши развѣдки въ этой же мѣстности заставили насъ скоро отказаться отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій въ виду того, что найденные нами скелеты, положенные рядомъ, носили на себѣ всѣ признаки болѣе новаго погребенія и не сопровождались никакими вещами. Рабочіе настойчиво говорили, что въ этихъ мѣстахъ найдены были какія-то плиты съ надписями, но разыскать этихъ плитъ мнѣ не удалось, такъ какъ онѣ пошли въ какое-то дѣло».

Что касается раскопки вала городища, то изъ дневника г. Сергѣева можно понять, что валъ имѣлъ высоту въ 1 сажень, былъ насыпанъ и сверху прикрытъ слоемъ земли; но въ основаніи вала г. Сергѣевъ нашелъ два огнища съ вещами, жжеными косточками и съ большимъ числомъ костей животныхъ. На основаніи краткихъ указаній дневника весьма трудно выяснить характеръ и значеніе этой насыпи: представляла ли подошва рядъ кургановъ, впослѣдствіи превращенныхъ въ валы посредствомъ присыпки песку? Намъ извѣстенъ фактъ, напр. въ Дьяковомъ городищѣ, близъ Москвы, гдѣ насыпка валовъ происходила уже долго спустя послѣ существованія самаго городища. Вопросъ этотъ, очевидно, остается открытымъ, и было-бы желательно при будущихъ раскопкахъ вала снять болѣе точный планъ раскопокъ и самаго городища, которому суждено скоро совершенно исчезнуть [1]).

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что значительная часть городища съ сѣверо-восточной стороны въ недавнее время была раскопана и выравнена артелью рабочихъ, состоявшею болѣе чѣмъ изъ 100 человѣкъ и работавшею «на кубикъ» безъ всякаго надзора со стороны желѣзнодорожнаго начальства. По слухамъ, тогда погибло много вещей.

Прежде чѣмъ говорить о вещахъ, добытыхъ г. Сергѣевымъ въ гнѣздовскихъ курганахъ, мы должны упомянуть о раскопкахъ г. Бугославскаго, произведенныхъ въ Гнѣздовѣ въ 1899 г. вмѣстѣ съ г. Писаревымъ, хранителемъ Смоленскаго музея древностей. Особеннаго вниманія заслуживаетъ изслѣдованіе ими отдѣльной группы кургановъ, лежащей въ двухъ верстахъ на западъ отъ станціи Гнѣздова въ мѣстности, занимаемой Днѣпромъ и носящей названіе «Змѣинаго острова». Изъ дневника г. Бугославскаго и изъ приложенныхъ къ дневнику рисунковъ вещей можно заключить, что эта группа кургановъ, числомъ около 10, какъ по ихъ составу, такъ и по погребальному обряду и по вещамъ не представляетъ замѣтныхъ отличій отъ кургановъ Гнѣздовскаго могильника.

Лѣтомъ 1901 г. на средства княгини Тенишевой было раскопано до 27 кургановъ въ Гнѣздовѣ, изъ числа которыхъ, впрочемъ, только въ 15 было встрѣчено трупосожженіе, а остальные оказались пустыми. Изслѣдованные курганы находились на окраинѣ лѣсного могильника; нѣкоторые изъ нихъ достигали значительныхъ размѣровъ. По составу, по характеру погребенія и по вещамъ курганы эти не отличались ничѣмъ особеннымъ отъ прежде изслѣдованныхъ кургановъ этой мѣстности, за исключеніемъ только одного, находившагося на южной окраинѣ лѣсного могильника; онъ имѣлъ средніе размѣры, форму полушарообразную и былъ насыпанъ изъ песку; немного выше уровня земли было обнаружено кострище, повидимому принесенное сюда извнѣ, съ того мѣста, гдѣ производилось трупосожженіе. На южной окраинѣ кострища оказалась единственная по своимъ большимъ размѣрамъ погребальная урна, наполненная жжеными костями; внизу находился согнутый, обвернутый вокругъ урны мечъ, который сильно перержавѣлъ и при выниманіи распадался на части; вокругъ меча еще ниже, у самаго подножья сосуда находились желѣзные обручи, очевидно скрѣплявшіе деревянное ведро, которое уже давно истлѣло. Такимъ образомъ погребальная урна была несомнѣнно вставлена въ ведро, въ которое былъ также вложенъ изогнутый вокругъ сосуда мечъ, такъ что ведро сохраняло его изогнутую кольцеобразную форму. Мечъ принадлежалъ къ типу гнѣздовскихъ мечей, имѣя широкое лезвіе и небольшое перекрестье; только верхушка состояла изъ одной нижней части, схожей по формѣ съ перекрестьемъ, а верхней, обыкновенно закругленной части не было. Такой формы рукояти мечей намъ приходилось встрѣчать въ могильникѣ Пассельса въ Курляндіи.

Для полноты настоящаго обзора намъ необходимо еще вспомнить о раскопкѣ двухъ кургановъ, произведенной г. Кусцинскимъ по порученію Московскаго Археологическаго Общества еще въ 1874 г. Раскопки его преимущественно сосредоточивались въ центральной, наиболѣе возвышенной части Гнѣздовскаго могильника. Вообще въ этой мѣстности было раскопано имъ 14 кургановъ. Его дневникъ, напечатанный въ Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества (т. IX, вып. 1-й, 1881 г.), передаетъ раскопку предпослѣдняго кургана такимъ образомъ: «окружность 43 арш., высота 4 арш. Сожженныя кости безъ горшка; на нихъ: бронзовая лампа и три бронзовыхъ украшенія съ привѣсками изъ цѣпей, оканчивающихся бронзовыми лапками (утиными?), у которыхъ сохранились кусочки полотна».

Объ интересной бронзовой лампочкѣ было уже говорено выше [1]). Что же касается до бронзовыхъ украшеній, то они представляютъ единственный найденный въ Гнѣздовѣ экземпляръ тройнаго нагруднаго украшенія такъ называемаго «мерянскаго» типа, которое состоитъ изъ трехъ ажурныхъ пластинокъ, образованныхъ изъ бронзовой проволоки. Привѣски изъ цѣпочекъ заканчиваются треугольничками, напоминающими своей формой лапки водяныхъ птицъ. Изъ этихъ трехъ пластинокъ самая большая служила украшеніемъ груди, а двѣ меньшія прикрѣплялись по сторонамъ, ближе къ плечамъ. Подобнаго рода украшенія употребляются до сихъ поръ среди мордвы и носятъ названіе «сюльгамъ». Въ данномъ случаѣ весьма интереснымъ является тотъ фактъ, что на обратной сторонѣ срединнаго украшенія прекрасно сохранились куски холста, быть можетъ, отъ сорочки; и если это предположеніе вѣрно, то можно утверждать, что эти бронзовыя женскія украшенія носились непосредственно на рубашкѣ. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что не только эти украшенія, но и самый обрядъ погребенія, найденный въ этомъ курганѣ, отличается особымъ исключительнымъ характеромъ: погребальныя урны здѣсь не найдены, а кострище выразилось единственно въ слоѣ жженыхъ косточекъ, количество которыхъ въ дневникѣ, къ сожалѣнію, не отмѣчено; какъ на вещахъ, такъ и на кусочкахъ холста вліяніе огня рѣшительно не замѣтно, такъ что можно предположить, что украшенія эти во время сожженія не были надѣты на покойницу. Такого рода факты, т. е. присутствіе нетронутыхъ огнемъ вещей на небольшомъ слоѣ косточекъ, извѣстны намъ изъ раскопокъ могильниковъ финскихъ народностей: такъ. напр., въ Люцинскомъ могильникѣ, принадлежащемъ, по нашему мнѣнію, Ливамъ, намъ случалось не разъ находить слѣды трупосожженій въ видѣ небольшого слоя косточекъ съ нѣсколькими вещами, нетронутыми огнемъ и не имѣвшими характера цѣлаго инвентаря украшеній или вещей покойника или покойницы. Изъ дневника раскопокъ Борковскаго могильника (Рязань 1893 г.) мы можемъ выбрать слѣдующія описанія нѣкоторыхъ трупосожженій, встрѣченныхъ въ этомъ могильникѣ и подходящихъ къ упомянутому кургану, раскопанному въ Гнѣздовѣ г. Кусцинскимъ. «Въ могилѣ № 55 найдены жженыя мелкія кости; вмѣстѣ съ ними бронзовая пряжка, не подвергшаяся дѣйствію огня, и кусокъ желѣза. Могила № 73. Обнаружены остатки жженыхъ костей; вмѣстѣ съ костями лежали вещи, не подвергавшіяся дѣйствію огня: двѣ бронзовыя сломанныя пряжки, желѣзная пряжка и желѣзный ножъ обыкновеннаго курганнаго типа». Цитированные нами примѣры представляютъ самое близкое сходство съ гнѣздовскимъ курганомъ, но и въ другихъ случаяхъ трупосожженія, упомянутыхъ въ дневникѣ раскопокъ Борковскаго могильника, при большихъ слѣдахъ сожженія—погребальныхъ урнъ всетаки не находилось. Такимъ образомъ, констатируя эти факты, мы считаемъ возможнымъ предположить, что разсматриваемый нами курганъ представляетъ единичный случай женскаго инородческаго, а именно финскаго, погребенія въ несомнѣнно славянскомъ гнѣздовскомъ могильникѣ. Это предположеніе подтверждается еще и самымъ характеромъ вещей, изъ которыхъ три женскихъ ажурныхъ украшенія несомнѣнно могутъ быть отнесены не только по стилю, но и по техникѣ къ характернымъ мерянскимъ

[1]) Стр. 60.

украшеніямъ, встрѣченнымъ въ большомъ числѣ графомъ Уваровымъ въ странѣ мерянъ (см. эти украшенія на рис. $26^{a-в}$ въ нат. вел.). Подобнаго рода украшенія встрѣчаются также нерѣдко въ Лядинскомъ и Михайловскомъ могильникахъ, Тамбовской губ., и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ финскими племенами. Найденная въ этомъ же курганѣ завозная лицевая бронзовая лампочка могла быть доставлена въ Гнѣздово какимъ-либо воднымъ путемъ, принадлежащимъ къ бассейнамъ Оки или Волги.

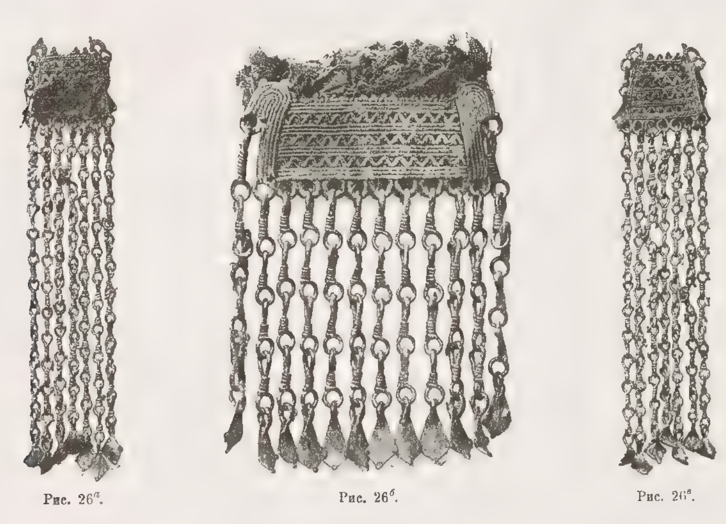

Рис. $26^{а}$. Рис. $26^{б}$. Рис. $26^{в}$.

Наше предположеніе въ данномъ случаѣ о погребеніи мерянской женщины нисколько не противорѣчитъ, по нашему мнѣнію, бытовымъ условіямъ того времени: женщина, взятая въ плѣнъ изъ какой-нибудь финской области или купленная, какъ рабыня, могла жить въ Гнѣздовѣ у кого-нибудь изъ воинственныхъ обитателей этой мѣстности. Вообще женщина-иноземка могла принадлежать къ той «челяди», о которой упоминаетъ Святославъ, говоря о торговлѣ Руси съ Переяславлемъ Болгарскимъ.

Курганъ № 15 изъ раскопанныхъ г. Кусцинскимъ представляетъ намъ примѣръ сложнаго погребенія, т. е, огребенія трехъ лицъ въ одномъ курганѣ. Г. Кусцинскій описываетъ раскопку этого кургана такимъ образомъ: «Окружность 36 арш., высота 4 арш. Сожженныя кости въ 3-хъ горшкахъ; съ одной стороны 1-го горшка вонзенъ въ землю мечъ желѣзный, ручка въ серебряной оправѣ, съ другой — копье; во 2-мъ горшкѣ желѣзная скобка, щипчики, булавка съ мѣдною ручкою, ножикъ и кусочекъ кости съ рѣзьбою; на третьемъ горшкѣ положено желѣзное ожерелье. Горшки стояли на камняхъ, на твердой землѣ; между горшками желѣзныя ножницы, на подобіе употребляемыхъ для стрижки овецъ и кожъ».

Въ данномъ случаѣ намъ представляется весьма интереснымъ вонзенный въ землю мечъ и копье по сторонамъ сосуда съ жжеными костями, по всему вѣроятію, содержавшаго прахъ какого-либо воина. Во второмъ горшкѣ найденныя вмѣстѣ съ костями вещи несомнѣнно указываютъ на женское погребеніе, такъ какъ всѣ онѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, скобки, относятся къ принадлежностямъ женскаго обихода или туалета, и въ особенности въ данномъ случаѣ является весьма характернымъ предметомъ для женскаго погребенія, по выраженію дневника, «кусочекъ кости съ рѣзьбою»: въ этомъ предметѣ легко можно узнать фрагментъ гребенки того деликатнаго гнѣздовскаго типа, о которомъ мы имѣли уже случай говорить [1]). Третій горшокъ можетъ быть отнесенъ, хотя и предположительно, также къ женскому погребенію, такъ какъ на этомъ горшкѣ положено было желѣзное ожерелье или гривна; а этого рода предметы относятся, по нашему мнѣнію, несомнѣнно къ предметамъ женскаго украшенія.

Подобный случай тройнаго погребенія встрѣченъ въ раскопкахъ г. Сергѣева и описанъ въ его дневникѣ подъ № 7. Тамъ найдены были также три сосуда съ костями, окружавшіе съ трехъ сторонъ бронзовый котелъ, въ которомъ найдены черепъ барана и шерсть. Наконецъ, въ нашихъ раскопкахъ было замѣчено двойное погребеніе, но порядокъ постановки сосудовъ былъ другой: одинъ сосудъ, наполненный костями, стоялъ въ центрѣ кострища, а другой сосудъ съ костями находился въ грунтѣ кургана, значительно выше перваго. Какъ извѣстно, случаи такихъ совмѣстныхъ погребеній, двухъ или трехъ, встрѣчаются и въ языческихъ курганахъ съ скелетами, т. е. съ обыкновеннымъ погребеніемъ.

Переходимъ теперь къ обзору вещей, найденныхъ г. Сергѣевымъ; изъ нихъ наиболѣе замѣчательныя изображены на послѣднихъ фототипическихъ таблицахъ №№ XI и XII и въ самомъ текстѣ въ цинкографіяхъ. О нѣкоторыхъ вещахъ мы имѣли уже случай упоминать прежде.

На таблицѣ XI подъ № 1 изображено изъ кости рѣзное навершье, представляющее прекрасный образецъ этой работы. Къ сожалѣнію, нижняя часть его не сохранилась, такъ что о назначеніи этого предмета можно говорить только гадательно; быть можетъ, онъ служилъ рукоятью для ножа или кинжала. Наиболѣе интересна въ немъ нижняя часть, украшенная вокругъ рельефно-рѣзнымъ плетенымъ узоромъ, состоящимъ, главнымъ образомъ, изъ горизонтальной полоски, которую захватываютъ мѣстами лентообразныя плетенья, исполненныя въ стилѣ X вѣка. Внутреннія части этихъ плетеній заполнены сплошь мелкимъ рельефнымъ горошчатымъ узоромъ. По характеру плетеній, предметъ этотъ представляется намъ завознымъ, а именно изъ скандинавскаго сѣвера или изъ Даніи. Подобнаго стиля орнаментъ, также рѣзанный на кости, мы встрѣчаемъ въ аграфѣ изъ кости, найденномъ въ Лондонѣ и помѣщенномъ въ журналѣ «Mémoires de la société royale des antiquaires du Nord» за 1870 г. Аграфъ этотъ представляетъ подобнаго же стиля рѣзьбу, но съ болѣе осмысленной композиціей.

№№ 3 и 4 изображаютъ пряжки, отлитыя изъ бронзы и замѣчательныя по своей тонкой, красивой орнаментаціи. Дужка первой пряжки вверху украшена звѣриной головкой,

[1]) Гребенки подобнаго типа встрѣчаются, между прочимъ, среди древностей Помераніи.

а два конца заканчиваются тѣми ушастыми звѣриными головками, которыя такъ характерны для X-го вѣка или для эпохи Викинговъ и которыя мы встрѣчаемъ, напримѣръ, на бляхѣ № 11; четыре конца этой бляхи оканчиваются подобными же головками. Изображенія подобныхъ головокъ мы встрѣчаемъ, кромѣ того, въ конскихъ украшеніяхъ, изображенныхъ въ мемуарахъ Общества Сѣверныхъ антикваровъ за 1867 г. Подобнаго же стиля головками украшена богатая серебряная пряжка или фабула, изданная недавно г. Спицынымъ въ «Извѣстіяхъ Императорской Археологической Коммиссіи» [1]).

Другая пряжка (№ 4) представляетъ дужку, состоящую изъ двухъ рукообразныхъ столбиковъ, внизу соединенныхъ рельефнымъ изображеніемъ головы животнаго иного типа,— скорѣе всего козла съ ясно выраженными рогами.

Бронзовый фрагментъ треугольной формы, изображенный подъ № 8, представляетъ, по нашему мнѣнію, фрагментъ отъ большой фибулы древняго, такъ называемаго готскаго стиля (ср. Lindenschmit т. 7, ф. 365). Представляя аналогію по формѣ, нашъ фрагментъ отличается сравнительно болѣе новой орнаментаціей, но болѣе древней по отношенію къ эпохѣ Викинговъ. Самая окраина этого фрагмента, украшенная рядомъ ячеекъ, позволяетъ видѣть въ немъ пережитокъ стараго времени. Такого рода ячеистый орнаментъ мы встрѣчаемъ на бронзовыхъ бляшкахъ, изображенныхъ подъ №№ 9 и 10. А послѣдняя бляшка, украшенная четырьмя птичьими головками, напоминаетъ вещи готскаго стиля, изданныя, напр. барономъ де-Баемъ («Cimetière d'Herpes»).

Пряжка № 6 представляетъ квадратной формы бронзовую пластинку, средина которой, въ формѣ полушарія, состоитъ изъ сплошнаго тонкой работы рельефнаго орнамента; въ этомъ орнаментѣ можно ясно отличать слѣдующія части: вверху находится изображеніе человѣческаго лица или маски, съ двумя оконечностями рукъ по сторонамъ, а возлѣ рукъ можно замѣтить двѣ ноги, изогнутыя кверху отъ находящагося внизу спиральнаго завитка; внизу вся композиція переплетена змѣеобразными шнурами. Такого рода композиція встрѣчается намъ въ вышеупомянутой костяной пластинкѣ, найденной въ Лондонѣ, на которой, по мнѣнію Ворсо, находится изображеніе Гуннара въ змѣиномъ рву. Какъ по предполагаемому сюжету, такъ и по стилю орнамента, весьма тонко выполненнаго, мы можемъ отнести эту вещь къ эпохѣ Викинговъ, т. е. къ X-му вѣку. Къ болѣе древнему времени, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отнести гайку, изображенную подъ № 5-мъ и въ профиль на рис. 27; изъ этихъ двухъ изображеній можно видѣть, что гайка состоитъ изъ круглой, богато орнаментированной пластинки, вверху которой находится литое изображеніе звѣря, обернувшаго голову назадъ и захватившаго въ пасть свой собственный хвостъ. Характерное изображеніе звѣря отличается здѣсь ясностью и простотой, не осложненной никакими вводными плетеніями. Головка звѣрька хотя и сходна по типу съ головками, изображенными на пряжкѣ № 11, но закругленныя уши здѣсь повернуты круто назадъ, что и придаетъ всей головкѣ болѣе удлиненный видъ. Между прочимъ здѣсь слѣдуетъ отмѣтить тотъ ориги-

Рис. 27 (н. в.).

[1]) Вып. 1, стр. 107 сл.

нальный пріемъ, который выражается въ изображеніи верхнихъ сочлененій ногъ или самыхъ бедръ посредствомъ спиральныхъ завитковъ; такого рода завитокъ мы только что указали на пряжкѣ № 6, гдѣ, слѣдовательно, онъ также служитъ основаніемъ ногъ, изогнутыхъ къ верху. Орнаментъ самой пластинки, состоящій изъ плетеній, отличается достаточной ясностью и напоминаетъ собою бляшку № 7.

Всѣ упомянутыя нами бляшки (отъ № 3 до 7) можно считать завозными съ скандинавскаго сѣвера или даже изъ Даніи, потому что въ ихъ орнаментаціи можно замѣтить нѣкоторую связь съ миѳологическими и эпическими сказаніями Скандинавіи. Къ этой же категоріи завозныхъ вещей можно отнести и пряжку № 11. Круглая бляшка подъ № 2 отличается техникой плетенаго орнамента, выраженнаго простыми нарѣзками, а потому можетъ быть отнесена къ мѣстнымъ издѣліямъ. Бляшка сохранила въ углубленныхъ мѣстахъ слѣды позолоты. Ромбическая бляшка № 12 представляетъ грубое подражаніе изображенію человѣческаго лица и орнаменту плетенія, выраженному грубыми прямыми чертами. Бляшка, во всякомъ случаѣ, представляетъ чрезвычайно интересный примѣръ того, какъ чужіе трудные мотивы орнаментаціи воспроизводились мѣстными мастерами.

Наконечники поясовъ и уздечекъ №№ 13—17 представляютъ аналогію съ вещами изъ нашихъ находокъ.

№№ 18—21 изображаютъ бляхи отъ поясныхъ наборовъ, по своему стилю выражающихъ болѣе вліяніе Востока; тѣмъ же характеромъ стиля отличается и бляшка подъ № 23.

Наконецъ желѣзное плоское кольцо, изображенное подъ № 22, можетъ быть отнесено къ мѣстнымъ издѣліямъ; его поверхность украшена рядами прямыхъ нарѣзокъ съ углубленными точками на концахъ. Орнаментъ, несмотря на свою простоту, отличается хорошей техникой желѣзнаго дѣла, очевидно процвѣтавшаго въ Гнѣздовѣ.

Чтобы исчерпать вопросъ о пряжкахъ изъ раскопокъ г. Сергѣева, намъ остается еще упомянуть о нѣкоторыхъ типахъ, изображенія которыхъ находятся въ слѣдующихъ цинкографіяхъ: рис. 28 изображаетъ трехлепестную пряжку, орнаментированную весьма спутанными плетеніями изъ рубчатыхъ лентъ; какъ самый стиль орнамента въ его вырождающемся неяс-

Рис. 29 (н. в.).

Рис. 28 (н. в.).

Рис. 30 (н. в.).

Рис. 31 (н. в.).

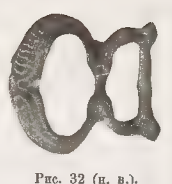

Рис. 32 (н. в.).

номъ видѣ, такъ и малый рельефъ указываютъ на несомнѣнное родство этой бляшки съ круглой бляшкой—фибулой, изображенной на таблицѣ XI подъ № 2. Пряжка, изображенная на рис. 29, относится, по нашему мнѣнію, къ болѣе древнему стилю, чѣмъ только-что описанныя пряжки: здѣсь изображеніе животнаго,—дракона или, точнѣе, гиппокампа, представлено ясно, безъ всякихъ излишнихъ плетеній. Какъ самый стиль изображенія, такъ и горошчатый рисунокъ бордюра заставляетъ насъ отнести означенную пряжку скорѣе къ болѣе древнему стилю, чѣмъ скандинавскій,—современному почти готской эпохѣ и носящему на себѣ несомнѣнные слѣды Востока. Въ пряжкѣ этой мы находимъ несомнѣнное родство, въ смыслѣ особенностей стиля, съ медальонами, изображенными подъ №№ 1 и 2 таблицы IV. Къ восточному стилю отчасти подходитъ также и фрагментъ бляшки, изображенный на рис. 30. На рис. 31 изображена бронзовая пряжка, состоящая изъ длинной, тонкой бронзовой пластины съ прикрѣпленной на шарнирѣ литой и орнаментированной дужкой. Пряжка эта отличается также рѣзко отъ предметовъ такъ называемаго скандинавскаго стиля: штампованный орнаментъ самой пластины состоитъ изъ зигзаговъ съ расположенными въ нихъ треугольниками, составленными изъ выпуклой зерни. Въ общемъ мотивъ орнамента весьма древній и весьма простой, что позволяетъ отнести этотъ предметъ къ мѣстнымъ издѣліямъ. Самая дужка украшена поясками изъ зерни и пояскомъ изъ зубчиковъ. Схема этой орнаментаціи встрѣчается уже на пряжкѣ № 21 таблицы II, которая можетъ быть отнесена къ эпохѣ переселенія народовъ. Пряжка № 31 представляетъ, по нашему мнѣнію, мѣстную переработку того же болѣе древняго стиля.

Пряжка рис. 32, литая изъ бронзы, формой своей нѣсколько напоминаетъ лиру и представляетъ хорошо сохранившійся экземпляръ по сравненію съ подобнаго-же рода пряжкой, изображенной на таблицѣ II подъ № 18. Оба упомянутые типа встрѣчаются весьма часто (обыкновенно при мужскихъ скелетахъ) въ курганахъ съ погребеніемъ, относящихся къ болѣе позднему времени сравнительно съ гнѣздовскими курганами; но сами по себѣ эти пряжки представляютъ по своей схемѣ, т. е. по формѣ и по расположенію отдѣльныхъ частей, совершенное подобіе пряжки, изображенной на той-же II таблицѣ подъ № 22; только та пряжка сохраняетъ въ своихъ украшеніяхъ птичьими головами весьма характерные признаки эпохи готскаго стиля или эпохи переселенія народовъ. Такимъ образомъ упрощенная форма разсматриваемыхъ двухъ пряжекъ представляетъ болѣе позднее явленіе и можетъ служить

интереснымъ примѣромъ того, какъ предметы болѣе древней формы, украшенные животными изображеніями, переходятъ къ болѣе простымъ формамъ и въ послѣднемъ видѣ получаютъ болѣе широкое распространеніе. Здѣсь можно замѣтить только, что процессъ этого упрощенія происходилъ, повидимому, въ самой мѣстности Гнѣздова, или въ ближайшихъ окрестностяхъ. Такое предположеніе позволяетъ думать о древности начала самаго Гнѣздовскаго могильника.

Рис. 33 (н. в.).

Пряжка рис. 33 представляетъ простую гайку для укрѣпленія конечнаго ремня. Подобнаго рода предметъ, но только съ болѣе широкой и болѣе орнаментированной стороной, мы встрѣчаемъ въ сочиненіи Du Chaillu, т. I стр. 339, гдѣ изображены вещи, найденныя при погребеніи въ кораблѣ въ Гокстедѣ.

Изъ другихъ находокъ г. Сергѣева особенно выдѣляется большая скорлупообразная фибула, характерная, какъ извѣстно, для эпохи Викинговъ; изображеніе ея находится на табл. XII и на рис. 34. Фибула замѣчательна по своимъ размѣрамъ и по богатству орнаментаціи. По сравненію съ нашими подобными фибулами она превосходитъ ихъ не только размѣрами, что видно изъ самыхъ изображеній, но и характеромъ самой орнаментаціи. Ея ажурная крышка украшается сверху однимъ прорѣзнымъ шипомъ, съ четырехъ сторонъ котораго расположены четыре конскихъ головы, или такъ называемые «коньки», особенно замѣтные на приложенной цинкографіи. Въ промежуткахъ между коньками находятся кружечки съ шипами, служившими, по всему вѣроятію, для прикрѣпленія какихъ-либо полубусинъ. Промежуточный рисунокъ изъ плетеній отличается значительной ясностью. Особенно оригинальнымъ въ этой фибулѣ представляется намъ широкій плоскій ободокъ, служащій основаніемъ ея, по украшеніямъ его края, состоящимъ изъ звѣриныхъ головъ или изъ головъ такъ называемыхъ гадовъ или змѣй; украшенія эти расположены на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно изображаютъ оконечности ногъ животныхъ въ типахъ тѣхъ фибулъ, которыя въ общемъ напоминаютъ организмъ животнаго, какъ напр. на нѣкоторыхъ фибулахъ остр. Борнгольма. Головы животнаго на нашей фибулѣ выражены очень стильно, и возвышенный край ободка представляется какъ бы змѣинообразнымъ туловищемъ этихъ головъ.

Рис. 34 (н. в.).

Здѣсь же помѣщаемъ нѣсколько рисунковъ, изображающихъ наши послѣднія находки въ Гнѣздовѣ. На рис. 35 изображена часть кольцеобразной фибулы, отлитой изъ бронзы. По своему стилю она рѣзко выдѣляется изъ другихъ вещей того же назначенія: простая орнаментація этой фибулы безъ запутанныхъ плетеній и безъ звѣринаго орнамента позволяетъ отнести ее къ болѣе древнимъ временамъ, когда въ варварскихъ издѣліяхъ можно замѣ-

Рис. 35 (н. в.). Рис. 37.

Рис. 38 (н. в.). Рис. 39 (н. в.).

Рис. 36 (н. в.).

тить классическое вліяніе. На рис. 36 изображена также круглая фибула изъ бронзы; самое кольцо ея еще сохранило простоту, но сверху и снизу, по направленію язычка, фибула украшена двумя звѣриными головами и плетеньями вверху головъ. Подобная фибула найдена въ могильникѣ у с. Михайловскаго, близъ Ярославля (рис. 37). Дальнѣйшее развитіе этой темы намъ представляетъ уже описанная нами фибула, изображенная на 1-й таблицѣ: она украшена двумя олеными головами и все кольцо состоитъ изъ плетеній. Круглая бляшка изъ бронзы (рис. 38) не отличается ясностью рисунка, а бронзовая застёжка, изображенная на рис. 39, интересна по изображенію на ней пчелы, что уже указываетъ на ея древность, такъ какъ этого рода изображенія, хотя и менѣе стилизованныя, были любимыми мотивами въ украшеніяхъ готской эпохи.

Изъ другихъ предметовъ, найденныхъ г. Сергѣевымъ, можно упомянуть о привѣскѣ, изображенной на рис. 40. Она состоитъ изъ четырехъ плоскихъ рубчатыхъ колечекъ, образующихъ своими соединеніями въ срединѣ прорѣзной крестообразный узоръ; по краямъ этотъ узоръ принимаетъ форму сердечекъ того же типа, какой встрѣчался намъ на вырѣзномъ узорѣ найденнаго нами шлема. Простота схемы этого плетенья удаляетъ привѣску отъ скандинавскихъ издѣлій и, по нашему мнѣнію, скорѣе роднитъ ее съ Востокомъ. Другая привѣска (рис. 41) представляетъ древній крестикъ

Рис. 40 (н. в.).

Рис. 41 (н. в.)

прямоугольный, равноконечный, отлитый изъ серебра, съ простымъ углубленіемъ средины, что указываетъ на подготовку этой поверхности для финифти [1]). Несмотря на несомнѣнно христіанское назначеніе этого предмета, онъ служилъ простымъ украшеніемъ—привѣской для язычниковъ. Подобныхъ фактовъ, какъ извѣстно, встрѣчается много и въ болѣе позднихъ языческихъ курганахъ сравнительно съ гнѣздовскими. Фактъ находки этого крестика представляется единственнымъ въ Гнѣздовскомъ могильникѣ.

Третья привѣска (рис. 42) представляетъ рубчатое колечко изъ серебряной проволоки съ двумя пронизками; вверху проволока заканчивается ушкомъ, по характеру своему указывающимъ на мѣстное производство. Подобная привѣска изображена и на рис. 43. Такого рода привѣски встрѣчаются и въ болѣе древнее время—въ погребеніяхъ готскаго типа.

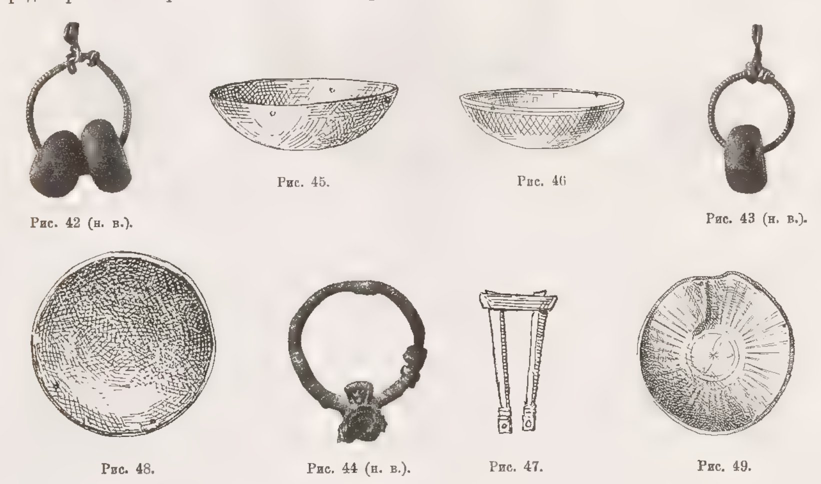

Рис. 42 (н. в.). Рис. 45. Рис. 46. Рис. 43 (н. в.).

Рис. 48. Рис. 44 (н. в.). Рис. 47. Рис. 49.

Серебряное же колечко (рис. 44), сохранившее только часть привѣски, обвитой тонкой проволокой, интересно по своей прекрасной техникѣ.

Рисунки подъ №№ 45—49 изображаютъ бронзовыя чашечки карманныхъ маленькихъ вѣсовъ съ бронзовымъ футляромъ и складное коромысло. Мы уже упоминали прежде о находкахъ карманныхъ вѣсовъ подобнаго же типа въ гнѣздовскихъ курганахъ. Экземпляры, найденные г. Сергѣевымъ,—лучшей сохранности и сопровождаются футляромъ [2]). Вообще находка

[1]) Маленькій размѣръ этого серебрянаго крестика приближаетъ его къ тѣмъ бронзовымъ крестикамъ такъ называемаго «корсунскаго типа», которые встрѣчаются нерѣдко въ курганахъ съ обыкновеннымъ погребеніемъ, относящихся преимущественно къ XI ст., обыкновенно въ качествѣ привѣсокъ на монистахъ или ожерельяхъ. Нашъ крестикъ изъ Гнѣздова, несмотря на то, что отлитъ изъ серебра, отличается простотой техники и носитъ на себѣ слѣды болѣе варварскаго стиля въ сравненіи съ извѣстными намъ типами корсунскихъ крестовъ, среди которыхъ мы не знаемъ крестиковъ, отлитыхъ изъ серебра. Мы должны замѣтить, однако, что не знаемъ подробностей о мѣстонахожденіи этого крестика.

[2]) Чашки вѣсовъ и коромысло изображены въ натур. величину, а футляръ—въ $^{1}/_{2}$ н. в.

вѣсовъ, необходимыхъ въ то время для взвѣшиванія иноземныхъ монетъ или частей ихъ—въ Гнѣздовѣ исключительно восточныхъ,—указываетъ вмѣстѣ съ находками многихъ разновѣсокъ на тотъ фактъ, что торговля въ жизни обитателей Гнѣздова играла видную роль. Вспомнимъ также, что такого типа вѣсики, хотя немного болѣе крупнаго размѣра, встрѣчены нами въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ могильникѣ Пассельса въ Курляндіи.

Единственнымъ экземпляромъ изъ числа находокъ въ Гнѣздовѣ можно считать бронзовую верхнюю дужку отъ маленькаго гребня съ остаткомъ внутри костяныхъ зубьевъ (рис. 50). Дужка вся украшена рельефнымъ орнаментомъ, изображающимъ змѣя или гада, длинное туловище котораго состоитъ изъ узловъ или плетеній, а вытянутая голова по типу подходитъ

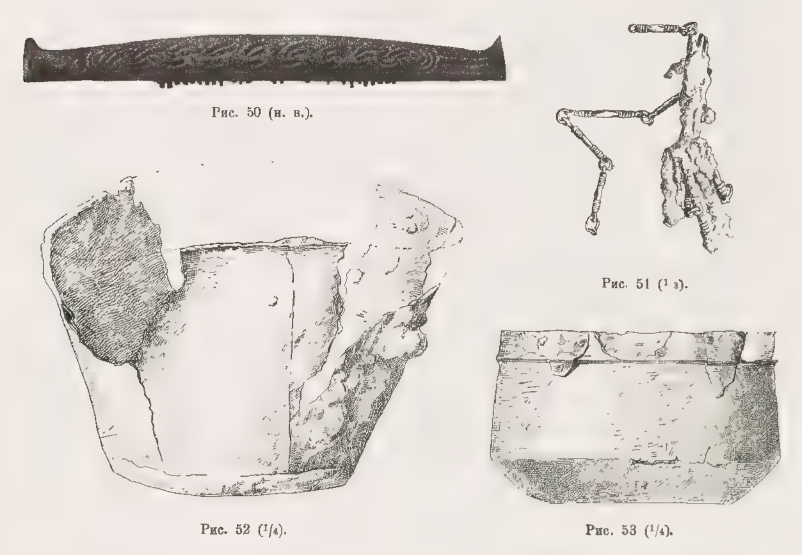

Рис. 50 (н. в.).

Рис. 51 (1/3).

Рис. 52 (1/4).

Рис. 53 (1/4).

къ головамъ, украшающимъ края овальной скорлупообразной фибулы, изображенной подъ № 3 на таблицѣ XII, хотя у фибулы головы гадовъ болѣе стилизованы.

Слѣдуетъ упомянуть также о бронзовой цѣпочкѣ, изображенной на рис. 51. Она состоитъ изъ балясинокъ довольно длинныхъ, соединенныхъ колечками. Такого типа цѣпочки, вообще состоящія изъ длинныхъ звеньевъ, по нашему мнѣнію, являются весьма характерными для Гнѣздова.

Рисунки 52 и 53 изображаютъ два котла, изъ которыхъ первый—желѣзный, а другой—бронзовый. Оба они могутъ быть отнесены къ мѣстнымъ издѣліямъ по простотѣ своей техники.

На табл. XII подъ №№ 5, 6, 7 и на рис. 23 (стр. 73) изображены стальныя стрѣлки, представляющія варіанты формъ сравнительно съ прежде найденными нами стрѣлками. Это

Рис. 54.

разнообразіе типовъ стрѣлокъ и ихъ превосходная техника указываютъ, по нашему мнѣнію, на ихъ мѣстное производство и на большое употребленіе,— что можно считать характернымъ фактомъ для Гнѣздовскаго могильника.

Къ мѣстнымъ издѣліямъ могутъ быть отнесены также желѣзное копье (рис. 54), удила (рис. 55) и стремена, изображенныя на рис. 56 и 57. Не только по техникѣ, но и по формѣ копье не можетъ быть отнесено къ издѣліямъ завознымъ; оно представляетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что вообще находка копій составляетъ рѣдкость въ Гнѣздовскомъ могильникѣ. Желѣзныя удила по своему типу могутъ быть сближены съ находками въ Венгріи и въ сѣверо-восточной Россіи. Что касается изображенныхъ стремянъ, то одни изъ нихъ (рис. 57) представляютъ болѣе обычную форму, а другія съ закругленнымъ низомъ (рис. 56) повторяютъ форму стремянъ, найденныхъ нами въ Пассельсѣ; такой же формы стремена встрѣчаются въ музеѣ Пешта.

Кромѣ стрѣлокъ, къ числу орудій должно отнести и два найденные меча (см. стр. 69, рис. 19 и 20, оба въ 1/3 н. в.), не сохранившіе, впрочемъ, своихъ оконечностей. Оба меча по своимъ характернымъ формамъ относятся къ такъ называемому норманскому или, точнѣе, къ франкскому типу мечей, господствовавшему, впрочемъ, кромѣ Скандинавіи и Даніи, на всемъ Балтійскомъ побережьѣ. Эти два меча отличаются простотой отдѣлки и одинъ изъ нихъ выдѣляется конической формой верхушки рукояти. Подобные мечи, характерные по простотѣ своей отдѣлки, найдены г. Бранденбургомъ въ курганахъ южнаго Приладожья.

Наиболѣе рѣдкимъ экземпляромъ считаемъ короткій мечъ или ножъ, найденный г. Сергѣевымъ при раскопкѣ большого кургана: этотъ мечъ лежалъ на котлѣ, въ которомъ найдены черепъ и часть шерсти барана. Онъ представляетъ широкое лезвіе, какъ видно на рис. 58—60, изъ коихъ первый представляетъ общій видъ меча, второй—среднюю часть (съ маской) впрямь, а третій—ту же часть сбоку. Оригинальность меча заключается въ томъ, что его однолезвійный клинокъ, расширяясь, заканчивается тупымъ угломъ. Рукоять представляетъ желѣзный стержень, составляющій

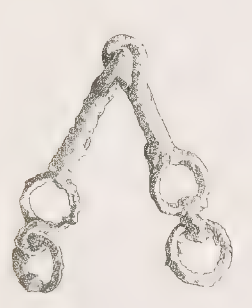

Рис. 55.

Рис. 56.

Рис. 57.

продолженіе самаго лезвія; верхняя часть рукояти отломана, но, судя по сохранившимся частямъ и по аналогіи съ подобнымъ мечомъ въ музеѣ Пешта, можно предположить, что это окончаніе рукояти имѣло кольцеобразную форму. Кромѣ размѣровъ и оригинальной формы, въ этомъ предметѣ обращаетъ на себя особое вниманіе литое изъ серебра украшеніе въ видѣ грубой маски человѣческаго лица, припаянное по обѣимъ сторонамъ основанія рукояти [1]). Вглядываясь вообще въ оригинальную форму клинка, можно думать, что разсматриваемое орудіе не могло служить для боевыхъ цѣлей: его расширенная форма не можетъ представить никакого удобства для подобной цѣли. По нашему мнѣнію, это оружіе, относящееся не къ колющимъ, а къ рѣжущимъ только, можно признать скорѣе за ножъ, предназначенный для жертвоприношеній и вообще для обрядовыхъ цѣлей; на такое его назначеніе указываетъ, между прочимъ, и самое его мѣстонахожденіе на котлѣ, въ которомъ находились части барана. То обстоятельство, что онъ представляетъ единственный найденный экземпляръ подобной формы, можетъ только подтверждать обрядовое его назначеніе [2]). Что касается литаго изъ серебра украшенія, то оно, быть можетъ, представляетъ гру-

Рис. 58 (1/3).

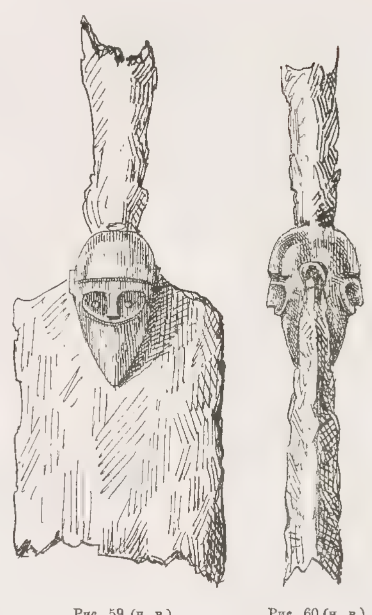

Рис. 59 (н. в.). Рис. 60 (н. в.).

[1]) Весьма интересную аналогію съ серебряной маской представляетъ бронзовая фибула, найденная на о. Готландѣ и изданная въ шведскомъ археологическомъ журналѣ «Monadsblat». 1878 г., стр. 735. Фибула или пряжка—плоская кольцеобразная, орнаментированная скромно кружечками и точками. Въ нижней части имѣетъ двойной пластинчатый отростокъ, служившій, вѣроятно, для пропусканія ремня. Эта пластинка съ лицевой стороны украшена рельефной человѣческой маской весьма грубой варварской работы; эта маска напоминаетъ обработкой носа и глазъ, нижней коническої частью лица, отсутствіемъ рта—серебряную маску на гнѣздовскомъ мечѣ. Только головной уборъ состоитъ изъ параллельныхъ линій. Интересно обстоятельство, что маска найдена на Готландѣ съ другими вещами, несомнѣнно относящимися къ готскому стилю, какъ, напр., бронзовая фибула, украшенная гранатами и вообще весьма стильная для этой эпохи.

[2]) Самый расширенный конецъ клинка могъ служить для освѣжеванія мяса, т. е. для снятія шкуры. Несмотря на сильную ржавчину, покрывающую клинокъ, можно замѣтить, что онъ былъ однолезвійный. Намъ случилось видѣть въ рисункахъ, изображающихъ оружіе Индіи, подобной формы клинокъ, но съ иной рукоятью. У евреевъ для рѣзанія животныхъ употребляются, какъ извѣстно, особые ножи.

бую варварскую переработку какой-либо маски, встрѣчаемой на сосудахъ римскаго издѣлія. Отсутствіе какихъ-либо плетеній удаляетъ это украшеніе отъ всякаго родства съ сѣвернымъ стилемъ. Самая обработка носа и глазъ этой маски указываетъ на примитивную варварскую попытку изображенія человѣческаго лица. Въ сравненіи съ другими предметами, найденными въ томъ же курганѣ и относящимися къ X вѣку, этотъ мечъ отличается большимъ архаизмомъ, а этотъ архаизмъ могъ легче всего удержаться въ предметахъ, имѣющихъ священное, обрядовое назначеніе. Только въ музеѣ Пешта намъ удалось встрѣтить два меча, имѣющихъ близкую аналогію съ нашимъ. Одинъ изъ пештскихъ мечей немного длиннѣе нашего и имѣетъ бронзовую рукоять, широкой каймой обхватывающую основаніе желѣзнаго клинка и представляющую стержень, который заканчивается вверху кольцомъ. Другой мечъ въ томъ же музеѣ, происходящій изъ раскопокъ въ Пилинѣ, изданныхъ Гампелемъ, гораздо ближе подходитъ къ нашему мечу; хотя самый конецъ его немного отломанъ, но направленіе лезвій клинка представляетъ также расширеніе къ концу. Рукоять состоитъ изъ стержня, верхушка котораго отломана, а соединеніе стержня или рукояти съ клинкомъ выражается въ простомъ

Рис. 61. Рис. 62.

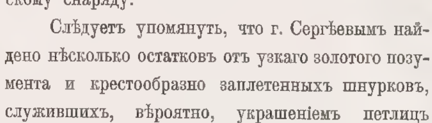
утолщеніи нѣсколько конической формы, соотвѣтствующей серебряной маскѣ нашего меча. Мечъ найденъ вмѣстѣ съ серебряными бляхами, украшенными позолотой, которыя даютъ прочную основу для датированія всѣхъ вещей: онѣ относятся несомнѣнно къ эпохѣ переселенія народовъ. Къ той же эпохѣ можно отнести и мечъ изъ Гнѣздова.

На рис. 61 изображена желѣзная скобочка, подъемная на колечкахъ съ концами, загнутыми въ формѣ буквы S. Эта скобочка происходитъ, вѣроятно, отъ верхней крышки ларчика, къ которой она укрѣпляется пробоями [1]). Она отличалась прекрасной техникой желѣзной ковки. Еще болѣе мастерская техника замѣчается въ предметѣ, изображенномъ на стр. 58, рис. 11, представляющемъ иглу или шило съ подвижнымъ колечкомъ на одномъ концѣ. Такого рода предметы встрѣчались не разъ въ Гнѣздовскомъ могильникѣ.

Желѣзный предметъ, изображенный на рис. 62, состоитъ изъ стержня или балясинки, съ круглымъ утолщеніемъ къ одному концу, который представляетъ расширеніе въ формѣ трубочки, имѣющей внутри коническую пустоту; на другомъ концѣ видимъ плоское расширеніе съ сверлиной, въ которую продѣто кольцо. Техника этой вещи отличается также прекраснымъ мастерствомъ. Что касается назначенія этого предмета, то мы

[1]) Въ сочиненіи Алоиза Ригля—«Stilfragen» мы встрѣчаемъ изображеніе арабской шкатулки изъ слоновой кости съ ручкой на крышкѣ, напоминающей нашу желѣзную скобочку изъ Гнѣздова; только концы скобочки менѣе прижаты къ рукояти и завитки слабо выражены. Рисунокъ помѣщенъ на стр. 319, въ главѣ «Frühsaracenische Rankenornamentik».

затрудняемся его опредѣлить. Можно замѣтить только, что его практическое назначеніе связано, главнымъ образомъ, съ трубкообразнымъ концомъ, тогда какъ плоско расширенный конецъ служилъ только для прикрѣпленія предмета. Можно, пожалуй, предполагать, что въ трубчатый конецъ съ коническимъ углубленіемъ могъ вкладываться пучекъ конскихъ волосъ и закрѣпляться тамъ посредствомъ деревяннаго коническаго гвоздя. Такого рода метелка могла служить для чистки сбруи, въ особенности, если она представляла ровно обстриженную кисть. Высказанное нами предположеніе мы основываемъ нѣкоторымъ образомъ на нашихъ находкахъ въ могильникахъ Курляндіи круглыхъ щетокъ, срѣзанныхъ съ двухъ сторонъ и сдѣланныхъ изъ грубой щетины. Такія щетки несомнѣнно служили для замѣны или дополненія гребня [1]). Во всякомъ случаѣ можно замѣтить, что интересующій насъ желѣзный предметъ встрѣчался въ раскопанныхъ г. Бранденбургомъ курганахъ южнаго Приладожья и въ курганахъ Виленской губ., описанныхъ г. Спицынымъ. Во всѣхъ случаяхъ находокъ подобныхъ предметовъ можно замѣтить близость ихъ къ конскому снаряду.

Рис. 63 (н. в.).

Слѣдуетъ упомянуть, что г. Сергѣевымъ найдено нѣсколько остатковъ отъ узкаго золотого позумента и крестообразно заплетенныхъ шнурковъ, служившихъ, вѣроятно, украшеніемъ петлицъ (рис. 63). Эти плетенія по схемѣ своего узора представляютъ сходство съ плетеніями, украшающими многія бронзовыя вещи, характерныя для той эпохи.

Рис. 64.

Намъ остается упомянуть о находкѣ г. Сергѣевымъ двухъ фрагментовъ неясно выраженной, быть можетъ, человѣческой фигурки, сдѣланной изъ глины (рис. 64). Если предположить, что оба фрагмента принадлежатъ къ изображенію одной человѣческой фигуры, то формы этой фигуры отличаются, на нашъ взглядъ, такой округлостью, которая не можетъ быть характерной для примитивной техники мѣстной керамики. Она скорѣе можетъ относиться или къ завознымъ издѣліямъ, имѣющимъ характеръ какого-либо амулета, или къ грубой мѣстной репродукціи какого-либо иноземнаго оригинала. Къ сожалѣнію, неполнота этихъ фрагментовъ и ихъ неясность не даютъ намъ возможности сдѣлать болѣе точные выводы. Мы можемъ только замѣтить, что округленность формъ и самый характеръ лѣпки невольно заставляютъ вспоминать женскія терракотовыя фигурки изъ Афросіаба. Но, къ сожалѣнію, у гнѣздовскихъ фрагментовъ фигурки голова не сохранилась, а потому болѣе точная аналогія въ данномъ случаѣ весьма затруднительна. Отдаленность Афросіаба отъ Смоленска не можетъ служить возраженіемъ противъ высказаннаго нами предположенія, такъ какъ, кромѣ

[1]) Найденныя нами погребенія относятся, впрочемъ, къ болѣе позднему времени, а именно—къ XVI в.

диргемъ, битыхъ въ городахъ Средней Азіи, многіе предметы изъ инвентаря гнѣздовскихъ кургановъ указываютъ на торговыя сношенія, хотя бы и чрезъ посредство Болгаръ, этой отдаленной страны съ областью кривичей и другихъ славяно-русскихъ племенъ. Гораздо труднѣе привести въ соотвѣтствіе хронологически эти памятники,—и вотъ это обстоятельство и заставляетъ насъ, высказывая только лишь предположеніе, отказаться отъ положительнаго рѣшенія этого вопроса.

Наконецъ, въ недавнее время нами получена отъ г. Бирукова изъ Смоленска фаянсовая чашка, найденная имъ въ курганѣ Гнѣздова. Интересная чашка найдена разбитой на много частей, причемъ нѣкоторыхъ частей совсѣмъ не отыскано. Склеенныя сохранившіяся части даютъ, однако, точное понятіе объ ея формѣ (рис. 65): форма ея цилиндрическая, съ небольшимъ расширеніемъ кверху; съ одной стороны у чашки имѣется кольцеобразная ручка, но не круглая, а четырехгранная; верхъ ручки заканчивается закругленнымъ шипомъ. Вообще форма этой чашки или кружки весьма проста, но именно такая форма въ X ст. встрѣчается рѣдко. Цилиндрическую форму сосудовъ мы встрѣчаемъ, однако, на Кавказѣ, а именно въ различныхъ могильникахъ Осетіи и въ особенности въ Комунтѣ. Въ роскошномъ изданіи гр. Уваровой—«Матеріалы по археологіи Кавказа» т. VIII, въ коллекціи сосудовъ, находящихся въ Историческомъ музеѣ (изъ коллекціи Ольшевскаго), мы встрѣчаемъ типы цилиндрическихъ сосудовъ и безъ расширенія верхней части и съ расширеніемъ, какъ у нашего сосуда, въ различной степени. Здѣсь также встрѣчаемъ у сосудовъ характерную кольцеобразную ручку съ шипомъ. Даже можно замѣтить, что шипъ представляется специфическимъ приспособленіемъ въ этого рода сосудахъ и отличается разнообразіемъ размѣровъ и формъ. Такимъ образомъ, встрѣчая въ рядѣ упомяиутыхъ сосудовъ, преимущественно изъ Комунты, аналогію съ нашимъ сосудомъ изъ Гнѣздова, мы получаемъ уже основаніе отнести послѣдній къ типу восточныхъ сосудовъ, придавая, впрочемъ, этому термину болѣе широкое значеніе. Если мы находимъ сходство формы нашего сосуда съ сосудами въ Комунтѣ, то въ отношеніи техники и характера орнаментаціи мы должны отмѣтить отличія гнѣздовскаго сосуда отъ упомянутыхъ. Сосудъ нашъ изготовленъ изъ сильно очищенной глины или фаянса бѣловатаго цвѣта; стѣнки сосуда отличаются тонкостью, сравнительно съ сосудами изъ Комунты, и вообще по выдѣлкѣ онъ кажется болѣе деликатнымъ издѣліемъ. Сосудъ снаружи и внутри былъ покрытъ тонкимъ слоемъ глазури съ разноцвѣтной орнаментаціей; къ сожалѣнію, огонь погребальнаго костра сильно испортилъ эту глазурь, такъ что она сохранилась только мѣстами; въ особенности пострадали не столько контуры узора, сколько цвѣтные фоны. Но и по остаткамъ можно ясно видѣть, что наружная поверхность сосуда была украшена узоромъ, состоящимъ изъ трехъ круглыхъ медаліоновъ. Какъ видно на рис. 66, эти круги между собою не соприкасаются и оставшіеся промежутки заполнены узоромъ, состоя-

Рис. 65.

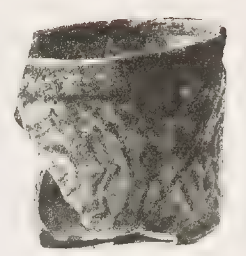

Рис. 66.

щимъ изъ кружечка съ двумя расходящимися лепестками вверху и съ закругленной грушеобразной привѣской внизу, напоминающей своей формой привѣски серегъ восточнаго типа и серебряныя грушевидныя привѣски головныхъ уборовъ изъ Осетіи, изображенныхъ въ упомянутомъ сочиненіи гр. Уваровой. Внутри каждаго отдѣльнаго круга помѣщается восьмиугольная звѣзда съ вырѣзными краями, обозначенная двойнымъ контуромъ; средина звѣзды занята кругомъ, состоящимъ изъ двухъ концентрическихъ контуровъ. Бордюръ у края кружки состоитъ, какъ кажется, изъ ряда прилегающихъ другъ къ другу четырехлепестныхъ цвѣтковъ. Весь этотъ рисунокъ на поверхности чашки обведенъ довольно толстымъ темнокоричневымъ контуромъ. Что касается окраски въ промежуткахъ контуровъ, то намъ кажется возможнымъ предположить слѣдующую окраску: промежутки между большими кругами были покрыты сѣро-зеленоватымъ тономъ; такими же тонами были покрыты каймы, образованныя двойными контурами звѣзды. Самое поле звѣзды до ея срединнаго двойнаго круга было свѣтло-золотистаго тона; наконецъ, всѣ остальныя части, т. е. маленькій центральный кружокъ звѣзды, промежутки между контурами большого круга и внѣшнимъ контуромъ вписанной въ него звѣзды, узоры между кругами, лепестки цвѣтовъ въ бордюрѣ каймы— всѣ эти части носятъ на себѣ слѣды темнорозовой или пурпурной окраски. Внутри чашки по краю идетъ темная полоска; ручка сохраняетъ слѣды темной окраски. Пурпурная окраска сохранилась въ различной степени; въ однихъ мѣстахъ, сохранившихъ глянцевитую поверхность, она отличается темнымъ пурпурнымъ цвѣтомъ, а въ другихъ мѣстахъ эта же краска при матовой поверхности отличается свѣтлымъ розовымъ тономъ. Мы предполагаемъ, что первый тонъ, т. е. густо-розовый или пурпурный, есть тонъ сохранившейся окраски.

Схема всего орнамента на поверхности сосуда заставляетъ при первомъ взглядѣ вспоминать тѣ восточныя арабскія ткани, въ которыхъ круглые и овальные медаліоны играютъ главную роль. Въ частности, узоръ, представляющій вписанную въ кругъ звѣзду, въ такомъ характерѣ встрѣчается на круглыхъ металлическихъ зеркалахъ изъ Дергавса и въ особенности изъ Комунты [1]).

Весьма важно отмѣтить, что кружка изъ Гнѣздова имѣетъ въ техникѣ рисунка и поливы, въ тонахъ контуровъ, въ составѣ глины, на нашъ взглядъ, несомнѣнное родство съ тарелкой, украшенной изображеніемъ дракона и найденной нами въ большомъ курганѣ въ томъ же Гнѣздовѣ. Оба предмета въ различныхъ отношеніяхъ и въ различной степени выражаютъ ту характерную индустрію Востока, слѣды которой замѣчаются по всему побережью Чернаго моря, включая сюда и Крымъ и въ особенности Херсонесъ, гдѣ среди издѣлій христіанской эпохи совершенствомъ техники и красотою формы особенно выдѣляются сосуды

[1]) См. гр. Уваровой «Матеріалы по археологіи Кавказа», табл. LIV, рис. 13. Авторъ на стр. 106, говоря о разнообразіи размѣровъ зеркалъ въ Дергавсѣ, повторяющихъ древніе типы, замѣчаетъ, между прочимъ: «Одно изъ нихъ—13 въ особенности воспроизводитъ формы и рисунокъ зеркалъ, находимыхъ въ могильникахъ Комунты».

восточнаго типа и даже съ восточными надписями. Хронологія этихъ сосудовъ — IX или начало X в.—уже позволяетъ намъ отнести эти предметы къ предметамъ арабской индустріи. Можно предполагать чрезъ посредство хозаръ, чрезъ Итиль, переходъ этихъ предметовъ въ Болгарію и оттуда уже къ Смоленску. Возможно также, что предметы эти были добычей, захваченной на прикаспійскихъ берегахъ, во время нашествія туда русскихъ дружинъ. Во всякомъ случаѣ, странствованіе этихъ предметовъ связывается съ приливомъ арабскихъ диргемъ и другихъ предметовъ арабской индустріи [1]).

Нашъ обзоръ новыхъ раскопокъ въ Гнѣздовѣ мы закончимъ краткимъ описаніемъ полученнаго нами новаго археологическаго матеріала изъ раскопокъ г. Сергѣева въ 1901 году. Изъ числа раскопанныхъ имъ болѣе 10-ти кургановъ въ могильникѣ на западъ отъ Гнѣздова, близъ старицы р. Днѣпра, мы упомянемъ лишь о тѣхъ, которые выдѣляются особымъ интересомъ, но прежде мы должны замѣтить, что вся группа этихъ кургановъ, какъ по характеру вещей, такъ и по погребальнымъ обрядамъ вполнѣ примыкаетъ къ гнѣздовскимъ курганамъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ раскопка г. Сергѣевымъ большого кургана, обозначеннаго въ его дневникѣ № 18. Высота кургана была около 3-хъ саженей. Курганъ насыпанъ изъ глины съ пескомъ, съ прослойками синей и красной глины; въ этомъ обиліи различныхъ глинистыхъ слоевъ заключается единственно его отличіе отъ гнѣздовскихъ кургановъ, состоящихъ преимущественно изъ желтаго песку, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ съ примѣсью обыкновенной глины и камней или щебня. Огнище или кострище оказалось выше подошвы кургана на ½ сажени. Въ срединѣ открытой площади кургана, на кострищѣ, найдена кольчуга, къ которой прилегалъ вплотную шлемъ; съ противоположной стороны кольчуги находился горшокъ съ костями, очевидно разбитый неосторожной насыпкой земли. Непосредственно у самаго шлема находились, соприкасаясь съ нимъ, воткнутый въ землю мечъ и копье, остріемъ также углубленное въ землю. На уровнѣ шлема виднѣлась только рукоять меча [2]). Вокругъ этихъ центральныхъ вещей разсѣяны были въ слоѣ кострища различныя мелкія вещи, по большей части весьма плохой сохранности. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ фрагменты сосуда, имѣвшаго форму тарелки съ діаметромъ около ¼ арш., на довольно высокомъ поддонѣ. Къ сожалѣнію, весьма многихъ фрагментовъ не хватаетъ, такъ что вполнѣ возстановить всю фигуру тарелки весьма трудно. Судя по этимъ фрагментамъ, тарелка была изготовлена изъ фаянса и покрыта поливой, внутри расписной, а снаружи одноцвѣтной,—сѣровато-фіолетоваго цвѣта. Эта полива сохранилась, а лицевая сторона совершенно погибла отъ огня, такъ что можно только замѣтить темнокоричневую кайму, идущую по краю тарелки, да еще кое-гдѣ пятна зеленаго и вишневаго цвѣтовъ; высокій рубчикъ служитъ границей края или бордюра, сохранившаго болѣе густыя цвѣтныя пятна поливы. Какъ по формѣ, такъ и по техникѣ нельзя не замѣтить восточнаго характера этой тарелки и вмѣстѣ съ тѣмъ аналогіи ея по тонамъ глазури съ описанной нами чашкой изъ раскопки г. Биру-

[1]) Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что всѣ завозные сосуды найдены въ курганахъ Гнѣздова разбитыми на мелкія части при самомъ обрядѣ погребенія.

[2]) Замѣтимъ здѣсь, что вонзенный въ землю кострища мечъ встрѣтился также въ упомянутыхъ нами раскопкахъ г. Кусцинскаго.

кова, а также и съ тарелкой, найденной нами въ большомъ курганѣ; съ послѣдней очень сближаютъ ее составъ глины или фаянса и сѣро-фіолетовый цвѣтъ внѣшней стороны сосуда. Намъ представляются всѣ три сосуда продуктами одной и той же индустріи,—восточной.

Другія наиболѣе интересныя вещи изъ того-же кургана изображены на таблицѣ XIII-й, посвященной этимъ послѣднимъ находкамъ г. Сергѣева. Подъ № 1 здѣсь изображена бронз. бляшка отъ поясного набора, съ прорѣзными фонами или промежутками между узоровъ. По стилю узора бляшку можно отнести къ восточнымъ издѣліямъ. Къ восточному стилю можно отнести и пряжку № 6, овально-сердцевидной формы. Серебряная бляшка № 10 со шпеньками конической формы и съ закругленіемъ верхушки отличается тонкой техникой и плетенымъ узоромъ въ скандинавскомъ стилѣ X в. Игральная кость (№ 12) представляетъ подобіе уже найденной нами въ большомъ курганѣ (см. выше стр. 58). Очки на длинныхъ граняхъ идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 3, 4, 5 и 6; на одной квадратной сторонѣ—4, а на другой—5. Подъ № 3 изображена бронз. бляшка съ крестообразнымъ узоромъ, найденная въ курганѣ № 44 (по дневнику). Изъ кургана № 17 дневника изображены слѣдующія три вещи: подъ № 5—бронз. фибула съ витымъ колечкомъ скандинавскаго стиля, одновременная скорлупообразнымъ фибуламъ; подъ № 4—маленькая подковообразная фибула, сходная по своей конструкціи съ большой бронз. фибулой № 5, такой же подковообразной формы, весьма распространенной въ прибалтійскихъ странахъ. Желѣзная пряжка квадратной формы № 7 представляетъ интересный экземпляръ по своей массивности и способу прикрѣпленія язычка, составляющаго одно цѣлое съ вращающейся въ гнѣздахъ балясинкой. Эта пряжка, равно какъ и изображенная подъ № 9, происходитъ изъ кургана № 5. Обѣ онѣ, по всему вѣроятію, служили для укрѣпленія какой-либо части конскаго убора, напр. подпруги, и вмѣстѣ съ желѣзнымъ огнивомъ, изображеннымъ подъ № 8, могутъ свидѣтельствовать о прекрасной техникѣ желѣзнаго дѣла въ Гнѣздовѣ.

Намъ нужно упомянуть еще о находкѣ прекраснаго экземпляра складныхъ бронзовыхъ вѣсовъ, подобныхъ уже изображеннымъ прежде (стр. 88, рис. 45—49), и о 4-хъ разновѣскахъ различныхъ размѣровъ, повторяющихъ формы прежде найденныхъ и требующихъ вообще спеціальнаго изслѣдованія.

Представляетъ особый интересъ желѣзная пластинка, изображенная съ двухъ сторонъ на рис. 67. Назначеніе этой пластинки трудно опредѣлить, но начертанныя съ обѣихъ сторонъ нарѣзки или знаки должны обратить на себя вниманіе и, быть можетъ, могутъ быть разъяснены.

Рис. 67 (2/3).

Изученіемъ найденныхъ въ курганѣ № 18 шлема, копья, меча и кольчуги, о которыхъ мы уже упоминали, занимался Э. Э. Ленцъ, который весьма любезно предоставилъ въ наше распоряженіе слѣдующее объясненіе этихъ предметовъ.

«Въ курганѣ № 18 были найдены нѣкоторые предметы вооруженія [1])

[1]) Ко времени напечатанія этого отдѣла труда В. И. Сизова я, къ сожалѣнію, не успѣлъ достаточно изслѣдовать переданное мнѣ оружіе для того, чтобы высказать о немъ окончательное сужденіе. Представляя посему пока

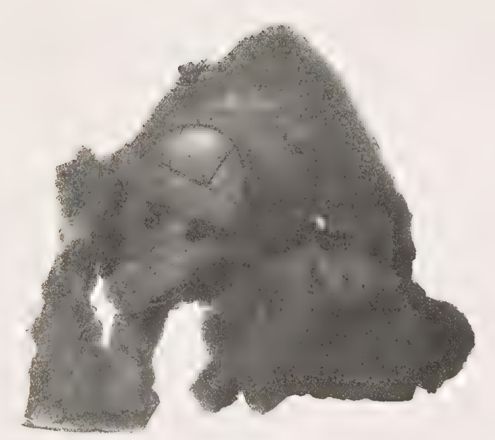

Рис. 68 (ок. 1/4).

въ томъ положеніи, какъ изображены на рис. 69, а именно: шлемъ, стоящій на обрывкѣ мелкаго кольчужнаго плетенія; прикасаясь къ вѣнцу его, торчали рукоятки длиннаго ножа и меча, глубоко воткнутаго въ землю. Одну половину шлема плотно облегала кольчуга изъ крупныхъ колецъ (не видна на рис.); тутъ-же вырыты обломки копья.

Шлемъ такъ называемаго норманскаго типа (рис. 68) выкованъ довольно острымъ конусомъ изъ двухъ половинъ, наклепанныхъ на спущенной вертикально отъ навершья къ вѣнцу полосѣ. Къ нижнему краю тульи примыкаетъ вѣнецъ въ 4,5 с. ширины, окаймленный сплошнымъ рядомъ крупныхъ желѣзныхъ петель для привѣшиванія бармицы.

Вышина шлема—18 с., окружность вѣнца равняется 64 с., толщина тульи въ мѣстахъ, наименѣе пострадавшихъ отъ огня и окисленія, достигаетъ 3—4 мм.; сохранность вообще очень плохая, металлическихъ частей почти вовсе нѣтъ, желѣзо превратилось въ сплошной, мѣстами ноздреватый гидратъ окиси желѣза, крѣпко скипѣвшійся на поверхности шлема съ пескомъ, глиной, обломками костей и остатками древеснаго угля. Къ тульѣ прикипѣлъ обрывокъ кольчужнаго плетенія, а къ верхней трети вертикальнаго шва—нынѣ сломанный кусокъ стекла темнозеленаго бутылочнаго цвѣта. Въ лежавшихъ подъ шлемомъ кольчужныхъ обломкахъ найдено нѣсколько мелкихъ шариковъ сплавленнаго серебра и золота, представляющихъ, быть можетъ, остатки бывшихъ на шлемѣ украшеній.

Кольчужные обломки состоятъ изъ круглыхъ, облыхъ колецъ, имѣющихъ около 1,5 мм. толщины и отъ 6 до 8 мм. въ просвѣтѣ; кольца въ бармицѣ меньшихъ размѣровъ: 1 мм. толщины и до 4 мм. въ просвѣтѣ. Способъ скрѣпленія трудно опредѣлить; нѣкоторыя кольца несомнѣнно склепаны, въ большинствѣ же случаевъ нельзя различить, скрѣплены ли они на гвоздь, или сварены. Сохранность ихъ очень плохая, на поверхности образовался вздутый, пористый шлакъ, а внутри уцѣлѣвшій отъ дѣйствія огня металлъ впослѣдствіи уничтоженъ ржавчиною. Способъ плетенія кольчуги обыкновенный: каждое кольцо вдѣто въ четыре сосѣднихъ.

лишь краткій очеркъ найденныхъ г. Сергѣевымъ въ 1901 г. немногихъ предметовъ вооруженія, надѣюсь со временемъ составить болѣе подробное описаніе этихъ предметовъ въ связи съ остальнымъ оружіемъ, добытымъ изъ Гнѣздовскаго могильника. *Э. Ленцъ.*

Рис. 69.

Мечъ (рис. 69) по своей формѣ принадлежитъ къ такъ называемому скандинавскому типу; характерный массивный набалдашникъ въ 5 с. выш. и 8 с. шир. раздѣленъ поперечнымъ желобкомъ на двѣ половины, изъ коихъ верхняя двумя продольными бороздками дѣлится на три части; обѣ стороны его были покрыты мѣстами сохранившимся тонкимъ серебрянымъ листомъ, раздѣланнымъ очень мелкими продольными ложками, похожими на сплошную проволочную инкрустацію.

Остатки совершенно поломаннаго креста сдвинуты съ своего мѣста и припеклись къ серединѣ рукоятки; на одномъ изъ обломковъ уцѣлѣла часть такого-же серебрянаго украшенія, какимъ покрытъ набалдашникъ.

Рис. 70 (1/3). Рис. 71.

Полоса меча необыкновенной ширины, достигающей у пяты 6,3 с. и у сломаннаго конца 3,4 с.; сохранившаяся часть (51 с. дл.) представляетъ менѣе двухъ третей всей длины. Сохранность очень плохая; въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ удалось счистить накипѣвшую ржавчину, усматривается плоскій широкій (въ 2 с.) долъ; ни украшеній, ни надписей не обнаружено.

Къ мечу плотно прикипѣлъ большой ножъ въ 48 с. длины, съ прямой рукояткой, узкимъ клинкомъ въ 3 с. ширины съ отломаннымъ остріемъ и необыкновенно массивнымъ тупьемъ въ 1,3 с. толщины. По формѣ клинка этотъ ножъ очень близко подходитъ къ германскому Langsax, переходному типу отъ боеваго ножа (sax) къ увѣсистому тесаку (scramasax).

Въ томъ же курганѣ найденъ наконечникъ копья, состоящій изъ конической втулки въ 13 с. длины и 2,5 с. въ діаметрѣ, на которой сохранились слѣды склепки и одинъ изъ гвоздей, прикрѣплявшихъ наконечникъ къ древку, и узкаго пера, выкованнаго въ серединѣ ребромъ; края копьеца у комля закруглены, остріе на 14 с. длины сломано (рис. 70).

Въ курганѣ № 28 выкопанъ второй мечъ (рис. 71) длиною въ 91 с. Только на половину сохранившійся трехугольный набалдашникъ, вышиною въ 3,5 с., въ уцѣлѣвшей части

имѣетъ 5,5 с. въ ширину; сломанный крестъ очень широкъ (2,5 с.) и слегка согнутъ по направленію къ полосѣ. Клинокъ такихъ же необычайныхъ размѣровъ, какъ у перваго меча, но, къ сожалѣнію, еще хуже сохранился, такъ что едва ли удастся выяснить подробности его выдѣлки. Къ серединѣ полосы припекся неопредѣленной формы обломокъ, въ которомъ болѣе или менѣе ясно различаются лишь очертанія короткой круглой втулки.

Рис. 72 (1/2).

По дневнику раскопокъ г. Сергѣева, въ курганѣ № 17 найденъ изображенный на рис. 72 предметъ, представляющій, по моему мнѣнію, ничто иное какъ наконечникъ ноженъ. Принимая во вниманіе, что въ этомъ курганѣ никакого оружія не заключалось и что онъ расположенъ непосредственно около кургана № 18, можно съ нѣкоторымъ основаніемъ предположить, что и этотъ бронзовый наконечникъ первоначально находился вмѣстѣ съ ножнами въ курганѣ 18-мъ.

Было бы преждевременно высказать окончательное сужденіе о немногихъ предметахъ вооруженія, найденныхъ при послѣднихъ раскопкахъ Гнѣздовскаго могильника въ 1901 году, не сравнивъ ихъ съ другими экземплярами оружія, добытаго уже ранѣе изъ того же могильника. Потому ограничимся пока замѣчаніемъ, что тождественные съ разсмотрѣнными образцы шлемовъ, мечей и копій встрѣчаются преимущественно въ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ странахъ Европы и относятся къ X—XII вв.».

Наконецъ въ 1901 году г. Сергѣевымъ изслѣдована восточная часть вала гнѣздовскаго городища на разстояніи до 15 саж. въ длину. Изслѣдованіе это, судя по дневнику, можно выразить въ слѣдующихъ результатахъ: высота вала доходила до одной сажени, ширина его основанія — до 10 саж., а ширина верхней площади вала колебалась отъ 2-хъ до $2^1/_2$ саж. На всемъ изслѣдованномъ протяженіи валъ оказался насыпаннымъ изъ песку, а вверху прикрытъ черноземомъ толщиной въ аршинъ. Внутри вала вдоль всего восточнаго края обнаружена каменная кладка («стѣнка») высотой въ 0,50 саж., а толщиной въ 0,80 саж. Также вдоль всего вала шло «огнище» шириной въ 2 сажени, состоявшее изъ толстыхъ бревенъ или «лѣснинъ». Это огнище, повидимому, тянулось ближе къ западному краю вала, позади стѣнки. Очевидно, въ конструкціи вала каменная стѣнка служила основой или фундаментомъ для песчаной насыпи; такое-же значеніе конструктивнаго укрѣпленія можно предположить и для огнища; даже въ данномъ случаѣ одно укрѣпленіе вала могло предшествовать другому, отдѣляясь извѣстнымъ промежуткомъ времени. Еслибы это огнище представило слѣды сгорѣвшихъ деревянныхъ стѣнъ или тына, то эти слѣды, несомнѣнно, были бы замѣчены г. Сергѣевымъ. Найденныя во время раскопокъ вещи представляются случайно попавшими туда и, по нашему мнѣнію, не могутъ относиться къ погребальному ритуалу. Здѣсь, между прочимъ, г. Сергѣевымъ найдены: копье, топоръ, 8 жел. стрѣлокъ, тигель для плавки металла, кусокъ выплавленной мѣди, грузило отъ сѣти небольшаго размѣра, бронзовый рыболовный крючокъ, черепки горшковъ различнаго характера, брусокъ и кости животныхъ. При раскопкахъ городищъ находки подобныхъ предметовъ весьма обычны и могутъ относиться къ различнымъ временамъ. Болѣе ясно выраженное время мы можемъ предпо-

ложить въ полукруглой литой изъ мѣди дужкѣ или скобочкѣ, украшенной по концамъ звѣриными головками, стиль которыхъ можно отнести къ X-му вѣку (табл. XIII, № 11). Бронзовая пластинка съ вырѣзными городками по краямъ (тамъ же, № 13) отличается народнымъ стилемъ, встрѣчаемымъ еще и теперь въ Смоленской губерніи. Бронзовый рыболовный крючокъ (тамъ же, № 14) служитъ дополненіемъ къ найденнымъ нами желѣзнымъ крючкамъ.

Въ общемъ и эти находки въ валу городища дополняютъ раскопки кургановъ новыми данными для изученія быта древнихъ обитателей Гнѣздова.

Г.

Гончарныя издѣлія въ Гнѣздовскихъ курганахъ.

Памятники гончарнаго производства, находимые при раскопкахъ кургановъ и городищъ въ центральной Россіи, представляютъ, по нашему мнѣнію, весьма важный археологическій матеріалъ, съ помощью котораго въ особенности представляется возможность опредѣлить если не хронологію могильника или городища, то народность, которой принадлежатъ курганы и городища. Въ народномъ гончарномъ производствѣ формы сосудовъ отличаются законченностью и устойчивостью типа до такой степени, что формы сосудовъ, сохранившіяся въ курганахъ X-го вѣка, до сихъ поръ продолжаютъ бытовать въ народѣ, и это самое обстоятельство указываетъ несомнѣнно на выработку самой формы сосуда той-же народностью съ незапамятныхъ временъ. Обыкновенно и орнаменты, по крайней мѣрѣ въ своихъ главныхъ характерныхъ чертахъ, представляютъ извѣстный народный вкусъ, установившійся также съ древнихъ временъ. То-же значеніе имѣетъ и техника сосудовъ, выраженная въ пріемахъ обработки формъ, въ самомъ составѣ глины. Предположеніе о такомъ чисто народномъ характерѣ гончарнаго производства еще болѣе получаетъ вѣроятія, если сравнить сосуды изъ нашихъ наиболѣе вѣроятныхъ славянскихъ могилъ съ сосудами у чеховъ, у балтійскихъ славянъ: въ нихъ можно найти такія общія черты въ формахъ и орнаментикѣ, которыя возможно объяснить только родствомъ племенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и древностью созданныхъ этими племенами типовъ посуды этого рода. Съ другой стороны сравненіе нашихъ славянскихъ сосудовъ съ сосудами, добытыми изъ достовѣрно финскихъ могильниковъ, указываетъ существенныя различія какъ въ формѣ, техникѣ, такъ и въ орнаментикѣ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда является нѣкоторое сходство въ формахъ, всетаки и при этомъ сходствѣ, объясняемомъ путемъ заимствованія, мы встрѣчаемъ всегда существенныя различія, какія замѣчаются въ ученической копіи, сдѣланной съ картины оригинальнаго мастера. То-же можно сказать и по отношенію къ орнаментикѣ.

Наиболѣе характерныя особенности славянской орнаментики на гончарныхъ издѣліяхъ, встрѣчаемой между прочимъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Пруссіи, которыя прежде были заселены

славянами, уже давно замѣчены Вирховымъ, и его опредѣленіе т. н. «волнистаго орнамента» на горшкахъ и черепкахъ, какъ характернаго признака принадлежности этихъ издѣлій славянамъ, продолжаетъ, по нашему мнѣнію, постоянно подтверждаться. Поэтому этотъ признакъ можетъ служить важной путеводной нитью для выдѣленія славянскихъ сосудовъ отъ сосудовъ другихъ народностей, напр. германскихъ, не говоря уже о финнахъ. Наше знакомство съ коллекціями сосудовъ, относящихся приблизительно къ Х-му вѣку (т. н. «сѣверно-арабская эпоха») въ музеяхъ Киля, Любека, Штеттина, Данцига и Кенигсберга, а также въ чешскомъ музеѣ въ Прагѣ даетъ намъ основаніе утверждать о сходствѣ сосудовъ въ упомянутыхъ музеяхъ съ сосудами изъ Гнѣздова, причемъ сходство это относится не только къ формамъ, но и къ орнаментинѣ и даже къ клеймамъ на днищахъ.

Должно полагать, что такое сходство упомянутыхъ сосудовъ съ гнѣздовскими является результатомъ племеннаго родства самыхъ производителей этого рода гончарныхъ издѣлій и связываетъ всѣ эти сосуды въ одну родную общеславянскую семью. При сознаніи этого сходства яснѣе чувствуются различія гнѣздовскихъ сосудовъ отъ сосудовъ, найденныхъ въ Дьяковомъ городищѣ, въ могильникахъ Михайловскомъ (Тамб. губ.), Кузьминскомъ, Лядинскомъ и др. подобныхъ, не говоря уже о Сибири.

Рис. 73.

Укажемъ теперь на главныя характерныя черты гончарнаго производства въ Гнѣздовѣ.

Въ гнѣздовскомъ могильникѣ найдено весьма большое количество глиняной посуды,— исключительно горшковъ, которые служили погребальными урнами или встрѣчались пустыми, содержавшими прежде, по всему вѣроятію, пищу. Обыкновенно въ каждомъ курганѣ, въ которомъ встрѣчались слѣды погребенія, непремѣнно попадался хотя одинъ горшокъ, но по большей части горшки въ курганахъ встрѣчались по два, по три,—въ различной степени сохранности. Приходилось сохранять только особенно характерные и цѣльные, а изъ фрагментовъ—тѣ, которые своей орнаментаціей представляли извѣстный интересъ въ смыслѣ варіанта. Такое обиліе матеріала придаетъ особенное значеніе изученію гончарнаго производства въ Гнѣздовѣ, такъ какъ въ этомъ производствѣ въ данномъ случаѣ выражается преимущественно мѣстное, чисто народное мастерство, чуждое, по самому свойству своему, различ-

нымъ иноземнымъ вліяніямъ. Самое однообразіе этихъ формъ и преобладающихъ орнаментовъ, иногда даже утомительное для изслѣдователя, служитъ важнымъ и несомнѣннымъ доказательствомъ исконной, уже выработанной народомъ формы, украшенной излюбленнымъ узоромъ, продолжающей бытовать еще и въ наше время. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о распространенности этихъ типовъ горшковъ въ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ Смоленской губерніей, въ настоящее время мы сдѣлаемъ краткій обзоръ только гнѣздовской посуды. Группа посуды изъ Гнѣздовскаго могильника, служившая погребальными урнами, рѣзко распадается на два весьма различныхъ типа: во 1-хъ сосуды вообще весьма высокіе, выдѣланные хорошо на гончарномъ кругу, хорошей обжиги, краснаго цвѣта и хорошаго состава глины; таковъ, напр., самый высокій сосудъ изъ того ряда гнѣздовскихъ сосудовъ, которые изображены на рис. 73. Его фигура отличается стройностью: отъ небольшого донышка стѣнки его, умѣренно и постепенно вздуваясь, заканчиваются широкимъ отверстіемъ съ умѣренно отогнутымъ бережкомъ. Къ тому же типу относится и сосудъ, изображенный крайнимъ справа на томъ же рисункѣ; къ этому же разряду можно отнести и сосуды изъ раскопокъ г. Сергѣева, изображенные на рис. 74 и 75. Этого типа сосуды встрѣчались такъ часто въ гнѣздовскихъ курганахъ, что они являются весьма обычнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма характернымъ типомъ погребальной урны гнѣздовскаго могильника. Большіе размѣры этихъ сосудовъ, замѣчательное однообразіе формы и техники даютъ основаніе предполагать въ нихъ только специфически погребальное назначеніе. Обычная орнаментика ихъ исчерпывается всего двумя мотивами: рядами параллельныхъ вдавленныхъ линій, образующихъ пояски, очевидно произведенныхъ на кругу по сырой глинѣ, и волнистымъ орнаментомъ (т. н. въ Пруссіи «Burgwall-ornament»), произведеннымъ также по сырой глинѣ посредствомъ зубчатой щепочки. (Замѣтимъ кстати, что такимъ способомъ и теперь производятъ этотъ орнаментъ). Оба орнамента встрѣчаются иногда порознь, какъ напр. на упомянутомъ нами самомъ высокомъ сосудѣ, гдѣ замѣчаются только параллельные пояски; обыкновенно-же оба узора встрѣчаются вмѣстѣ, причемъ волнистый узоръ помѣщается либо на верхней части поверхности сосуда, либо ниже, надъ двумя рядами параллельныхъ линій, какъ напр. на сосудѣ, изображенномъ на рис. 74. Вслѣдствіе частаго преобладанія этихъ двухъ мотивовъ орнамента мы должны считать ихъ наиболѣе характерными для гнѣздовскихъ погребальныхъ урнъ; о тѣхъ же узорахъ, которые представляютъ либо варіанты, либо новые мотивы, мы скажемъ позднѣе,—только какъ объ исключеніяхъ. Устанавливая такимъ образомъ обычный, наиболѣе

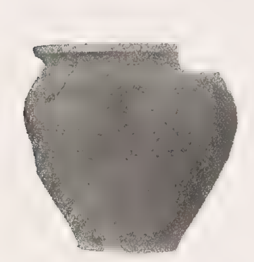

Рис. 74.

Рис. 75.

характерный типъ погребальной урны гнѣздовскаго могильника, мы перейдемъ теперь къ описанію другого типа урнъ, встрѣчаемыхъ въ незначительномъ сравнительно количествѣ и имѣющихъ свои характерныя черты.

Погребальныя урны второго типа выдѣляются прежде всего плохимъ составомъ глины и плохой техникой: глина встрѣчается постоянно съ большой примѣсью крупныхъ зеренъ песка или кварца, замѣтнаго не только въ изломѣ, но даже и на поверхности сосудовъ; при этомъ обжига совершается небрежно, такъ что сосуды отличаются по большей части грязно-сѣрымъ цвѣтомъ, а въ изломѣ представляются какъ-бы перегорѣлыми; обыкновенно такого рода сосуды при малѣйшемъ неосторожномъ давленіи распадаются на мелкіе куски. Что касается до ихъ формы, то можно замѣтить, что одни изъ нихъ видимо приближаются къ формамъ урнъ перваго типа, т. е. отличаются сильнымъ подъемомъ кверху безъ особеннаго расширенія боковъ; другіе, напротивъ, выдѣляются настолько приземистой формой, что кажутся почти на половину короче первыхъ. И высокіе и низкіе сосуды этого типа по большей части не выдѣланы на гончарномъ кругу, а, вѣроятно, вылѣплены руками, на что указываетъ несимметричность контуровъ или ихъ неправильность и мѣстами неровная, волнистая поверхность. Что касается ихъ орнаментаціи, то и она представляетъ нѣкоторыя особенности: такъ напр., слабо отогнутые бережки или даже совсѣмъ безъ загиба украшаются вдавленнымъ веревочнымъ орнаментомъ, придающимъ обрѣзу бережка волнистый или рубчатый видъ.

Орнаментъ волнистый встрѣчается весьма рѣдко и притомъ въ очень грубой и упрощенной формѣ; часто сосуды этого типа встрѣчаются и совсѣмъ безъ орнамента. На цинкографіи, изображающей группу сосудовъ (рис. 73), первые три съ лѣвой стороны представляютъ именно урны этого второго типа. Къ этому-же типу урнъ надо отнести два фрагмента и цѣльный сосудъ изъ раскопокъ г. Сергѣева, изображенные на рисункахъ 76 и 77; изъ нихъ на первомъ можно замѣтить даже на поверхности кусочки кварца. Рисунокъ 77 изображаетъ особенно характерный сосудъ этого типа съ прямымъ бережкомъ и съ рѣдко встрѣчаемымъ орнаментомъ, о которомъ будетъ говорено ниже. На этомъ сосудѣ хорошо замѣтно отсутствіе симметріи въ боковыхъ контурахъ.

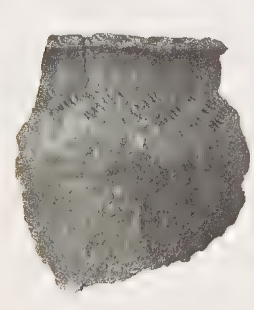

Рис. 76.

Рис. 77.

Указывая на главныя отличія двухъ типовъ погребальныхъ урнъ, встрѣчаемыхъ въ Гнѣздовѣ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны замѣтить, что граница между этими двумя типами сближается иногда такими сосудами, въ которыхъ рѣзкое проявленіе отличій значительно

сглаживается. Эти переходныя формы не могутъ уничтожить сдѣланнаго нами раздѣленія, но заставляютъ лишь предполагать извѣстную эволюцію формы, вызванную развитіемъ самой жизни въ ея хронологической преемственности.

Говоря только о погребальныхъ урнахъ и оставляя пока въ сторонѣ другого рода сосуды, мы должны, для уясненія вопроса, высказать слѣдующія предположенія: изъ двухъ указанныхъ нами типовъ погребальныхъ урнъ Гнѣздова мы считаемъ болѣе древними именно тѣ, которыя выдѣланы безъ гончарнаго круга, изъ плохой глины, смѣшанной съ кварцомъ; обыкновенно сосуды эти небольшой высоты съ прямымъ бережкомъ и даже иногда безъ бережка (такой сосудъ изображенъ напр. на рис. 73 вторымъ слѣва). Въ данномъ случаѣ не одна только примитивная обработка сосуда, которая встрѣчается и гораздо позднѣе, даетъ намъ основаніе относить эти сосуды къ болѣе древнимъ временамъ, но главное—аналогія ихъ съ сосудами, найденными нами въ курганахъ весьма древняго типа, относящихся несомнѣнно къ эпохѣ, близкой къ переселенію народовъ [1]). Первый-же типъ погребальныхъ урнъ въ этихъ древнихъ курганахъ не встрѣчается. Указаніемъ на такую аналогію мы не хотимъ однако сказать, что всякій гнѣздовскій курганъ, въ которомъ найденъ подобный погребальный сосудъ, относится непремѣнно къ эпохѣ переселенія народовъ: напротивъ, онъ въ большинствѣ случаевъ представляется намъ пережиткомъ или извѣстнаго рода архаизмомъ, освященнымъ, быть можетъ, его самымъ погребальнымъ назначеніемъ для извѣстной части гнѣздовскаго населенія. Въ нашемъ обзорѣ металлическихъ вещей изъ Гнѣздова намъ приходилось не разъ отмѣчать подобнаго-же рода архаизмы или пережитки, которые въ иныхъ случаяхъ однако могли служить указаніемъ на относительно бóльшую древность кургана.

Намъ представляется весьма вѣроятнымъ, что дальнѣйшее видоизмѣненіе формы этого рода сосудовъ заключалось въ ихъ удлиненіи и въ постепенномъ обозначеніи и отгибѣ бережка, получавшаго рубчатыя нарѣзки. Какъ на этихъ сосудахъ, такъ и на низкихъ мы не встрѣчаемъ ни ряда параллельныхъ поясковъ, ни рядовъ волнистаго орнамента; это отсутствіе указываетъ, по нашему мнѣнію, на тотъ фактъ, что выдѣлка архаической формы горшка производилась безъ гончарнаго круга, такъ какъ оба рода отсутствующихъ въ данномъ случаѣ орнаментовъ удобно производятся только при вращеніи гончарнаго круга. Такимъ образомъ прогрессъ въ обработкѣ сосудовъ, въ смыслѣ введенія гончарнаго круга, связывается съ развитіемъ и уже постояннымъ употребленіемъ орнамента изъ рядовъ параллельныхъ и волнистыхъ линій; затѣмъ уже можно сказать, что украшенные такимъ образомъ сосуды, сдѣланные на гончарномъ кругу, съ хорошей обжигой, относятся сравнительно къ болѣе новому времени могильника. Именно такого рода урны, обыкновенно большихъ размѣровъ, характерныя по своей стройности, законченности и хорошей техникѣ, и составляютъ специфическія издѣлія Гнѣздова, имѣвшія спеціально погребальное назначеніе; возможно предположить, что эти погребальныя урны заготовлялись заранѣе, для продажи. Въ другихъ могильникахъ, насколько намъ извѣстно, такихъ именно большихъ урнъ не встрѣчалось. Съ

[1]) Болѣе подробное описаніе этихъ сосудовъ древней эпохи мы относимъ къ описанію длинныхъ кургановъ Смоленской губ., т. е. ко второму тому нашего труда.

ними связывался особенно заботливо и самый ритуалъ погребенія; такъ, желѣзная шейная гривна возлагалась на шею урны; иногда такая урна, наполненная костями, прикрывалась сверху вѣтками можжевельника или днищемъ горшка. Вокругъ одной большой урны (самый крупный экземпляръ), вставленной въ деревянное ведро, былъ изогнутъ мечъ. По находкамъ предметовъ въ курганахъ съ такими урнами древность насыпки кургановъ можно опредѣлить не ранѣе половины десятаго вѣка. Клейма на донышкахъ такихъ урнъ встрѣчались весьма рѣдко, но въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ нельзя не признать въ нихъ общихъ религіозныхъ символовъ, не имѣющихъ отношенія къ знакамъ частной собственности или къ знакамъ кустарей.

Орнаментація погребальныхъ урнъ архаическаго типа ограничивается зубчиками или зигзагами; волнистаго орнамента, а также и линейныхъ поясковъ мы здѣсь уже не встрѣчаемъ. Бережки такихъ сосудовъ не отогнуты, если эти бережки или края гладкіе; если же они украшены рубчиками, произведенными давленіемъ пальца, то края представляются слегка отогнутыми, что произошло именно отъ надавливанія пальцемъ. Этого рода орнаментацію можно замѣтить на сосудахъ архаическаго типа, изображенныхъ съ лѣвой стороны группы сосудовъ (рис. 73). Сосудъ, изображенный на рис. 78, сдѣланъ несомнѣнно уже на кругу, потому что имѣетъ правильную форму и украшенъ пояскомъ изъ рядовъ параллельныхъ линій, хотя сдѣланныхъ неопытной рукой; но края этого сосуда еще не отогнуты, а потому онъ производитъ впечатлѣніе неоконченнаго сосуда—урны. Сохраняя черты архаизма и вмѣстѣ пріемы новой техники, сосудъ представляетъ какъ бы переходную стадію отъ болѣе древняго, архаическаго типа къ новому—гнѣздовскому типу.

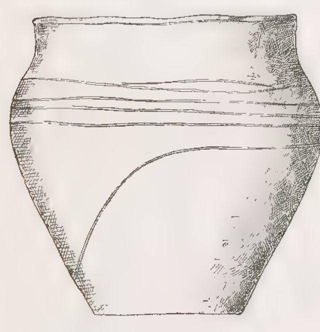

Рис. 78 (1/3).

Въ новомъ типѣ гнѣздовскихъ урнъ, выдѣланныхъ на гончарномъ кругу, мы уже не встрѣчаемъ рубчатыхъ краевъ бережка: края бережка у этихъ сосудовъ всегда гладкіе и умѣренно отогнутые. Поверхность этихъ сосудовъ украшается почти исключительно поясками линій и волнистымъ орнаментомъ; оба орнамента производились во время вращенія круга; только встрѣчаемые какъ исключеніе орнаменты изъ угловатыхъ поясковъ или зигзаговъ производились, по всему вѣроятію, тогда, когда работа на вращавшемся кругу была уже окончена. Указанныя нами новаго типа погребальныя урны, высокія и большихъ размѣровъ, являются преобладающими и потому характерными для гнѣздовскаго могильника; напротивъ, урны архаическаго типа встрѣчались сравнительно въ ничтожномъ количествѣ. Кромѣ указанныхъ нами прежде изображеній этого гнѣздовскаго типа погребальныхъ урнъ, укажемъ еще на подобную же урну изъ новыхъ раскопокъ г. Сергѣева (рис. 79). Она выдѣляется своимъ исключительнымъ орнаментомъ изъ пояска, образованнаго елочкой, представляющаго несомнѣнно русскій народный мотивъ. Гнѣздовскій типъ высокихъ урнъ не встрѣчается въ дру-

гихъ могильникахъ съ трупосожженіемъ не только въ предѣлахъ Смоленской губерніи, но и въ Могилевской и въ другихъ сосѣднихъ, болѣе или менѣе намъ извѣстныхъ. Въ могильникахъ упомянутыхъ мѣстностей обычнымъ типомъ являются урны архаическаго типа. Съ теченіемъ времени, когда трупосожженіе замѣнялось обыкновеннымъ погребеніемъ, хотя и по языческому обряду, погребальныя урны, предназначавшіяся спеціально для храненія жженыхъ костей, утративъ свое назначеніе, вышли изъ употребленія. Съ новымъ обрядомъ погребенія иной типъ сосудовъ сталъ играть исключительную роль при обыкновенномъ погребеніи язычника—совершенно сходный съ типомъ тѣхъ горшковъ, которыхъ назначеніе было чисто бытовое—служить для храненія пищи живому человѣку [1]).

Рис. 79.

Эти сосуды-горшки разнообразной величины, но всегда меньшаго размѣра, чѣмъ погребальныя урны гнѣздовскаго типа, болѣе приземистые, менѣе стройные встрѣчались въ курганахъ Гнѣздова всегда пустыми, стоящими часто возлѣ погребальной урны; они также встрѣчались подъ самымъ дерномъ вершины кургана и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда погребальной урны и слѣдовъ погребенія въ курганѣ не замѣчалось. Весьма вѣроятно, что эти сосуды ставились съ пищей для покойника. Такое предполагаемое ихъ назначеніе вполнѣ согласуется съ основнымъ характеромъ древняго языческаго погребенія на Руси; въ данномъ случаѣ этого рода сосуды или горшки уже не имѣютъ погребальнаго или религіознаго значенія урны, а отличаются болѣе бытовымъ характеромъ, представляя собою тѣ сосуды—горшки, которые употреблялись въ хозяйствѣ и употребляются даже до сихъ поръ для храненія пищи живого человѣка. Отъ погребальныхъ урнъ, какъ мы уже замѣтили эти сосуды отличаются меньшими, хотя и разнообразными размѣрами; но отличіе ихъ можно замѣтить и въ техникѣ: стройныя погребальныя урны, весьма красивыя по формѣ, тѣмъ не менѣе изготовлялись чаще всего изъ плохо приготовленной глины, содержащей въ себѣ много примѣсей кварца или песку (хотя и въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ урнахъ архаическаго типа), отчего эти сосуды не отличались прочностью и очень скоро разваливались на мелкія части; горшки для пищи, напротивъ, выдѣлялись хорошимъ составомъ глины и хорошей обжигой.

Весьма естественно, что съ теченіемъ времени, съ уничтоженіемъ трупосожженія въ языческомъ погребальномъ обрядѣ, спеціально погребальная урна для жженыхъ костей покойниковъ, какъ мы уже упоминали, сдѣлалась ненужнымъ предметомъ и потому исчезла вмѣстѣ съ самымъ обрядомъ трупосожженія. Исчезла и урна архаическаго типа съ рубчатыми бережками и урна новаго гнѣздовскаго типа. Въ курганахъ со скелетами или съ обыкно-

[1]) Мы должны однако замѣтить, что близость этихъ сосудовъ къ хозяйственной утвари не исключаетъ возможности встрѣтить иногда въ этихъ сосудахъ нѣкоторыя особенности, какъ напр. клейма на днищахъ, руническіе знаки на сосудѣ изъ могильника «Аликаново» (раскопка Городцова).

веннымъ погребеніемъ встрѣчаются только горшки, предназначенные для пищи покойниковъ и повторяющіе типы тѣхъ горшковъ гнѣздовскихъ кургановъ, которые предназначались также для пищи и отличались чисто бытовымъ характеромъ. Какъ скоро сосуды сводились на чисто практическую житейскую почву, они должны были лишиться прежде всего древнихъ рубчатыхъ бережковъ, потому что эти бережки при хозяйственныхъ потребностяхъ сосуда представляли уже извѣстное практическое неудобство, мѣшая своими рубчиками плотному прикрытію сосуда, а затѣмъ эти сосуды должны были отличаться и хорошей техникой, необходимой для практическаго назначенія. Въ другихъ курганахъ Смоленской губ. съ трупосожженіемъ встрѣчаются урны лишь архаическаго типа съ рубчатыми бережками, но въ курганахъ съ обыкновеннымъ погребеніемъ встрѣчаются лишь горшки, предназначенные для пищи, того обыкновеннаго гнѣздовскаго типа, который мы только что упоминали.

Установивши такимъ образомъ обычные, основные типы формы и орнаментаціи тѣхъ гнѣздовскихъ сосудовъ, которые представляются наиболѣе характерными для могильника, и другіе типы горшковъ, которые и въ настоящее время входятъ въ составъ инвентаря русской крестьянской посуды и даже занимаютъ въ немъ господствующее положеніе, заявляя тѣмъ самымъ объ устойчивости давно уже выработаннаго и давно излюбленнаго типа,—мы укажемъ теперь на аналогію нашихъ сосудовъ съ сосудами, найденными въ западныхъ древнеславянскихъ странахъ и относящимися главнымъ образомъ къ IX, X и XI вв. Въ провинціальномъ музеѣ Кенигсберга мы встрѣчаемъ сосуды той же формы, что и гнѣздовскіе, и украшенные поясками того же линейнаго и волнистаго орнамента; для примѣра укажемъ на сосудъ изъ Dolkcim'a (№ 1002) высотой въ 1/4 арш. и на сосудъ изъ Friedrichsburg'a (№ 2745). То же поразительное сходство мы встрѣчаемъ съ сосудами въ музеяхъ Любека, Штеттина, Данцига, относящимися также къ т. н. сѣверно-арабской эпохѣ. Въ офиціальномъ отчетѣ провинціальнаго музея Данцига, изданномъ проф. Конвенцомъ за предпослѣдній годъ, помѣщено изображеніе вновь найденнаго близъ Кульма сосуда съ клеймомъ на днѣ, который представляетъ по формѣ орнаментаціи и клейму полное сходство съ нашими гнѣздовскими сосудами. Подобные же сосуды изображены въ сочиненіяхъ Лиссауэра, Козицкаго. Можно также отмѣтить изображенія подобныхъ сосудовъ въ изданіи Beltz'a «Wendische Alterthümer» (1893 г. Шверинъ): тамъ сосуды изъ Мекленбурга и Моравіи совершенно подходятъ къ гнѣздовскимъ. Въ національномъ чешскомъ музеѣ въ Прагѣ мы также встрѣтили цѣлый рядъ сосудовъ, въ особенности изъ Фузовицъ,—сходныхъ съ нашими. То-же сходство, наконецъ, можно встрѣтить въ сосудахъ, изданныхъ проф. Пичемъ въ сочиненіи «Archaeologický výzkum» (Прага, 1893 г.). Указанныхъ примѣровъ, намъ кажется, вполнѣ достаточно для того, чтобы подтвердить близкое родство гнѣздовскихъ сосудовъ вообще съ западно-славянскими.

Упомянемъ теперь объ уклоненіяхъ отъ обычной орнаментаціи, извѣстныхъ намъ въ находкахъ кургановъ гнѣздовскаго могильника, хотя эти уклоненія такъ рѣдки, что являются преимущественно единичными фактами. На таблицѣ X-й изображены въ фототипіяхъ тѣ фрагменты, орнаментація которыхъ представляетъ какія-либо осложненія или вообще уклоненія

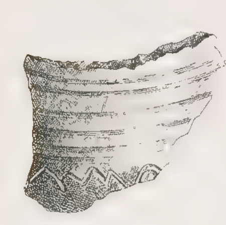
отъ господствующаго типа орнамента изъ волнистыхъ и параллельныхъ линій, изображеннаго уже въ достаточномъ количествѣ на вышеприведенныхъ рисункахъ.

Фрагментъ сосуда, изображенный на этой таблицѣ подъ № 2, представляетъ волнистую линію, оригинальную по своей ширинѣ и сдѣланную на кругу, во время его вращенія. Подобнаго характера волнистая линія, но проведенная въ два ряда или пояска, представлена на фрагментѣ № 5. Фрагментъ № 4 представляетъ двойную волнистую линію съ болѣе широкими волнами. На фрагментѣ № 1 волнистая линія имѣетъ сложный и болѣе обычный характеръ; особенность орнаментаціи заключается лишь въ наискось оттиснутыхъ параллельныхъ рядахъ точекъ. Бережокъ этого сосуда имѣетъ болѣе развитую форму въ томъ смыслѣ, что онъ является съ значительнымъ отгибомъ, обрѣзъ котораго обозначается вдавленной ложбиной, а въ нижней части находился поясокъ въ формѣ валика. Вообще выдѣлка этого сосуда и его орнаментація отличаются пріемами опытнаго мастера, замѣтными въ особенности въ правильномъ расположеніи частей орнамента. Эти качества отсутствуютъ въ фрагментѣ № 3. Здѣсь въ расположеніи точекъ, сдѣланныхъ наколомъ, замѣтно менѣе правильности, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно и стремленіе заполнить промежутокъ между двумя рядами волнистаго орнамента, сдѣланнаго прежде на кругу. Въ фрагментѣ № 8 обычный волнистый орнаментъ надъ параллельными линіями замѣняется пояскомъ изъ крестиковъ, отпечатанныхъ послѣ вращенія круга; обрѣзъ бережка представляетъ сходство съ фрагментомъ № 1 и въ общемъ сосудъ отличается весьма хорошимъ мастерствомъ. Фрагментъ № 6, вмѣсто волнистаго орнамента, украшенъ острыми городками или двойными зигзагами; очевидно, эти узоры производились двузубцемъ, причемъ углубляли сначала болѣе наклонныя стороны (правыя) угловъ, а затѣмъ уже оттискивали другой рядъ менѣе наклонныхъ (лѣвыхъ) сторонъ. На фрагментѣ № 7 изображенъ подобный же мотивъ орнамента, но только на этомъ фрагментѣ линіи тройныя, а лѣвыя стороны угловъ дѣлались почти безъ наклона.

Послѣдній фрагментъ (№ 9) отъ большой погребальной урны, сдѣланный изъ болѣе темной глины, выдѣляется особеннымъ характеромъ своего орнамента: здѣсь гладкій поясокъ между двумя рядами параллельныхъ линій украшенъ рядомъ оттиснутыхъ рѣшетчатыхъ ромбовъ; самые ряды параллельныхъ линій проведены правильно и глубоко, отчего и промежутки между линіями отличаются значительнымъ рельефомъ. Сосуды съ совершенно подобнымъ орнаментомъ встрѣчены нами въ музеѣ Данцига; въ нихъ ромбическій рѣшетчатый орнаментъ соединенъ съ орнаментомъ изъ волнистыхъ и параллельныхъ линій. Подобный орнаментъ встрѣчается также на фрагментѣ сосуда изъ Мекленбурга въ упомянутомъ сочиненіи Beltz'a—«Wendische Alterthümer». Мы должны здѣсь замѣтить, что при раскопкѣ кургана, въ которомъ найдена погребальная урна съ рѣшетчатымъ ромбическимъ орнаментомъ, нельзя было не обратить вниманія на особенности въ устройствѣ кострища: въ самой серединѣ кострища находился весьма большихъ размѣровъ камень-валунъ, а на самомъ краю кургана находилась упомянутая урна, весьма старательно поставленная въ песокъ, такъ что лишь верхняя часть ея была на одномъ уровнѣ съ камнемъ и слоемъ кострища. Особенность этого расположенія камня и урны и ея особенный орнаментъ даютъ нѣко-

торыя основанія предполагать погребеніе здѣсь какого-либо пришельца изъ страны западныхъ славянъ.

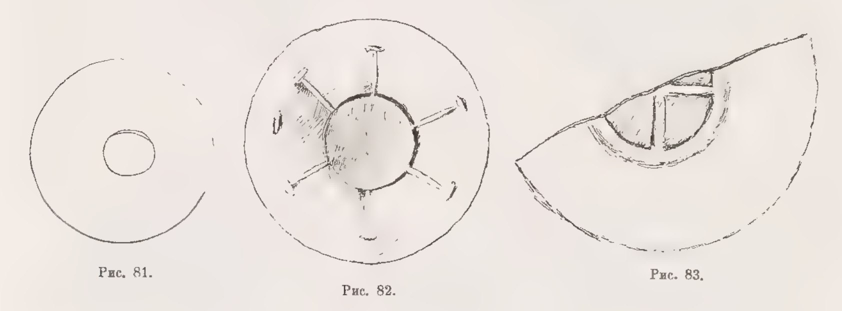
Въ музеѣ Штеттина мы встрѣчаемъ урну, совершенно сходную по формѣ и размѣрамъ съ гнѣздовскими урнами, орнаментированную притомъ сверхъ поясковъ изъ линій прямыхъ и волнистыхъ—линіями изъ точекъ, параллельныхъ, лежащихъ наискось, какъ на фрагментѣ № 1. Урна происходитъ изъ Волина. Въ томъ же музеѣ встрѣчаемъ на урнѣ и поясокъ изъ крестиковъ, какъ на нашемъ фрагментѣ № 8; также здѣсь встрѣчаемъ и зубчатый орнаментъ, подобный орнаменту на фрагментѣ № 6 нашей таблицы. Переходъ отъ зубчатаго орнамента къ волнистому можно замѣтить на фрагментѣ, изображенномъ на рис. 80. Несмотря на примитивность этого мотива орнаментаціи узоръ изъ зубчиковъ можно признать характернымъ народнымъ узоромъ, потому что онъ встрѣчается весьма часто въ деревянной рѣзьбѣ, въ различныхъ подѣлкахъ, въ украшеніяхъ одежды въ видѣ, напр., нашивокъ изъ кумача, — вообще этотъ орнаментъ играетъ большую роль и въ современной жизни крестьянъ Смоленской губерніи. Орнаментъ, подобный изображенному на фрагментѣ № 6, намъ пришлось встрѣтить на большомъ поливномъ кувшинѣ для воды, сдѣланномъ въ дер. Чернышахъ, возлѣ Смоленска, гдѣ исконное гончарное дѣло процвѣтаетъ до сихъ поръ. То обстоятельство, что зубчатый орнаментъ на гончарныхъ издѣліяхъ и въ особенности на горшкахъ встрѣчается въ раскопкахъ гнѣздовскихъ весьма рѣдко, а затѣмъ и совсѣмъ исчезаетъ, уступая исключительное господство волнистому и линейному орнаментамъ, объясняется, по нашему мнѣнію, связью въ отношеніи техническихъ пріемовъ этихъ послѣднихъ орнаментовъ съ вращательнымъ движеніемъ горшка на гончарномъ кругу, которое содѣйствовало въ данномъ случаѣ установленію извѣстной рутины.

Рис. 80.

Къ характернымъ признакамъ курганной древне-русской и даже вообще славянской посуды, кромѣ указанныхъ уже нами формъ и мотивовъ орнаментаціи, мы должны также отнести и тѣ клейма или знаки, которые довольно часто встрѣчаются на днищахъ горшковъ; мы представляемъ въ рисункахъ рядъ различныхъ клеймъ, найденныхъ въ Гнѣздовѣ; нѣкоторыя клейма не могли быть изданы по неясности ихъ на самыхъ днищахъ. Можно также предполагать, что много клеймъ не попало въ наши руки, такъ какъ на нихъ обыкновенно при любительскихъ, случайныхъ раскопкахъ не обращаютъ вниманія.

Помѣщая въ текстѣ эти изображенія, мы ограничимся только скромной задачей описанія ихъ, такъ какъ для выясненія значенія этихъ знаковъ собранный матеріалъ еще нельзя считать достаточнымъ, а самый вопросъ мы считаемъ настолько важнымъ, что обработкѣ его должно посвятить особый трудъ. Пока въ помѣщенныхъ здѣсь изображеніяхъ клеймъ мы замѣтимъ лишь слѣдующія характерныя черты: прежде всего отмѣтимъ изображенія круга съ разнообразными его дѣленіями и осложненіями: къ такимъ изображеніямъ относятся рисунки 81—87. Какъ извѣстно, у различныхъ народностей и въ гораздо болѣе древнее время изображенія круга, колеса служили символами солнца. На нашихъ рисункахъ мы

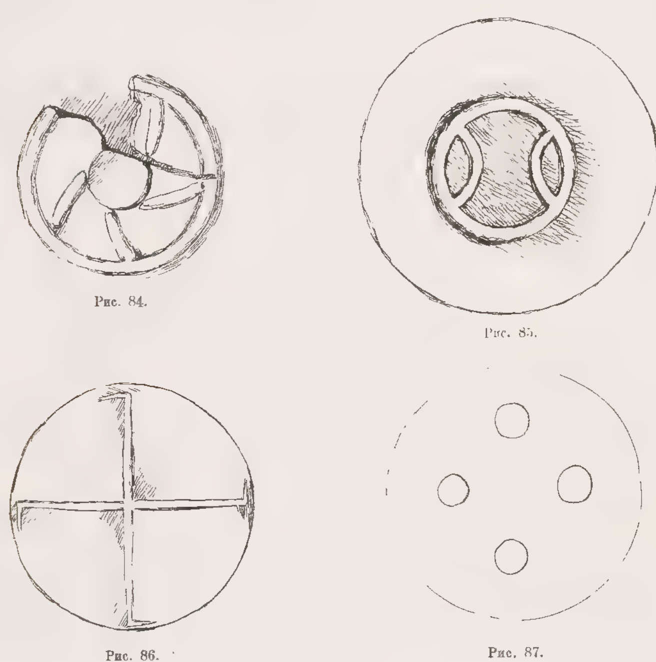
встрѣчаемъ простое рельефное изображеніе круга (рис. 81), занимающее лишь средину днища; встрѣчаемъ изображеніе болѣе крупнаго рельефнаго круга съ шестью лучами въ формѣ молотковъ или въ формѣ буквы Т (рис. 82); есть круги, раздѣленные двумя діаметрами, крестообразно лежащими и придающими кругу форму колеса, какъ на рис. 83. Еще болѣе сходства съ вращающимся колесомъ представляетъ клеймо, изображенное на рис. 84. Наконецъ, мы встрѣчаемъ здѣсь кругъ съ двумя круглыми вырѣзками или сегментами (рис. 85) и кругъ, образованный краями донышка со вписанной свастикой (рис. 86). Всѣ эти изображенія встрѣчаются и на днищахъ сосудовъ въ музеяхъ Праги, Мекленбурга, Киля, Любека, Штеттина, Данцига, точно также какъ и клеймо, изображенное на рис. 87, состоящее изъ четырехъ кружковъ. Точно также намъ приходилось встрѣчать во многихъ изъ упомянутыхъ музеевъ и изображенія простой свастики и свастики, вписанной въ кругъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ волнистымъ и линейнымъ орнаментомъ, и въ этой аналогіи клеймъ мы также можемъ предположить общіе признаки славянства. Но такое родство придаетъ этимъ клей-

Рис. 81. Рис. 82. Рис. 83.

мамъ несомнѣнно значеніе религіозныхъ символовъ и устраняетъ мысль о возможности видѣть въ этихъ знакахъ клейма кустарнаго производства или частной собственности. Кромѣ того сходство клеймъ указываетъ на древность ихъ происхожденія и существованія, хотя это существованіе такихъ религіозныхъ символовъ могло обнаруживаться въ началѣ и другимъ способомъ на другихъ предметахъ, а позднѣе уже проявиться и на днищахъ сосудовъ. Въ Чехіи, напр., сосуды съ клеймами не встрѣчаются ранѣе X вѣка.

Вѣроятіе нашему предположенію даетъ исторія самой свастики: свастика, какъ извѣстный символъ, съ глубокой древности встрѣчалась у разныхъ народовъ, а на днища сосудовъ у насъ и у чеховъ перешла въ болѣе позднее время. Мы должны здѣсь оговориться, что имѣемъ въ виду лишь изображенія на днищахъ сосудовъ, а не орнаментацію съ подобными изображеніями, встрѣчаемыми напр. въ древне-греческой и въ восточной керамикѣ. Что же касается до возможности видѣть въ этихъ клеймахъ марки гончарныхъ мастерскихъ, то мы должны отвергнуть такое предположеніе на томъ основаніи, что количество встрѣченныхъ въ Гнѣздовѣ сосудовъ съ клеймами на днищахъ весьма ничтожно по сравненію съ сосудами безъ клеймъ: 20—25 сосудовъ съ клеймами приходится на тысячу сосудовъ безъ клеймъ;

притомъ эти изображенія являются единичными и только сложная свастика является въ трехъ варіантахъ, но въ разныхъ мѣстностяхъ могильника. Повторяемость изображеній на днищахъ должна быть необходимымъ явленіемъ, если только эти изображенія представляютъ собою марки гончарныхъ кустарей. То же самое можно замѣтить и по отношенію къ находкамъ клеймъ на днищахъ сосудовъ въ городищахъ, гдѣ рѣдко встрѣчаемыя клейма на днищахъ могли имѣть извѣстное профилактическое значеніе, сохранившееся отъ древнихъ временъ

Рис. 84. Рис. 85. Рис. 86. Рис. 87.

язычества, причемъ и самые сосуды съ клеймами могли имѣть и особое назначеніе. Символическому и притомъ священному значенію упомянутыхъ клеймъ, по нашему мнѣнію, нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что эти изображенія, какъ напр. «свастика», входятъ въ орнаментъ, украшающій стѣнки сосудовъ, какъ въ сосудахъ восточныхъ, кавказскихъ. Священные символы могли входить и въ орнаментацію, какъ указываетъ намъ хотя-бы тотъ аналогичный фактъ, что крестъ—символъ христіанства—вошелъ въ орнаментацію *крещатыхъ* тканей, изготовлявшихся и изготовляемыхъ для духовенства и для покрововъ церковной утвари. Не желая забѣгать впередъ, мы не говоримъ объ измѣненіяхъ священнаго значенія символовъ въ то болѣе позднее языческое время, къ которому относятся могильники съ обыкновеннымъ

погребеніемъ. Что же касается до самаго значенія этихъ символическихъ изображеній, то, какъ извѣстно, объясненія ихъ въ наукѣ весьма разнообразны. Съ объясненіями за послѣднее время можетъ познакомить статья Саломона Рейнаха въ журналѣ «Revue archéologique» 1902 г., май—іюнь: «A propos d'un stamnos béotien». Ср. ст. гр. Бобринскаго въ Трудахъ областнаго Ярославскаго съѣзда. Кромѣ обычнаго вида, какъ на рис. 89, свастика на днищахъ гнѣздовскихъ сосудовъ является и въ осложненномъ видѣ, что выражаетъ своего рода развитіе или эволюцію; такъ на рис. 91 концы свастики или креста имѣютъ не

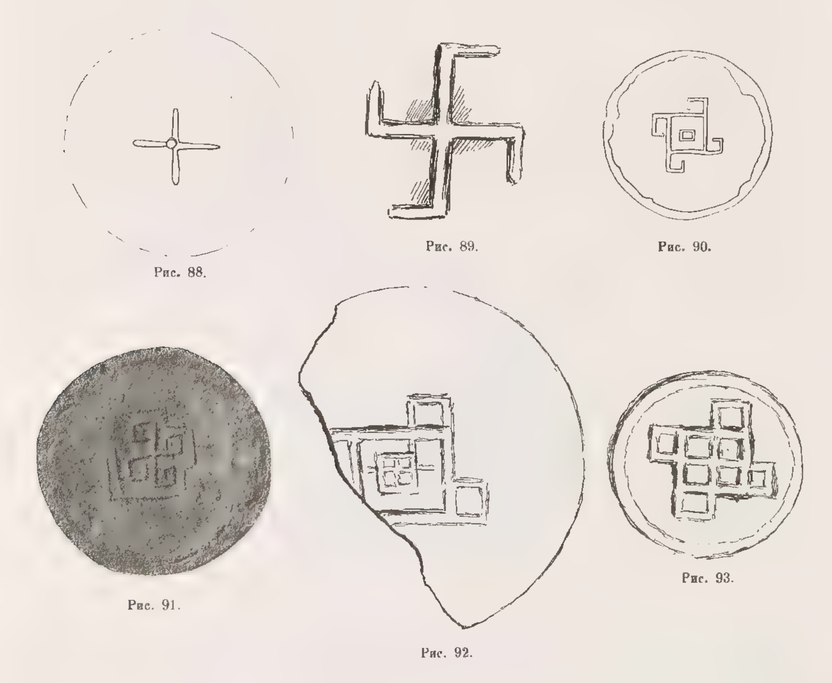

Рис. 88. Рис. 89. Рис. 90. Рис. 91. Рис. 92. Рис. 93.

одинъ изломъ, а изломъ уже въ три колѣна, причемъ самое изображеніе помѣщается какъ бы въ рамкѣ. На рис. 90 концы свастики выступаютъ изъ угловъ квадрата и имѣютъ два излома, а внутри большого квадрата заключается маленькій квадратъ. На рис. 92 и 93 та же схема разнообразится пригнутыми вплотную концами свастики къ сторонамъ квадрата, образуя такимъ образомъ четыре маленькихъ квадрата, прилегающихъ къ большому и своимъ расположеніемъ сохраняющихъ схему свастики; при этомъ маленькій квадратъ въ центрѣ пересѣкается поперечными линіями. Такое изображеніе осложненной свастики въ гнѣздовскомъ могильникѣ встрѣчается три раза.

Рис. 95 изображаетъ клеймо, состоящее изъ ромба, вписаннаго въ квадратѣ; на рис. 97 та же фигура осложняется отросткомъ, идущимъ отъ одного угла квадрата; наконецъ рис. 96 представляетъ также ромбъ вписанный въ квадратъ, но пересѣченный двумя параллельными линіями.

Какъ для изображеній осложненной въ разныхъ видахъ свастики, такъ и для изображеній ромбовъ, вписанныхъ въ квадраты, мы не встрѣчаемъ аналогій въ упомянутыхъ выше музеяхъ, а потому этимъ осложненнымъ клеймамъ мы должны приписать мѣстное происхожденіе, представляющее намъ болѣе позднюю мѣстную эволюцію болѣе простыхъ формъ, общихъ для восточныхъ и западныхъ славянъ. Мы считаемъ преждевременнымъ говорить о клеймахъ, находимыхъ въ другихъ могильникахъ Смоленской губерніи, а также и въ другихъ сходныхъ мѣстностяхъ, но мы можемъ замѣтить пока, что клейма на днищахъ горшковъ связываются съ язычествомъ и въ настоящее время не встрѣчаются, тогда какъ формы горшковъ и ихъ орнаментаціи дожили до нашего времени въ крестьянскомъ быту. Разнообразіе и эволюція изображеній на днищахъ горшковъ изъ гнѣздовскихъ кургановъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о весьма значительномъ развитіи гончарнаго дѣла въ Гнѣздовѣ и объ извѣстной культурности жизни древнихъ обитателей этой мѣстности.

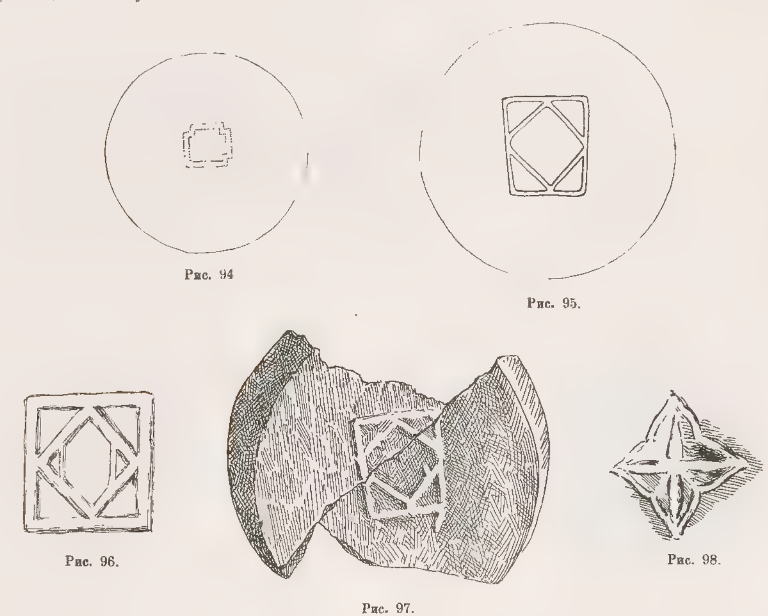

Рис. 94

Рис. 95.

Рис. 96.

Рис. 97.

Рис. 98.

Д.

Общая характеристика Гнѣздовскаго могильника.

Послѣ сдѣланнаго нами обзора важнѣйшихъ находокъ въ гнѣздовскомъ могильникѣ мы должны, въ заключеніе, отмѣтить тѣ культурныя черты самой жизни древнихъ обитателей Гнѣздова, слѣды которыхъ сохранились для науки въ курганныхъ насыпяхъ этого интереснаго и богатаго могильника. Могильникъ можно съ достовѣрностью отнести къ IX и главнымъ образомъ къ X-му вѣкамъ, когда происходило особенно обильное сооруженіе кургановъ, указывающее на особенную населенность этой мѣстности въ то время. Но если принять во вниманіе находки вещей болѣе древняго стиля, близкаго къ эпохѣ переселенія народовъ, то самое начало могильника возможно отнести и къ болѣе древнему времени; тѣмъ болѣе, что свѣжесть традицій, выраженная въ преемствѣ типовъ вещей, въ ихъ эволюціи, сопровождается также и традиціонными формами сосудовъ, измѣнившихся въ новыя формы уже въ самомъ Гнѣздовѣ. Всѣ эволюціи указываютъ, по нашему мнѣнію, на продолжительность жизни, способную проявить извѣстное творчество. Начало XI-го вѣка можетъ служить конечной гранью для жизни Гнѣздова, которая заканчивалась все тѣмъ-же языческимъ трупосожженіемъ, исключительно практиковавшимся въ этой мѣстности. Исключенія по своему числу настолько ничтожны, что они только служатъ подтвержденіемъ нашему положенію [1]).

Соображая направленіе всходовъ кургановъ, можно предположить, что населеніе ютилось ближе къ берегу Днѣпра, на югъ отъ могильника, и поселки тянулись длинной полосой у этого праваго берега. Въ центрѣ поселеній при впаденіи р. Свинки въ Днѣпръ находилось городище, валы котораго были укрѣплены каменной кладкой внутри и, быть можетъ, горѣлыми бревнами (?) [2]). Съ западной стороны при впаденіи р. Ольхи въ Днѣпръ находилось другое городище, еще не изслѣдованное, къ которому примыкали отдѣльные отъ Гнѣздова поселки [3]).

Мѣстность была лѣсистая, но обильная приднѣпровскими заливными лугами. По самому характеру мѣстности можно предположить, что земледѣліе не играло здѣсь видной роли. Весьма замѣчательно, что среди разнообразнѣйшихъ предметовъ, найденныхъ въ гнѣздовскихъ курганахъ, не было найдено ни одного земледѣльческаго орудія, тогда какъ при раскопкахъ могильниковъ въ другихъ мѣстностяхъ (напр. въ Московской губерніи) находки серповъ являются весьма обычными фактами. Не только по характеру мѣстности (т. е. по обилію заливныхъ луговъ), но и по курганнымъ раскопкамъ можно предположить процвѣтаніе скотоводства, въ особенности овцеводства и коневодства. Въ курганахъ находилось также много костей куръ или пѣтуховъ, обыкновенно находимыхъ вмѣстѣ съ костями человѣка.

---

1) Объ этихъ исключительныхъ случаяхъ было уже упомянуто выше

2) Раскопки г. Сергѣева.

3) При впаденіи р. Смядыни въ Днѣпръ можно предположить также городище, но мѣстность эта еще не изслѣдована, а потому наше предположеніе выражено только условно, для провѣрки.

Пчеловодство также могло процвѣтать, благодаря удобству мѣстности, а именно обилію лѣсовъ на границѣ съ обширными лугами. Намъ пришлось слышать о находкѣ серебряныхъ вещей, находящихся нынѣ въ Эрмитажѣ, что эти вещи найдены были въ большомъ кускѣ воска, но провѣрить этотъ слухъ мы не имѣли возможности. Наконецъ, если наше предположеніе о назначеніи т. н. желѣзныхъ «шпоръ» служить древолазными путами можетъ подтвердиться, то пчеловодство является тогда весьма выдающимся промысломъ жителей Гнѣздова [1]).

Для жителей Днѣпровскаго берега весьма естественно предположить занятіе рыболовствомъ, и оно подтверждается находками превосходной работы стальныхъ крючковъ для удочекъ и одного большого мѣднаго крючка для крупной рыбы (табл. 13, рис. 14). Найденныя остроги указываютъ и на практиковавшееся багреніе рыбы. Ловля рыбы сѣтями подтверждается находкой грузилъ изъ глины.

Охота входила также въ кругъ занятій мѣстныхъ жителей; на это указываетъ находка желѣзнаго раздвоеннаго наконечника стрѣлы, такъ наз. «срѣзня» (см. стр. 73, р. 24). Такой формы стрѣлу мы встрѣчаемъ, между прочимъ, въ изображеніи «Стрѣльца» въ изборникѣ Святослава. О ловлѣ звѣрей въ ближнихъ къ Гнѣздову лѣсахъ, а именно близъ Смядыни, упоминается и въ житіи св. Бориса и Глѣба (изд. Срезневскаго).

Весь кругъ упомянутыхъ нами занятій или промысловъ можно, однако, предположить въ то время весьма обычнымъ явленіемъ и для другихъ мѣстностей, занятыхъ восточными славянами. Особенно важное и характерное значеніе Гнѣздова заключается главнымъ образомъ въ его торговлѣ и промышленности, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ раскопанные курганы,—эти своего рода земляные архивы, сохранившіе намъ памятники-документы торговыхъ сношеній жителей Гнѣздова съ отдаленными странами, а также и образцы ихъ ремеслъ, съ которыми связываются и знанія техническія и художественное творчество. Благодаря этого рода занятіямъ и жизнь древнихъ обитателей этой мѣстности выдѣляется и возвышается своимъ культурнымъ характеромъ.

Основываясь на находкахъ въ курганахъ Гнѣздова, мы должны утверждать, что самыя оживленныя торговыя сношенія жителей Гнѣздова были съ близкими и отдаленными странами Востока при посредствѣ Волжскаго воднаго пути: такъ, напр., бронзовая лампочка, расписная тарелка и расписной сосудъ въ формѣ чашки, стеклянные слитки и тонкіе фрагменты зеленоватаго стекла относятся къ странамъ, близкимъ къ Кавказу, и суть произведенія арабской индустріи. Итиль на Волгѣ, побережье Каспійскаго моря и мѣстности сѣвернаго Кавказа съ древнихъ временъ были знакомы русскимъ; отсюда распространялись въ сѣверныя страны по рѣчнымъ путямъ предметы восточной индустріи—еще сассанидской, индо-персидской и арабской. Напомнимъ также, что въ прикаспійскія страны русскіе совершали походы еще въ IX стол. Саркелъ на Дону былъ построенъ для защиты отъ вторженія въ Хазарію руссовъ. Мы не касаемся по-

[1]) Большую опору нашему объясненію о назначеніи т. н. «желѣзныхъ шпоръ» (см. выше стр. 74) мы находимъ въ извѣстномъ трудѣ г. Голубовскаго «Исторія Смоленской земли до начала XV в.» Тамъ на стр. 95 объясненіе слова «*жень*» — стремяшко, лазиво, орудіе древолазное, которое клали у Муромы съ покойникомъ въ могилу, — позволяетъ намъ сблизить это древолазное орудіе съ гнѣздовскими «шпорами».

дробно этого вопроса о торговыхъ путяхъ въ древней Руси, но упомянемъ только, что подробное описаніе ихъ мы встрѣчали въ сочиненіяхъ Голубовскаго, Аристова, Барсова, Бѣляева, Забѣлина и въ переводахъ арабскихъ писателей, какъ напр. Масуди и др. По всему вѣроятію арабское происхожденіе можно приписать и серебрянымъ гривнамъ, т. н. лунницамъ, и большей части серебряныхъ украшеній, входящихъ въ составъ Гнѣздовскаго клада, хранящагося въ Эрмитажѣ. Серьга съ тремя гладкими серебряными бусинами и отдѣльныя подобныя бусины относятся также къ восточнымъ издѣліямъ. Бусы сердоликовыя и цвѣтныя, по аналогіи ихъ съ кавказскими бусами, можно также отнести къ восточнымъ издѣліямъ, тѣмъ болѣе что торговля арабовъ бусами засвидѣтельствована и письменными источниками. Большое количество бляшекъ отъ поясныхъ наборовъ съ разнообразнымъ узоромъ по всему вѣроятію относится къ восточно-болгарской промышленности: изъ 60 видовъ большая часть отличается восточнымъ стилемъ орнаментаціи. Эта орнаментація встрѣчается во многихъ могильникахъ финскаго характера въ восточной части Россіи. Очевидно поэтому, что Болгары снабжали этими издѣліями всѣ упомянутыя страны.

Наши лѣтописныя извѣстія несомнѣнно свидѣтельствуютъ о существованіи и важномъ торговомъ значеніи воднаго пути «изъ Варягъ въ Греки» и о пребываніи Варяговъ въ странахъ, прилегающихъ къ сѣверной части этого пути. Смоленскъ, составлявшій одно изъ главныхъ звеньевъ этой водной дороги, не могъ оставаться въ сторонѣ отъ близкихъ сношеній съ Варягами и слѣдовательно отъ ихъ культурныхъ вліяній. Все разнообразіе этихъ вліяній не можетъ, однако, входить въ задачи нашего труда, который долженъ ограничиваться только фактами находокъ, т. е. чисто археологическими данными. Оставаясь въ этихъ узкихъ и опредѣленныхъ границахъ, мы тѣмъ не менѣе должны установить нашу точку зрѣнія на характерные признаки тѣхъ предметовъ, которые могутъ быть отнесены къ издѣліямъ скандинавскимъ или къ ихъ мѣстнымъ, гнѣздовскимъ, репродукціямъ или подражаніямъ. Предметы этого стиля помѣщены главнымъ образомъ на таблицѣ I, а также и на 3-хъ послѣднихъ таблицахъ, занятыхъ изображеніями предметовъ изъ раскопокъ г. Сергѣева. По времени большинство этихъ предметовъ относится къ X-му вѣку, т. е. къ такъ наз. эпохѣ викинговъ, когда ихъ сношенія, въ формѣ воинственныхъ набѣговъ, въ формѣ наемной службы или въ формѣ торговли особенно сдѣлались извѣстными въ разныхъ странахъ и когда ихъ колонизаторская дѣятельность выражалась съ особенной энергіей. Въ это время и стиль ихъ орнаментаціи достигъ своего окончательнаго развитія, доведеннаго до виртуозности въ плетеніяхъ, соединенныхъ съ звѣринымъ орнаментомъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, откуда взялись основы или первоначальные мотивы этой орнаментаціи, переживавшей извѣстныя эволюціи можетъ быть и внѣ Скандинавіи, мы всетаки полное развитіе этого стиля встрѣчаемъ лишь въ Скандинавіи, Ирландіи и Даніи,—здѣсь только этотъ стиль выражается въ полномъ расцвѣтѣ, связывается съ руническими надписями, сплетается съ сюжетами сѣвернаго эпоса, объясненными, въ особенности, покойнымъ Ворсо. Въ эту эпоху этотъ стиль встрѣчается и на маленькихъ пряжкахъ и на каменныхъ монументахъ. Большой художественности онъ достигаетъ, напр., въ отдѣлкѣ сѣделъ въ Копенгагенскомъ музеѣ. Широкое распространеніе его въ упомянутыхъ

странахъ подтверждается тѣмъ, что орнаментаціей этого стиля украшаются издѣлія изъ золота, серебра, бронзы, кости и даже изъ дерева. Замѣтимъ здѣсь, что на русской почвѣ издѣлій изъ золота въ этомъ стилѣ не встрѣчается.

Воинственные Варяги, такъ воспѣвавшіе войну въ своихъ сагахъ, оставили въ Гнѣздовѣ мало несомнѣнныхъ слѣдовъ даже и въ предметахъ, относящихся къ оружію: въ гнѣздовскихъ курганахъ, какъ мы уже говорили, найдено нѣсколько мечей, но доказать ихъ принадлежность именно Варягамъ, по нашему мнѣнію, весьма трудно; можно только отнести ихъ къ тому же скандинавскому типу мечей, который встрѣчается въ эту эпоху и даже гораздо позднѣе и въ землѣ прибалтійскихъ славянъ, и въ могильникахъ Курляндіи (Пассельсъ, Хазава) и даже у арабовъ, у которыхъ онъ отличается только болѣе деликатными размѣрами. Только въ формѣ копья, длиннаго, съ нарѣзками на втулкѣ, можно было бы признать оружіе, встрѣчаемое въ Скандинавіи [1]). То же мы должны замѣтить и о щитовыхъ бляхахъ или умбонахъ: въ Скандинавіи и въ Даніи эти бляхи встрѣчаются въ большомъ количествѣ, часто съ богатой орнаментаціей и даже съ руническими надписями, а это указываетъ, что тамъ и находилось ихъ настоящее отечество. Въ Гнѣздовѣ онѣ встрѣчаются уже и въ качествѣ посуды, свидѣтельствуя, быть можетъ, объ исчезновеніи варяжскаго элемента въ этой мѣстности. Кромѣ того двѣ бляхи со слѣдами щитовъ были найдены нами въ большомъ курганѣ; признавая за этими бляхами или умбонами варяжское происхожденіе, мы всетаки большой курганъ не рѣшимся отнести къ варяжскому погребенію, потому что весь инвентарь этого кургана не представляется намъ характернымъ для какого-либо варяжскаго викинга или дружинника: шлемъ съ бармицей по формѣ относится скорѣе къ восточнымъ шлемамъ, а по техникѣ и орнаментамъ могъ быть произведеніемъ мѣстнымъ; глиняный горшокъ, лежавшій возлѣ меча, несомнѣнно принадлежитъ къ мѣстнымъ русскимъ издѣліямъ; формъ меча и копья нельзя узнать,—настолько они пережжены и представляютъ одну скипѣвшуюся массу. Изъ другихъ вещей упомянемъ о фрагментѣ серебрянаго городчатаго вѣнчика, который, по нашему мнѣнію, носитъ на себѣ яркіе слѣды мѣстнаго или славянскаго вкуса; серебряная бляшка можетъ быть отнесена по орнаменту къ вещамъ восточнаго стиля. Другая круглая бляха съ простымъ наивнымъ орнаментомъ и съ насѣчкой серебромъ можетъ быть смѣло отнесена къ мѣстнымъ издѣліямъ. Нѣсколько поясныхъ пряжечекъ, отлитыхъ изъ бронзы, и одна серебряная отмѣчены единственно скандинавскимъ стилемъ [2]). Къ варяжскимъ бытовымъ вещамъ можно еще отнести игральныя кости по аналогіи съ находками въ Швеціи, но игра, какъ и оружіе, очень легко можетъ заимствоваться при совмѣстномъ сожительствѣ. Болѣе варяжскаго элемента можно предполагать въ курганахъ, раскопанныхъ г. Кусцинскимъ, и въ двухъ большихъ курганахъ, раскопанныхъ г. Сергѣевымъ, и не только по вещамъ, но и по нѣкоторымъ частностямъ похороннаго обряда; такъ напр. мы встрѣчаемъ тамъ вонзенныя въ землю

[1]) Очистка этого наконечника копья, произведенная въ недавнее время по указаніямъ Э. Э. Ленца, обнаружила волнистый узоръ средины лезвія, происшедшій отъ ковки проволокъ, изъ которыхъ состояла желѣзная масса. Такимъ образомъ оружіе это несомнѣнно можно считать *булатнымъ* и занесеннымъ съ Востока (см. «Указатель Эрмитажа» составленный Н. П. Кондаковымъ для залъ среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія, стр. 21).

[2]) Изображены на таблицѣ III, №№ 4, 5, 11, 55.

мечъ и копье. Такимъ образомъ, несмотря на то, что въ гнѣздовскомъ могильникѣ болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ найдено вещей т. н. скандинавскаго стиля, преимущественно IX—X в., что указываетъ несомнѣнно на сношенія съ Балтійскимъ моремъ и, по всему вѣроятію, на пребываніе Варяговъ въ средѣ мѣстныхъ жителей, мы всетаки должны замѣтить, что количество этихъ вещей по отношенію къ количеству раскопанныхъ кургановъ и къ вещамъ иного характера не представляетъ намъ варяжскаго элемента господствующимъ въ Гнѣздовѣ, а скорѣе сообщаетъ лишь извѣстной части могильника варяжско-аристократическій или дружинный характеръ, причемъ само собою разумѣется, что военно-аристократическое значеніе въ то время связывалось часто съ значеніемъ гостя или купца.

Говоря о сношеніяхъ съ Варягами въ Гнѣздовѣ, нельзя игнорировать и весьма возможныхъ торговыхъ сношеній съ Балтійскими славянами: указанная нами аналогія многихъ вещей и въ особенности погребальныхъ сосудовъ свидѣтельствуетъ объ этихъ сношеніяхъ.

Что же касается до сношеній съ Византіей, то археологическій матеріалъ, собранный въ Гнѣздовѣ, свидѣтельствуетъ, по нашему мнѣнію, о весьма слабомъ вліяніи Византіи въ эпоху насыпки гнѣздовскихъ кургановъ: двѣ бронзовыя монеты VI в. съ придѣланными ушками, имѣвшія значеніе привѣсокъ, серебряный крестикъ, если и не византійской работы, то представляющій византійское вліяніе; возможно предположить, что употреблявшаяся въ Гнѣздовѣ парча, отъ которой сохранились золотыя нити, была византійскаго происхожденія, но эта лишь воображаемая парча могла быть завезена и съ Востока. Если прибавить къ этому еще нѣсколько мелкихъ предметовъ спорнаго характера, то этимъ и исчерпываются всѣ тѣ факты, которые могутъ указать намъ на сношенія съ Византіей. Въ одномъ изъ большихъ Черниговскихъ кургановъ, раскопанныхъ Д. Я. Самоквасовымъ, по крайней мѣрѣ найдены двѣ золотыя византійскія монеты, современныя насыпкѣ кургановъ.

Такіе слабые, можно сказать случайные признаки сношеній съ Византіей являются весьма характернымъ фактомъ для Гнѣздова: очевидно въ то время въ этой мѣстности главныя торговыя сношенія направлялись совершенно въ другую сторону—чрезъ Болгарію, путемъ Волжскимъ въ Каму или Пермскій край и внизъ по Волгѣ къ Каспію, къ Кавказу и въ Азію, а также и на Сѣверъ—къ Балтійскому морю.

Обратимъ вниманіе на слѣдующіе факты: въ курганахъ Гнѣздова не найдено ни одной современной курганамъ византійской монеты, а также ни одной западно-европейской. Единственнымъ орудіемъ торговли въ качествѣ монетной единицы для Гнѣздова были серебряные диргемы, относящіеся ко времени отъ начала X в. до XI. Къ XI-му в. относятся, впрочемъ, диргемы, найденные въ качествѣ кладовъ, а не въ курганахъ. Въ курганахъ же найденные диргемы относятся преимущественно къ началу X-го вѣка. Эти курганные диргемы находились не только въ цѣльномъ видѣ, но и въ обрѣзкахъ или рѣзанахъ, которые, слѣдовательно, принимались по вѣсу, что и подтверждается находкой складныхъ карманныхъ вѣсовъ, найденныхъ въ четырехъ экземплярахъ (кромѣ того намъ приходилось не разъ встрѣчать и фрагменты вѣсовыхъ чашекъ). Въ тѣсной связи съ находкой вѣсовъ находятся и находки вѣсовыхъ гирекъ или разновѣсокъ, которыхъ найдено до 20 экземпля

ровъ. То обстоятельство, что разновѣски находились по двѣ, рѣдко по три, а чаще въ одиночку, заставляетъ предполагать, что и вѣсовъ было гораздо болѣе, чѣмъ найдено [1]). Нужно при этомъ помнить, что далеко не всѣ вещи попадали съ костра въ курганъ, если сожженіе тѣла происходило внѣ кургана. Вѣсовыя гирьки пріурочивались къ вѣсу диргемовъ, т. е. представляли арабскій вѣсъ [2]).

Кромѣ находокъ отдѣльныхъ диргемовъ въ курганахъ, нами найдена въ одномъ курганѣ, по всему вѣроятію, съ женскимъ погребеніемъ, цѣлая грудка диргемовъ, въ количествѣ семи штукъ, слившихся отъ огня, но сохранившихъ свое первоначальное положеніе (рис. 99). Эта грудка диргемовъ интересна въ томъ отношеніи, что она не имѣетъ уже символическаго или обрядоваго значенія, а представляетъ собою извѣстное сбереженіе или «капиталъ», указывающій вообще на зажиточность и торговый характеръ жителей этой мѣстности. Въ томъ же курганѣ была найдена серебряная пронизка оливкообразной формы съ столбиками по сторонамъ, совершенно сходная съ пронизкой, найденной въ числѣ другихъ вещей «гнѣздовскаго клада»; къ сожалѣнію наша пронизка, несомнѣнно также арабскаго происхожденія, очень скоро раздробилась на мелкія части. Всѣ эти факты находокъ диргемовъ, лунницъ и другихъ серебряныхъ вещей арабскаго или вообще восточнаго происхожденія, вмѣстѣ съ разновѣсками и вѣсами, указываютъ несомнѣнно на оживленныя торговыя сношенія съ Востокомъ, а потому къ гнѣздовскому могильнику весьма подходитъ нѣмецкій терминъ «Nord-arabische Zeit», которымъ характеризуютъ нѣмецкіе археологи въ музеяхъ прусскихъ прибалтійскихъ городовъ эпоху, когда въ этихъ мѣстностяхъ, занятыхъ славянами, выдающимся фактомъ культурной жизни была торговля съ арабами. Арабскіе или средне-азіатскіе диргемы съ ихъ обрѣзками, замѣнявшими мелкую монету или служившими дополненіемъ къ извѣстному вѣсу, были единственной ходячей монетой для Гнѣздова.

Рис. 99.

Зажиточность и хозяйственность гнѣздовскаго населенія выражается, кромѣ указанныхъ нами фактовъ, находками желѣзныхъ оковокъ съ двухъ ларчиковъ или шкатулокъ, высотой не болѣе двухъ вершковъ, а также находкой скобки отъ крышки подобнаго ларчика. По небольшимъ размѣрамъ этихъ ларчиковъ можно предположить, что они служили для хране-

[1]) Въ Историч. музеѣ изъ Гнѣздова находятся 36 куфическихъ диргемовъ X—XI стол., найденныхъ въ видѣ клада, а также одна монета, представляющая подражаніе саманидскому диргему. Кромѣ того изъ гнѣздовскихъ кургановъ хранятся: четверть саманидскаго диргема (905—906). серебр. саманидскій диргемъ Ахмета (913—914) и три отрѣзка серебр. диргемовъ, трудныхъ для опредѣленія.

Въ вопросѣ о разновѣскахъ особенное значеніе имѣютъ работы А. И. Черепнина—«Коростовскій кладъ» и «Значеніе кладовъ съ куфическими монетами», хотя съ нѣкоторыми положеніями почтеннаго автора мы не можемъ согласиться.

[2]) Вѣсъ разновѣсокъ, хранящихся въ Ист. музеѣ: 1) 3 зол., 2) 2 зол. 84 д., 3) 1 зол. 12 д., 4) 2 зол. 84 д., 5) 1 зол. 84 д., 6) 3 зол. 84 д., 7) 1/4 зол., 8) 2 зол. 84 д., 9) 2 зол., 10) 2 зол. 88 д. Кромѣ того нѣсколько разновѣсокъ неудобны для опредѣленія.

нія денегъ или мелкихъ цѣнныхъ украшеній. Къ тѣмъ же предметамъ домашняго хозяйства можно отнести и найденные желѣзные и бронзовые ключи и висячій желѣзный замокъ; можно замѣтить здѣсь, что висячіе замки были въ большомъ употребленіи, такъ какъ найденные ключи принадлежатъ, за исключеніемъ одного желѣзнаго, именно къ висячимъ замкамъ.

Домашнее женское рукодѣлье характеризуется для Гнѣздова находками прекрасной техники стальныхъ иглъ, костяныхъ и перяныхъ игольниковъ; послѣдніе до сихъ поръ встрѣчаются у крестьянокъ Смоленской губерніи, привѣшенными къ поясу въ особыхъ футлярахъ. Довольно обычны также были находки и ножницъ того типа, который въ настоящее время спеціально употребляется лишь для стрижки овецъ; въ то время такого же типа ножницы употреблялись и для кройки; вообще онѣ представляли собой единственный типъ ножницъ и потому отличались деликатными размѣрами, украшались орнаментомъ, хотя и простымъ, и имѣли кольца для привѣски къ поясу. Единственный экземпляръ ножницъ съ кольцами и на шарнирѣ, найденный въ Гнѣздовѣ, представляется намъ заноснымъ съ Востока [1]). Ножички весьма миніатюрныхъ размѣровъ могли служить также для рукодѣлья или для какихъ-либо домашнихъ подѣлокъ. Наконецъ разнаго рода шила и острія, весьма разнообразныя по формамъ и размѣрамъ, иногда превосходной техники и съ орнаментомъ, могутъ относиться не только къ домашнему рукодѣлью, но и къ ремеслу. Не только существованіе, но и процвѣтаніе нѣкоторыхъ ремеслъ въ Гнѣздовѣ неоспоримо доказывается самыми находками въ курганахъ.

Многія изъ желѣзныхъ вещей, по всему вѣроятію, представляютъ предметы мѣстной индустріи, служившіе ежедневнымъ практическимъ цѣлямъ самихъ обитателей Гнѣздова, какъ напр. найденныя въ большомъ количествѣ стальныя огнива, представляющія по формамъ чисто народный типъ, сохранившійся до нашего времени не только въ сѣверной, центральной, но и въ южной Россіи. Только два огнива представляютъ уклоненія отъ обычной формы: первое (см. табл. XIII, рис. 8) отличается завитками, но чисто народной техники, а другое (рис. 100)—литой изъ мѣди рукоятью, изображающей звѣриную группу, испорченную дѣйствіемъ огня; въ мѣстномъ производствѣ этого предмета нельзя сомнѣваться. Точно также большая коллекція ножей изъ гнѣздовскихъ кургановъ должна быть отнесена къ мѣстнымъ

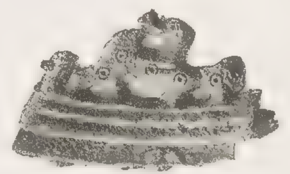

Рис. 100.

издѣліямъ, необходимымъ для ежедневнаго употребленія; разнообразіе ихъ размѣровъ указываетъ на ихъ приспособленіе къ мѣстнымъ потребностямъ. Т. н. желѣзныя шпоры, которымъ мы придаемъ другое назначеніе, очевидно приготовлялись здѣсь-же и въ большомъ количествѣ судя по находкамъ. Точно также и желѣзные остовы для шейныхъ гривенъ были мѣстнаго издѣлія, потому что въ другихъ мѣстностяхъ встрѣчаются весьма рѣдко и притомъ позднѣе; для Гнѣздова они служили характернымъ убранствомъ (см. о нихъ выше, стр. 49).

---

[1]) Подобныя ножницы на шарнирѣ съ кольцами встрѣчаются часто въ курганахъ сѣв. Кавказа, XII—XIII ст. Въ Западной Европѣ онѣ появились позднѣе (H a v a r d—«Dictionnaire d'ameublement»).

Такимъ образомъ, относя большинство желѣзныхъ издѣлій къ предметамъ мѣстнаго производства, мы должны замѣтить, что кромѣ прекрасной техники эти предметы часто въ орнаментаціи отличаются чисто мѣстнымъ стилемъ, —тѣмъ, который до сихъ поръ господствуетъ въ народной деревянной рѣзьбѣ, какъ напр. скругленные зубчики, идущіе въ перемежку крупные съ мелкими, встрѣчаются въ особенности часто на подзорахъ крестьянскихъ избъ, также какъ и уступчатые городки, которые украшаютъ фрагментъ серебрянаго вѣнчика и составляютъ прорѣзной узоръ на поясныхъ пряжкахъ [1]). Что касается собственно бронзовыхъ предметовъ, то многія поясныя пряжки и бляшки могутъ быть отнесены къ мѣстнымъ издѣліямъ уже и потому, что представляютъ очень древніе типы, а также и ихъ позднія видоизмѣненія, т. е. представляютъ извѣстную эволюцію формъ, связанную съ болѣе древнимъ временемъ могильника, когда нельзя предполагать варяжскаго вліянія. Эти пряжки, украшенныя птичьими головками, сохраняютъ традиціи не только готскаго стиля, но и степныхъ кургановъ, т. н. сарматской эпохи. Кромѣ того можно предположить, что обработка металлическихъ украшеній доводилась здѣсь до извѣстной технической виртуозности; такъ напр. мы встрѣчаемъ въ курганахъ Гнѣздова бляшки изъ бронзы съ простой, несомнѣнно мѣстной орнаментаціей, но которыя были украшены серебреніемъ и чернью. Изъ этихъ находокъ, кромѣ отдѣльныхъ крупнаго размѣра бляхъ, были найдены три раза въ трехъ отдѣльныхъ курганахъ небольшія бронзовыя круглыя бляшки, серебрёныя съ чернью и съ изображеніемъ звѣздочекъ. Одна коллекція этихъ бляшекъ, найденная въ разрытомъ нами курганѣ, несомнѣнно принадлежала къ набору конской сбруи. Такая повторяемость одного и того-же типа указываетъ на мѣстное производство этихъ предметовъ.

Два раза были найдены въ курганахъ маленькіе тигели изъ легкой глины, напоминающіе тигели изъ Дьякова городища.

Среди сохранившихся издѣлій изъ кости мы должны остановить вниманіе на тонкихъ и деликатныхъ гребеночкахъ, украшенныхъ простымъ линейнымъ орнаментомъ изъ рубчиковъ, ромбиковъ и крестиковъ, попадавшихся весьма часто въ курганахъ. Хотя онѣ встрѣчаются и въ другихъ мѣстностяхъ, но въ единичныхъ, довольно рѣдкихъ случаяхъ, а въ Гнѣздовѣ онѣ представляются намъ единственнымъ обычнымъ типомъ, а потому врядъ-ли могли принадлежать къ завознымъ предметамъ.

Наконецъ среди ремеслъ въ Гнѣздовѣ особенно выдающееся значеніе несомнѣнно имѣло гончарное производство; оно, по всему вѣроятію, было кустарнымъ народнымъ промысломъ и, судя по огромной массѣ горшковъ и черепковъ, найденныхъ въ курганахъ, производилось въ большихъ размѣрахъ и могло даже служить предметомъ торговли съ окрестными мѣстностями.

Такимъ образомъ весь археологическій матеріалъ, добытый изъ кургановъ Гнѣздова, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о выдающемся торгово-промышленномъ значеніи Гнѣздова, а самое количество кургановъ ясно говоритъ о большой населенности этого мѣста. Мы не знаемъ другого могильника, занимающаго такую большую площадь. Торгово-промышленное

[1]) Вырѣзные городки встрѣчаются въ готскую эпоху (см. Линденшмидта). Одинъ экземпляръ подобной поясной пряжки находится въ собраніи гр. Уваровой. Въ раскопкахъ г. Сергѣева найдена подобная же пряжка.

значеніе Гнѣздова даетъ основаніе предположить, что составъ населенія здѣсь былъ довольно смѣшаннымъ, хотя эта смѣшанность не уничтожала основного славянскаго характера народности, иноплеменные элементы являлись только извѣстной примѣсью, свойственной вообще торгово-промышленнымъ центрамъ того времени. Коренное населеніе, по всему вѣроятію, состояло изъ Кривичей; на это указываетъ, между прочимъ, сходство по формѣ и содержанію наибольшей массы гнѣздовскихъ кургановъ съ курганами того-же типа въ Смоленской и Могилевской губерніяхъ. Мѣстность эта заселялась постепенно и съ давнихъ поръ, какъ можно предполагать на основаніи замѣченныхъ нами среди курганныхъ предметовъ извѣстнаго рода архаизмовъ или пережитковъ и извѣстной эволюціи въ формахъ орнаментики, сохранившей иногда во всей свѣжести не только художественныя традиціи т. н. готскаго стиля, но и болѣе древняго стиля тѣхъ кургановъ южной Россіи, въ которыхъ изображеніе птичьихъ головъ играло въ украшеніяхъ видную роль. Само собой разумѣется, что эти древнія традиціи не могутъ датировать заселенія Гнѣздова, но онѣ могутъ косвеннымъ образомъ указать на относительную древность его заселенія. Съ развитіемъ торговли и промысловъ населеніе увеличивалось и пришельцами изъ сосѣднихъ восточно-славянскихъ племенъ и даже, быть можетъ, изъ Балтійскаго поморья; на послѣднее обстоятельство указываетъ аналогія въ нѣкоторыхъ вещахъ и въ особенности въ сосудахъ.

Иноплеменное населеніе состояло почти исключительно изъ Варяговъ, поселеніе которыхъ, на основаніи лѣтописныхъ извѣстій, можно отнести еще къ IX вѣку; но большая часть вещей т. н. норманскаго стиля въ Гнѣздовѣ относится уже къ Х-му вѣку.

По всему вѣроятію Варяги входили въ составъ наиболѣе зажиточной, военно-торговой части населенія, а не жили обособленно отъ мѣстныхъ жителей; по крайней мѣрѣ изъ массы раскопанныхъ кургановъ нельзя выдѣлить рѣзко обозначенныхъ варяжскихъ погребеній, а можно только замѣтить, что мѣстомъ погребенія наиболѣе зажиточнаго и воинственнаго класса была та центральная часть гнѣздовскаго могильника, которая расположена на самомъ возвышенномъ холмѣ и въ районѣ которой находятся самые большіе курганы. Этотъ холмъ тянется отъ шоссе на югъ, гдѣ и заканчивается склонами почти у самой деревни Гнѣздова [1]). Въ районѣ этой части могильника находились самыя интересныя погребенія и самыя интересныя вещи. Зажиточность погребенныхъ здѣсь жителей Гнѣздова выражалась въ серебряныхъ вещахъ, какъ напр. въ красивыхъ застежкахъ, въ бронзовыхъ богато украшенныхъ орнаментомъ скандинавскаго стиля вещахъ, въ маленькихъ слиткахъ золота и серебра, въ золотыхъ нитяхъ отъ парчи, наконецъ въ игральныхъ костяхъ. Игральныя кости найдены здѣсь трехъ видовъ; всѣ они находятъ себѣ полную аналогію среди скандинавскихъ древностей, поэтому намъ кажется возможнымъ отнести ихъ къ вещамъ скандинавскаго или варяжскаго происхожденія. Здѣсь также часты были и находки оружія: напомнимъ, между прочимъ, о шлемѣ съ слѣдами золотой насѣчки, о мечѣ, рукоять котораго инкрустирована серебряными нитями весьма искусной и скорѣе всего мѣстной работы. Замѣтимъ также, что въ этой мѣстности чаще попадались курганы съ кострищами внутри и съ болѣе полнымъ инвентаремъ. Можно

[1]) См. планъ на табл. 14-й.

предполагать, что извѣстный «гнѣздовскій кладъ» принадлежалъ той части населенія, которая хоронила своихъ покойниковъ въ этой части могильника. Самый обрядъ погребенія имѣлъ здѣсь величественный характеръ: здѣсь на возвышенномъ и длинномъ холмѣ зажигались огромные костры, на которыхъ сожигали покойниковъ, одѣтыхъ въ парчу и въ вооруженіе; приносились тутъ же въ жертву козлы, бараны, билась при погребеніи заморская рѣдкая посуда; надъ покойникомъ насыпали высокій курганъ, который виднѣлся издалека, какъ напр. оставшійся цѣлымъ большой курганъ, занятый уже современнымъ кладбищемъ, и другой курганъ, находившійся по сосѣдству и раскопанный нами. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь иногда сожигали и коней и хоронили въ одномъ курганѣ съ покойниками, а иногда сожигали коня по сосѣдству въ отдѣльномъ курганѣ, а при покойникѣ находилась только сбруя.

Что касается погребенія женщинъ, то въ этой части могильника, какъ и въ другихъ его частяхъ, одновременное погребеніе въ одномъ курганѣ женщины вмѣстѣ съ мужчиной можно считать рѣдкимъ фактомъ, на который указываютъ, напр., въ большомъ курганѣ, раскопанномъ нами, найденныя женскія украшенія—бусы и части серебрянаго вѣнчика; но за обычный фактъ можно принять для гнѣздовскаго могильника погребеніе въ отдѣльныхъ курганахъ мужчинъ и женщинъ, а при этомъ условіи одновременность ихъ погребеніи трудно выяснить.

Здѣсь намъ слѣдуетъ также отмѣтить тотъ фактъ, что въ числѣ женскихъ украшеній въ гнѣздовскихъ курганахъ мы не встрѣчаемъ височныхъ колецъ, а также весьма рѣдко встрѣчались и серьги; единственный экземпляръ височнаго кольца, изображенный на т. IV, № 15, мы должны отнести къ чисто восточному типу. Это обстоятельство указываетъ, по нашему мнѣнію, что височныя кольца въ эпоху насыпки гнѣздовскихъ кургановъ не вошли еще въ употребленіе и первые заносы отзываются лишь Востокомъ. Точно также и браслеты весьма рѣдко встрѣчались въ Гнѣздовѣ: въ изображенномъ браслетѣ (т. IV, № 14) его общая форма и въ особенности концы округленные и предназначенные для камней обличаютъ также восточное происхожденіе, но орнаментъ можно считать мѣстнымъ и народнымъ, а это послѣднее обстоятельство указываетъ несомнѣнно на мѣстное производство этого предмета. Перстни, обычные для XI—XII вв., въ Гнѣздовѣ также почти отсутствуютъ. Поэтому характернымъ и преобладающимъ украшеніемъ женщины въ Гнѣздовѣ можно считать желѣзныя въ основѣ, оплетенныя снаружи разноцвѣтными нитями, шейныя гривны и ожерелья или монисты изъ бусъ съ привѣсками изъ разнообразныхъ медальоновъ и лунницъ арабской работы. Скорлупообразныя фибулы и фибулы другого типа относятся къ женскому костюму и служили, по всему вѣроятію, для верхней одежды. По аналогіи можно предполагать, что, кромѣ женскихъ убрусовъ, дѣвушки носили вѣнчики или металлическіе, или изъ матеріи, и на поясахъ носили игольники, ножички, ножницы съ привѣсками изъ бубенчиковъ.

Если въ указанныхъ нами сѣверныхъ странахъ разсмотрѣнный стиль представляется намъ общераспространеннымъ, національнымъ и въ эту эпоху своего развитія вполнѣ оригинальнымъ, то въ гнѣздовскихъ курганахъ, несмотря на значительное количество предметовъ этого стиля, онъ всетаки представляется заноснымъ, аристократичнымъ, потому что рѣзко выдѣ-

ляется отъ вещей другого, болѣе простого стиля. Насколько мы могли замѣтить, вещи этого стиля встрѣчаются чаще въ той части центральнаго могильника, который характеризуется большими курганами, богатыми по содержанію и по торжественности погребенія. Въ кругъ этихъ находокъ мы включаемъ также и подражанія или репродукціи мѣстнаго производства, которыя по всему вѣроятію практиковались въ Гнѣздовѣ. Присутствіе вещей этого скандинавскаго стиля можетъ объясняться не только сношеніями съ Варягами, но и ихъ постояннымъ пребываніемъ здѣсь въ качествѣ купцовъ-дружинниковъ, занесшихъ сюда свой дружинный вкусъ и свои привычки. Но, соображая количество кургановъ и количество вещей скандинавскаго стиля, можно думать, что этотъ пришлый элементъ не давалъ особенной окраски населенію Гнѣздова и не игралъ здѣсь главной роли, тѣмъ болѣе, что найденныя вещи не говорятъ объ особенномъ богатствѣ Варяговъ: ни одной золотой вещи скандинавскаго стиля здѣсь не найдено; не найдено также ни одной рунической надписи. (Мы не считаемъ себя въ правѣ отнести большой курганъ, разрытый нами, къ норманскому погребенію). Притомъ нужно замѣтить, что многія изъ вещей скандинавскаго стиля могли появиться здѣсь вслѣдствіе вообще торговыхъ сношеній этой мѣстности съ Сѣверомъ. Если во многихъ вещахъ изъ кургановъ Гнѣздова можно доказать вліяніе и связь съ орнаментаціей Сѣвера, то вліяніе это можно признать въ то же время скоропреходящимъ; такъ, напр., скорлупообразныя фибулы не сдѣлались достояніемъ послѣдующихъ поколѣній въ той же Смоленской области, такъ какъ ихъ не приходилось встрѣчать въ курганахъ съ погребеніями XI—XII вв. Это обстоятельство указываетъ болѣе всего на ихъ варяжскій, чужеземный характеръ.

Выдѣляя центральную часть гнѣздовскаго могильника, какъ мѣсто погребенія наиболѣе зажиточныхъ людей Гнѣздова—купцовъ-воиновъ, мы только говоримъ здѣсь объ ихъ большей скученности въ этомъ мѣстѣ, но погребенія того-же типа встрѣчаются разсѣянно и въ другихъ частяхъ могильника, а это указываетъ на туземный, славянскій характеръ могильника, гдѣ возможный варяжскій элементъ не игралъ господствующей роли. Замѣтимъ также, что все гончарное дѣло находилось исключительно въ рукахъ того-же туземнаго населенія.

Закончивъ описаніе гнѣздовскаго могильника, мы не можемъ, въ заключеніе, оставить въ сторонѣ вопросъ о томъ, какимъ образомъ такая населенная и промышленная мѣстность могла остаться не замѣченной для нашихъ древнихъ лѣтописцевъ? Названіе «Гнѣздово» встрѣчается лишь въ началѣ XV в., какъ сообщаетъ г. Писаревъ въ своей исторіи Смоленска. Намъ кажется, что Гнѣздово въ древнее время, т. е. въ IX—X ст., было погостомъ Смоленска, и что здѣсь, въ Гнѣздовѣ, съ древнихъ временъ развивалась торгово-промышленная жизнь въ то время, когда Смоленскъ былъ только острожкомъ или крѣпостью, гдѣ сидѣлъ правитель («мужъ княжой»), ѣздившій на полюдье или принимавшій дань или товаръ отъ окрестныхъ мѣстъ. Населеніе Смоленска было въ то время незначительное и только административно-военное, и потому оно не оставило послѣ себя никакихъ ясныхъ слѣдовъ, относящихся ко времени язычества [1]). Только христіанство, прежде всего опиравшееся на

[1]) Въ древнихъ находкахъ, указанныхъ г. Писаревымъ, мы не видимъ никакой аналогіи съ курганными

административные центры, должно было поднять значеніе Смоленска, какъ города, и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить значеніе языческаго Гнѣздова. Что уничтоженіе Гнѣздова было произведено крутыми, административными мѣрами, на это обстоятельство намекаетъ фактъ находки клада, современнаго языческому Гнѣздову, въ валахъ гнѣздовскаго городища. Тутъ возможно предположить драматическій эпизодъ борьбы христіанства, опиравшагося на администрацію, съ древнимъ языческимъ погостомъ, вѣроятно слишкомъ упрямымъ въ своемъ язычествѣ. Торжество христіанства въ этой мѣстности и обозначилось не только уничтоженіемъ Гнѣздова, но переселеніемъ его торгово-промышленной дѣятельности на Смядынь, подъ ближайшій надзоръ Смоленска, т. е. его духовной и свѣтской администраціи.

Составитель житія свв. Бориса и Глѣба (изд. Срезневскаго), описывая погребеніе св. Глѣба, вблизи самаго мѣста убіенія, говоритъ о дикихъ лѣсахъ этой мѣстности, гдѣ происходила ловля звѣрей, отъ которыхъ нужно было защитить тѣло убитаго князя. Очевидно, убіеніе Глѣба и самое временное погребеніе его должно быть совершено далѣе отъ Смядыни на западъ, если Смядынь представляла въ это время оживленную пригородную слободу или погостъ. Западная окраина гнѣздовскаго могильника должна была довольно близко подходить къ мѣсту погребенія Глѣба, и слѣд. мѣстность Гнѣздова въ это время представляла уже лѣсную глушь. Никакихъ слѣдовъ христіанства XI—XII или даже XIII в. мы не знаемъ въ Гнѣздовѣ. Жизнь въ Гнѣздовѣ въ это уже христіанское для Смоленска время замерла, а между тѣмъ можно указать на слѣдующій фактъ, который, по нашему мнѣнію, указываетъ на сохранившуюся даже и до настоящаго времени исконную связь Гнѣздова съ Смоленскомъ: еще во время нашихъ первыхъ поѣздокъ въ Гнѣздово городская земля захватывала западную часть гнѣздовскаго могильника, а заливные луга, принадлежащіе городу на правой сторонѣ Днѣпра, заходили даже за Гнѣздово, исключая самаго имѣнія Гнѣздова, находившагося прежде въ частномъ владѣніи у одной польской фамиліи. Въ сочиненіи г. Писарева—«Смоленскъ и его исторія» въ томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ описываетъ устройство Смоленска въ XV ст. (стр. 94), мы читаемъ слѣдующее: «Въ числѣ загородныхъ владѣній упоминается еще селеніе Гнѣздово, гдѣ надъ самымъ Днѣпромъ устроено было каменное зданіе литовской эпохи; Гнѣздово принадлежало кому-то изъ служилыхъ людей, а въ польскую эпоху перешло къ католическому епископу». Изъ того же сочиненія мы узнаемъ, что въ первой половинѣ XVII в. мѣстечко Гнѣздово принадлежало католическому бискупу Петру Парчевскому и что тамъ въ древнемъ городищѣ устроенъ былъ костелъ. Далѣе авторъ разсказываетъ: «Однажды бискупъ незаконно завладѣлъ 200 моргами сѣнокосовъ, пограничныхъ съ его имѣніемъ, но по привилегіямъ, принадлежавшимъ городу, объ этомъ магистратъ поднялъ жалобу, и бискупъ долженъ былъ, по рѣшенію короля, заплатить городу убытки». Такимъ образомъ по лѣсамъ и заливнымъ лугамъ владѣнія города подходили къ самому Гнѣздову, указывая этимъ на исконную связь между ними и на возможное передвиженіе Гнѣздова на востокъ, къ Смоленску, уже въ христіанскую эпоху.

древностями Гнѣздова и съ его погребальными обрядами. См. Неклюдовъ и Писаревъ, «О раскопкахъ въ Смоленскѣ». Смоленскъ 1901 г.

Высказавъ наше предположеніе объ исторической связи Гнѣздова съ Смоленскомъ, мы должны были бы теперь указать и на культурную связь Гнѣздова съ другими могильниками того-же типа, находящимися въ Смоленской губерніи и въ другихъ сосѣднихъ губерніяхъ; но эта культурная связь можетъ быть выяснена только при изученіи и описаніи этихъ могильниковъ, а такое описаніе и составляетъ нашу ближайшую задачу.

Рис. 101. Клеймо на клинкѣ гнѣздовскаго меча, хранящагося въ Историческомъ музеѣ (1/2).

ДОПОЛНЕНІЯ.

Представляемъ здѣсь краткія описанія тѣхъ рисунковъ на таблицахъ, которые оказались совсѣмъ не упомянутыми въ текстѣ.

Табл. I, рис. 10. Бронзовая бляшка въ формѣ лиры. Плетеніе развивается отъ центральнаго узла. Подобная схема плетенія встрѣчается на многихъ предметахъ скандинавскаго стиля, какъ напр. среди вещей съ корабля въ Гехштедѣ, изображенныхъ въ сочиненіи Du Chaillu, т. I, стр. 363, рис. 765.

Табл. II, рис. 5. Бронз. бляшка изображаетъ розетку или чашечку цвѣтка съ крестообразнымъ расположеніемъ лепестковъ. Стиль восточный. Сравнить можно съ бляшкой, изображенной на III таблицѣ подъ № 14 въ описаніи Лядинскаго и Томниковскаго могильника.

Рис. 13. Гладкая круглая бляшка изъ бронзы, вѣроятно служившая застежкой; внизу заканчивается заостреннымъ крючкомъ.

Табл. III, рис. 3. Бронз. бляшка отъ поясного набора. Относится, вѣроятно, къ мѣстнымъ издѣліямъ. Рисунокъ представляетъ сходство съ клеймами горшковъ изъ кургановъ съ погребеніемъ въ той же Смоленской губерніи.

Рис. 6. Бронз. наконечникъ отъ поясного ремня или отъ уздечки.

Рис. 10. Бронз. бляшка отъ поясного набора; можетъ относиться къ скандинавскому стилю, но съ весьма сбитымъ рисункомъ.

Рис. 13. Бронз. бляшка восточнаго стиля.

Рис. 18. Бронз. бляшка восточнаго стиля. Обиліе бляшекъ восточнаго стиля отъ поясныхъ наборовъ не только въ гнѣздовскомъ могильникѣ, но и въ могильникахъ Владимірской, Рязанской, Тамбовской губ. и въ Сибири, указываетъ, по нашему мнѣнію, на тотъ фактъ, что эти бляшки, находимыя въ разныхъ мѣстностяхъ и сходныя между собою, суть произведенія индустріи Болгаръ.

Табл. IV', рис. 8—9. Серебряныя дутыя пронизки восточнаго издѣлія (ср. № 15).

Рис. 27—28. Бронз. бубенчики.

Табл. V', рис. 1. Бронз. фибула скандинавскаго стиля съ колечкомъ для цѣпочки.

Рис. 2. Бронз. бляшка отъ поясного набора, чисто восточнаго стиля.

Рис. 3. Бронз. бляшка отъ поясного набора восточнаго стиля.

Рис. 5. Бронз. бляшка также восточнаго стиля.

Рис. 12—13. Два фрагмента бронзовыхъ бляхъ восточнаго стиля.

Рис. 15. Фрагментъ костяной пластинки съ рѣзьбой; по всему вѣроятію мѣстнаго производства и народнаго стиля.

Рис. 16 *bis*. Бронз. трехлепестная фибула скандинавскаго стиля. Колечко для прикрѣпленія цѣпочки.

Рис. 18. Круглая металлическая бляшка.

Рис. 19. Привѣска изъ каменистой пасты, пронизана серебряной проволокой для привѣшиванья. Въ Гнѣздовѣ находили много бусъ изъ подобной розоватой пасты.

Табл. VIII, рис. 5. Бронз. прорѣзной наконечникъ отъ ноженъ меча, съ изображеніемъ птицы, напоминающимъ подобныя изображенія на Западѣ.

Рис. 6. Подобный же наконечникъ, но съ изображеніемъ дракона, съ признаками болѣе древней стилизаціи.

Табл. IX, рис. 25. Маленькій ножикъ съ длиннымъ стержнемъ для черенка.

Табл. XII, рис. 2. Бронзовая бляха съ орнаментомъ восточнаго стиля. По аналогіи съ находками въ Пассельсѣ, служила для прикрѣпленія меча къ поясу. Вѣроятно, ремень, просунутый однимъ концомъ въ срединное отверстіе, удерживался длинной подвижной гайкой и пропускался опять въ другую сторону отверстія; такимъ образомъ бляха съ ремнемъ плотно охватывала ножны меча. Ср. того же назначенія бляхи, изображенныя на таблицѣ II, №№ 6 и 7.

Рис. 4. Фрагментъ желѣзной прорѣзной пластинки. Подобный фрагментъ найденъ въ большомъ курганѣ вблизи двухъ щитовъ, почему можно предположить, что подобныя пластинки употреблялись для скрѣпленія швовъ досчатаго щита, а также могли употребляться и для другихъ цѣлей. Въ болѣе древнюю эпоху «готскаго стиля» подобный узоръ на бронзовой пластинкѣ мы встрѣчаемъ на пряжкѣ или фибулѣ, изобр. въ сочиненіи Линдешмидта, часть I, № 362.

Табл. XIII, рис. 2. Бронзовая фибула обычнаго скандинавскаго типа и орнамента.

Къ стр. 37. Интересный варіантъ фибулы, изображенной на табл. I подъ № 5, найденъ въ Вятской губ. близъ Глазова проф. Смирновымъ (см. *Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1894 г.*, стр. 28); она относится къ X вѣку.

Къ стр. 47. Серебряная пряжка табл. II, № 11, найденная въ большомъ курганѣ, изображаетъ обычный цвѣтокъ восточнаго стиля,—скорѣе всего *ирисъ*.

Къ стр. 97, рис. 67. Изображеніе совершенно аналогичнаго предмета встрѣчено въ часто упоминаемомъ нами сочиненіи Du Chaillu «The viking age», т. II, стр. 368. Авторъ относитъ этотъ предметъ къ орудіямъ тканья,—къ челноку, но изображенный имъ предметъ, найденный въ Норвегіи, не имѣетъ, насколько можно судить по рисунку, тройной зазубрины на длинномъ концѣ. Эта зазубринка на концѣ изображеннаго у насъ предмета указываетъ ясно, что его служебное назначеніе связано именно съ этимъ концомъ. Намъ кажется, что этотъ предметъ могъ служить орудіемъ для производства на поверхностяхъ мѣдныхъ или костяныхъ пластинокъ орнамента, состоящаго изъ кружечковъ съ углубленной точкой въ центрѣ, и такимъ образомъ замѣнялъ собою маленькій циркуль. При вращеніи, средняя болѣе длинная ножка оставалась неподвижной. Орнаментъ этого рода встрѣчался на многихъ вещахъ изъ могильниковъ и его можно считать народнымъ. Во всякомъ случаѣ, означенный предметъ увеличиваетъ инвентарь находокъ, характезирующихъ промышленность Гнѣздова. Что касается до нарѣзокъ на плоскихъ сторонахъ этого предмета, то, сравнивая эти нарѣзки съ изображеніями *рунъ*, мы не нашли здѣсь аналогіи; простота и повторяемость этихъ знаковъ, преимущественно *крестовъ*, заставляетъ предполагать въ нихъ *мѣтки собственности*, выдѣлявшія этотъ предметъ изъ ряда многихъ другихъ подобныхъ. Достовѣрность нашего предположенія можетъ увеличить и значеніе самой находки, давая нѣкоторое основаніе единичный фактъ представлять во множественномъ числѣ.

УКАЗАТЕЛИ РИСУНКОВЪ.

1. Указатель рисунковъ на таблицахъ.

№ рис. на табл.		Стр. описанія.
5	Фрагментъ сер. пластинки	47
6—7	Лунницы	48
8—9	Серебр. дутыя пронизки	128
10—12	Кольца	52
13	Желѣзная гривна	49
14	Бронзовый браслетъ	51
15	Серьга	52
16—21	Бусы	53
22—23	Тоже	52
24—26	Тоже	53
27—28	Бронз. бубенчики	128
	Таблица V.	
1	Бронз. фибула	128
2—3	Бронз. поясныя бляшки	128
4	Привѣска	53
5	Бронз. бляшка	128
6	Двойная пластинка отъ пояса	46
7—11	Бляхи	46
12—13	Фрагменты бронз. бляхъ	128
14	Серебряный медальонъ	41
15	Фрагментъ костяной пластинки	128
16	Бронзовый браслетъ	51
16 bis	Бронз. фибула	128
17	Тоже	42
18	Металл. бляшка	128
19	Пастовая привѣска	128
20	Фибула	36
	Таблица VI.	
1—9	Фрагменты гребней	54
10—11	Костяныя подѣлки	59
12—13	Костяныя иглы	55
14	Игральная кость	58
15	Полушарикъ изъ известковой массы	59
16	Ножъ	58
17—19	Бронзовые ключи	59
20	Ножичекъ	58
21	Ножъ	58
22	Тоже	57

№ рис. на табл.		Стр. описанія.
	Таблица VII.	
1	Желѣзное кольцо съ подвѣсками	56
2	Желѣзная скобка	57
3	Желѣзный крючокъ	56
4	Бронзовая оковка	56
5—7	Стальныя иглы	55
8—9	Желѣзныя шилья	55
10	Стальной пинцетъ	55
11	Стальной рыболовный крючокъ	55
12	Желѣзная бляха	57
13	Желѣзная пряжка	57
14	Фрагментъ бруска съ кольцомъ	57
15—16	Огнива	56
17	Ножницы	55
18	Ножъ	57
	Таблица VIII.	
1—3	Фрагменты посуды	60—64
4	Бронзовая лампочка	60
5—6	Наконечники ноженъ меча	129
	Таблица IX.	
1—19	Наконечники стрѣлъ	72
20—23	Желѣзныя обоймицы	74
24	Ножъ	58
25	Маленькій ножикъ	129
26	Ножъ	58
27	Шило	58
28	Желѣзная пластинка	74
	Таблица X.	
1—9	Фрагменты сосудовъ	109
	Таблица XI.	
1	Рѣзное костяное навершье	82
2	Бронзовая фибула	83. 84
3—4	Бронзовыя пряжки	82
5	Бронзовая гайка	83

2. Указатель рисунковъ въ текстѣ.

3. Общій алфавитный указатель рисунковъ [1]).

[1]) Римская цифра обозначаетъ № таблицы, слѣдующая за ней арабская — № рисунка на таблицѣ (напр. IV, 14 = табл. IV рис. 14); арабская цифра съ предшествующимъ «рис.»—№ рисунка въ текстѣ.

Опечатки и поправки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
10	11 сверху	дающимъ	дающихъ
11	4 "	Пять	пять
"	2 снизу	не могло быть раскопано	не могла быть раскопана
15	21 сверху	вещамъ,	вещамъ
16	8 "	костей	костей.
18	11 снизу	кургана	кургана,
21	16 "	$^1/_2$ метра	на $^1/_2$ метра
22	15 "	нарочно	нарочно.
23	12 "	граншеей	граншеей,
24	2 "	мущины	мужчины
25	10 сверху	древностью	древностью.
"	17 "	своего	своему
26	6 "	къ размѣру большихъ кургановъ	къ курганамъ большихъ размѣровъ
28	4 "	сравненіи	сравненію
30	5 "	возможность.	возможность
"	12 "	указываютъ	указываетъ
37	11 "	простые—дающіе	простыя—дающія
54	16 снизу	на таблицѣ V	на таблицѣ VI
"	5 "	сложнаго	крупнаго
57	9 сверху	на концахъ;	на концахъ (№ 2);
"	24 "	кольцомъ,	кольцомъ (№ 14),
59	9 снизу	шкатулки,	шкатулки:
72	7 "	(11—20)	(11—19)
74	12 сверху	№ 8	№ 28
75	3 "	таблицѣ.	таблицѣ (№ 23).
81	7 снизу	т. е, огребенія	т. е. погребенія

ОГЛАВЛЕНІЕ.

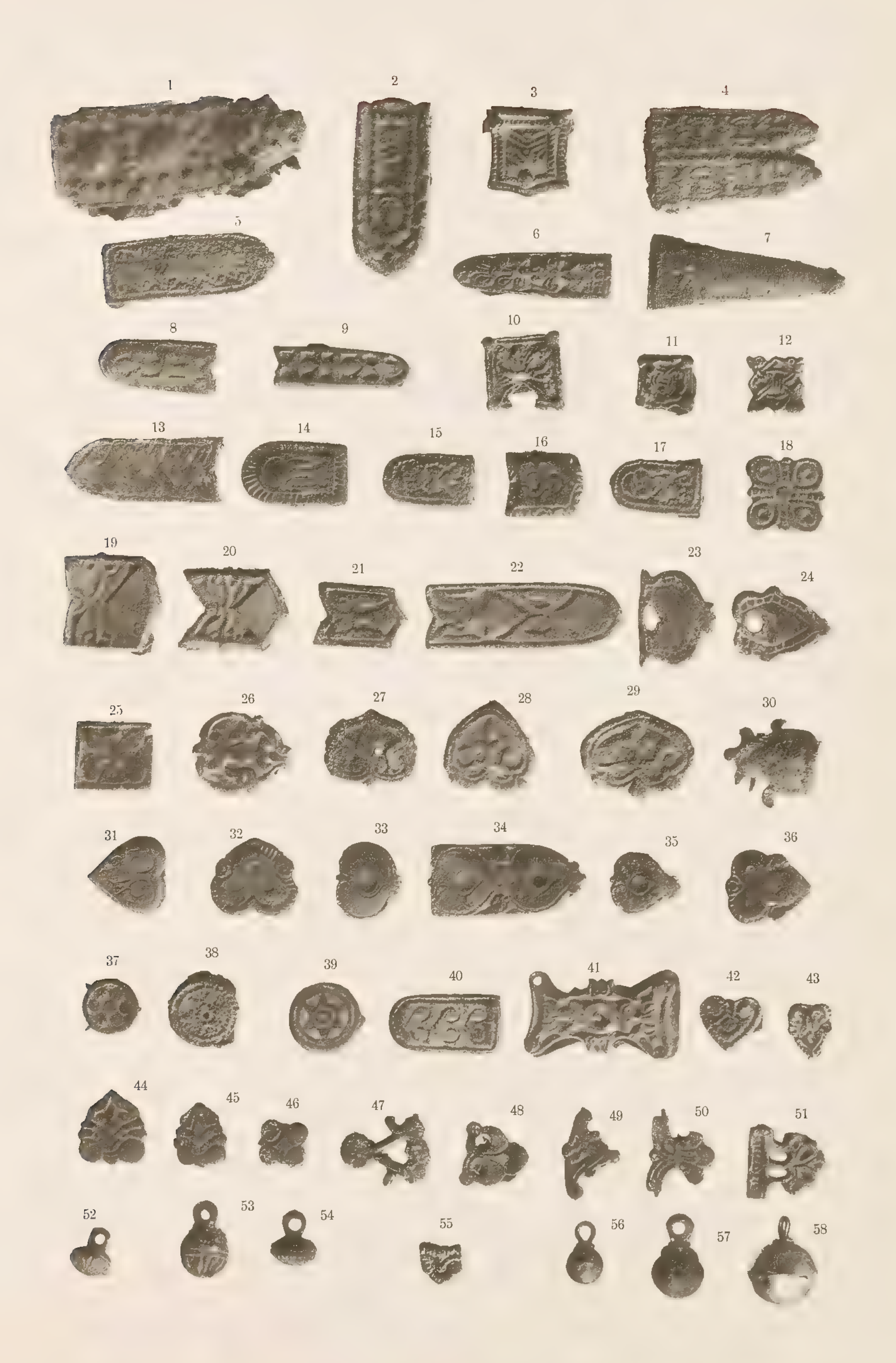
1.

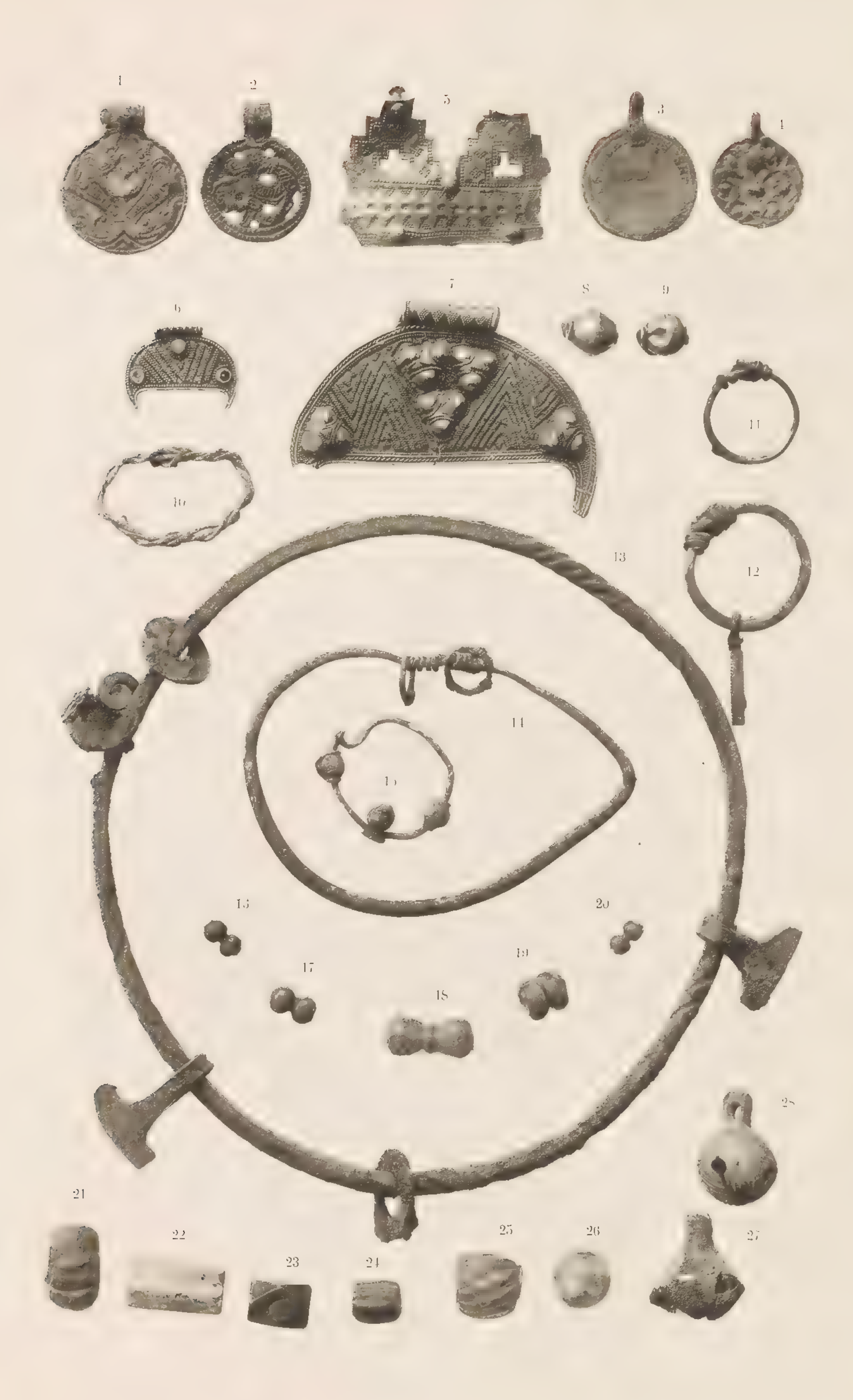
ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И Ко, МОСКВА.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, МОСКВА.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И Кº, МОСКВА.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ и К°, МОСКВА

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, МОСКВА

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И Ко, МОСКВА

1
2
3
1
5
6
1

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, МОСКВА.

1
2
3
4
5
6
7
8
9

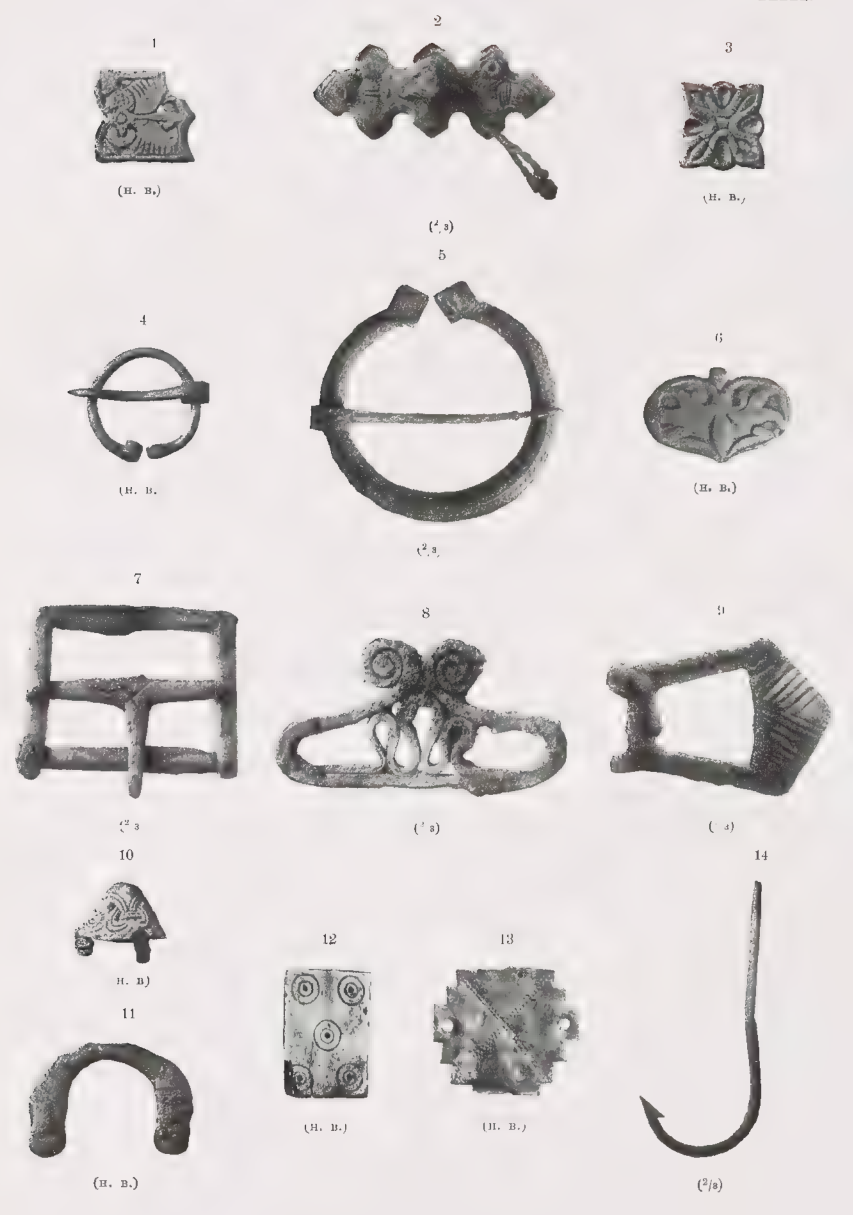

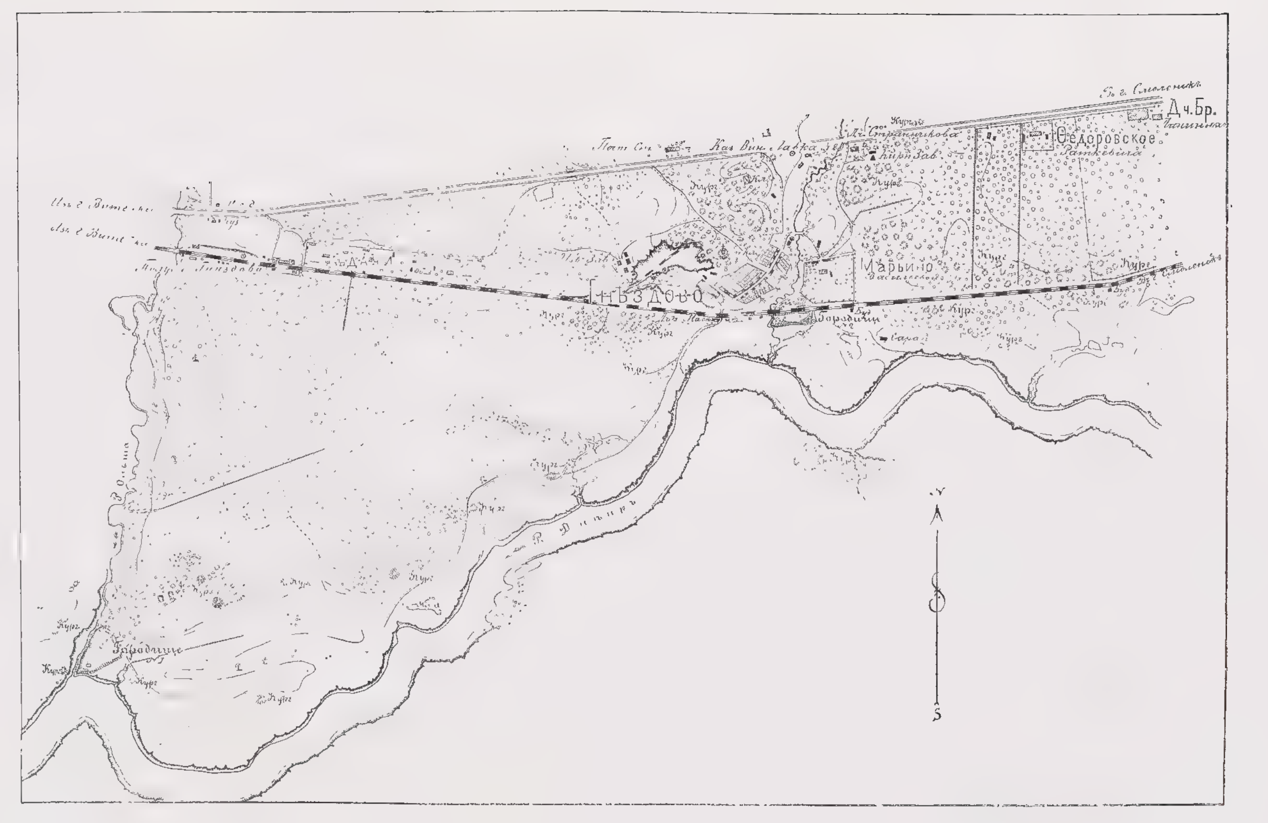
Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко Москва.
1902.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ НАБГОЛЬЦЪ и К°, МОСКВА
1912.

XIII.

Снималъ и чертилъ 164 п. Закатальскаго полка Штабсъ-Капитанъ В. Залесскій 1901 г.

